

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Н.Г. Краснодембская,
И.Ю. Котин, Е.С. Соболева

ЭКСПЕДИЦИЯ МАЭ
НА ЦЕЙЛОН И В ИНДИЮ В 1914–1918 гг.
История. Коллекции. Научное наследие



Санкт-Петербург
2018

УДК 39(548.7+540)

ББК 36.5(3)

K73

Рецензенты:

д.и.н. Я.В. Васильков (МАЭ РАН),

к.и.н. Е.Н. Груздева (СПбФ АРАН)

Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С.

K73 Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 468 с.; ил. (Kunstkamera Petropolitana).

ISBN 978-5-88431-347-7

Книга посвящена истории экспедиции на Цейлон и в Индию, организованной Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) в 1914–1918 гг. Супруги Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мерварт совершили научный подвиг: собрали, привезли в МАЭ и ввели в научный оборот богатые этнографические материалы, во всей полноте иллюстрирующие традиционные культуры и историю народов о-ва Цейлон и материковой Индии. Эти коллекции составили основу экспозиции МАЭ «Народы Южной Азии» в 1925 г. Научное наследие супругов Мерварт — публикации, коллекционные описи, разработанные ими учебные материалы по индологии и ма-лаистике — не потеряло своего значения и в наши дни. Заслуги супругов Мерварт получили признание современников. Они внесли значительный вклад в организацию музейного дела в Индии, сумели организовать обмен этнографическими коллекциями между МАЭ и зарубежными музеями. Книга основана на архивных документах, большая часть которых публикуется впервые, и может быть интересна историкам, этнографам, востоковедам, музееведам, культурологам, политологам, театроведам, а также любителям путешествий.

УДК 39(548.7+540)

ББК 36.5(3)

© И.Ю. Котин, Н.Г. Краснодембская,
Е.С. Соболева, 2018

© Оформление серии. В. Яковлев, 2018

© МАЭ РАН, 2018

ISBN 978-5-88431-347-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Организация первой этнографической экспедиции МАЭ на Цейлон и в Индию	15
1.1. Предшественники. Первые южноазиатские предметы в МАЭ.....	15
1.2. МАЭ как центр экспедиционных исследований	26
1.3. Г.Х. и Л.А. Мерварт: становление ученых	40
1.4. Подготовка к экспедиции МАЭ	50
Глава 2. Экспедиция на Цейлон и в Индию: 1914–1918 гг.	67
2.1. Экспедиция на Цейлон: 1914–1915 гг.....	67
2.2. Маршрут экспедиции Мервартов в Индии: 1915–1918 гг.	85
2.3. Особенности этнографической работы в Южной Азии	120
2.4. Финансирование экспедиции в 1914–1918 гг.	132
Глава 3. А.М. и Л.А. Мерварт в 1918–1924 гг.	149
3.1. На Дальнем Востоке	149
3.2. Возвращение в Петроград	158
3.3. Транспортировка коллекций в МАЭ.....	166
3.4. Создание экспозиции и отдела Индии в МАЭ.....	191

Глава 4. Итоги полевых сборов.....	199
4.1. Состав южноазиатских коллекций МАЭ, привезенных Мервартами.....	199
4.2. Уроки этнографической работы А.М. и Л.А. Мерварт....	216
Глава 5. Научное наследие, научно-преподавательская и музейно-просветительская деятельность А.М. и Л.А. Мерварт в МАЭ в 1924–1930 гг.	233
Глава 6. Зарубежная командировка 1927 г. А.М. и Л.А. Мерварт и межмузейный обмен этнографическими коллекциями.....	291
Глава 7. «Академическое дело». Арест и реабилитация А.М. и Л.А. Мерварт.....	367
7.1. «Академическое дело» 1929–1930 гг.	367
7.2. Арест А.М. и Л.А. Мерварт	375
7.3. Реабилитация Л.А. Мерварт. Деятельность в 1933–1965 гг.	399
Заключение	407
Источники и литература	409
Список сокращений	426
Приложение. Академическая переписка (1914–1924 гг.) по экспедиции МАЭ на Цейлон и в Индию 1914–1918 гг.	429

Введение¹

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук в Санкт-Петербурге — старейшее научное учреждение России, уникальный центр научно-исследовательской и просветительской деятельности. Преемник первого публичного музея России — Кунсткамеры, основанной Петром I в 1714 г., — МАЭ заслуженно считается колыбелью Российской академии наук, родоначальником многих направлений в развитии наших научных знаний и общероссийских музейных традиций. В свое время экспонаты Кунсткамеры послужили основой двенадцати крупнейших музеев России, в частности собраний Эрмитажа и Царскосельского Арсенала. На базе уникальных коллекционных собраний Кунсткамеры в начале XIX в. были созданы специализированные Зоологический, Ботанический, Минералогический музеи, впоследствии — соответствующие научно-исследовательские институты, Азиатский музей (Институт востоковедения — ныне Институт восточных рукописей), Этнографический и Анатомический музеи (ныне Музей этнографии и антропологии), Египетский музей, Библиотека Академии наук. Современное значение Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук (далее — МАЭ) не уступает его исторической значимости. Здесь сосредоточены огромные коллекционные

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00168 «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие».

и архивные материалы, работает коллектив высококвалифицированных специалистов, изучающих этническую культуру народов различных регионов мира, включая все континенты Земли, их археологическое наследство, физическую антропологию, а также историю российской науки.

МАЭ — любимейший музей россиян, его обязательно посещают и приезжающие в наш город иностранцы. Стройное здание благородных пропорций в пастельных зелено-белых тонах, с башенкой, увенчанной армиллярной сферой, является образцом русского барокко, одной из главных «визитных карточек» Петербурга, а почти постоянная солидная очередь в Таможенном переулке из желающих попасть внутрь этого исторического здания — один из знаков большой популярности музея. Впечатляет уже первый его интерьер — вестибюль, входная лестница которого украшена оригинальными фигурами бога охоты из южного Вьетнама и демона — охранителя входа с о-ва Цейлон.

Далее, пройдя по залам музея, посетитель совершает своего рода кругосветное путешествие, знакомясь с традициями разных народов мира, имея редкую возможность увидеть подлинные объекты их своеобразной культуры, постигая особенности различных взглядов на мир, своеобразного бытового обустройства, оригинальных художественных традиций. Эта редкая возможность обеспечена широкой любознательностью и энтузиазмом многих наших предшественников — российских ученых, путешественников, собирателей, которые в течение многих десятилетий пополняли наши знания о мире, доставляя в музей разнообразные коллекции из многих концов земного шара, собирая многоаспектную научную информацию о населяющих его народах.

Любознательность и энтузиазм в ознакомлении с материалами МАЭ свойственны и нашим посетителям: поток их постоянен, в их числе люди всех возрастов, буквально от мала до велика. В залах можно встретить ребятешек уже от трех-четырех лет, а также весьма пожилых людей, не говоря уже о школьниках, студентах и туристах. И многие из них подолгу задерживаются в зале, который носит официальное название «Народы Южной

Азии», а в быту сотрудниками нередко называется просто «индийским». Здесь и вправду главным образом представлены экспонаты из различных районов Индии, но также из Непала, Шри Ланки, Пакистана и Бангладеш. Только вещевые коллекции отдела насчитывают около 13 тысяч единиц хранения, а еще в нем хранится богатое собрание иллюстративных коллекций — фотографий и негативов.

Первые экспонаты из Индии появились в музее еще при жизни Петра Великого, но по-настоящему значительные поступления в музей из названного региона начались на рубеже XIX–XX вв. Музей и тогда пользовался любовью общественности, дарение в его пользу считалось почетным. В пополнении индийского фонда участвовали представители разных групп общества — ученые, путешественники, врачи и художники, члены царской семьи и простые люди.

Самый яркий эпизод той поры в истории сбора коллекций и других материалов по этнографии Индии и сопредельных стран — это специальная этнографическая экспедиция под эгидой МАЭ и Академии наук, отправленная в эти далекие края в 1914 г. Участниками экспедиции были супруги Мерварт, Герман Христианович (с 1916 г. — Александр Михайлович) и Людмила Александровна, прошедшие в экспедиции на Цейлоне и в Индии около четырех лет с 1914 по 1918 г. Истории этой экспедиции и весомым ее результатам посвящена настоящая монография. В предлагаемой книге рассказывается о большом и самоотверженном труде наших предшественников, о трудностях и приключениях, которые поджидали их в далеких странах. В ней воссоздается та эпоха, когда становилась и крепла в нашей стране сама наука этнография, когда вырабатывались ее цели и методы. Здесь запечатлен бесценный полевой опыт, который полезно учесть и современным исследователям этнической культуры народов мира, особенно восточных стран.

И сами люди, о которых мы пишем, вынесшие немало тягот и столкнувшиеся со многими проблемами, но не потерявшие присутствия духа в подчас нелегких обстоятельствах, преданно

любившие дело, которому они себя посвятили, заслуживают нашей памяти и могут служить нам примером.

Еще студенткой Н.Г. Краснодембская обнаружила публикации А.М. и Л.А. Мерварт, уже ставшие библиографической редкостью, и возродила память об экспедиции в ряде докладов на конференциях. Ей удалось найти Л.А. Мерварт, работавшую в МГИМО. Они встретились на Восточном факультете ЛГУ, когда Л.А. Мерварт приезжала на встречу бестужевок, потом — дома у Л.А. Мерварт в Москве. Н.Г. Краснодембская подружилась с невесткой и дочерью брата Л.А. Мерварт Владимира, унаследовала некоторые семейные фотографии. Первый доклад Н.Г. Краснодембской в 1967 г. [Краснодембская 1967] привлек внимание индологов к почти забытой экспедиции. После этой первой публикации Н.Г. Краснодембской к истории экспедиции Мервартов обратились отечественные этнографы и историки-индологи Е.Я. Люстерник, А.А. Вигасин и др.

В 2013–2014 гг. исследовательской группой МАЭ РАН (Н.Г. Краснодембская, И.Ю. Котин, Е.С. Соболева) в рамках гранта РГНФ № 13-01-00168 («Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История, коллекции. Научное наследие») была осуществлена работа по изучению истории экспедиции А.М. и Л.А. Мерварт, их научного и музейного наследия. Благодаря этому гранту и поддержке правительства Индии авторам удалось осуществить экспедиционные поездки по следам экспедиции Мервартов в Шри Ланку (2013) и Индию (2014), посетить этнографические музеи Германии, Нидерландов и Франции.

Результатом многолетней работы явилась данная монография. Авторы сочли уместным иллюстрировать книгу не только фотографиями из личного архива Н.Г. Краснодембской и племянницы А.М. Мерварта Моника Акстман, но и изобразительными материалами, обнаруженными в ходе исследования, а также собственными экспедиционными снимками. Задачей настоящей публикации является максимально полно раскрыть научный подвиг Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мерварт, ввести в научный оборот их недостаточно известное научное наследие.

Основу книги, таким образом, составили письма и другие материалы нескольких архивов России — Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (далее — СПбФ АРАН), Архива востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (далее — АВ ИВР РАН), Архива Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — УФСБ по СПб. и ЛО), Российского государственного исторического архива (РГИА, ранее — ЦГИА), Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ). В архиве (Universitätsarchiv, Universität Heidelberg) Великогерцгерского Баденского Гейдельбергского университета (Grossherzoglich Badische Universität Heidelberg) выявлено свидетельство об обучении Германа Мерварта в 1902–1905 гг., но его выпускное дипломное сочинение не сохранилось.

Отдельные письма Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мерварт из экспедиции в Южную Азию, хранящиеся в СПбФ АРАН, введены в научный оборот в публикациях А.А. Вигасина, Т.Н. Загородниковой, Н.Г. Краснодембской, Е.Я. Люстерник. В настоящей книге приводится более полный комплект документов, раскрывающих историю подготовки и пребывание экспедиции Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мерварт на Цейлоне и в Индии в 1914–1918 гг. Подробно рассмотрены усилия дирекции МАЭ по поддержке командированных за рубеж ученых в период Первой мировой войны и послереволюционный период, действия Академии наук по возвращению экспедиции и собранных ими коллекций в Россию в 1922–1925 гг.

Важные подробности пребывания на о-ве Цейлон и в Индии, круг общения, детали полевой этнографической работы в особых условиях, жизнь на Дальнем Востоке и создание историко-филологического факультета (будущего Государственного Дальневосточного университета) в г. Владивостоке раскрыты в воспоминаниях А.М. и Л.А. Мерварт, хранящихся в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Будучи фигурантами Академического дела, в ходе следствия в 1930 г. они составили свои подробные жизнеописания.

Документы СПбФ АРАН позволяют по-новому раскрыть тему пребывания А.М. и Л.А. Мерварт в МАЭ в Ленинграде в 1924–1929 гг. и оценить огромный объем проделанной ими научной и музейной (регистрация, изучение и публикация привезенных ими предметов, создание экспозиций «Народы Индии» и «Народы Индонезии», усилия по пополнению профильных коллекций в МАЭ) работы, просветительской (проведение экскурсий, подготовка экскурсоводов, занятия со студентами на экспозиции), образовательной (публичные доклады, чтение лекций в профильных учреждениях Ленинграда и Москвы, разработка учебных курсов в области индологии, языкознания, музееведения и т.п.) и общественной деятельности. Всё это свидетельствует о востребованности А.М. и Л.А. Мерварт, в том числе на международном уровне. Это проявилось уже при праздновании 200-летнего юбилея Академии наук в Ленинграде осенью 1925 г. В 1927 г. супруги Мерварт были вновь командированы от Академии наук СССР за границу, где их доклады и выступления имели значительный успех.

Особое внимание уделено теме международных связей МАЭ и роли А.М. и Л.А. Мерварт в межмузейном обмене этнографическими коллекциями. Впервые исследуется процесс восстановления отношений МАЭ с этнографическими музеями и научными учреждениями Германии, Нидерландов и Франции в конце 1920-х годов.

Оригинальные документы, раскрывающие детали зарубежной командировки А.М. и Л.А. Мерварт в страны Западной Европы в 1927 г., выявлены в нескольких зарубежных музеях. В мюнхенском Музее пяти континентов (Museum Fünf Kontinente, до 2014 г. — Государственный Музей народоведения, Staatliches Museum für Völkerkunde) в особой папке (нешифрованный фонд) собрана переписка с МАЭ на немецком языке начала XX в., там хранятся некоторые рукописные письма А.М. Мерварта, заметки и ответные письма директора Люциана Шермана (машинопись) 1926–1928 гг.

В лейденском Этнографическом музее (Museum Volkenkunde, до 2014 г. — Государственный музей народоведения, Rijksmuseum

voor Volkenkunde, ныне — в составе объединенного Национального музея мировых культур) в ходе подготовки настоящей книги выявлен массив рукописных писем Л.А. Мерварт (нешифрованный фонд) 1927–1929 г. на немецком языке. Эти материалы раскрывают детали проекта АН по организации сбора профильных коллекций и обмена ими с зарубежными музеями. Впервые публикуется переписка по истории поступления в МАЭ индонезийских коллекций из дублетов лейденского Государственного этнографического музея, раскрывается роль Л.А. Мерварт в подборе и отправке в Лейден в обмен алтайских и якутских предметов.

Большая часть переписки впервые вводится нами в научный оборот. Документы, включенные в книгу, заново переведены с английского, французского, немецкого и нидерландского языков для настоящего издания. Основная часть писем Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мерварт написаны от руки. Авторы благодарят Елену Владимировну Данелюк и особенно нашу коллегу Наталью Михайловну Сысоеву за ценные консультации и помощь в чтении, переводе рукописных и печатных архивных материалов с немецкого языка.

Также авторы сочли важным включить в текст книги фрагменты некоторых научных публикаций А.М. и Л.А. Мерварт. Эти труднодоступные работы, как увидим, не утратили своего значения. Поскольку личный научный архив Мервартов не сохранился, планы и черновики их трудов в СПбФ АРАН демонстрируют научный потенциал и уникальные знания ученых.

В ходе написания монографии авторы обращались в городской архив г. Брухзаль относительно информации о семье Мерварт. Узнав об этом, летом 2015 г. в МАЭ приехала внучка Эммы, сестры Г.Х. Мерварта, г-жа Моника Акстман (Monika Axtmann) с супругом, надеясь разыскать своих родственников в России, о которых они почти ничего не знают. Она затем прислала в МАЭ несколько детских фотографий Г.Х. Мерварта, его сестер и родителей. Потомки семьи Мерварт по-прежнему живут в г. Брухзаль. Городской архивист составляет ныне генеалогическое древо Мер-

вартов для включения в книгу о выдающихся уроженцах Брухзалия. Двоюродный брат Г.Х. Мерварта Рудольф Мерварт (1883–1946) стал известным немецким математиком и статистиком. Сведения о жизни и заслугах Г.Х. (А.М.) Мерварта также должны стать доступны отечественной и зарубежной общественности.

Мы благодарны Российскому гуманитарному научному фонду, послу Республика Индия в Российской Федерации г-ну П.С. Рагхавану (Mr. P.S. Raghavan), Генеральному консульству Республики Индия в Санкт-Петербурге, г-ну А.К. Дану (A.K. Dan) и его коллегам за предоставленную помощь в организации поездки по местам, связанным с экспедицией Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мерварт.

Хотелось бы поблагодарить д.и.н. Я.В. Василькова, д.и.н. М.Ф. Альбедиль, к.и.н. О.Н. Меренкову за советы и ценную информацию, хранителей индийских фондов МАЭ Л.Ф. Трущенко-ву, Н.И. Андросову, Л.Э. Сутягину, Т.Ф. Лопатину, К.М. Воздиган. Хочется вспомнить также Л.Л. Левизи, более полувека хранившую фонды Индии и много сделавшую для сохранения коллекций, привезенных Мервартами, и С.А. Маретину, нашего дорогого коллегу, составившую научные описи целого ряда коллекций Мервартов. Иллюстративные материалы из фондов МАЭ подготовлены благодаря усилиям М.В. Хартанович, Е.Б. Толмачевой, С.Б. Шапиро. Особо благодарим сотрудников библиотеки МАЭ РАН за внимание к уникальным печатным материалам А.М. и Л.А. Мерварт.

Мы признательны Елене Николаевне Груздевой (СПбФ АРАН) за доброжелательность и неизменную поддержку в нашей поисковой работе; Юрию Павловичу Голикову, заведующему Музеем научно-исследовательского института экспериментальной медицины (НИИЭМ СЗО РАМН) за ценные консультации по истории русских экспедиций, командированных для борьбы с чумой в Бомбее в 1897–1898 гг.; Варваре Сергеевне Фирсовой (БАН) за помощь в поиске редких изданий со статьями Мервартов; внимательным и отзывчивым сотрудникам Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки.

Мы благодарим за помощь наших индийских коллег — г-жу Абху Нараян Ламба (Abha Narain Lambah), д-ра Б. Венугопала (B. Venugopal), директора, и д-ра Бхаттачарья (Dr. Sayan Bhattacharya), сотрудника Индийского музея в Колкате (Indian Museum, Kolkata), д-ра Дханалакшми (Dr. Dhanalakshmi), г-на Сундарараджана (Mr. N. Sundararajan), д-ра Ашокана (Dr. J. R. Asokan), д-ра Панира Селама (Dr. Paneer Selam) из Государственных Музеев Ченнаи (The Chennai Government Museums), г-на К. Удаяна Вармана (K. Udayan Varman), директора, и сотрудников Музея Нейпира в Тируванантапураме (Napier Museum and Zoo, Thiruvananthapuram), д-ра Гопалама (Dr. Gopalam), г-на Шаши Кумара (Mr. Sasi Kumar, the Kathakali Center “Margi”, Thiruvananthapuram) и г-на Каламандалам Шивараджана (Mr. Kalamandalam Sivarajan, the Kalakeli, Kovalam) из центров по изучению театра катхакали (штат Керала, Индия) и др.

Огромную помощь в работе оказали посол Российской Федерации в Шри Ланке Владимир Петрович Михайлов, г-н Ранджана Девамитра Сенасинхе (Ranjana Senasinghe), г-н Ананда Ранпатидева (Ananda Ranpatidewa), г-жа Суджата Виратунге (Sujatha Weeratunge), д-р Раманаяке Мудиянселаге Уккубанда (Dr. U. M. Ramanayake), руководство и сотрудники Национального музея Шри Ланки в Коломбо и Галле.

Мы хотели бы особо поблагодарить помогавшим нам в Германии госпожу Гизелу Хайне (Gisela Heine, Берлин), Ольгу Петри (Маннгейм) и Галину Антошевскую (Мюнхен), наших коллег Карин Гюгейс (Karin Guggeis) (Staatliches Museum für Völkerkunde, München), Мартина Шульца (Martin Schultz) и доктора Дорис Дёппес (Dr. Doris Döppes) (Reiss-Engelhorn-Museen, Mannheim), Гизелу Блессе (Giselher Blesse, Grassi Museum für Völkerkunde zu Leipzig), Аню Ценнер (Anja Zenner, Ethnologisches Museum Berlin) и др.

Работе в Нидерландах содействовал Стивен Энгельсман (Steven Engelsman), ныне директор венского Всемирного музея (Weltmuseum Wien, до 2013 г. — Музей народоведения, Museum für Völkerkunde). Огромную розыскную работу в лейденском

Этнографическом музее (Museum Volkenkunde, Leiden) провели д-р Пауль ван Донген (Dr. Paul van Dongen) и д-р Кунера Буэйс (Dr. Cunera Buijs), а также волонтеры музея Хейберт ван Эйк (Huibert van Eyk) и Бернадин ван дер Хулст (Bernadine van der Hulst). Нам были любезно предоставлены даже подстрочники переводов (на английский язык) нескольких писем с нидерландского языка.

В Париже (Франция) по следам Мервартов помогла пройти д-р Бриджит Ренар-Кламажиран (Brigitte Renard-Clamagirand).

Авторы благодарят за предоставление архивных и иллюстративных материалов руководство и сотрудников Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Архива Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, архива Гейдельбергского университета (Universitätsarchiv Heidelberg), этнографических музеев Мюнхена (Staatliches Museum für Völkerkunde, München) и Лейдена (Museum Volkenkunde, Leiden).

Мы сердечно благодарим членов редакционно-издательского отдела МАЭ за самоотверженную преданность делу и доброжелательность к нам, своим коллегам. М.А. Ильина, М.В. Банкович, Н.И. Пашковская бережно и внимательно отнеслись к тексту и помогли авторам на всех этапах подготовки книги.

Эта работа не могла быть выполнена без одобрения и поддержки дирекции МАЭ. Мы благодарны д.и.н. Ю.К. Чистову, д.и.н. Е.А. Резвану, к.и.н. Е.А. Михайловой, к.и.н. П.И. Погорельскому за всестороннюю помощь и поддержку. Мы благодарим главного хранителя МАЭ к.филол.н Н.П. Копаневу и директора МАЭ д.и.н. члена-корреспондента РАН А.В. Головнёва за поддержку.

Глава 1

Организация первой этнографической экспедиции МАЭ на Цейлон и в Индию

1.1. Предшественники.

Первые южноазиатские предметы в МАЭ

Поездке А.М. и Л.А. Мерварт в Индию предшествовали путешествия многих европейцев. Некоторые из них сумели собрать значительные индийские коллекции, лучшие из которых осели в Великобритании. Британские музеи обладают крупнейшими за пределами Южной Азии коллекциями южноазиатского искусства, а также материалами по быту населения, природе Индии, растительности и животному миру региона.

Пионерами собирания индийских коллекций в Европе считаются ученые Оксфордского университета. Еще в 1579 г. в Индии побывал профессор Нового колледжа преподобный Т. Стефенс. Оксфордский музей Эшмола и Бодлианская библиотека (Bodleian Library) стали, возможно, первыми в Европе, куда попали произведения индийской живописи и скульптуры, такие как старинная рукопись, украшенная миниатюрными изображениями, а также каменная статуя бога Вишну, преподнесенная университету его выпускником У. Хеджесом еще в 1686 г. В Оксфорде был основан первый в Британии музей, первоначально универсальный, выросший из собрания редкостей типа европейских кунсткамер и кунсткабинетов, но постепенно превратившийся в художественный музей мирового уровня, получивший название

Музея Эшмола (Ashmolean Museum of Art and Archaeology), в честь одного из основателей — Элиаса Эшмола (Elias Ashmole, 1617–1692), в собрании которого с самого начала находились индийские естественно-научные и этнографические экспонаты [Кроллау, Котин 2013: 54].

Еще одна старинная коллекция индийских диковин находилась в Британском музее, открытом в 1759 г. на базе собранной Хансом Слоуном (Sir Hans Sloane, 1660–1753), врачом, коллекционером, главой Лондонского Королевского общества, коллекции, подаренной им английскому народу.

В первой половине XIX в. в Лондоне на Лиденхолл стрит существовал также частный музей Британской Ост-Индской компании, в котором были представлены изделия из текстиля, слоновой кости, керамики, стекла, дерева, камня, металла. Там хранились различные предметы мебели, курительные трубки — кальяны, *чхатри* — зонты от солнца, которые в Южной Азии считались символами власти правителя или духовного лица. К числу этнографических экспонатов музея Ост-Индской компании относились гравюры, выполненные по рисункам индийских и европейских (преимущественно, но не только английских) художников и представлявшие индийцев разных этнических и профессиональных (кастовых) групп. К этим коллекциям примыкали рисунки, иллюстрирующие обычаи, традиции и наряды индусов и индийских мусульман, изображения религиозных празднеств и церемоний [Кроллау, Котин 2013: 78].

После подавления Сипайского восстания в Индии, называемого англичанами «Мятежом» (The Mutiny), и передачи в 1858 г. управления Индией от частной английской Ост-Индской компании британской короне Индийский музей был закрыт, а коллекции переданы особому министерству по делам Индии. Министерство организовало экспонирование части коллекций в ведомственном музее, но значительная часть их была распродана, а самые ценные экспонаты были позднее переданы лондонскому Музею Виктории и Альберта. Часть распроданных коллекций ушла в Европу и США, но Лондон до настоящего времени

обладает крупнейшим собранием произведений индийского искусства за пределами южноазиатского субконтинента.

Лондонский Музей Виктории и Альберта, ранее известный как Южнокенсингтонский музей, — наследник не только Индийского музея Ост-Индской компании, но и промышленных выставок — популярного явления второй половины XX в., зародившегося в Англии под влиянием супруга королевы Виктории принца Альберта. Эти выставки показали все богатство промышленного и даже в большей степени ремесленного производства в Индии. «Великая выставка промышленных (ремесленных) произведений всех народов» принимала посетителей с 1 мая по 15 октября 1851 г. в Лондоне. В ее индийских павильонах были выставлены роскошные тканые ковры и шали из Кашмира и Бенареса (Варанаси), богато декорированные седла, изделия из золотой и серебряной филигрании, эмали, резные изделия из камня, слоновой кости и дерева, оружие, доспехи, пушки, драгоценные камни. Среди выставленных на ней драгоценностей были и знаменитые бриллианты «Дарья-и-нур», «Река света», из сокровищницы в Лахоре и «Кох-и-нур», «Гора света», принадлежавший последнему индийскому махарадже Далип Сингху и «подаренный» им королеве Виктории. Другим экзотическим экспонатом был трон из слоновой кости — подношение раджи Траванкора своему сюзерену — английской королеве. Там же находились такие экзотические вещи, как *чхатри* — богато украшенные зонты — символы власти, кальяны, серебряный паланкин и расшитая серебром и золотом бархатная попона для слона, а также корона правителя княжества Ауд и парадное облачение раджи княжества Бунди в Раджпутане.

Лондонская «Таймс» от 2 октября 1851 г. писала, что индийская секция была «одной из наиболее полных, великолепных и интересных коллекций в Гайд-парке, поучительная во многих отношениях, достоинство которой нельзя было переоценить» [Desmond 1982: 73].

Индийское оружие стало страстью многих частных коллекционеров. Оно было традиционным подарком чиновнику

Ост-Индской компании и трофеем английского офицера. Неудивительно, что возвращавшиеся из Индии разбогатевшие английские авантюристы, так называемые «набобы» (от перс. «наваб» — правитель), привозили в свои старые или купленные на индийское золото усадьбы коллекции индийского оружия. Сам Роберт Клайв — завоеватель Бенгалии, знаменитый победитель в битве при Плесси, собрал огромную коллекцию индийского оружия, дополненную приобретениями его сына, губернатора Мадраса, которая сейчас хранится в имении потомков Клайва в замке Повис (Powis Castle) [Archer, Powell, Skelton 1987] в Уэльсе и открыта для посещения публикой.

Предметы из Индии, образцы индийского оружия появились и в старейшем музее Великобритании — Лондонском Тауэре. С самого момента основания Тауэр служил арсеналом (а также тюрьмой), куда в XIX в. допускали посетителей, интересовавшихся оружием. Теперь в так называемых «казармах Веллингтона» в лондонском Тауэре (Tower of London) хранится коллекция королевских драгоценностей, в которой немало индийских самоцветов.

При Лондонском миссионерском обществе в 1826 г. был открыт музей, где хранились одежда, оружие, другие артефакты жителей тех мест, включая Индию, где проповедовалось христианство. В Индии англиканская миссионерская деятельность была не слишком успешной. Больше преуспели пресвитериане, методисты и баптисты, работавшие среди членов индийских племен. Большую часть собрания Музея миссионерского общества составляли изображения местных божеств, трактовавшиеся как «идолы», которым перестали поклоняться «разуверившиеся в их могуществе обращенные в христианство туземцы». С 1826 г. музей был открыт для посещения один раз в неделю, а через двадцать лет публика допускалась к коллекциям, количество дней для посещения увеличилось до трех в неделю, причем вход стал бесплатным [Кроллау, Котин 2013: 78].

Как видим, колониальная метрополия, обладавшая военными, административными и финансовыми преимуществами на

территории Южной Азии, обрела лучшие индийские коллекции, хранящиеся в крупнейших британских музеях, а также в частных коллекциях. Но кое-что попадало и в Санкт-Петербург. Интерес к Индии в России существовал издавна.

Возможно, индийские предметы имелись и в составе буддийских собраний Императорской академии наук (далее — ИАН). Это неудивительно, ведь в состав Российской империи входили населенные буддистами Бурятия и Калмыкия. Необходимость развития буддологии как направления научных исследований оказалось одним из основополагающих аргументов при рассмотрении вопроса об учреждении при Императорской академии наук *«Музея по антропологии и этнографии преимущественно России»*. В проекте записки-обоснования 1878 г. прямо утверждается, что *«упомянутые выше влияния Китая, а равно и на наших южно- и восточно-сибирских инородцев в особенности сказываются в религиозном отношении, в их буддийско-ламайском вероисповедании. Предметы и принадлежности этого богослужения имеют, поэтому, особое значение и для изучения многих из наших инородцев, и, согласно с тем, им отведено немаловажное место и в нашем Музее. Коллекции, составленные по этой части еще Палласом и другими путешественниками прошедшего столетия были много пополнены вследствие состоявшейся в прошедшем году, по Высочайшему повелению, передачи в Этнографический Музей предметов этого рода из Эрмитажа, а в последнее время еще значительно обогатились вследствие приобретения для Музея, по Высочайшему повелению, коллекции буддийских предметов, вывезенной князем Ухтомским из Забайкальской области, из Монголии и из Китая»* [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 31–32].

До конца XIX в., однако, все еще не были выработаны научные принципы показа коллекций «культурных стран Азии». Все еще был принят обычай экспонирования «чудес и редкостей», и индийские артефакты демонстрировались в МАЭ вместе с предметами из других регионов Азии. Возможно, поэтому первоначально внимание привлекли только две ступки гоанской работы из

слоновой кости, выполненные в индо-португальском стиле, и резной ящик XVIII в. Только они и были названы предметами индийскими [Музей антропологии и этнографии 1907: 87].

Как известно, значительные перемены в музее начались лишь с 1894 г. Тогда на должность директора 15 марта 1894 г. был избран В.В. Радлов. Именно он занялся радикальной реорганизацией всех сторон жизни музея. Много, действительно, требовалось изменить. Музей был выведен из ведения Физико-математического отделения ИАН в переведен в ведение Историко-филологического отделения.

В МАЭ целенаправленно создавался буддийский отдел, но регулярный приток экспонатов туда начался с 1897 г., в основном из Центральной и Восточной Азии (фрески и другие образцы древнего буддийского искусства). С экспонатами много работал академик С.Ф. Ольденбург.

Особенно интенсивно и систематически росли восточно-азиатский и европейский отделы МАЭ. К 70-летию академика В.В. Радлова, на тот момент директора МАЭ, сотрудники музея дают высокую оценку его достижений на этом посту. Авторы публикации пишут о произошедших благодаря энтузиазму Радлова изменениях в музее: «Нечто совсем другое мы видим в отделах индийском и индокитайском. Благодаря энергии В.В. Радлова эти отделы, насчитывавшие ранее по 1–20 предметов (две ступки из слоновых клыков и резной ящик), приняли характер систематических коллекций. Государем Николаем II были пожертвованы сиамские вещи (предметы роскоши), д-р Ягор из Берлина подарил богатую коллекцию из Индии, лейпцигский профессор Ганс Мейер поднес Музею богатейшую (до 400 пр.) коллекцию индокитайских одежд, с Международной рыболовной выставки поступила коллекция сиамских рыболовных принадлежностей, от А.Н. Казнакова, барона Сталь фон-Гольштейна¹

¹ Барон Сталь-фон-Гольштейн Александр Августович (1877–1937) — представитель знатного немецкого баронского рода, санскритолог, синолог, ассистент-профессор Санкт-Петербургского университета,

и русского консула Некрасова в Бомбее поступили, наконец, коллекции по брахманизму. В последнее время есть надежда и на приобретение большой коллекции с Цейлона, Сиама, Китая и Японии, собранной Н.И. Воробьевым, — таким образом, и маленький цейлонский отдел, едва намеченный в Музее и являющийся в зародыше (коллекция от братьев Хате [Хэйт]², купленная с Костюмной выставки в 1907 г.), будем надеяться, разовьется и представит нам один из интереснейших в этнографическом отношении уголков мира. Оба отдела — Индийский вместе с Цейлоном и Индо-Китаем, связывающий азиатский культурный пояс с полукультурной Индонезией, в настоящее время насчитывает примерно до 1 тыс. предметов» [Музей антропологии и этнографии 1907: 87–88].

Итак, в 1907 г. среди собраний МАЭ упомянуты поступления индийских предметов от барона Сталь-фон-Гольштейна. Тем не менее в отчетах МАЭ этого периода об индийских коллекциях не упоминается. В 1907 г. Индия включена в один раздел с Китаем, Японией, Кореей и Индокитаем, но никаких конкретных фактов об особо выдающихся индийских вещах не приведено. Хотя о южноазиатских коллекциях в официальных публикациях МАЭ в те годы специально не писали, в сводной таблице № 5 значится, что на 1913 г. в отделе Индии, Цейлона, Сиама и Бирмы числи-

с 1917 г. жил в Китае, где основал Сино-Индийский университет, преподавал санскрит и историю индийских религий.

² Врач Экнат Харричандруджи Хате (1854 г.р.) и его двоюродный брат ботаник Винаяк Нанабхай Хате прислали коллекцию на Международную рыбопромышленную выставку в Санкт-Петербурге (1902), экспонаты были удостоены высшей награды — Почетного диплома. В 1903 г. часть экспонатов была отправлена на Международную выставку гидробиологии, рыбоводства и рыболовства в Москве (1903, награда — золотая медаль), костюмы бомбейских рыбаков и рыбачек экспонировались на Международной костюмной выставке в Санкт-Петербурге (1903, награда — диплом первой степени). Купленная для МАЭ коллекция была первым даром музею от индийцев [Русско-индийские отношения 1999: 110–113].

лось 39 коллекций и 1702 предметов (причем 1225 предметов были получены в дар, 472 куплены), и все они были зарегистрированы (кроме одного предмета), а до 1889 г. было известно всего о двух коллекциях из вышеуказанного региона, состоящих из пяти предметов (четыре поступили из Кунсткамеры, один получен в дар). Для сравнения скажем, что всего за 25 лет в МАЭ поступило 130 698 предметов [Императорская Академия наук 1917: 297, 292–292].

Заметим, что в описываемый нами период и ранее активизировался практический интерес российских востоковедов к Индии [Краснодембская, Соболева 2012: 203–232]. В частности, целая плеяда специалистов собирала оригиналы или заказывала копии рукописей на восточных языках. Эти сборы составили основу специализированных отделов в Азиатском музее ИАН, Публичной и университетской библиотеках и др. Индийские коллекции имелись в Императорском Эрмитаже и Музее Штиглица³.

Дирекция МАЭ стремилась наладить контакты с индийскими научными учреждениями. Устройством библиотеки МАЭ занималась Екатерина Михайловна Романова (1853–1926), поступившая в 1902 г. на службу в МАЭ безвозмездно. В 1902 г. библиотека МАЭ состояла из 30 книг, но стала быстро расти благодаря дарам директора музея (из личного собрания В.В. Радлова) и начавшемуся обмену изданиями с русскими и иностранными учеными учреждениями и музеями. С 1905 г. МАЭ на свои средства стал выписывать иностранные журналы и книги. В конце 1906 г. учреждения Императорской академии наук получили право непосредственного обмена с заграничными книгохранилищами. В 1909 г. было выделено помещение для библиотеки в МАЭ, приглашена помощница библиотекаря. В 1913 г. в библиотеке имелось более 4 тыс. томов, МАЭ обменивался изданиями с 42 учеными учреждениями в Европейской России

³ О судьбе Музея Штиглица и происхождении его индийской коллекции, позднее попавшей в Государственный Эрмитаж и переданной в МАЭ в 1920-е годы, см.: [Васильков 2017: 92–101].

и Сибири и с 35 музеями и учеными учреждениями Европы, Азии, Америки и Австралии.

В 1906 г. в МАЭ поступили индийские и другие восточные коллекции императора Николая II. Коллекция № 309 богата образцами оружия — это дары императора Николая II, оружие, приобретенное им или полученное в дар во время путешествия по Востоку в 1890–1891 гг., когда он был еще наследником российского престола.

Маршрут путешествия цесаревича Николая Александровича по Индии был следующий: Элефанта — Бомбей (25.12.1890) — Нандгаон — Рауза/Эллора (26.12.1890) — Аурангабад (27.12.1890) — Даулатабад (27.12.1890) — Бомбей (31.12.1890) — Барода (1.01.1890) — Аджмир (Аджмер) (2.01.1891) — Джодхпур (3.01.1891) — Джайпур (7.1.1891) — Дели (9/11.01.1891), Лахор (13.01.1891) — Матхура (16.01.1891) — Агра (17.01.1891) — Гвалиор (19.01.1891) — Канпур (22.01.1891) — Лакхнау (22.01.1891) — Бенарес (Варанаси, конец января 1891) — Калькутта — Джабалпур — Бомбей — Пуна — Тричинополи — Шрирангапатнам (9.02.1891) — Мадур (Мадураи) (10.02.1891)⁴. Во многих пунктах, где останавливался цесаревич, устраивались импровизированные приемы, на которых наследник получал дары, он также посещал сам восточные базары или отправлял туда за покупками членов своей свиты

О больших *дарбарах* (приемах) на пути следования цесаревича, на которых устраивали торговлю диковинным оружием и платьем, мы узнаем из роскошно изданного в Лейпциге трехтомного путешествия, написанного сопровождавшим цесаревича князем Э.Э. Ухтомским [Ухтомский 1893, I: 124; II: 17–77]. Из карандашных записей на страницах путеводителя по Агре, сделанных рукой Э.Э. Ухтомского, мы знаем, что в Агре британская администрация организовала грандиозный *дарбар* в честь высокого российского гостя. Наследник престола и его спутники покупали диковинные клинки, щиты, секиры, получали их в дар

⁴ Подробнее см.: [Котин 2014: 98–116].

от местных правителей. Среди покупок и даров — как старинные предметы, так и сувениры, созданные с учетом вкусов нередких гостей Индии — британских и других европейских путешественников.

Среди даров цесаревичу и его покупок есть диковинные, экзотические предметы, такие, например, как две церемониальные палицы из желтого металла с навершием в виде голов слонов, в настоящее время хранящиеся в фондах МАЭ.

Со второй половины XIX в. интерес к экспонатам из Индии, вызванный выставками в Лондоне и Париже, побудил музеи и частные коллекции Европы обратиться к собирательству в Индии. Для нас особенно интересен опыт германских музеев, тесные контакты с которыми поддерживала дирекция МАЭ в предвоенный период и в которые был направлен на стажировку в 1913 г. Густав Герман Христиан (Герман Христианович) Мерварт, участник будущей экспедиции МАЭ на Цейлон и в Индию (1914–1918 гг.). Это прежде всего этнографические музеи Берлина и Мюнхена, сумевшие собрать значительные коллекции по Индии. Понятие «Indien» в тот период охватывало Индийский субконтинент, а «Hinterindien» — Юго-Восточную Азию, Индонезию и Центральную Азию (как регион распространения древней индийской культуры).

В 1904 г. был создан Индийский отдел берлинского Музея народоведения (Museum für Völkerkunde), руководителем которого стал археолог и художник Альберт Грюнведель (Albert Grünwedel, 1876–1935). Грюнведель возглавлял Индийский отдел вплоть до своего выхода на пенсию в 1921 г. Ему удалось пополнить этнографический отдел этого музея столь многочисленными и разнообразными коллекциями, что они впоследствии легли в основу нескольких специализированных музеев. При этом «индийскими» в тот период считались почти все буддийские экспонаты, в том числе восточноазиатские. А. Грюнведель, владевший русским языком, активно сотрудничал с российскими академическими учреждениями. В 1889 г. директор МАЭ академик В.В. Радлов пригласил А. Грюнведеля участвовать в археологической

экспедиции в Восточный Туркестан, где Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении под руководством академика С.Ф. Ольденбурга проводил последовательное обследование древних памятников. В 1902–1914 гг. четыре немецкие экспедиции под руководством А. фон ЛеКока и А. Грюнведеля также провели в этом регионе собственные археологические изыскания [Соболева 2014: 77–87]. Именно к Грюнведелю отправляется Г.Х. Мерварт в 1913 г. в преддверии экспедиции в Индию для консультаций и подготовки к собирательской деятельности. Это неудивительно, ведь А. Грюнведель представлял один из старейших этнографических музеев Европы.

Берлинский Музей народоведения был создан в 1873 г. Среди других коллекций он хранил дары принца Вольдемара Прусского, совершившего в 1852 г. путешествие на Цейлон, в Бенгалию, Непал и Северную Индию, а также коллекции Федора Ягора, собранные в 1873–1876 гг. в Индии, Бирме, на Цейлоне и Андаманских островах, коллекции Эмиля Рибекса (1881–1882), посетившего Цейлон, Индию, Ассам, Бирму.

После 1900 г. музеи Германии решились на показ индийских коллекций. Возглавлявший этнографический отдел одного из крупнейших столичных музеев А. Грюнведель создал основополагающие труды на немецком языке по истории буддизма в Индии (первый систематический научный очерк истории развития буддийского искусства в Индии — «Буддийское искусство Индии» / *Buddistische Kunst in Indien*. Berlin, 1903, 1906; *Buddhist Art in India*. London, 1901, и Тибете — «Буддийская мифология Монголии и Тибета» / *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*. Leipzig, 1900), индийской и тибетской иконографии и мифологии, археологии Центральной Азии, которые положили начало систематическому изучению буддийского, а затем и индийского искусства в Германии. Под его руководством была создана индийская экспозиция в Берлинском музее народоведения. Отчет о его экспедиции в Восточный Туркестан дал материал для знакомства с любопытным культурным узлом, в который вклю-

чены персидская, индийская, китайская, тюркская культуры. Неудивительно, что «директор Азиатского отделения Этнологического отделения Музея в Берлине, профессор, д-р философии» А. Грюнведель был избран в члены-корреспонденты Историко-филологического отделения ИАН «по разряду восточной словесности» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 422].

Не отставал от берлинского и старейший германский музей народоведения — мюнхенский, основанный в 1862 г. Период его расцвета начинается с прихода в 1907 г. на пост директора Этнографического собрания Мюнхена Люциана Милиуса Шермана (Lucian Scherman, 1864–1946), профессионального индолога и санскритолога. В 1910–1911 гг. Люциан и Кристина Шерманы совершили исследовательскую поездку на остров Цейлон, в Бирму и Индию. Шерманы посетили остров Цейлон, Мадрас, горы Нилгири, наблюдали жизнь племен тода, кота, бадага. Более семи месяцев они провели в Бирме. В августе 1911 г. Шерманы прибыли в Калькутту, оттуда направились в Дарджилинг, Ассам, Бенарес, Аллахабад, Гвалиор, Санчи, Лакхнау, Агру, Матхуру, Дели, Лахор, Равалпинди, Пешавар, Джайпур, Бомбей [Weigelt 2003]. Шерман и его супруга привезли в Мюнхен три тысячи предметов, две тысячи стеклянных фотопластинок и негативов, 42 фильма, восковые валики звукозаписей [Соболева 2014г]. Мюнхенский музей также принял в 1913 г. Г.Х. Мерварта, направленного Императорской академией наук из Санкт-Петербурга для изучения коллекций музея перед экспедицией на Цейлон и в Индию.

1.2. МАЭ как центр экспедиционных исследований

Постановлением Министерства народного просвещения № 4224 «О преобразованиях в Музеях Императорской Академии наук» было решено 14 апреля 1879 г. учредить «Музей антропологии и этнографии преимущественно России» из коллекций двух существовавших до этого времени при академии музеев — Этнографического и Анатомического, Государственный Совет утвердил это решение 12 мая 1879 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 10, 14], а в декабре 1902 г. музей получил имя своего

основателя и стал называться «Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Ед. хр. 150. Л. 253].

С 1895 г. место директора музея занимал яркий представитель российской этнографической науки академик Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов (1837–1918). Именно он занялся радикальной реорганизацией всех сторон жизни музея. В МАЭ действительно многое требовалось изменить. Штат сотрудников был минимален — всего трое (директор, ученый хранитель и служитель музея). Площадей для хранения и экспонирования коллекций катастрофически не хватало. Сам В.В. Радлов, готовясь к новой должности, так оценил положение в музее: *«Осмотрев ныне подробно вверенный моему управлению Музей по Антропологии и Этнографии, я убедился в чрезвычайном богатстве собранных в нем коллекций. Кто знает затруднительное положение, в котором находится этот Музей, не располагающий достаточным местом для выставления предметов и даже для подготовительных работ и не имеющий в своем распоряжении необходимых денежных средств, может только удивляться, как заботами прежних директоров удалось собрать такое множество драгоценных предметов»* [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24. Л. 2].

Радлов горячо радел об усовершенствованиях в музее. Он считал, что к XX в. музейное дело и этнографическая наука в России должны быть поставлены на новый научный и технический уровень. В ряду многих неотложных дел по переустройству музея он вынашивал, в частности, грандиозные планы по организации комплексных и длительных экспедиций в различные концы мира. Все было чрезвычайно непросто: изыскать средства на переустройство музея и приобретение новых коллекций, добиться увеличения штата и новых помещений, подобрать необходимых сотрудников. При этом деятельность велась во всех направлениях сразу и затрагивала многие регионы мира и районы самой России [Музей антропологии и этнографии 1907]. Особое внимание предполагалось уделить Индии.

Индией серьезно интересовался сам основатель музея царь Петр I. Он придавал важнейшее значение отношениям России с Индией. Еще на рубеже XVIII в. он мечтал о прямых путях в Индию, думал даже осуществить такой путь через Северный Ледовитый океан. Он передал музею собранные им самим и полученные в дар (есть сведения, что подарки Петру посылал и император Аурангзеб) индийские раритеты. В его личных коллекциях, которые легли в основу собраний созданной им в 1714 г. Кунсткамеры, были и индийские предметы. В первых каталогах музея упоминались сосуды, украшения, оружие — индийские изделия из металла, рога, слоновой кости, раковин, скорлупы кокосовых орехов. В музейных документах существуют и упоминания о ранней коллекции индийских монет. К сожалению, большая часть ранних коллекций музея погибла при пожаре 1747 г. К концу XIX в. трудами разных людей были собраны интересные материалы по Индии, но эти коллекции являлись в основном случайными, хотя пополнение их велось по возможности разными способами.

В 1893 г. МАЭ приобрел буддийскую коллекцию основателя русской индологической школы И.П. Минаева (1840–1890) у его племянниц В.П. и А.П. Шнейдер — 274 экспоната (в основном из Непала, что было тогда особой редкостью). Эти предметы были собраны Иваном Павловичем в его поездках по Индии, Цейлону и Непалу в последней четверти XIX в. В составе коллекции № 226 имеются бронзовые бурханы, иконы на холсте, другие культовые предметы, ритуальная утварь. Это были первые южноазиатские приобретения музея. И.П. Минаев — известный буддолог, знаток древних индийских языков, блестящий филолог, он также может считаться родоначальником этнографической индологии в России. Именно Минаев призывал изучать, кроме классической индийской древности, как он выражался, «живую Индию», т.е. реально существующий уклад жизни, живые языки, фольклор. И сам он в своих трудах сделал первые шаги в этом направлении [Минаев 1878].

Как уже отмечалось, значительное собрание индийских предметов поступило в МАЭ от императора Николая II. Эти предме-

ты, приобретенные или полученные цесаревичем в дар в 1890–1891 гг., во время его путешествия по Востоку, составляют три коллекции — № 308, 309 и 312 (всего около 250 единиц хранения). Здесь наличествуют предметы культа, быта, художественные ремесленные изделия из мрамора, серебра, бронзы, слоновой кости, черного дерева, образцы тканей, вышивки, модели типов населения, а также великолепные образцы традиционного оружия (кинжалы-катары, палицы, ритуальные мечи), старинный шлем.

Благодаря усилиям В.В. Радлова уже в 1895 г. в МАЭ через Берлинский музей народоведения поступила в дар коллекция собирателя Ф. Ягора (№ 293), содержащая индийские предметы культа и бытовые вещи (одежду, ткани, украшения, а также оружие [Соболева 2016]) — свыше 100 предметов, а в начале 1900 г. берлинский Музей народоведения предложил МАЭ по обмену ряд коллекций из дублетов, и тогда индийский фонд пополнили две коллекции (того же собирателя): № 604 (украшения из Северо-Западной, Восточной и Южной Индии) и № 609 (керамика из Цейлона), всего около 100 предметов. Эти коллекции были изучены Мервартами перед их поездкой. При подготовке экспедиции Мерварты учли также советы видного русского буддолога С.Ф. Ольденбурга.

Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) сыграл важную роль в развитии индологического направления российской этнографии. Известный востоковед, санскритолог и знаток буддизма, он преподавал на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, а также являлся председателем этнографического отделения Императорского Русского географического общества, с 1903 г. — экстраординарный (с 1908 г. — ординарный) академик. С.Ф. Ольденбург руководил изучением и каталогизацией буддийских коллекций, участвовал в выставлении и описании в «Путеводителе» по МАЭ отдела буддизма, а в 1916 г. С.Ф. Ольденбург стал директором Азиатского музея [Императорская Академия наук 1917]. В 1904–1929 гг. был непременным секретарем Академии наук.

Соратником и помощником В.В. Радлова в МАЭ с 1902 г. стал Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927). И у них было немало единомышленников, которые считали, что задачей МАЭ должно стать не случайное собирательство, а планомерные и систематические этнографические изыскания и экспедиционные сборы. Экспозиции музея они хотели сделать подлинным научным пособием по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира.

Двадцать первого декабря 1902 г. Музей по антропологии и этнографии Императорской Академии наук переименован в Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Ед. хр. 150. Л. 253]. Обретение нового — повышенного — статуса позитивно отразилось на развитии музея, привлекло к нему внимание царственных покровителей и спонсоров из числа успешных промышленников.

С 1901 г. начал издаваться «Сборник МАЭ», в котором публиковались материалы по изучению коллекций и разным аспектам этнографии, археологии и антропологии. С 1906 г. в МАЭ стали выходить ежегодные печатные отчеты о его деятельности. В них бережно отмечается каждый новый успех, каждое новое приобретение. Среди вновь привлеченных сотрудников музея — этнографы, антропологи, археологи, востоковеды. С каждым годом увеличивается поступление коллекций. Так, за 1908 г. их появилось в два раза больше, чем за предыдущий год. Совершенствуется система учета и хранения. МАЭ налаживает связи и обмен с зарубежными музеями. Постепенно разворачивается организация этнографических командировок и экспедиций: в дальние края России, в Маньчжурию, Корею, Южную Америку, в Африку.

По замыслу В.В. Радлова и его соратников в музее должны были создать специальную индийскую экспозицию и посвятить ей особый зал [Краснодембская, Соболева 2009]. Поскольку в Индии ранее побывал наследник престола великий князь Николай Александрович, на тот момент — император всероссийский, у Радлова возникла идея сделать зал именным — имени императора Николая II.

Первые коллекции по Индии в МАЭ уже были. К ним добавились дары и купленные по заданию Академии наук экспонаты, привезенные Михаилом Степановичем Андреевым (1873–1948), видным историком, этнографом, востоковедом, с 1905 по 1914 г. находившимся в Индии на дипломатической работе, которую он сочетал как с разведывательной деятельностью, так и с этнографической работой [Краснодембская, Соболева 2014].

Весной 1913 г. был выделен отдел Индии и для руководства им приглашен Г.Х. Мерварт, историк, филолог, впоследствии — санскритолог и знаток некоторых живых языков Индии (в частности, тамильского). О пополнении «индийского отдела» заботились все устроители обновляющегося музея: индийские предметы покупали и преподносили в дар музею сам В.В. Радлов, академик С.Ф. Ольденбург, сотрудники МАЭ Н.И. Воробьев, А.И. Иванов. Но собранные коллекции представляли быт и культуру народов индийского субконтинента неполно, отрывочно и часто односторонне. Их было недостаточно для создания современной по методике экспонирования и научному замыслу экспозиции, посвященной этнографии индийских народов [Краснодембская, Соболева 2012].

Поэтому велись упорные размышления о создании особой индийской экспозиции. В ней собирались представить сельский и городской быт, предметы материальной культуры, изделия ремесел, культовые предметы, образцы различных народных искусств. Для решения новых задач была задумана специальная этнографическая экспедиция в Индию и на Цейлон (ныне Шри Ланка), первая и поныне единственная по своей основательности в истории нашей науки. Члены экспедиции должны были, кроме сбора коллекций, вести активную и разнообразную полевую работу: познакомиться с населением разных районов Индии, изучать их языки и культуру [Краснодембская 2009].

Можно было бы ожидать, что для осуществления подобных мероприятий было достаточно просветительских идей В.В. Радлова и энтузиазма его и его помощников. В научной среде долгое время по умолчанию считалось, что финансирование новых

проектов, в том числе экспедиции в Индию, осуществлялось Императорской академией наук. Однако более внимательное и подробное изучение архивных материалов открыло много новых интересных подробностей как в отношении идей, которые лежали в основе бурной музейной жизни на стыке двух веков и их материальной поддержки, так и в отношении организации самих научных и практических деяний.

Для организации и финансирования этнографических экспедиций в 1909 г. по инициативе В.В. Радлова с разрешения Государственного совета был создан Попечительный совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого (первое заседание совета состоялось 21 апреля 1909 г.).

К концу 1913 г. личный состав Попечительского совета выглядел следующим образом: почетный председатель — Его Императорское Высочество князь Александр Георгиевич Романовский герцог Лейхтенбергский (1881–1942); председатель — директор МАЭ академик Василий Васильевич Радлов (1837–1928); представитель ученого персонала — старший этнограф МАЭ Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927); почетные члены — директор-распорядитель Калининского пивоваренного товарищества, директор Невского стеаринового товарищества, директор Товарищества русских паровых маслобоен инженер-технолог Феликс Юльевич фон Шотлендер (1851–1914) [Соболева 2009]; генерал-адъютант, генерал от кавалерии, состоящий при Особе Его Императорского Величества барон Феофил Егорович Мейендорф (1838–1919); действительный статский советник приват-доцент Петербургского университета Владимир Владимирович Святловский (1869–1927) [Соболева 2014б]; профессор Герман Мейер (Herrmann August Heinrich Meyer, 1869–1932) из Лейпцига (Германия) [Соболева 2011]; коммерции советник владелец словолитни в Санкт-Петербурге, товарищ председателя совета Общества взаимного кредита печатного дела в Петербурге Иосиф Иосифович Леман (1866–?) [Соболева 2013а]; действительный статский советник санкт-петербургский 1-й гильдии купец Эмануил Людвигович Нобель (1859–1932) [Соболева 2012]; причисленный к Государственной

канцелярии дворянин Борис Александрович Игнатъев. Последними вошли в состав Попечительного совета текстильный фабрикант Карл Карлович Шейблер (с 22.02.1914), британский подданный председатель правления Товарищества машиностроительного завода «Феникс» Джон Мюргед (с 1915 г.) [Соболева 2014в], барон Анатолий Павлович фон дер Остен-Дризен (1872–1932) (с 1916 г.) [Соболева 2013б]. Из депозита совета были выделены средства на приобретение новых коллекций, командировки лиц персонала МАЭ, пополнение инвентаря и другие хозяйственно-административные расходы, покупку и переплеты книг, изготовление альбомов музея для поднесения Высочайшим особам, добавочные расходы по регистрации, составлению каталогов, награды служащим, почтовые расходы и рассылки [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 161. Л. 402 об.].

Совет немало способствовал расширению сферы деятельности МАЭ, пополнению его коллекций, развертыванию экспозиционно-выставочной и издательской деятельности. Впрочем, этот аспект истории МАЭ пока недостаточно исследован. С помощью Попечительного совета, в частности (а именно на средства предпринимателя Ф.Ю. Шотлендера), в том же 1909 г. была создана галерея Петра Великого в МАЭ. Для ее устройства были выявлены и соединены все коллекции и предметы научного характера, имеющие отношение к Петру I, но до того времени хранившиеся в различных музеях и учреждениях. А для размещения данной экспозиции надстроен третий этаж в музее [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1910. Ед. хр. 8. Л. 15].

К организации этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию был привлечен *«Почетный Член Попечительного Совета Музея, Губернский Секретарь Борис Александрович Игнатъев»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. Ед. хр. 66. Л. 406]. Б.А. Игнатъев, чиновник Государственной канцелярии, член Императорского автомобильного клуба, проживал в Санкт-Петербурге по адресу Фурштатская улица, 60. Этот высокопоставленный чиновник в дальнейшем предполагал и сам на определенном этапе присоединиться к экспедиции МАЭ в Индии.

На заседании Историко-филологического отделения ИАН № 8 28 мая 1914 г. было рассмотрено предложение В.В. Радлова: «Почетный Член Попечительного Совета Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого, причисленный к Канцелярии Государственного Совета Борис Александрович Игнатьев, снарядивший для Музея на свои средства экспедицию в Индию, о которой своевременно мною было доложено Академии, выразил желание на свой счет поехать на некоторое время в Индию, чтобы принять посильное участие в работе экспедиции, а затем отправиться в Японию и Северную Америку для ознакомления с местными музеями и при случае приобрести этнографические предметы для Музея. Считая эту поездку г. Игнатьева весьма полезной для интересов Музея, прошу Отделение командировать г. Игнатьева в упомянутые страны и вместе с тем возбудить ходатайство перед Государственным секретарем о разрешении ему отпуска на время командировки» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 441]. ИАН выдала 4/16 июня 1914 г. ему Открытый лист: «Почетный Член Попечительного Совета Музея, Губернский Секретарь Борис Александрович Игнатьев командировается в Индию, Японию и Северную Америку для обозрения музеев и собирания этнографических предметов» [Там же. Л. 421]. Однако 10 сентября 1914 г. Канцелярия МИД отказалась выдать дипломатический паспорт «Б.А. Игнатьеву, отправляющемуся в экспедицию в Северную Америку, Японию» на том основании, что эта поездка осуществлялась не по Высочайшему повелению (IV.280) [Там же. Л. 444 об.]. Действительно, началась Первая мировая война, и Игнатьеву предстояло вскоре выполнять императорские поручения, связанные с деятельностью российской армии.

Участвовал в финансировании подготовки экспедиции и «король лодзенского хлопка» Карл Карлович Шейблер, директор-распорядитель АПО Бумажных мануфактур Карла Шейблера в Лодзи, товарищ представителя Правления Коммерческого банка в Лодзи, представитель Правления Горнозаводского общества «Сатурн» близ Сосновиц Петраковской губернии, член Правле-

ния Лодзинских электрических подводных дорог, член правлений Общества русских томасофосфатных заводов и общества «Густав Сиверс» в Санкт-Петербурге [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 74. Л. 21 об.]. Он был напрямую заинтересован в продвижении российской текстильной продукции на индийский рынок.

Российское Генеральное консульство в Индии вело успешную деятельность в экономической сфере в период с 1907 по 1917 г., активно способствовало развитию русско-индийских торговых отношений. В сентябре 1908 г. российский генеральный консул в Бомбее А.А. Гейкинг в своем донесении пишет, что за последнее время в консульство «стали обращаться разные индийские фирмы с просьбой дать им адреса русских фирм, к которым они могли бы обращаться для заказов на сахар, растительное масло, золотую парчу и нить, бумажную мануфактуру, фарфор и фаянс, машины» [Русско-индийские отношения 1997: 286]. Он просил Департамент торговли составить список промышленных предприятий, которым могли бы воспользоваться индийские предприниматели. А для ознакомления индийского населения с изделиями русской мануфактуры Гейкинг хотел учредить музей при Генеральном консульстве в Бомбее, экспонаты для которого собирались по всей России: московская фирма Кузнецова предоставила большую коллекцию фарфора, ожидалось экспонаты от ситцевой мануфактуры К.К. Шейблера, Э. Цинделя и других известных российских предпринимателей [Русско-индийские отношения 1999: 287]. В 1910 г. вел свою исследовательскую деятельность в Индии известный индолог Ф.И. Щербатской [Там же: 251–280]. С «экспедиционными целями» туда отправилась даже группа студентов Психоневрологического института [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 68].

Кроме того, В.В. Радлов сумел привлечь к исполнению своих грандиозных замыслов по расширению и усовершенствованию музея внимание царствующей фамилии. Упомянутое уже собрание из 250 индийских предметов, привезенных Николаем II в бытность его цесаревичем, решено было сделать главной базой

для создания в МАЭ специального индийского отдела. Более того, именно от В.В. Радлова поступило предложение *«наименовать залы Отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества, залами Его Императорского Величества Николая II»*. Почетный председатель Попечительного совета Его Императорское Высочество князь Александр Георгиевич Романовский герцог Лейхтенбергский обратился к Историко-филологическому отделению ИАН 29 января 1914 г. с рядом конкретных предложений, в том числе о переводе «Галереи Петра Великого» в переустроенное здание бывшей Кунсткамеры, а также *«о наименовании отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества Государя Императора, залами Его Императорского Величества Императора Николая II»* [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 20]. МАЭ в марте 1914 г. удостоил своего посещения и сам император. В.В. Радлов сообщал в Академию наук: *«Имею честь доложить Отделению, что 5-го числа сего марта Его Императорское Величество Государь Император осчастливил Музей своим посещением»*. Николай II *«одобрил проект реставрации и переустройства бывшего здания Кунсткамеры, предназначавшегося для упомянутого Музея, а также помещения в этом здании Галереи Императора Петра I»* не позднее 1917 г. и разрешил *«исходя из ходатайства Директора Музея наименовать залы Отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества, залами Его Императорского Величества Николая II»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 323–324]. Во время своего визита, рассматривая галерею Петра Великого как собственность императорской фамилии, царь также предложил для специального надзора за ней создать особую комиссию *«из лиц персонала Музея и чинов Министерства Императорского Двора»* [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 74. Л. 20 об].

Таким образом, последний российский император проявил личную заинтересованность в делах музея. По-видимому, это сыграло немаловажную роль в осуществлении различных музейных проектов, в том числе и в организации индийской экспедиции.

Идея увековечения памяти российских императоров, предложенная Радловым и понравившаяся царю Николаю II, в заметной степени (не будем в настоящий момент обращаться к иным основаниям социально-исторического характера) определила бурный интерес к Индии в этот период. В середине 1900-х годов в Бомбее секретарем российского генерального консула А.А. Половцова работает уже упоминавшийся известный востоковед М.С. Андреев (а в 1911 г. он назначается и. о. российского консула во французских колониях в Индии и в Индокитае). Помимо своих дел дипломата в Индии он активно изучает языки хинди и урду, собирает этнографические коллекции. От собирателя М.С. Андреева в дар и по закупке поступило в МАЭ несколько сот этнографически ценных предметов. Самый известный и самый большой индийский экспонат МАЭ получен в дар от М.С. Андреева: часть резного деревянного дворца маратхского пешвы из г. Насик XVIII в. (из его деталей сложен так называемый «портик», украшающий вход на индийскую экспозицию) [Кудрявцев 1953: 140–146]. Однако в самой экспозиции (а большей частью пока в фондах) присутствуют и многие другие ценнейшие предметы из коллекций М.С. Андреева. Примечательно, что это экспонаты, преимущественно характеризующие культуру и быт народов Южной Индии, т.е. того региона, который был почти совершенно незнаком европейской науке в первой половине XX в. Таким образом, М.С. Андреев оказался в этой области одним из первопроходцев, а собранные им коллекции уникальны.

Коллекция М.С. Андреева МАЭ № 2055 (296 номеров) из г. Пондишери, Южная Индия, была приобретена МАЭ в 1912 г. *«Она состоит 1) из составных частей священной колесницы, на которых вырезаны рельефные изображения индусских богов, демонов, героев, сцены борьбы, стилизованные животные. Материал — дерево (teak⁵); 2) из бронзовых изделий: статуэток богов, предметов жертвоприношения, изображений разных животных,*

⁵ Тик (англ.).

посуды, мантрических дощечек, рельефных изображений» [опись МАЭ № 2055]. Г.Х. Мерварт в 1913 г. подробно описал первые 50 предметов, выделил несколько групп индуистских божеств, указал литературу на английском языке. Работу продолжила Л.А. Мерварт в 1920-е годы по возвращении из Индии.

Г.Х. Мерварт разобрал девять коробок (845 предметов) фотографий, сделанных в Южной и Средней Индии Виктором Викторовичем Голубевым (1878–1945). Они были подарены путешественником МАЭ 8 февраля 1914 г., а уже 19 февраля 1914 г. предварительный список этих фотографий был составлен. Г.Х. Мерварт выделил в коллекции МАЭ № 2300 шесть групп изображений священных мест: Санчи (Бхопал)⁶, археологические экспонаты из Мадрасского музея (Amaravati⁷ railing⁸), храмы и пещерные храмы в Mamallapur⁹ (Chingleput District), Южная Индия; Kailasa (Ellora)¹⁰, пещерный храм в Элефанте¹¹ (около Бомбея), пещерные храмы в Ajanta¹² (на Деккане).

⁶ Выдающиеся памятники раннебуддийской архитектуры — храмы, ступы, монастыри — в деревне Санчи в штате Мадхья-Прадеш.

⁷ Амаравати — город на юго-востоке Индии, в штате Андхра-Прадеш. Сохранились фрагменты буддийской ступы (III в. до н.э.).

⁸ Ограждение (англ.), балюстрада вокруг ступы, ее главное украшение, имеющее четверо ворот (торана).

⁹ Махабалипурам (Mahabalipuram) — город на Коромандельском берегу в штате Тамилнаду. Памятники монументальной скульптуры и зодчества VII в. н.э., вырубленные в монолитных скалах, входят в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Значительная часть древнего порта Мамаллапурам ныне находится под водой.

¹⁰ Кайласанатха (Kailasanatha) — скальный индуистский храм, центральное сооружение комплекса пещерных храмов в Эллоре, штат Махараштра.

¹¹ Элефанта (Elephanta) — архитектурно-кастовый комплекс в центральной части о-ва Гхарапури в Аравийском море, входит в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

¹² Аджанта — буддийский (преимущественно) храмово-монастырский пещерный комплекс в штате Махараштра, входит в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Это был первый опыт изучения героями нашего повествования индийских собраний МАЭ [Краснодембская 1997]. Полученная информация, несомненно, была учтена при составлении маршрутов путешествия по Южной Азии. Очевидно, богатый визуальный ряд экспозиций Государственного музея в Мадрасе (В.В. Голубев сделал там более 190 снимков) подготовил Мервартов к первому визиту в музеи Индии, где они произвели благоприятное впечатление на специалистов. Мерварты сделали еще 17 фотографий археологической галереи и предметов археологических раскопок Мадрасского музея (джайнские статуи, буддистские и индуистские изваяния в Мадрасском музее — коллекция МАЭ № 3036).

Между тем подготовка к специальной индийской экспедиции МАЭ шла полным ходом, тщательно и целеустремленно. Г.Х. Мерварт, поступивший на службу в МАЭ, изучил весь индийский фонд музея. Затем состоялась его поездка в библиотеки и музеи Германии, консультации с европейскими специалистами-индологами и другими востоковедами. Для выработки программы экспедиции в России была создана особая комиссия, в которую вошли академики В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, профессор Ф.И. Щербатской, старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг. Целью экспедиции был комплексный сбор коллекций, которые бы в наибольшей полноте характеризовали культуру и быт различных народов Индии и Цейлона. Для этого предполагалось на месте вести этнографическое наблюдение и изучать индийские языки. Будущая экспозиция должна была показывать сельский и городской быт, материальную культуру, изделия ремесла, культовые предметы, характеризующие религиозные воззрения и верования народов Южной Азии. Многие задачи пришлось потом решать в ходе полевой работы: выбирать наиболее характерные и интересные с точки зрения этнографии объекты изучения, факты и явления, разрабатывать методы этнографических опросов и сбора материалов. На эти темы участники экспедиции, уже находясь в изучаемых странах, вели переписку с коллегами [Краснодембская 2009].

Важно также отметить, что участники экспедиции в своей исследовательской работе в полевых этнографических условиях и при сборе коллекций учитывали европейские индийские собрания и стремились найти и приобрести новые, оригинальные экспонаты. Так, им первым удалось открыть для научного мира такое интересное явление южноиндийской народной культуры, как малаяльский театр *катхакали*. И привезенная ими коллекция костюмов и атрибутов этого театра, хранящаяся в МАЭ и выставленная в экспозиции «Народы Южной Азии», по-настоящему уникальна. Но подробнее скажем об этом позже.

Международное музейное сотрудничество в «радловский период» жизни МАЭ вообще рассматривалось как норма. Именно в это время осуществлялся международный межмузейный обмен экспонатами. В Попечительный совет музея входили известные зарубежные индологи, осуществлялись и дарения МАЭ коллекций от иностранцев. К их числу относился, например, профессор Ганс Мейер (Hans Heinrich Josef Meyer, 1858–1929) из Лейпцига (ему МАЭ, в частности, обязан редкой коллекцией цейлонских масок). Он был избран корреспондентом МАЭ. За щедрые пожертвования и оказанные музею услуги профессор Ганс Мейер был награжден несколькими российскими орденами [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 51. Л. 199–210]. В июле 1914 г. Правление ИАН направило в Департамент общих дел Министерства народного просвещения ходатайство о «*Всемилоостивейшем возведении в русское потомственное дворянство*» К.К. Шейблера [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 74. Л. 21 об.], что было бы достойной наградой этому щедрому спонсору.

Итак, готовились к будущей экспедиции очень обдуманно. В высшей степени компетентная комиссия приложила немалые усилия для подробной разработки ее программы. Участниками экспедиции предстояло стать супругам Мерварт.

1.3. Г.Х. и Л.А. Мерварт: становление ученых

Густав Герман Христиан Мерварт (Gustav Hermann Christian Meerwarth, в России — Герман Христианович) родился 16 октяб-

ря 1884 г. в городе Мангейм, столице земли Баден, а некогда — независимого немецкого княжества. Здесь он позднее поступил в гимназию. С 14 лет давал уроки — помогал родителям. Окончил гимназию Г.Х. Мерварт уже в Гейдельберге, старой столице Бадена, университетском городе, куда был переведен отец. Он поступил на юридический факультет Гейдельбергского университета, но после первого семестра ушел на военную службу вольноопределяющимся на один год. В своем «Жизнеописании»¹³ в 1930 г. он указал, что родом «из бедных крестьян. Отец работал на фабрике как рабочий, а после военной службы получил место городского в г. Мангейме (где я родился), после 23 лет службы — место вахтера в правительственном здании г. Брухзаль» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 294–301 об.]. Демобилизовавшись, Г.Х. Мерварт восстановился в Гейдельбергском университете, но перешел на историко-филологический (философский) факультет, где изучал германистику, государственное право, историю. В 1907 г. он получил степень доктора философии (по истории и языковедению) с отличием [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 35]. Тема его докторской диссертации — «Общественное мнение в Бадене после освободительных войн» [Вигасин 2003: 377].

По окончании университета Г.Х. Мерварт три месяца работал домашним учителем в семье владельца химического завода Кениг в Лейпциге [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 401 об.]. Там он познакомился со студентками из России, о чем позднее вспоминал следующее: «Одна из них живет в Москве, замужем за писателем Волонштейном (Мария Михайловна Фейтельсон).

¹³ В архивном уголовном деле Архива УФСБ по СПб. и ЛО хранится составленное А.М. Мервартом «Жизнеописание» (калька нем. «биография»). А.М. Мерварт обвинялся по так называемому «Академическому делу» 1929–1931 гг. В ходе следствия ему пришлось написать несколько вариантов своей биографии, в которых отразились детали и многие малоизвестные эпизоды экспедиции на Цейлон и в Индию (1914–1918), пребывания на Дальнем Востоке (1918–1923), командировки в Германию и Францию (1927) и многое другое.

Она рекомендовала меня своей тете, которая в Петербурге основала школу новых языков (*The Pritchard School of Foreign Languages*) на углу Невского пр. и Надеждинской. Другая — известная певица Эльтур¹⁴ — рекомендовала меня на лето 1908 г. в семью композитора Спендиарова¹⁵ в Ялте, где я в качестве гувернера провел три месяца» [Там же. Л. 294].

Круг интересов молодого доктора наук был, однако, очень широк. Он хотел стать журналистом, и, бесспорно, Россия с ее огромной территорией, загадочным прошлым и, как казалось, перспективным будущим все больше интересовала его. В Россию Г.Х. Мерварта «тянуло желание видеть новый, мало известный мир и расширить таким образом свой кругозор» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 294].

После Ялты контракт окончился. Г.Х. Мерварт сдал экзамены на звание учителя немецкого языка при учебном округе и поступил преподавателем в Санкт-Петербурге на курсы иностранных языков, преподавал немецкий и английский языки там, а также в протехническом училище [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11]. На курсах Притчард Г.Х. Мерварт прослужил три года, до 1912 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 402] Другими иностранцами — сослуживцами по курсам Притчард (впоследствии вернувшейся в Англию) были англичанин Брайт, ирландец Чэттертон-Хилл, француз Левакши, итальянец Нардучи. В России Г.Х. Мерварт не вступал ни в какие немецкие земляческие объединения [Там же. Л. 297 об.]. Он стремился погрузиться в гущу так интересовавшей его российской жизни.

Обладая блестящими способностями к языкам, Г.Х. Мерварт русским языком овладел быстро и уже через год, летом 1909 г., служил переводчиком американскому директору фабрики земле-

¹⁴ Исакович (Калантарова) Анна Самойловна, псевдоним Анна Эльтур (1886–1954) — русско-французская певица и музыкальный педагог.

¹⁵ Спендиаров (Спендиарян) Александр Афанасьевич (1871–1928) — российский композитор и дирижер. Дом Спендиарова в Ялте (Екатерининская ул., 3) был центром музыкальной культуры.

дельческих машин «Белор» во время объезда его покупателей, сопровождал его в поездке по Южной России и далее — по Европе до Берлина.

На курсах Г.Х. Мерварт познакомился с Л.А. Левиной.

В документальных материалах архивного фонда Департамента народного просвещения в формулярном списке о службе Густава Германа Христиановича Мерварта имеются следующие сведения: «Родился 16 октября 1884 г., евангелическо-лютеранского вероисповедания»¹⁶.

1911 г. — получил свидетельство на звание учителя гимназии и прогимназии, утвержден в должности преподавателя немецкого языка в мужской гимназии Г.Г. Ягдфельда, Петроград.

1912 — принял присягу на подданство России.

1913 — назначен штатным преподавателем немецкого языка в гимназии Г.Г. Ягдфельда в г. Петрограде.

1914 — перемещен штатным преподавателем немецкого языка в гимназии Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича.

1914 г. — уволен по прошению от службы в связи с приглашением его в качестве санскритиста и индусолога для подготовки экспедиции в Индию.

1914 г. — причислен к Министерству Народного Просвещения и командирован для занятий в МАЭ при АН.

Недвижимого имущества не имеется.

Женат на дочери действительного тайного советника Л.А. Левиной, вступил в брак в 1912 г.

В списке служащих МНП на 1917 г. значится Мерварт Г.Х., откомандированный для занятий в МАЭ при АН» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 18. Л. 215].

¹⁶ «Я не религиозен. Пребывание в Братстве [святителей Ионы, Филиппа и Алексея] — из интереса к религиозным вопросам. Я атеист» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 177 об.]. Отец Г.Х. Мерварта и его семья принадлежали к секте «Новоапостольская община». [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 300 об.].

В 1911 г. Г.Х. Мерварт был зачислен вольнослушателем Санкт-Петербургского университета по Восточному и Историко-филологическому факультетам. Занимался у профессора Ф.И. Щербатского греческим языком и санскритом, у профессора Ростовцева — римской историей и латинским языком, у И.А. Бодуэна де Куртенэ и П.В. Булычева — сравнительным языкознанием. Ф.И. Щербатской в конце 1912 г. познакомил Г.Х. Мерварта с В.В. Радловым [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 401–402 об.].

В 1912 г. Г.Х. Мерварт принял русское подданство, *«чтобы поступить в учебное заведение»*, он поступил вольнослушателем в Петербургский университет по Восточному факультету [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 174 об.].

«К тому времени я был обручен с моей теперешней женой, которая не хотела выйти замуж за человека иностранного подданства, потому что она не хотела стать германской подданной. Кроме того, в то время думал уже окончательно устроиться в России, поступив опять вольнослушателем в Университет, заниматься восточными языками. Переход в русское подданство произошел таким образом: узнал от отца одного из моих учеников, что лица, служащие на государственной службе, — я тогда был преподавателем немецкого языка в гимназии Ягдфельда, обладавшей правами правительственной гимназии, — могут перейти в русское подданство без соблюдения обычных сроков и формальностей. Всё, что мне пришлось сделать, было — пойти вместе с директором гимназии к пастору Ганзен, отцу теперешнего пастора — принести присягу верности России и на основании свидетельства от пастора я выбрал русский паспорт. Т.о. я фактически официально не был выпущен из германского подданства. Я, правда, этим обстоятельством не пользовался. В Германии я говорил всем моим родственникам и знакомым, что я стал русским подданным» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 294–295].

Позднее Герман Христиан изменил свое имя на Александр Михайлович Мерварт: *«Православие принял в Индии в 1916 г. для того, чтобы переменить имя и отчество, которое тогда было*

одиозно ввиду войны с Германией» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 177 об.]. Но дома его еще раньше звали Александром: в письме с о-ва Цейлон 1 сентября 1914 г. Л.А. Мерварт пишет: «Шурочка всех Вас целует» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 10].

Л.А. Мерварт впоследствии указывала: «А. Мерварт по моему настоянию принял русское подданство. Тогдашний секретарь германского консульства в Ленинграде Пахер уговорил его сохранить за собой и немецкое гражданство. Александр Михайлович хотел это сделать, но я воспротивилась. Александр Михайлович обещал мне от этой мысли отказаться» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 14. Л. 39–40].

Те, кто хорошо знали Мерварта лично, отмечали яркость его натуры. Говорили, он был веселым, остроумным, необычайно энергичным человеком. Довольно высокого роста, худощавый, светловолосый, он, казалось, как ходил, так и по жизни шел — легко, и все, чем занимался, делал точно играючи. В то же время его отличало огромное трудолюбие. Возможно, сказались семейные традиции. Он был родом из небогатой баденской семьи, в которой все с раннего возраста трудились.

Далее в своем «Жизнеописании» А.М. Мерварт пишет: «В 1913 г. зимой я получил от академика В.В. Радлова, тогдашнего директора Музея Антропологии и Этнографии Академии наук, которому меня рекомендовал мой учитель проф. Щербатской, приглашение поступить на службу Музея и создать индийский отдел этого музея. Я принял приглашение и стал работать в Музее. Летом 1913 г. я получил командировку в Берлин и Мюнхен для изучения индийских отделов этих двух музеев. После подготовки к своей командировке в Индию я уехал в начале апреля 1914 г. на пароходе Добровольного Флота в Коломбо. Я пробыл на Цейлоне и в Индии почти 4 года. Отчет о нашей научной и собирательской работе напечатал в изданиях АН» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 235].

Список лиц, с которыми Г.Х. Мерварту приходилось встречаться и знакомиться — служебно и штатно — с 1914 г. в Санкт-

Петербурге, весьма представителен: В.В. Радлов, директор МАЭ; Л.Я. Штернберг, старший этнограф; С.Ф. Ольденбург, непреходящий секретарь Академии наук; Ф.И. Щербатской, профессор; М.И. Ростовцев, профессор; Ф.Ф. Зелинский, профессор; И. Бодуэн де Куртенэ, профессор; С.Н. Булич, профессор; Г.Г. Зоргенфрей, директор VI гимназии; Б.Г. Ягдфельд, директор частной гимназии, и тогдашний учительский состав этой гимназии; сотрудники МАЭ (В.В. Лемешевский, Е.Л. и Б.Э. Петри, К.К. фон Гильзен, Э.К. Пекарский, С.М. Широкогоров, С.М. Дудин, К.З. Яцута, А.И. Иванов, Я.В. Цехановский, Ф.А. Фиельструп, Г.Г. Манизер) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 297 об.]. В связи с экспедицией в Индию Г.Х. Мерварт познакомился с Б.А. Игнатьевым, одним из членов попечительного совета МАЭ [Там же].

Людмила Александровна Мерварт (родилась 25 августа, или 6 сентября по новому стилю, 1888 г. в Санкт-Петербурге¹⁷; скончалась 9 сентября 1965 г. в Москве) была исконной петербурженкой, дочерью известного врача — инфекциониста и эпидемиолога Александра Михайловича Левина, доцента Военно-медицинской академии. Мать ее ушла из жизни в молодом возрасте, но мачеха (третья жена отца, вторая также умерла очень рано) умела создать в семье дружную, счастливую атмосферу для всех четырех детей А.М. Левина. Хотя при этом, отметим, эта женщина не стала с любимой профессией: она была отличной хирургической медсестрой. Марию Семеновну в семье всегда вспоминали как человека необыкновенной доброты, чуткости и ума.

Многие годы «гнездом» большой семьи была пятикомнатная квартира на первом этаже дома по Спасской (позже — Рылеева) улице. Позднее она стала коммунальной, но, к счастью, половину квартиры заняли хотя и чужие люди, но симпатичные: добрые и порядочные. В доме сохранялась семейственная атмосфера.

¹⁷ Л.А. Мерварт о себе писала в анкетах, что родилась в августе-сентябре 1888 г. в г. Санкт-Петербурге, русская. *«Социальное происхождение: дворянка (личное), дочь профессора медицины. Отец получил дворянство как научный работник и происходит из мещан»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 9].

Сюда, к своему детству и общему семейному прошлому возвращалась Л.А. Мерварт из путешествий по дальним странам, из временных жилищ (казенных комнат, общежитий) в родном городе, из Москвы, когда стала ее постоянной жительницей (а московский период ее жизни был не мал — он длился около 30 лет). Когда уже покинули этот мир самые близкие ей люди, ее все еще встречали в том доме по-родственному, с радушием, уважением и любовью вдова и дочь ее младшего брата Владимира Александровича Лобанова. Именно от них в 1970–1980-е годы одна из авторов настоящей книги узнала ряд подробностей об истории семьи Левиных-Мерварт, ей подарили фотографии Людмилы Александровны и ее супруга, вынув их из семейного альбома. Хочется отметить интересное совпадение: на этой улице, Спасской/Рылеева, почти окна в окна с бывшей квартирой А.М. Левина теперь расположено Генеральное консульство Индии. Существуют же в продолжительном течении жизни какие-то тайные связи и знаки...

С детства Л.А. Мерварт отличалась большими способностями к изучению языков, а еще — мечтой увидеть своими глазами Индию. Об этой далекой удивительной стране она девочкой много слышала от отца. Александр Михайлович Левин в 1897 г. во время страшной эпидемии бубонной чумы в Индии был направлен русским правительством в Бомбей на помощь местным врачам. Он был совершенно покорен Индией и передал эту любовь и увлечение своей дочери, которая еще ребенком заслушивалась его рассказами о далеком удивительном крае ([Левин 1897]; см. также: [Ванина 2012]). Все дети А.М. Левина росли в атмосфере культа просвещенности, стремились строить свою жизнь в соответствии с идеалами интеллигентной среды. Людмила Александровна всегда стремилась к высокому образованию, получить которое для женщин ее времени было еще не очень просто.

Людмила Левина училась в Женской Мариинской гимназии. В 1910 г. окончила романо-германское отделение историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов, но этим не ограничилась и в 1911 г. добилась права сдать государственные экзамены в Петербургском университете [Мер-

варт Л.А. 1973]. К тому времени уже было разрешено женщинам сдавать экзамены за университетский курс, но, когда Людмила Александровна решилась это сделать, она все же столкнулась с нежеланием некоторых университетских начальников пойти ей навстречу. Борьба завязалась драматично: когда она сдавала один экзамен, ей в надежде, что она не справится, на следующий же день предлагали сдать еще один, каждый раз труднее (как казалось экзаменаторам) предыдущего. Этот эпизод, о котором Н.Г. Краснодембской рассказывала сама Людмила Александровна, выразительно описан в очерке И. Всеволодова и А. Никифорова [Всеволодов, Никифоров 1973: 158–163].

Но утратить целеустремленную девушку не удалось: она была готова к сдаче экзамена и по литовскому языку, знание которого считалось редкостью, и по санскриту (ее ведь уже обучил этому древнему индийскому языку сам академик — индолог С.Ф. Ольденбург, который не придерживался в преподавательской деятельности ограничений по половому признаку). Так что в результате Л.А. Левина все-таки получила необходимое свидетельство, дававшее ей право на поступление в государственную службу, а именно в мужскую гимназию Ягдфельда, где она стала преподавать немецкий язык [Краснодембская 2011]. Итак, мы отмечаем то важное обстоятельство, что С.Ф. Ольденбург был наставником Л.А. Левиной (Мерварт) в индологии, Ф.И. Щербатской преподавал санскрит Г.Х. Мерварту.

У Людмилы Александровны Левиной (Мерварт) вообще были прекрасные лингвистические способности, и она овладела многими европейскими и восточными языками. 15 октября 1912 г. она была избрана в члены Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете [Записки 1914: 61], опубликовала научную статью в его «Записках» [Мерварт Л.А. 1914].

Людмила Александровна была невысокого роста, с юности полновата. Нежный овал лица, большие выразительные глаза, разлитая в облик глубокая женственность — такой предстает она на своих девичьих фото. Взгляд очень серьезный, целеустремленный. Возможно, отчасти сказывается сильная близорукость,

которой она страдала с детства. Близорукость была такой высокой степени, что всю жизнь Людмила Александровна могла читать и писать, лишь приближая текст к самым глазам. Но глубокая серьезность явно была свойственна и ее натуре.

Людмила Александровна работала с 1912 г. в средних учебных заведениях — в гимназии Никандровой, в гимназии Юргенсона, в Демидовской женской гимназии на высших педагогических курсах¹⁸, с февраля 1914 г. — в Петербургской VI гимназии Ягдфельда, иначе «Гимназии им. Наследника цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича» [СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 11], преподавание немецкого языка совмещала с практикой в МАЭ [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 10 об.].

До 1912 г. Людмила Александровна жила у отца. Вступив в брак в 1912 г., молодые поселились отдельно (дом Перцова — Лиговка, 44, кв. 425 [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 263–266]). Молодые не были состоятельными людьми и никогда не стремились к накоплению денег. До 1914 г. все сбережения молодой семьи составляли 2000 руб. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 181].

Людмила увлекла своего будущего мужа — Германа Христиановича Мерварта — своей любовью к Индии, которая стала одной из связующих нитей между молодыми людьми. Как рассказывали в свое время ее родные, она передала жениху свои мечты об Индии. И неожиданным образом эти мечты смогли реализоваться в удивительной полноте.

¹⁸ Демидовское учебно-воспитательное училище — приют, в который принимали девочек из бедных семей разных сословий и вероисповеданий. С 1908 г. — Демидовская женская гимназия, с 1912 г. — восьмиклассная, с двухгодичными педагогическими курсами иностранных (французский, немецкий) языков (с 1909 г.) при ней, на которые принимались девушки 17–21 года, окончившие семиклассный курс гимназий. Выпускницы курсов получали дипломы, на основании которых имели право преподавать иностранные языки во всех классах институтов, женских гимназий, в четырех младших классах мужских гимназий и прогимназий, и звание учительницы средних учебных заведений.

Далее жизнь супружеской пары оказалась неразрывно связана с Музеем антропологии и этнографии, с его задачами развития и совершенствования. Они были молоды, полны энтузиазма, образованны и трудолюбивы. И оба были готовы потрудиться для развития и обогащения известного петербургского музея.

1.4. Подготовка к экспедиции МАЭ

В.В. Радлов 27 марта 1913 г. добился согласия Историко-филологического отделения Императорской академии наук устроить в *«Музее специальный отдел культуры Индии и Индо-Китая и для осуществления этого подготовить специалиста, знакомого с языками этих стран, которого можно было бы впоследствии командировать в Индию для собирания коллекций, и с этой целью предложил рекомендованному мне специалистами доктору филологии Гейдельбергского Университета, преподавателю гимназии Гермону Христиановичу Мерварту, специально занимавшемуся санскритским и дравидийскими языками, научно подготовиться к предлагаемой <...> экспедиции и отправиться в Берлин, чтобы работать там в течение лета в местных библиотеках и Музее народоведения под руководством профессора Грюнведела»*. 27.03.1913 г. Конференция разрешила командировать Г.Х. Мерварта в Берлин с 1 мая 1913 г. и одновременно сделать распоряжение об исходатайствовании для него заграничного паспорта [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 367 об.].

Из Берлина, Пассауерштрассе, 36 (Passauerstr. 36) 6 июня 1913 г. Г.Х. Мерварт рапортовал В.В. Радлову (письма написаны на немецком языке).

«Ваше Превосходительство!

Глубокоуважаемый господин тайный советник!

Вы, вероятно, уже думаете, что я ленюсь писать. Но прежде чем написать Вам, мне хотелось сначала лучше разобраться в здешней обстановке. В Берлине я около 1½ недель и очень доволен увиденным здесь. Более всего — самим профессором Грюнведем. Такого радушия и неизменной готовности пойти навстречу я и представить себе не мог. Я очень рад этому. Радуют меня

и личные отношения, которые завязались за короткое время. Грюнведель — при всей его баварской прямолинейности и резкости высказываний в адрес тех, кто ему неприятен, — прекрасный, добрейшей души человек, вынужденный, к сожалению, находиться в окружении, которое его не понимает, и приспособиться к которому он не может. Это трагедия. Господа ЛеКок¹⁹ и Мюллер²⁰ сейчас отсутствуют, поскольку Мюллер тяжело болен; так что нет необходимости пускаться в ход мое дипломатическое искусство.

В Музее я основательно изучил первобытные народы, а также дравидов. Теперь начал заниматься северной Индией, Бенгалией. На основе сравнительных материалов проработал «письменность». Материал очень богатый, хотя не всегда равноценный. Развитие религии показано совершенно бессистемно, разбросано по всевозможным картам. Вообще принятый здесь способ представления²¹ представляется спорным. Соединение географического и предметного принципов сразу же производит впечатление отсутствия всякой системы, хотя я прекрасно понимаю, что строгое следование одному принципу имеет свои недостатки. Великолепное собрание: Ассам и государство шанов. Прекрасно представлены племена Нилгири. Также очень богатое собрание по кхондам. Представлено довольно много типов народов, но фигур недостаточное количество, к тому же они практически скрыты от глаз посетителей. Показаны и сцены индийского народного быта: свадебное шествие, к сожалению, без пояснения деталей, и сцена нападения тугов²² — тоже без пояснительного текста.

¹⁹ Лекок, Альберт фон (нем. Albert von Le Coq, 1860–1930) — немецкий исследователь Центральной Азии, археолог, сотрудник Берлинского музея народоведения, руководитель Первой королевской прусской экспедиции в Турфан.

²⁰ Мюллер, Герберт (нем. Herbert Müller, 1885–1966) — сотрудник Восточноазиатского отдела Берлинского музея народоведения. В 1912–1914 гг. совершил путешествие в Китай для сбора археологических материалов.

²¹ Разъяснение музейных терминов см. в главе 5.

²² Туги — индийские разбойники-душителы, поклонявшиеся богине Кали.

Обо всех подробностях и результатах моих штудий, с Вашего любезного позволения, доложу по своём возвращении. У меня к Вам есть ещё просьба относительно создаваемой подсобной библиотеки Индийского отдела. Необходимо приобрести (даже если имеется в наличии в других библиотеках Петербурга): 1) «*Indian Gazetteer*»²³, а именно самое последнее издание. Оно, правда, дорогое — 50 рублей, но это основа для дальнейшего развития. 2) *Thurston. «Castes and Tribes of Southern India»*²⁴. В целом недорого: все 7 томов стоят, полагаю, около 10 рублей. Однако по уверению профессора Грюнведела Мадрасский Музей отдает научным учреждениям экземпляры бесплатно. Поэтому было бы хорошо от имени Музея или Академии написать официальное письмо в дирекцию [Мадрасского] Музея, чтобы труд осенью был в Петербурге.

Это пока самое срочное. Надеюсь, что эти строки застанут Вас в добром здравии. Остаюсь

Преданный Вашему Превосходительству
Д-р Г. Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 168–170 (на нем. яз.)].

Следующее письмо В.В. Радлову отправлено 22 июня / 9 июля 1913 г. из Мюнхена (пансион Бухер, Максимилианштрассе, 20б III; Maximilianstr. 20b III, Pension Bucher).

«Ваше Превосходительство!

Глубокоуважаемый господин тайный советник!

Вначале я хотел бы принести извинения за долгое молчание, но я настолько устал за последние недели, что сил хватало лишь для работы в музеях. Своим пребыванием в Берлине я весьма удовлетворен. Этим я обязан прежде всего неизменной любезности и поразительным знаниям Грюнведела. Я очень рад тому, что мы с ним сблизились, поскольку именно наши частые беседы дали мне так много идей относительно направления моей работы, такие

²³ “The Imperial Gazetteer of India” — географический справочник Британской Индии, издается с 1881 г.

²⁴ *Thurston E., Rangachari K. Castes and Tribes of Southern India. Vol. I–VII. Madras: Government Press, 1909.*

ценные указания, что теперь я довольно чётко представляю стоящую передо мной задачу, пусть даже и в общих чертах. Грюнведель обратил мое внимание на ряд особенно важных и богатых с этнографической точки зрения областей, а именно: Цейлон, Нилгири, внутренний Декан, Ориссу и в том числе на районы Гималаев. На Цейлоне особенно интересны демонические культы. Я собрал и изучил соответствующую литературу (Грюнведель в свое время тоже занимался этим вопросом и опубликовал очень хорошую статью) и пришел к выводу, что при определенном знании сингальского языка и наблюдая церемонии собственными глазами здесь можно сделать ещё очень много. Именно для понимания индуизма и, конечно же, современного буддизма необходимо всестороннее изучение веры в демонов – насколько возможно в самых широких взаимосвязях. Я думаю провести на Цейлоне, вероятно, месяца 2–3, собрать по возможности полный набор масок демонов, попытаться раздобыть имеющуюся туземную литературу (книги заклинаний и колдовства); хотелось бы, если позволят обстоятельства, сделать фонографические записи и фотографические снимки заклинаний и получить таким образом материал для дальнейшей более тщательной обработки. Затем я намереваюсь направиться в Южную Индию, для начала на 1–2 недели в Мадрас для того, чтобы приобрести там знакомства и далее во внутренние районы, главным образом к горным народам. И здесь среди всего прочего мне хотелось бы узнать всё, что только возможно, о демонизме у тамиллов. Детали, разумеется, мне пока еще неясны, это станет понятно зимой, когда я буду изучать соответствующую литературу. Особенно богаты (по сведениям Грюнведела и Шермана и судя по материалам коллекций) Ассам и гималайские страны. Это касается одежды, оружия, домашнего убранства, которые вследствие более сурового климата должны быть представлены богаче и разнообразнее, а также самых различных форм культа, в которых древнее колдовство, анимизм причудливо переплетаются с индуизмом и буддизмом. Территория огромная по протяженности, поэтому для путешествия по Гималаям мне, видимо, может потребоваться весь второй год.

Для посещения таких центров индуистской культуры как Дели, Бенарес, Пуна и т.д. остается тогда в лучшем случае около 6 месяцев. Но, во-первых, во всей этой области отличное транспортное сообщение, во-вторых, исходя из того, что мне известно, для этих индуизированных частей страны характерно значительное единообразие — так что для нашего Индийского отдела, долженствующего содержать в первую очередь всё самое важное и типичное, указанный период времени кажется вполне достаточным. Наиболее интересными мне представляются первобытные племена, дравиды и гималайские народы.

Тем временем я обстоятельно осмотрелся и в Мюнхене и отметил для себя некоторые важные и любопытные моменты. По содержанию своему здешний Музей далеко не столь богат, как Берлинский, тем более что материалы бирманской экспедиции Шермана еще не распакованы и лежат на недоступных складах. Однако пребывание в Мюнхене было для меня важным постольку, поскольку выставление у Шермана может служить образцом во всех отношениях, оно основано на индивидуальном подходе и прекрасном понимании потребностей посетителя. Это внимание к интересам публики, к сожалению, полностью отсутствует в Берлине — и таким образом все богатство Берлинского музея уступает по наглядности и поучительности сравнительно небольшому количеству экспонатов в Мюнхене.

Вместе с тем мне удалось установить очень хорошие личные отношения с Шерманом. Мне просто недостает слов, чтобы в полной мере отдать должное его любезности и радушию. Эти отношения, надеюсь, будут только полезны для нашего Музея и для моей поездки в особенности. Шерман пообещал мне написать рекомендательные письма к своим корреспондентам и знакомым в Индии, а в частных беседах с ним и его женой я получил множество полезных советов: о путешествиях в Индии, общении с англичанами и местным населением, о ценных с этнографической точки зрения областях и т. п.. Так что своим пребыванием в Мюнхене я могу быть только доволен. Шерман также выдвинул различные предложения о сношениях между музеями,

в частности между Петербургом и Мюнхеном, которые кажутся мне весьма достойными внимания. По своем возвращении позволю себе доложить Вам об этом устно.

Оставшиеся от летних каникул дни я проведу у своих родителей в Брухзале (Schlossraum 23), чтобы здесь спокойно осмыслить впечатления лета и подыскать что-нибудь для занятий зимой. 26/13 августа приеду в Петербург и буду ожидать Вашего приглашения сделать доклад.

Мой петербургский адрес: Лиговка 44 кв. 425. Телефон: дом Перцова, № 425.

Надеюсь застать Вас в полном здравии, за сим остаюсь

Искренно преданный Вам Г. Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 263–266 (на нем. яз.)].

Результаты командировки стали подспорьем для дальнейших усилий В.В. Радлова по привлечению специалистов в МАЭ. 25 сентября 1913 г. он информировал Историко-филологическое отделение Императорской академии наук, что «*при непрерывном росте Музея и расширении его отделов является необходимость в увеличении персонала специалистов по разным областям этнографии и археологии. Не имея возможности всем таким лицам давать штатные места, я, на основании долголетнего опыта, считаю целесообразным всего ввести несколько мест сверхштатных, которые давали бы таким лицам, по крайней мере, привилегии государственной службы, каковой мерой можно бы привлечь за сравнительно небольшое вознаграждение на постоянную службу лиц с надлежащими знаниями и опытом. Ввиду этого прошу исходатайствовать разрешение Господина Министра Народного Просвещения на введение в штаты 1 места сверхштатного младшего антрополога и 2 сверхштатных младших этнографов*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 82].

Г.Х. Мерварт был принят на службу в МАЭ по вольному найму с 01 октября 1913 г. с жалованием 80 руб. в месяц, чтобы он «*мог бы научно обработать музейный материал и со временем стать специалистом по индологии*» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 406 об.].

14 января 1914 г. В.В. Радлов ходатайствовал перед Министром народного просвещения Львом Аристидовичем Кассо о перспективных молодых ученых, которых он стремился закрепить за МАЭ: *«Пользуясь любезным согласием Вашего Высокопревосходительства уделить личное мое перед Вами ходатайство, согласно Вашему желанию излагаю письменно это мое ходатайство, состоящее в следующем:*

Штатный преподаватель немецкого языка в Санкт-Петербургской Шестой Гимназии, доктор Гейдельбергского Университета Герман Христианович Мерварт в качестве санскритиста и индусолога приглашен мною для подготовки к большой экспедиции в Индию. Ввиду того, что большие подготовительные работы к этой экспедиции вынуждают его оставить штатное место в гимназии, и в то же время для него очень важно сохранить свои права Государственной службы, прошу прикомандировать его к Министерству Народного Просвещения с откомандированием в распоряжение вверенного мне Музея впредь до утверждения возбужденного Академией ходатайства о введении в штат музейного персонала сверх штатных этнографов» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 204].

Совет министров 5 мая 1914 г. учредил сверхштатные должности: две — младшего этнографа и одну — антрополога в Музее антропологии и этнографии имени императора Петра Великого при Императорской академии наук, две — младшего ученого хранителя в Азиатский Музей; *«VII класс по чинопроизводству, но без присвоения им содержания и пенсионных прав»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 192]. 10 сентября 1914 г. на сверхштатные должности младших этнографов при МАЭ были единогласно избраны и утверждены ИФО ИАН прикомандированные к Министерству народного просвещения и откомандированные для занятий в музее: 1) окончивший по 1-му разряду Санкт-Петербургский университет по естественному факультету по отделению географии Б.Э. Петри; 2) доктор Гейдельбергского университета Г.Х. Мерварт. *«Оба эти лица своей работой в Музее вполне зарекомендовали себя как добросовестные и научно-подго-*

товленные музейные работники» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 447 об.].

Письмо министра за № 892 о причислении privato работающего в МАЭ Г.Х. Мерварта к Министерству народного просвещения с откомандированием для занятий в Музей было предъявлено в ИФО ИАН 26 марта 1914 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 320], и ИФО ИАН в заседании № 4 26 марта 1914 г. подтвердило согласие «откомандировать Германа Христиановича Мерварта и Людмилу Александровну Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию на 1 год для собирания этнографических коллекций для Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого при Императорской Академии Наук; войти в сношение с правительством Великобритании об оказании содействия. Средства на экспедицию предоставлены Попечительному совету его почетными членами Б.А. Игнатьевым и К.К. Шейблером» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 404 об.].

Департамент народного просвещения, разряд ученых учреждений и высших учебных заведений Министерство народного просвещения 2 апреля 1914 г. уведомил вице-президента ИАН: «Вследствие отношения от 19 марта с.г. за № 1276 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что на основании Высочайшего повеления 8 апреля 1896 г. Министерство разрешает командировать причисленного к Министерству Народного Просвещения доктора философии Гейдельбергского университета Германа Мерварта и Людмилу Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию, для собирания этнографических коллекций для Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого при Императорской Академии Наук, сроком на два года с 5 сего апреля. Подлинное подписал за Министра Народного Просвещения Товарищ Министра В. Шевяков» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 274]. Канцелярия Правления ИАН передала директору МАЭ копию этого отношения министра народного просвещения от 2 апреля за № 19042 [Там же. Л. 273].

Г.Х. Мерварт между тем приступил к изучению небольших тогда индийских коллекций в МАЭ. Консультации опытных индологов из германских музеев — профессоров А. Грюнведела и Л. Шермана, получивших образование в Мюнхенском университете, владевших индийскими языками, имевших опыт полевых исследований, позволили ему определиться с маршрутом будущей экспедиции и своей специализацией: коллеги настоятельно рекомендовали ему изучать дравидийские языки. Хотя ознакомиться в Мюнхенском музее с не распакованными еще бирманскими вещами (а Бирма тогда была частью Британской Индии) Г.Х. Мерварт не смог, впоследствии, работая в Индийском музее в Калькутте, он приобрел бирманские экспонаты для МАЭ. Г.Х. Мерварт решил по возможности изучать издаваемые на местах книги, делать фонограммы и фотографии, в частности религиозных обрядов, чтобы позднее обрабатывать собственный полевой материал. В ходе поездки в Германию он проштудировал новейшие публикации по теме будущей экспедиции и ознакомился с материальной культурой некоторых народов Южной Азии. Экспозиции и фондохранилища, несомненно, произвели на него сильное впечатление, если Г.Х. Мерварт задумался о находках и упущениях музейных кураторов в процессе экспонирования индийских коллекций. Этих ошибок он старался избежать в последующей деятельности. Л. Шерман также содействовал подготовке экспедиции.

Здесь и ниже письма Г.Х. Мерварта и Л. Шермана на немецком языке из нешифрованного архива мюнхенского Музея народоведения даются в переводах с оригиналов, публикуются впервые. Приведем письмо Г.Х. Мерварта из МАЭ Л. Шерману 29 января 1914 г.

«Уважаемый г-н профессор!

Сердечно благодарю Вас за дружеское письмо. Справочные материалы по Индии пришли как нельзя кстати, поскольку на днях мне нужно будет составить предварительную смету расходов моей поездки для представления Попечительному совету Музея. Однако поездка начнется раньше, чем я предполагал летом. Если

ничего не произойдет, думаю отправиться в путь отсюда 5 мая [по старому стилю]. Обращаюсь к Вам поэтому, в надежде на Вашу любезность, с большой просьбой. Летом Вы были столь добры обещать мне написать несколько рекомендательных писем для Индии. Я, конечно, получу официальное удостоверение [Beglaubigungsschreiben] от Академии к правительственным учреждениям, а также к частным лицам с точно такой же официальной просьбой об оказании содействия в моей работе, но Вы ведь сами знаете, насколько более весома личная рекомендация, особенно для англичан. Был бы Вам чрезвычайно признателен за Ваше содействие в данном вопросе. Со своей стороны, я готов охотно исполнить возможные пожелания Вашего Музея, касающиеся коллекций и т.д., при условии, что это не будет слишком отклоняться от основного направления моей работы. Прошу Вас дать мне указания на этот счет. Прежде всего для меня важна рекомендация к сэру к сэру Марку Аурелу Стейну²⁵ и чиновникам в Пешаваре, к которым вероятно придется обратиться; кроме того, если это возможно, — к чиновникам в Южной Индии (Мадрасе, Мадуре, Траванкоре). Ваши фотографии японских Небесных Царей [Himmelskönige]²⁶ я показал Иванову²⁷ и Штернбергу. Радлов также весьма ими заинтересовался. Мы с удовольствием вступили бы в переговоры по обмену, если бы Вы сообразовали означить Ваши пожелания. У нас есть очень ценный материал по

²⁵ Стейн Марк Аурел (Mark Aurel Stein, 1862–1943) — британский путешественник и этнограф венгерского происхождения, совершивший несколько путешествий по Восточному Туркестану. Опубликовал редкие древнеиндийские трактаты. Генеральный инспектор образования и руководитель археологического отдела Северо-Западной пограничной провинции (1910).

²⁶ Четыре небесных покровителя (яп. Shi-tennō, санскр. Lokapāla — «Охранитель мира») — в буддизме божества-властители и охранители сторон света.

²⁷ Иванов Алексей Иванович (1878–1937) — синолог, приват-доцент (профессор — с 1915 г.) Императорского Петербургского университета, работал приватно в МАЭ с 1907 г.

мордвинам (костюмы и т. д.). И из сибирского материала можно, пожалуй, составить что-нибудь интересное.

У Радлова сейчас, слава богу, все снова хорошо. Человек несмотря на свои 77 лет обладает невероятной энергией и бодростью. С большим сожалением узнали о том, какая тяжелая зима была у Вашей дочери. Надеюсь, теперь все в порядке. Моя жена передает всем сердечный привет и я прошу Вас кланяться непременно Вашим уважаемым дамам. Остаюсь преданный Вам А. Мерварт».

Благодаря энергии, настойчивости, последовательной просветительской деятельности академика В.В. Радлова ИАН удалось договориться с руководителями российских железных дорог, Почтового ведомства, Таможни (как Портовой, так и Сухопутной), разных компаний торгового и пассажирского флота, так что система отправки и доставки коллекций в МАЭ из всех частей света была налажена, выработаны единые нормы оплаты транспортировки грузов и командированных ИАН сотрудников.

Коллекции с Дальнего Востока и стран Азии приходилось отправлять в Санкт-Петербург морским путем. Этому способствовали русские консулы в Сингапуре, Коломбо, Калькутте, Рио-де-Жанейро и других портах. Грузы доставлялись на судах разных российских морских судоходных обществ. Большую помощь МАЭ оказали руководители «Добровольного флота». Суда этой паровой компании ходили по главной восточной линии «Одесса — Владивосток», также «Одесса — Санкт-Петербург» и др. Как правило, ходатайство относительно перевозки музейного груза составлял директор МАЭ, и неменный секретарь ИАН направлял документ в комитет. Управление Добровольного флота размещалось в Петербурге по адресу Большая Морская ул., 19. Принципы сотрудничества ИАН и Добровольного флота были в основном согласованы в 1898 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1898. Ед. хр. 4. Л. 12]. Добровольный флот по возможности предоставлял также льготный или бесплатный проезд из Одессы, Владивостока и других портов участникам академических экспедиций.

В.В. Радлов направил 5 февраля 1914 г. официальное письмо председателю правления Добровольного флота Его Превосходительству Михаилу Валериановичу Князеву *«со следующей просьбой: Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого снаряжает экспедицию в Индию для собирания этнографических коллекций и для научных исследований и командирует для этой цели состоящего на службе в Музее Германа Христиановича Мерварта и жену его Людмилу Александровну Мерварт. Ввиду крайне ограниченных средств Музея обращаюсь к Вашему просвещенному содействию для предоставления означенным лицам свободного проезда на пароходах Добровольного Флота от Одессы до Коломбо и обратно. Экспедиция предполагает выехать из Одессы 10 мая с.г.»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 242].

Подготовка экспедиции проводилась и по дипломатическим каналам. 26 февраля 1914 г. В.В. Радлов просил ИФО ИАН обратиться в Министерство иностранных дел с просьбой войти в сношение с правительством Великобритании об оказании возможного содействия Г.Х. и Л.А. Мерварт, командируемым на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографических коллекций сроком пока на один год [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 271]. Для них были изготовлены командировочные листы, выданы заграничные командировочные паспорта [Там же. Л. 295]. 27 марта 1914 г. удостоверения по командировке ИАН в Южную Индию и на о. Цейлон на два года для собирания этнографических коллекций были выданы Г.Х. Мерварту и Л.А. Мерварт, то же — на французском языке [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 20–23]. По истечении срока командировки в 1916 г. им были высланы в Индию новые удостоверения (*«Г.Х. Мерварт командирован в Индию и на о. Цейлон для собирания этнографических коллекций сроком на два года»*; *«Учительница Петроградской гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Л.А. Мерварт командирована в Индию и на о. Цейлон для собирания этнографических коллекций сроком на два года»*, то же — на французском языке) [СПбФ

АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1916. Ед. хр. 8. Л. 14–17]. Уже во время экспедиции, 6 марта 1915 г., Правление ИАН выдало младшему этнографу (сверх штата) Г.Х. Мерварту удостоверение в том, что он, состоя ученым хранителем индийского отдела МАЭ, *«на точном основании закона не подлежит призыву к отбыванию воинской повинности»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 62].

Директор МАЭ академик В.В. Радлов 19 февраля 1914 г. отправил официальное письмо директору VI гимназии, известному педагогу, профессору Петербургского университета Его Превосходительству Густаву Густавовичу Зоргенфрею: *«Милостивый Государь, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что, ввиду непредвиденных мною и не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден перенести время отъезда состоящей преподавательницей немецкого языка во вверенной Вам гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Людмилы Александровны Мерварт, командированной Музеем Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого с научной целью в Индию, с 10 мая на 15 апреля с.г. Перемена эта находится в связи с изменением расписания пароходов Добровольного Флота. Вы бы поэтому очень обязали меня, если бы Вы нашли возможным освободить Людмилу Александровну Мерварт от возложенных на нее обязательств с 15 апреля с.г. Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем уважении и искренней преданности»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 260].

Радлов заботился о получении для членов экспедиции рекомендательных писем, обращался с просьбой о консультациях к некоторым видным европейским исследователям и знатокам индийской культуры. Например, к тому же А. Грюнвелделю.

Старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг также использовал свои научные знакомства в Европе, стремясь облегчить эти задачи для молодых исследователей. 17/31 марта 1914 г. он обратился к знаменитому британскому антропологу профессору

У.Х. Риверсу²⁸, с которым познакомился на Международном конгрессе американистов в Лондоне (1912). Л.Я. Штернберг просил его рекомендовать Г.Х. Мерварта местным ученым и вообще всем лицам, которые могли бы быть полезными для его миссии, снабдить его рекомендательными письмами или любой полезной, по его опыту, информацией. В первый год экспедиции д-р Мерварт намеревался проводить исследования в южной части Индии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 308 об.].

Мерварты прошли специальный курс обучения, чтобы уметь пользоваться новой непростой техникой. МАЭ заказал 1 апреля 1914 г. представителю Генеральной компании «Pathé Frères» в Санкт-Петербурге для Г.Х. Мерварта хронометрический аппарат «Профессионал» с полным комплектом за 900 руб. с выплатой половины суммы сейчас, второй половины — 1 июля [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 343]. Ему был выдан полный комплект съемочного профессионального аппарата и вертикальная платформа, 111 м негативной пленки для пробы аппарата. На эти последние предметы г. Мерварт обещал дослать добавочное требование. *«При сем счет за негативную пленку на 26 руб. 64 коп. Считаю долгом уведомить Вас, что нами принимаются на обработку негативы наших клиентов, т. е. проявление негативов и печатание позитива. Т.к. г-н Мерварт по всей вероятности будет проявлять негативы в наших отделениях в Калькутте и Бомбее, то мы можем предложить Вам печатание позитивов по цене 35 коп. за метр. В зависимости от количества метража вышеупомянутая цена может быть значительно уменьшена»* [Там же. Ед. хр. 67.

²⁸ Риверс Уильям Хальс Риверс (William Halse Rivers Rivers, 1864–1922) — британский психиатр, антрополог, этнолог. Руководитель кембриджской экспедиции на острова Торресова пролива (1898), исследователь Соломоновых островов (1907–1908) и населения Меланезии (1915). Шесть месяцев провел среди народа тода в горах Нилгири в Индии (1901–1902).

Л. 102]. Генеральная компания фонографов и синематографов и точных аппаратов братьев Патэ выставила 11 апреля 1915 г. МАЭ «счет на отпущенный, согласно требованию Музея, господину Мерварту съемочный аппарат с принадлежностями, на общий счет 935 руб. При взятии аппарата г-н Мерварт уплатил 450 руб., состоит за Вами 485 руб., каковую сумму покорнейше прошу не отказать мне уплатить» [Там же. Ед. хр. 70. Л. 19]. Уплата по этому счету осуществлена из сумм, ассигнованных для МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 416].

Ф.К. Вериге-Даровский в своей кинематолаборатории (Коломенская ул., д. 5, кв. 102) обучил Г.Х. Мерварта кинематографическому делу. 10 июня 1914 г. он предложил МАЭ услуги по печатанию позитивов с негативов, которые будут получены от него из Индии. «До отъезда своего из Санкт-Петербурга г-н Мерварт был так любезен предложить исполнение этой работы мне, зная отличное, скорое и дешевое исполнение таковых моей лабораторией под моим личным наблюдением. Печатание негативов для Этнографического Музея можно исполнить по крайне дешевой цене в 25 коп. за погонный метр, включая анилиновую окраску ленты, но без химических виражей, за которые обыкновенно взимаю надбавку 5 коп. за метр. Я надеюсь, что при получении от г-на Мерварта негативов, таковые будут переданы мне для изготовления соответствующих позитивов» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 176–176 об.].

Также Мерварты взяли с собой фонограф. 300 валиков для фонографа, как 5 мая 1914 г. сообщали представители Chemische Fabrik E. Sauerlandt из Flurstedt-bei Apolda, Thüringen, по просьбе д-ра Пауля Хамбруха (Dr. Paul Hambruch)²⁹ были отправлены в Русское консульство в Коломбо, счет составил

²⁹ Гамбрух Пауль (Dr. Paul Hambruch, 1882–1933) — немецкий этнолог и фольклорист. Заведовал отделом Океании Музея народоведения (Museum für Völkerkunde) в Гамбурге.

225 марок 60 пфеннигов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 128, 162]. 4/17 июня 1914 г. В.В. Радлов переслал этот счет в Коломбо д-ру Мерварту [Там же. Ед. хр. 66. Л. 419].

Впоследствии музей получил немалые фотографические коллекции в виде негативов и позитивов, судьба фонографических записей, к сожалению, неизвестна.

Итак, наши путешественники были хорошо экипированы и подготовлены к экспедиции на Цейлон и в Индию. Существовала договоренность об обработке их материалов на местах.

В 1914 г., 27 марта, участникам экспедиции вручили командировочные удостоверения о поездке *«в Южную Индию и на о. Цейлон на два года для собирания этнографических коллекций»* [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 21]. 10 апреля в 19 час. 25 мин. поездом в вагоне II класса они выехали из Санкт-Петербурга в Одессу, где поселились сразу на пароходе «Екатеринослав». Из Одессы они написали первые восторженные открытки: *«2 мамы, 3 Володи, 1 Люсе, 1 тете Соне, 1 Штернбергу, 2 Гарди³⁰», 1 в Брухзаль и 1 Эмме — сестре Германа Христиановича*. 15 апреля 1914 г. в 4 часа пополудни пароход вышел из Одессы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 261] и 17 апреля прибыл в Новороссийск, откуда Мерварты написали В.В. Радлову и Сергею (брату Людмилы Александровны) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 2–3]. Там 18 апреля 1914 г. Мерварты приняли первую дозу хинина, а Л.А. Мерварт приняла решение вести дневник [Там же. Л. 5]. К сожалению, обилие новых впечатлений помешало ей регу-

³⁰ Петри Бернгард Эдуардович (1884–1937) окончил Императорский Петербургский университет по физико-математическому факультету (1911) и с 1911 г. был допущен к безвозмездной работе в МАЭ с внесением в списки служащих лиц, в 1912 г. — зав. Русским отделом [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 29], в 1912–1913 гг. — зав. отделом археологии. 10 сентября 1914 г. Б.Э. Петри и Г.Х. Мерварт были избраны сверхштатными младшими этнографами МАЭ без оставления причисленными к Министерству народного просвещения.

лярно делать записи в толстой линованной тетради, но первые дни путешествия и пребывание на Цейлоне фрагментарно отражены в дневнике № 1.

Пароход «Екатеринослав» направился в Константинополь, оттуда через Порт-Саид и Суэцкий канал к берегам Индостана.

Глава 2

Экспедиция на Цейлон и в Индию: 1914–1918 гг.

2.1. Экспедиция на Цейлон: 1914–1915 гг.

Так весной 1914 г. начиналась столь важная и долго подготавливаемая экспедиция на Цейлон и в Индию. Заметим, она была лишь «пробной» и должна была проложить путь и определить координаты для последующих исследований. «Ввиду обширности задачи и полного отсутствия предварительной работы в этой области предполагалось рассматривать первую экспедицию из ряда предполагаемых к отправке в Индию, как ориентировочную. Она должна была дать нам возможность ознакомиться на месте с индийским бытом, дать, конечно, известные результаты в смысле музейных коллекций и пригготовить нас к исследовательской работе в той или иной области страны» [Мерварт, Мерварт 1927: 2]. Тем удивительнее, какой результативной она стала.

Молодые исследователи прекрасно сознавали, какие непростые задачи стояли перед ними, но не пугались труда. Вот как позже они об этом писали: «На нас, тогда еще только начинающих этнографов, была возложена завидная задача — изучать быт населения громадной области. Всем, кто знаком с многообразием культур, представленных в индийском мире, понятно, что выполнение такой задачи требует не одной жизни. Наша работа была очень затруднена еще и войной, которая разразилась через два месяца после нашего прибытия на Цейлон» [Мерварт, Мерварт 1927: 3].

Действительно, в те времена проделанный ими путь был долг: через несколько морей в Индийский океан. Супруги Мерварты побывали в Каире, возле египетских пирамид, по железной дороге съездили в Суэц. И наконец «ширь Индийского океана. Позади нас пекло Красного моря, мертвые виды Джедды и Хойдеды. Нас обдувает не раскаленный аравийскими скалами и песками воздух, а свежий ветерок, насыщенный морскою сыростью и соленым ароматом. Спокойно и не очень спеша идет наш пароход к своей цели, привычной и будничной, идет по пути, пройденному им уже сотню раз, везет самый прозаический груз — цемент из Новороссийска во Владивосток и собирается взять чай в Коломбо для отправки в ту же конечную гавань» [Мерварт, Мерварт 1929: 4].

Первым на их пути лежал остров Цейлон. В Коломбо Мерварты прибыли утром 16/29 мая 1914 г. (с этого времени они стали датировать свои записи по новому стилю). Они немедленно написали письма родным, Б.Э. Петри, отчитались перед В.В. Радловым о расходах на снаряжение и дорогу [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 8]. Поселились в отеле «Гранд Ориентал» ("Grand Oriental Hotel") [Там же. Л. 5]) — одной из двух крупных гостиниц, в которых останавливались европейцы, потом — в отеле «Маунт Лавиния» («Mount Lavinia Hotel») в пригороде Коломбо. «Мы решили посвятить изучению и собиранию материала по о-ву Цейлон продолжительное время по следующим причинам: во-первых, о-в Цейлон представляет собой, сравнительно с остальной Индией, небольшую площадь, во-вторых, первоначальное ознакомление с материальной стороной цейлонской этнографии очень облегчалось богатством хотя и не систематических коллекций Коломбского музея, в-третьих, работа могла быть, с пользой для дела, распределена между нами так, что один участник взял на себя изучение дравидийского языка — тамильского, в то время как другой занялся сингальским языком, представляющим собой весьма интересный отпрыск арийского семейства языков» [Мерварт, Мерварт 1927: 3].

Здесь участников этнографической экспедиции застало известие о начале Первой мировой войны. Для обоих это был шок.

Оба считали, что Россию и Германию стравили между собой недоброжелатели, прежде всего британцы. В письмах родным и коллегам Мерварты не скрывали беспокойства за своих родных, оказавшихся по разные стороны фронта военных действий, среди них были и военнообязанные. Война ставила под угрозу срыва и экспедицию. Очевидно, что нашим этнографам стало сложнее получать из России деньги на экспедицию и пересылать в МАЭ собранные коллекции. На Цейлоне Мерварты провели около девяти месяцев, изучая местную этнографию и основные местные языки — сингальский и тамильский. Во главу угла все же было поставлено изучение этнической культуры сингалов — основного населения страны, составлявшего стержень ее цивилизационных характеристик.

Шри Ланка (бывший Цейлон; Ланка — одно из древнейших названий острова; Шри в данном контексте служит эпитетом, означая совокупность таких понятий, как «достопочтенная», «благословенная», «блистательная» и «процветающая») действительно представляет собой оригинальный субкультурный регион в пространстве Южной Азии. Эта оригинальность прежде всего связана с этническими особенностями культуры сингалов как основного компонента в населении страны. Их особенный язык и буддийское вероучение сопутствовали государственности на острове в течение почти двух с половиной тысячелетий. Взаимно дополняя одна другую, эти черты придали неповторимость всему культурному укладу жителей страны, несмотря на яркую и долговременную полиэтничность ее населения.

Язык сингалов, безусловно, родственен новоиндийским арийским языкам Северной Индии и Непала (гуджарати, маратхи, хинди, бенгальскому, непали и другим), хотя не может быть сближен ни с одним из них в особенности. История его развития прослеживается в памятниках письменности, найденных на острове, подтверждая непрерывность его употребления насельниками Ланки. Специфично также широкое употребление в культурной традиции сингалов древнего индийского языка пали: на этом языке здесь был записан канон буддийского учения тхеравади-

нов, а также уникальные исторические сочинения об истории буддизма на острове (в канве последовательной смены царств и царей) — хроники «Дипаванса», «Махаванса» и т.д. На Ланке утвердился школа южного буддизма, близкая, как считается, к самой ранней форме учения Будды. К тому же буддизм своеобразно вписался в систему местных народных верований.

Эти традиционные верования, да и многие другие культурные особенности сингалов, тоже имеют свою историю, и специфика их во многом сложилась на фоне исторической полиэтничности населения Ланки. Первонаселенниками Ланки считаются предки веддов (ныне небольшого народа, их насчитывают от 300 до 3000 человек), которые вели образ жизни, близкий к первобытному. С ними в середине I тыс. до н.э. встретились предки сингалов, переселившиеся на Ланку из северных районов Индии. Примерно в те же давние времена появились на острове и предки современных дравидов, потомки которых живут здесь и теперь. Хотя в их среде различаются разные группы, обычно их называют общим термином — тамилы. В разные времена появлялись на Ланке и мигранты из Персии и Аравии, из малайского мира, даже из черной Африки, отдельные группы представителей современных индийских народов. Заметную роль в жизни и культуре страны сыграли и европейские колонизаторы из Португалии, Голландии, Великобритании (их присутствие на острове длилось почти четыре века — с XVI до середины XX). Эти межэтнические контакты определили многое и в материальной, и в духовной структуре сингальской культуры, в общем укладе жизни, культуре поведения.

И хотя культурная самобытность ланкийцев, сингалов неоспорима, безусловно, они составляют «подвид» южноазиатской цивилизации. А что касается материальных аспектов жизнеобеспечения, основ социальной организации, этикетных норм, то здесь сингалы наиболее близки к народам Южной Индии, хотя сумели сохранить и определенное своеобразие, так сказать, обозначить этнодифференцирующие моменты, подчеркивающие их оригинальность в отличие от ближайших соседей — других народов Южной Азии [Краснодембская 1982].

Все это и требовалось проиллюстрировать будущими экспонатами МАЭ. Как мы увидим в дальнейшем, участники экспедиции очень неплохо справились со стоявшей перед ними задачей. Отметим, что наши исследователи в большой степени считали себя продолжателями русской индологической этнографической традиции, которую заложил И.П. Минаев. В книге «В глуши Цейлона» они это отметили уже в авторском введении: «Правильным пониманием Цейлона мы в значительной мере обязаны прекрасному труду И.П. Минаева “Очерки Цейлона и Индии”. <...> Памяти этого выдающегося русского индолога и путешественника мы и посвящаем эту книжку. В ней выдвигаются иные стороны разнообразного и богатого цейлонского быта, чем те, которые были описаны И.П. Минаевым. Мы поэтому надеемся, что она послужит некоторым дополнением к его очеркам и продолжением его работы» [Мерварт, Мерварт 1929: 3].

С Цейлона начиналось для Мервартов их трудоемкое и насыщенное научное путешествие по региону, здесь они впервые выработывали и на практике применяли методы своей полевой работы в изучаемой этнической среде и способы сбора полезной информации и коллекций для музея [Котин, Краснодембская, Соболева 2013]. Л.А. Мерварт писала в дневнике 12 июля 1914 г.: «Мы учимся оба сколько можем. Герман изучает буддизм, пали, тамильский языки, а я — сингальский язык и собирательно этнографию. Дни у нас полные, радостно счастливо-рабочие» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 17]. Сингальскому языку учил г-н Дхармаратна (Mr. Dharmaratna) [Там же. Л. 24].

Остановившись сначала в Коломбо, Мерварты сразу же приступили к интенсивной работе. Они начали изучать местные языки: она — сингальский, язык основного населения острова, он — тамильский, принадлежащий второй по численности этнической группе в национальном составе страны. Сразу же бросились им в глаза следы колониального присутствия — португальцев, голландцев, за которыми последовали и британцы. Оставленные ими заметки и теперь полезны для тех, кто изучает историю, этнографию острова, в частности метисное население

страны [Мерварт, Мерварт 1929: 5–9]. Однако основное внимание они собирались уделить коренному населению: «Мы продолжали наши поиски настоящего Цейлона. Даже в Коломбо, который вот уже четыреста лет находится под влиянием европейской цивилизации, не совсем заглохла первобытная культура этого острова. Глаза наши постепенно привыкли к пестрой толпе коломбских улиц и различали уже главные типы населения» [Мерварт, Мерварт 1929: 9].

Подробным и внимательным образом Мерварты ознакомились с богатыми коллекциями Национального музея в Коломбо, где сосредоточены археологические и этнографические материалы, характеризующие историю и культуру живущих на острове народов [Краснодембская 2013]. При этом они фотографировали самые интересные предметы и составили богатую фототеку из позитивов и негативов, которые позже были доставлены в МАЭ и хранятся там поныне. Им пришлось изучать ресурсы музея самостоятельно, поскольку директор Джозеф Пирсон был биологом, бюргер-библиотекарь также помочь не мог. Пирсон нашел для Л.А. Мерварт слугу Тагис-Аппу (Thagis-Apoo), «толкового, думающего человека» лет 34 из высшей касты земледельцев-*goyiguma* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 35]. Б.П. Кадомцев несколько раз доставал приглашения Мервартам на балы к губернатору, они получили рекомендательные письма к правительственным агентам, были представлены местной знати [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 22]. Их гостеприимством им не раз довелось воспользоваться. По острову Мерварты передвигались на автомобиле, поезде, на лошадях и даже на повозке, запряженной быками.

Напряженную работу в музее Мерварты совмещали с постоянными поездками по прибрежным городам и селениям, с выездами к памятникам древней культуры островитян [Котин 2015]. И с самого начала вели собирательскую работу. Они старались выделить и приобрести то, что типично, наиболее характерно для местной жизни и культуры. Их интересовали многие аспекты: материально-бытовой уклад, ремесленные традиции, соци-

альные нормы, мировоззрение и религия, верования и фольклор. 11 мая 1914 г. в Нугегода (8 миль от Коломбо) Альберт Джаясинха, Мерварты и Б.П. Кадомцев наблюдали демонические пляски [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 25].

В 1914 г., 8 июня, Нанисера Тхера (Naniserā Thera), главный монах колледжа Малигаканда (Maligakanda College), пригласил Мервартов в Галле на церемонию освящения земли, пожертвованной под постройку конфессионала для монахов одного из монастырей. В Додандува (Dodanduwa) они познакомились с группой европейцев-монахов под руководством гуру-немца [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 18]. Из-за невралгических болей, мучивших Германа Христиановича, 30 июня они уехали в Канди. 3 июля они побывали в г. Матара, 4 июля — в г. Калутара, где впоследствии заказали коллекцию изделий тонкого плетения из пальмовых листьев (МАЭ № 3078), оттуда отправились в г. Невбода по приглашению г-на Доува (Mr. Dove), владельца плантации чая и гевеи [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 46. Л. 19–22]. В Негомбо крупный землевладелец мудальяр¹ Раджапаксе (Rajapakse) обещал составить для МАЭ полную коллекцию по использованию кокосовой пальмы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 19].

К сожалению, первые четыре ящика, содержавшие маски, инструменты ремесленников и многое другое, отправленные 13 июля 1914 г. в МАЭ почтой, затерялись в пути из-за войны. Цейлонские экспонаты составили серьезное пополнение фондов МАЭ, о чем упоминалось ранее и будет сказано в дальнейшем [Краснодембская 1983].

Очень скоро наши исследователи почувствовали, что «добраться до глубин» народной культуры совсем непросто. Во-первых, они быстро заметили, что жители Коломбо и других городов и селений на юго-западной равнине, где они поначалу вели работу, заметно изменили свой традиционный быт, во многом пере-

¹ Mudaliar (тамил.) — «староста», титул и должность колониального периода на Цейлоне.

няли и стремятся перенимать европейские обычаи. В книге «В глуши Цейлона» Л.А. Мерварт сообщает: «Сингальцы² города Коломбо в значительной степени европеизированы, они даже дома стараются жить по-европейски. Часть города, особенно ими облюбованная, называется Коллупития. Это прежний голландский квартал. Беленькие домики, каждый в отдельном саду, с террасой, с колоннами, с цветником впереди, напоминает обычную голландскую постройку. Внутри много голландской тяжелой мебели, попадаются даже отдельные португальские вещи XVII столетия, и живущие в этой европейской обстановке люди привыкли пользоваться креслом и диваном, держать посуду в буфетах, есть с фарфоровых тарелок, даже умываться в тазах из синего дельфта. <...> Женщины носят белые блузки с круглым вырезом, застроченные в складочки и отделанные кружевами и швейцарским шитьем. <...> В деревнях приморской низменной полосы сингальское тесно перемешано с тамильским, голландским, португальским, теперь и английским. Страна эта очень богата, и все завоеватели последовательно оседали в ней» [Мерварт, Мерварт 1929: 9, 27].

Во-вторых, нашим этнографам все же не удавалось реально сблизиться с местными семьями, войти в их дома, завести не только официальные контакты. Это, как мы знаем, не такая уж простая задача для этнографа, даже если он работает в своей родной этнической среде. В восточном же обществе проблема установления доверительного контакта с местными жителями многократно увеличивается.

В обществах Южной Азии, как в Индии, Непале или других странах, так и в Шри Ланке, почти все жизненные задачи и проблемы индивида находят разрешение в семейно-родственном кругу. В частности, кастовая система, которая так или иначе проявляет себя в этом мире, способствует тому, что отдельные ячейки общества (этнические группы, касты, родственные образова-

² Теперь принято употреблять слово «сингалы», более близкое к самоназванию этого народа.

ния) достаточно замкнуты. Все богатство отношений и связей реализуется в их внутреннем кругу, внешние же контакты ограничены, подчинены строгим правилам, сдержанны и по большому счету формальны. Тут барьеры малопреодолимы, тем более для чужака-иностранца. Мерварты ощутили это в полной мере.

Вскоре российские этнографы обратили внимание на центральную, горную область Цейлона. Когда стало «ясно, что искать родовое сингальское в Коломбо было напрасно», Мерварты стали помышлять о поездке в горный город Канди. Это один из старинных центров культуры сингалов, последняя столица их царства, удерживавшего свою независимость до 1815 г. Сами прибрежные сингалы отправляли их туда, считая, что там сингальские традиции сохранились в большей чистоте. На многие вопросы наших этнографов жители прибрежной зоны отвечали: «Об этом надо спросить кандийцев. У нас уже приняты английские обычаи» [Мерварт, Мерварт 1929: 27].

В 1914 г., 22 августа, Мерварты посетили деревню Ампития близ Канди. Их пригласил г-н Пуссегода, семья которого оставалась жить в деревне [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 31]. Он познакомил Мерватов со своим шурином г-ном Сенавиратне (Senaveratne), специально изучавшим вопросы буддийской философии [Там же. Л. 34]. Джон Сенавиратне помог Л.А. Мерварт в изучении народных верований. 22 августа Л.А. Мерварт пишет в дневнике: *«Я должна записывать ряд разговоров с местными людьми. Я спрашиваю буддистов не монахов, что они думают о разных религиозных вопросах, и ответы их буду заносить сюда. Из их ответов, конечно, будет вытекать нечто совсем другое, чем то, чему учил Будда, но лично меня живая религия интересует едва ли не больше (во всяком случае не меньше), чем доктрины Учителя. Ведь душа, характер народа отражается в живой вере, в высокой же философии Будды проявляются лишь вершины, которых достигают немногие лучшие умы, выдающиеся представители религиозной мысли. Масса же народная идет иной дорогой. Почему мне так важна эта дорога?»*

Как религия кладет свой отпечаток на человека и воспитывает его, так и человек предлагаемое ему учение выкраивает и отделяет так, чтобы оно ему пришлось бы впору, и на этой обработке выявляется душа народная. И в свою очередь эта пре-творенная, часто низведенная со своих высот, нисколько, быть может, даже не напоминающая основное учение религия вливается широкой струей в народное мировоззрение и изменяет его русло. Поэтому-то знать ее нам так важно для понимания страны и людей» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 26–28].

Из Канди Мерварты уехали 23 сентября 1914 г., они отправились в путешествие по археологическим памятникам Цейлона (храм Алувихара в Матале, пещерный храм Дамбулла, крепость Сигирия, древние столицы Полоннарува и Анурадхапура, колыбель буддизма Михинтале). Г.Х. Мерварт сделал там серию фотоснимков [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 39–52].

Но мало было просто переместиться географически. Людмила Мерварт сознавала, что нужно обрести особое доверие в местной среде. Она писала по этому поводу: «Когда я ехала на Цейлон, мне казалось так легко подружиться с возможно большим числом сингалцев, познакомиться с их бытом, принимать участие в их жизни, наблюдать и расспрашивать. Притом было совершенно ясно, что так как хранителями старины являются обычно женщины, то именно к ним и надо обращаться. Поэтому с первого же дня приезда все время старалась встречаться с сингалками. Но тут-то и начались мои затруднения. <...> Я могла встречаться с мужчинами, сколько мне было угодно, я могла иметь учителя сингальского языка, секретаря, слугу; я могла встречаться с разными чиновниками, торговцами, но женщин я видела на улицах, на порогах их домов, познакомиться же с ними я не могла, так как не могла ни одну из них шокировать тем, что подошла бы к ней сама» [Мерварт, Мерварт 1929: 27, 29]

Это происходило вовсе не потому, что сингальская женщина скрывается от внешнего мира. Но, в самом деле, ее епархия — преимущественно домашняя среда, внешние необходимые контакты обычно осуществляют мужчины дома. Так оно и теперь:

взять газеты от почтальона, узнать, с какой целью появился у дома незнакомый посетитель, обычно выйдет мужчина, хотя бы мальчик, и только в последнюю очередь кто-то из женщин. Это все еще проявление древней коренной функции: мужчина — защитник, охранник семьи, дома.

Людмила Мерварт свидетельствует: «Кандийка отнюдь не прячется, у них совершенно не существует затворничества. Даже по древнему сингальскому обычаю женщина гораздо равноправнее с мужчиной, чем до недавнего времени были ее английские сестры, но европейцев они чуждаются. Когда же у губернатора я познакомилась с разными вождями и их женами <...> то некоторые из этих дам пригласили меня к себе и принимали меня в убранных на совершенно европейский лад гостиных, угощали чаем из английских фарфоровых чашечек и бисквитами фирмы Huntley and Palmers. Они задавали мне стереотипные вопросы и старались держаться как настоящие англичанки. Впрочем, я видела, что гостиные эти обычно необитаемы и что хозяйки чувствовали себя в них неуютно. Когда они приезжали ко мне <...> то это тоже получались заправские визиты, и я увидела, что мне нужно идти другим путем» [Мерварт, Мерварт 1929: 29].

Л.А. Мерварт понимала, что ей нужно попасть в местную семью, причем не городскую, а деревенскую. Но кого она ни расспрашивала из своих английских знакомых о том, как этого добиться, все отвечали, что это совершенно невозможно, что сингалы горды и осторожны и контакты их с чужаками не выходят за рамки формальности и официоза. А если их и приглашают в дом, то обычно не дальше веранды. И наш этнограф стала придумывать собственные средства достижения необходимой цели: она стала расспрашивать своего учителя, каков у них свой, сингальский обычай приема гостей.

И вот, разузнав у этого знакомого подробности о местных обычаях гостеприимства и правилах приема гостей, Л.А. Мерварт начала с того, что пригласила к себе его жену и мать. Постаралась соблюсти все этикетные моменты: при встрече поднесла гостям блюдо со срезанными цветами, и дамы, взяв по цветку,

украсили ими свои прически. Говорила с ними на сингальском языке (впрочем, женщины никакого другого и не знали). Почтив гостей цветочным подношением на веранде, она тут же пригласила их внутрь дома, угостила их чаем с собственноручно приготовленными по-русски вареньем и пирожками. Таким образом, она проявила особое уважение к гостям и показала, что живет по собственным, не английским, обычаям. Прощаясь с дамами, снова на веранде, она осуществила жест магического благопожелания по-сингальски: вложила каждой из них правой рукой в правую руку по круглому плодику местной разновидности лимона (символ благополучия и процветания). Проявление подлинного уважения, знание их языка и обычаев произвело на гостей Л.А. Мерварт такое впечатление, что уже через два дня они пригласили ее к себе в свой городской дом. И принимали уже не на веранде, а в комнатах, и угощали не чаем и бисквитами, а кокосами, рисом и какао (модный тогда у сингалов напиток). Так, полдела было сделано — установлен неформальный контакт.

Вскоре последовало еще более теплое проявление внимания и заботы: Г.Х. Мерварт должен был на пару дней уехать в Коломбо к русскому купцу Ивану Степановичу Верещагину, а Людмила Александровна, «как всякая почтенная сингалка, не хотела оставаться одна в гостинице» [Мерварт, Мерварт 1929: 30].

12 октября 1914 г. она *«переселилась в сингальскую семью, чтобы жить их жизнью и видеть близко уклад ее. <...> Живу одна в сингальской семье. Комната пять шагов вдоль, 3 с половиной поперек выходит своим окошечком на “улицу”, т.е. в маленький палисадничек. Противоположная сторона улицы не застроена, там рисовые поля, за ними горы, поросшие лесом. Вид очень красивый. За домом тянется громадный, но совершенно запущенный сад.*

Mr. Pussegoda живет, разумеется, не грошовым жалованием клерка в Kachcheri³. Он землевладелец, у него плантация какао,

³ Kachcheri — главный правительственный департамент, управлявший районом.

кокосовые пальмы etc. Жена его тоже состоятельная женщина. Дом в Ампитиуа около Канду, где я живу у них, принадлежит ей. У них трое детей. Два сына от его первого брака и маленькая дочка. Я приехала в 8 час. вечера. К обеду был какой-то растительный суп из целебных трав и карри. Кроме того был кузен Mr-a Pussegoda, инспектор школ. Беседовали о войне. С M-me Pussegoda я попробовала болтать, пользуясь словарем (англо-сингальским). Это возможно, но очень медленно» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 70–71].

Еще один важный момент: исследовательница четко позаботилась о том, чтобы не нарушить местных этических норм — это всегда чрезвычайно важно. Чужаку многое простят, но неподобающее по местным понятиям поведение будет отмечено окружением и, несомненно, вызовет отторжение. Дружить с таким не захотят. А правильная линия поведения (достойная одежда, достойные поступки) может завоевать расположение. Так и произошло в описываемом случае: на время отсутствия ее мужа знакомые теперь дамы пригласили Людмилу Александровну погостить у них в деревне. Это была настоящая победа!

В то время еще не был построен мост, благодаря которому теперь путь от Канди в деревню Ампития стал длиной примерно в четыре-пять километров. Тогда это была сельская дорога, проходившая через джунгли, раза в два длиннее, и преодолевала ее Людмила Александровна на рикше. В пути она размышляла, как бы так устроить, чтобы пожить деревенской жизнью не пару дней, а подольше... Обстоятельства ей благоволили: произошли некоторые мелкие события, которые в местной среде рассматриваются как хорошие приметы. Сначала со склона у дороги сползла кобра, напугавшая возницу, но не нашу путешественницу, которая, наоборот, приблизилась к еще невиданной ею твари, чтобы получше ее рассмотреть. А та, не причинив никому вреда, вскоре уползла обратно в лес. Рикша потом живописал селянам, как царица джунглей вышла «принести покорность» приезжей и не посмела пересечь ей дорогу. Это про-

извело впечатление⁴. Затем ласточка свила гнездо под карнизом комнаты гостьи (не без некоторых ее ухищрений в виде предложения птичкам нащипанной ватки и соломки), что тоже считалось особым положительным знаком. Когда же Людмила Александровна излечила маленькую девочку из семьи хозяев дома от тяжелого нарыва, все убедились, что путешественнице покровительствуют добрые силы. Так что ее присутствие в деревне могло рассматриваться как благое. Через несколько дней она телеграфировала мужу в Коломбо, что остается в деревне на несколько месяцев [Мерварт, Мерварт 1929: 33].

Зная, таким образом, твердое положение «члена семьи», Людмила Александровна с самого начала стала участвовать во всех семейных делах и заботах, которые приходились на долю женщин. «Большая часть жизни дома протекает днем, когда мужчины уходят на службу и в школу, в кухне и сенях, а также в саду около дверей в сени. <...> Каждое утро двое мальчиков-слуг выносили на эту площадку большую деревянную ступку, в которой они и все мы, четыре женщины дома, по двое вместе толкли тяжелым деревянным пестиком потребное на день количество риса» [Мерварт, Мерварт 1929: 35]. Участие в повседневных работах как раз и способствовало получению этнографической информации, так как «именно за работой больше всего и проще всего удавалось беседовать» [Там же: 36]. Людмила Александровна научилась готовить местные блюда так успешно, что ее ставили в пример молодой женщине, незадолго до того вышедшей замуж в эту деревню. И, конечно, она преимущественно общалась с местными жителями на их языке, постоянно в нем совершенствуясь.

Семья, пригласившая Людмилу Александровну в гости — Пуссегода [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 224] (в книге они названы Велигодами), занимала в той деревне лидирующее положение. Пуссегоды были семьей обеспеченной и, в частности, не обрабатывали своих земель сами, в отличие от других деревенских

⁴ Этот рассказ Л.А. Мерварт позже, в Москве, произвел впечатление и на коллег-востоковедов [Можейко 1966].

жителей, которые самостоятельно выращивали рис для своих семей. Пуссегод уважали, приходили к ним за советом и конкретной помощью. На их веранде вечерами собирались для бесед, обсуждения текущих деревенских дел, видов на урожай, местных происшествий, текущей войны, для собеседований на религиозные темы, а также для коллективного слушания сказок. Дом, обычно в дневное время, как положено, посещали и монахи из соседнего монастыря, их принимали во внутренних помещениях. Они вступали в беседу с Людмилой Александровной, любопытствуя, как она заинтересовалась буддизмом, сами интересуясь и расспрашивая ее о христианстве. Так что этнографические труды нашей исследовательницы прекращались только на время ее сна.

Несколько месяцев, проведенных на правах своей в деревне Ампития, дали очень важные результаты в работе. Удалось узнать, как устроен деревенский и домашний быт, как распределяются социальные роли в деревне, в деталях описать устройство традиционного жилища, в частности своеобразное устройство кухни, предметов домашнего обихода, традиций питания — все по конкретным наблюдениям. Большое внимание было уделено важнейшим ремеслам — гончарству и плетению, так как без предметов этого типа не обходится ни один сингальский дом.

Людмиле Александровне предоставили комнату, выходившую непосредственно на веранду, которая «видимо, служила кабинетом хозяину, поэтому в ней был простой большой деревянный стол, такой же стул и лавка. Одно окно выходило в палисадничек на улицу, на ночь оно закрывалось тяжелыми деревянными ставнями снаружи. На полу лежала чистенькая циновка, плетенная из широких полосок пальмовых листьев. Я поставила еще складную походную койку с пологом от москитов, а свое складное кресло оставила на террасе, зная, что она обычное место вечерних собраний деревни» [Мерварт, Мерварт 1929: 34]. Маленькая хитрость этнографа вполне себя оправдывала: ни одно из более или менее важных событий в доме не могло пройти мимо нее.

Очень важно само подробное описание устройства типичного сингальского дома, которое во многом сохраняется и теперь,

хотя отчасти варьируется. Особенно интересны подробности о характерной мебелировке: Л.А. Мерварт первая обратила внимание на такую черту сингальского быта, как присутствие значительного количества мебели европейского типа (влияние европейского присутствия на острове начиная еще с португальских ремесленных традиций).

Людмила Александровна детально описала употребительную домашнюю утварь и посуду, тоже впервые в европейской науке выявив ее основные типы и функции. Выявленные типы традиционной глиняной утвари Мерварты проиллюстрировали собранными для МАЭ коллекциями, сопроводив эти сборы описанием наблюдавшейся ими технологии их изготовления. Ценно также свидетельство о традициях парадной расписной кандийской керамики, коллекцию которой им также удалось собрать [Краснодембская 1969]. Важны сообщения о том, как используются плетеные изделия разного тапа, что тоже проиллюстрировано собранными коллекциями [Краснодембская 1973].

Именно здесь, в деревне Ампития, где Л.А. Мерварт жила с 12 октября 1914 по 16 января 1915 г., и во время двухнедельного путешествия по провинции Сабарагамува [Мерварт, Мерварт 1927: 5], ей удалось подробнее изучить традиции одежды, питания, бытовых привычек сингалов — эти сведения очень ценны для их исторической этнографии, так как они мало фиксировались какими бы то ни было свидетельствами и источниками.

Значительную долю внимания Людмила Александровна уделила изучению конкретных отношений мирян и монахов в реальном жизненном процессе, их взаимодействия в различных сферах — от собственно религиозной до мирской. Описала их роли, этикет общения. Опять же непосредственно, изнутри ей удалось увидеть, как происходит воспитание и образование детей в этой среде. В частности, в контексте привносимых английских традиций школьного обучения.

Л.А. Мерварт первой из исследователей обратила внимание на характерную особенность социальных отношений у кандий-

ских сингалов — высокое положение женщины в их среде, независимый характер сингалок. «С первого же дня меня поразило господствовавшее в доме изысканно вежливое, прямо рыцарское отношение к женщинам. Правда, они делали свою работу, но если хозяин, его сыновья или мальчики-слуги видели, что им трудно что-нибудь поднять или поставить, то сейчас же бросались им на помощь. <...> Кроме того, бросался в глаза вежливый почтительный тон, употреблявшийся мужчинами по отношению к женщинам. Уже через несколько дней я убедилась, что это распространено среди кандийцев явление; недаром титул замужней женщины — меникэ (драгоценность). Среди кандийцев редко можно услышать даже грубое слово по отношению к жене» [Мерварт, Мерварт 1929: 37].

Также впервые Людмила Александровна выявила и описала традиции сингальских брачных отношений, прежде всего существование патрилокальной и матрилокальной форм брака (*дига* и *бини*), причем распространенность второй из форм значительна. В частности, в семье, где она жила, хозяин дома был примаком — мужем наследницы дома. Интересно, что та же картина наблюдалась нами в этой семье и через сто лет. Отмечено ею было и существование (в пережиточном виде) в сингальской среде редкой нормы брака — полиандрии, а также — в основном в высших сословиях — полигамии. Сообщены главные сведения о правилах наследования.

Описаны и процессы сельскохозяйственного труда, выращивания риса, создания террасированных полей. При этом сообщаются и некоторые народные приметы, суеверия и табу — то, что, конечно, лучше узнается, когда ты находишься в гуще народной жизни.

Изучая местный буддизм, в том числе и в этой деревне, Мерварты выявили существование ярких народных культов — астрологического и демонического. А вечера, проведенные Людмилой Александровной на веранде, где собирались на беседы чуть ли не все жители деревни, позволили ей познакомиться и с местным фольклором.

В январе 1915 г. Л.А. Мерварт путешествовала по провинции Сабарагамува. В разных деревнях она беседовала и с мужчинами, и с женщинами, подробно записывая их ответы по-русски. Постепенно в ее рабочей тетради начинают преобладать тексты на английском языке, причем некоторые фрагменты записаны рукой Г.Х. Мерварта и Дж.М. Сенавиратне. Всего записано 56 текстов. Л.А. Мерварт встретила сказочника, «рассказывающего сказки во время жатвы», и зафиксировала тексты о богине Паттини. Записи на сингальском языке из ее дневника [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 147] вошли в ее статью о Паттини-деви [Meerwarth-Levina 1916–1917].

Работа Мервартов на Цейлоне прерывалась их поездками на юг Индии, однако, возвращаясь на остров, они продолжали поддерживать деловые и дружеские отношения со многими своими знакомыми, помощь которых была очень ценной для них. И вновь обращались к активной собирательской работе, пополняя цейлонское собрание вещевыми, иллюстративными, книжными коллекциями, накапливая разнообразную научную информацию.

Как уже отмечено, военное положение привнесло трудности в исполнении экспедиционных планов, удлинило сроки путешествия, сократилось финансирование. Не слишком благосклонно смотрели на наших исследователей британские колониальные власти. Вот как писали об этом сами участники экспедиции: «Англичане стали косо смотреть на нашу исследовательскую работу и заподозрили нас в шпионстве, подстрекательстве местного населения и прочих страшных замыслах против британской администрации, которые, разумеется, были сплошь плодом испуганного воображения и неспокойной совести колониальных властей. Нас, мирных этнографов, подвергли форменному обыску и грозили нам даже арестом» [Мерварт, Мерварт 1929: 39].

Сама переписка с музеем стала затрудненной и нерегулярной. Но Мерварты все равно принялись за дело. В редких письмах с берегов Невы их подбадривали: «Собирайте и собирайте! Пусть это будет Вашим девизом!» — писал им Л.Я. Штернберг 1 сентября 1914 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 445–446].

2.2. Маршрут экспедиции Мервартов в Индии: 1915–1918 гг.

Об индийской части экспедиции МАЭ мы знаем из опубликованного отчета А.М. и Л.А. Мерварт, из их переписки с дирекцией МАЭ, отдельные сведения мы находим в ряде документов из петербургских и московских архивов, из публикаций Мервартов. Многие подробности содержатся в материалах их показаний по так называемому «Академическому делу» (сейчас хранятся в Архиве УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области). Эти сведения обрывочны, но в целом дают достаточно информации о маршруте экспедиции и ее основных результатах.

Планы этой части экспедиции формировались долго, наметки своего индийского маршрута Г.Х. Мерварт излагал еще в письме из Мюнхена В.В. Радлову от 22 июня / 9 июля 1913 г.

В конце января 1915 г., согласно одобренному дирекцией МАЭ плану экспедиции, супруги Мерварты переехали в Южную Индию — в Мадрасскую провинцию. Они добирались в Индию на поезде и пароме через Данушкоди и Талайманнар. С крайнего юга Мерварты ехали на поезде до Мадраса. В состав Мадрасской провинции — тогдашней огромной провинции Британской Индии — входили земли, населенные тамилами (нынешний штат Тамилнаду), телугу (значительная часть современного штата Андхра-Прадеш), малаяли (север современного штата Керала). Мадрас был старой крепостью англичан, вокруг которой возник так называемый «Белый город», или кантонмент, населенный европейцами, и «Черный город», или «туземное поселение», где проживали индийцы. Мадрас славился комплексом так называемых «Государственных музеев»⁵ и библиотекой при них (Government Museum, или Madras Museum).

⁵ Иногда встречается наименование «Правительственный музей» в единственном числе. Это комплекс из нескольких музейных зданий, библиотеки и театра.

Еще в 1908 г. начался обмен изданиями между МАЭ и Мадрасским музеем. Его суперинтендант⁶ Эдгар Тёрстон⁷ (Edgar Thurston) 28 января 1908 г. ответил согласием на предложение МАЭ начать обмен изданиями. МАЭ хотел получать «Бюллетень Мадрасского государственного музея» («The Bulletin of the Madras Government Museum») в обмен на публикации МАЭ на русском и немецком языке (были отправлены «Сборники МАЭ», т. 1–6, и юбилейная публикация). 26 марта 1909 г. из Мадраса была получена книга Э. Тёрстона [Thurston 1906] «Этнографические очерки Южной Индии» (Thurston, Edgar. *Ethnographic Notes in Southern India*. Madras: Government Press, 1906) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 75. Л. 55, 58, 96]. От Антропологического общества Бомбея на таких же условиях 26 декабря 1910 г. получен «The Journal of the Anthropological Society of Bombay» т. 6–7, в обмен отправлены «Сборники МАЭ» т. 1–8 [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 75. Л. 134, 154].

В Мадрасском музее была собрана богатейшая коллекция по этнографии и археологии юга Индии. Однако квалифицированных этнографов (этнологов) и антропологов в музее не хватало. По заведенной в эту эпоху в Британской империи традиции главную роль в жизни музея играли ученые-естественники. Суперинтендант музея д-р Джон Роберт Хендерсон (в документах Мервартов — Гендерсон⁸) был зоологом, его помощник — г-н Нарасимха Рао (Narasimha Rao) — ботаником [Мерварт, Мерварт 1927: 7]. Однако эти ученые сердечно встретили россиян и пошли навстречу их пожеланиям, разрешив им изучение этнографи-

⁶ Superintendent (англ.; суперинтендант) — лицо, которое контролирует или руководит работой, предприятием, учреждением, организацией, округом и т.д.; руководитель.

⁷ Тёрстон Эдгар (Edgar Thurston, 1855–1935) — британский медик, антрополог, суперинтендант (директор) мадрасского Государственного музея (1855–1908).

⁸ Хендерсон Джон Роберт (John Robert Henderson, 1863–1925) — британский зоолог, назначен после Э. Тёрстона верховным суперинтендантом (1908–1920) мадрасского Государственного музея.

ческих коллекций музея и съемку наиболее интересных из них. Мадрасский государственный музей подарил для Санкт-Петербургского музея коллекцию керамики [Краснодембская 2009: 244].

Мерварты начали в Мадрасе свою работу с изучения коллекций музея. Так они делали постоянно во всех новых местах, куда приезжали. Они считали, что это сразу давало хорошую краеведческую подготовку. Так они в дальнейшем изучили музеи в Тривандруме, Бангалоре, Калькутте, Сарнатхе и других городах. В мадрасском Государственном музее им много помогал хранитель ботанических и этнологических коллекций Нарасимха Рао.

Мерварты стремились к контактам с местными учеными. Они считали, что только совместная работа с местными специалистами может по-настоящему открыть «много сторон быта, которые европейцам, даже знакомым с местными языками и обычаями, были бы непонятны или остались бы для них незамеченными» [Мерварт А.М. 1927г: 127].

В Мадрасе ученые работали при музее до апреля — до наступления жаркого сезона. За это время была собрана интересная коллекция, которую поместили в 92 ящика. Когда Мерварты были вынуждены покинуть Мадрас, чтобы продолжить этнографические сборы в других городах, они договорились с дирекцией музея о хранении на его складе этих и новых коллекций, поступление которых ожидалось. Ящики с коллекциями были помещены в комнату с бетонным полом, что обещало их большую сохранность. Позднее ящики перенесли в комнату с земляным полом, и многие экспонаты пострадали от белых муравьев (термитов) [Мерварт, Мерварт 1927: 7]. Отметим, однако, что многие ящики были обиты изнутри цинком, так что все-таки велика была доля сохранившихся экспонатов, но жестоко пострадали книги и фотонегативы, хранившиеся в музее не в таких надежных условиях. Сами Мерварты считали, что утрачено 40 % коллекций. При этом собранные Мервартами каменные изображения змей из Траванкора, вероятно, даже не были переупакованы сотрудниками Мадрасского музея и пропали. Через сто лет

участники экспедиции по следам Мервартов Е.С. Соболева и И.Ю. Котин видели эти изображения в антропологическом собрании Государственных музеев Ченнаи. Вообще время и обстоятельства не щадили ни самих исследователей, ни собранного ими, но то, что удалось собрать, поражает!

В период работы в Мадрасе Мерварты выработали дальнейшую тактику исследовательской деятельности. Они определили, что тамилами, их языком и культурой будет заниматься Г.Х. Мерварт, а Л.А. Мерварт уделит большее внимание соседней территории, населенной народом малаяли (малаяльцами) современной Кералы. При этом особое внимание предполагалось уделить изучению «городского и сельского быта тамилы и малаяли», в особенности изучению «народных культов, народного театра», а также ознакомлению «с рядом примитивных племен» [Мерварт, Мерварт 1927: 8]. Из Мадраса исследователи предприняли краткое путешествие в центры дравидийского индуизма — Чидамбарам, Кумбаконам, Танжор (Танджавур), Тричинополи (Тируччираппалли), Шрирангам. Затем в апреле-мае ученые прибыли в Пальнийские горы (Palani hills). В этом высокогорном месте было легче переносить жару, к тому же там находилась усадьба местного помещика господина Раманатхана (у Мервартов в документах — Раманатан), который любезно пригласил к себе россиян. Затем исследователи отправились в местечко Кодайканал (Кодаи-Канал), далее — в Шембаганур. Вблизи последнего Мерварты наблюдали жизнь лесного племени палиян⁹.

Из Кодай-Канала Мерварты ненадолго вернулись на Цейлон, но обстановка там оказалась крайне неблагоприятной — 28 мая 1915 г. начались антиправительственные выступления среди сингалов, Мерварты какое-то время работали вновь в Музее Коломбо, но до удаленной местности Сабарагамува, где предполагали

⁹ Палиян (Paliyan, Palaiyar, Pazhaiyarare) — представители малого народа, проживающие в горных лесах в штатах Керала и Тамилнаду. Занимаются охотой и собирательством. Говорят на дравидийском языке, близком тамильскому. Относятся к числу зарегистрированных племен.

собрать интересную коллекцию, они добраться не смогли из-за сезонных дождей, а общая беспокойная обстановка на Цейлоне заставила их вернуться в Мадрас. Вероятно, еще одной, кроме научной, целью посещения Коломбо была попытка получить там часть ассигнованных экспедиции средств через российского консула Б.П. Кадомцева. Ситуация с первых дней Первой мировой войны сложилась непросто, ученые испытывали проблемы с финансированием экспедиционных закупок да и вообще с самим существованием на юге Индии. Через Российское консульство в Коломбо велась переписка с МАЭ.

Ученые хотели также получить больше ясности о своей дальнейшей задаче, ведь подходил к концу первоначальный срок их экспедиции — два года. Академия ясности не дала, да и само руководство МАЭ вряд ли имело четкое представление о том, как ученым быть дальше. Почта приходила в Петроград нерегулярно. Телеграммы и денежные переводы достигали Мервартов с трудом. Им пришлось настроиться на максимальную экономию. Частью этой стратегии стало активное использование местного гостеприимства. Ученые охотно останавливались у местных правителей, чиновников, плантаторов, предлагавших свой кров паре образованных и воспитанных европейцев. При этом Мерварты привлекали за небольшую плату или безвозмездно помощников из местного населения и европейцев. Например, один из служащих имения в Шембагануре, француз Леже, сделал снимки племени палиян [Мерварт, Мерварт 1927: 8]. Исследователи писали в дирекцию о желательности награждения добровольных помощников российскими медалями или жетонами МАЭ.

Находясь в стране тамилы, Г.Х. Мерварт тщательно изучал всю доступную литературу по тамильскому языку, истории, этнографии, хозяйству региона. В библиотеке МАЭ сохранились некоторые книги с пометками Александра Михайловича. Е.В. Мозоль выделяет в книжном собрании несколько таких книг по тамильской тематике [Мозоль 2011]. Это, в частности, брошюра с английским переводом тамильских пословиц и поговорок

“A Collection of Tamil Sayings and Proverbs on Agriculture. Madras Department of Agriculture»” (Madras, 1908), а также книга М.С. Айянгара «Тамильские исследования» (Srinivasa Aiyangar M. Tamil studies, or essays on the history of the Tamil people, language, religion and literature. Madras: Guardian Press, 1914).

Подведем итоги начальному этапу пребывания экспедиции МАЭ в Южной Индии. Здесь Мерварты изучали крупнейшие местные народы — тамилы и малаялы, их городской и сельский быт, народные верования и культы, традиционный театр. Они совершили небольшое путешествие по известным на юге индуистским центрам. Занимались изучением малых этнических групп и племен. Провели изучение своеобразного семейного и религиозного уклада наяров (малаяльская этнокастовой группы).

По возвращении из короткой поездки на Цейлон Мерварты приступили к изучению быта и обычаев населения Кералы. В то время территория Кералы входила в состав княжеств Траванкор и Кочин, а север этой исторической области — в состав Мадраасской провинции. В Тривандрам отправилась Л.А. Мерварт, стремившаяся особое внимание уделить изучению особой этнокастовой группы малаялы — наяров. Ей «удалось познакомиться с рядом наярских семей, побывать в их домах и изучать наглядно их своеобразный семейный и религиозный уклад жизни» [Мерварт, Мерварт 1927: 9]. Ученые наблюдали в Керале обряды, связанные с праздником Онам — временем почитания праведного царя Баларама, аватары Вишну.

Кроме того, Л.А. Мерварт изучала в Керале быт парсов и представителей ряда профессиональных каст — музыкантов, массажистов. Л.А. Мерварт в июле 1915 г. находилась в Каликате и стала свидетелем важного события — выступления против англичан местных мусульман-мопла. Мопла¹⁰, будучи мусульманами, нега-

¹⁰ Mappila, Moplahs (малаялам — Мопла, Мопилла, Мапилла) — мусульманская община народа малаялы, а также потомков арабов и принявших ислам индийцев в Южной Индии (штат Керала, регион Малабар), возникла в VII–IX вв. н.э. В начале XX в. в основном занимались

тивно восприняли вести о войне Британии против Османской Турции, султан которой номинально считался халифом — главой всех правоверных мусульман. Антианглийские настроения проявились в их нападениях на любых европейцев в Каликате (ныне — Кожикоде). К счастью, русская исследовательница не пострадала.

Г.Х. Мерварт в июле 1915 г. находился в Мадрасе, занимался изучением тамильского языка под руководством выдающегося специалиста по южноиндийским языкам пандита¹¹ Махамопадхья¹² Субраманья Айара (Subramanya Ayar). Там Г.Х. Мерварт занялся переводом с тамильского языка классического произведения буддийской традиции «Манимехалей»¹³. Затем Мерварты переехали в Мадур (современный Мадураи), где провели время с августа по начало ноября 1915 г. в доме гостеприимного землевладельца Р. Фаукса (Ffoulkes)¹⁴, подружившегося с Мервартами и уже предоставлявшего им кров в Шембагануре. Исследователи хорошо изучили храмовый город Мадураи, известный своим святилищем богини Минакши (Парвати, супруги Шивы), а также совершили ряд поездок в окрестные деревни, где наблюдали местные обряды.

Пребывание в Мадураи, старинном центре тамильской культуры, оказалось плодотворным. Здесь ученые изучали жизнь тамильских брахманов и купцов (четти), фотографировали их жи-

земледелием, рыболовством, были моряками и носильщиками.

¹¹ Pandit (санскрит. «пандита», «ученый») — в Индии почетное звание ученого брахмана, а также человека высокообразованного в области классической индийской литературы на санскрите.

¹² Mahamahopadhyaya (санскрит — «величайший учитель») — почетный титул был введен британским правительством в Индии для выдающихся ученых-махопадхья.

¹³ “Manimekalai” — произведение поэта Читилаи Чатанара (Chithalai Chathanar), одно из пяти великих эпосов тамильской литературы. Стоит из 30 песен.

¹⁴ Р. Фаукс интересовался флорой и фауной Индии и выявил несколько новых видов. См.: [Foulkes 1904].

лица, одежду, украшения. Собрали несколько коллекций. Здесь же Г.Х. Мерварт завершил начатый им ранее перевод тамильской средневековой поэмы «Манимехалей» под руководством другого пандита — Гопала Кришна Айера¹⁵.

В Мадураи их застала острая эпидемия холеры, которая особенно свирепствовала в бедных кварталах. Больница была только одна, и из персонала там осталась лишь одна женщина-врач. Л.А. Мерварт, как истинная дочь своего отца, пришла к ней на помощь и работала сестрой и санитаркой вплоть до конца эпидемии. В Мадураи Мервартов застала весточка Л.Я. Штернберга, обеспокоенного нерегулярностью информации от Мервартов, вызванной военным временем.

Находясь в Мадураи, Мерварты обратились к правительству Мадраасского президентства (провинции) и получили от него разрешение посетить входящие в состав президентства княжества Пудукотта, Кочин и Траванкор в качестве «гостей государства». Это статус позднее Мерварты также получали в ряде других регионов, в частности в Кашмире. Он открывал им возможность дешевого или бесплатного проживания, свободного передвижения по местности. Отметим, что такая свобода действий была у Мервартов не везде и не всегда. В Пудукотта (Пудукоттай) Мерварты встретились с английским резидентом Берном и местным махараджей¹⁶. Они посетили местный краеведческий музей (Government Museum¹⁷), встретились с его руководителем Сом Рао, собрали коллекцию этнографических предметов и лекарственных трав [Мерварт, Мерварт 1927: 10]. Мерварты также побывали в области Четтинаду, в так называемой «стране четти»,

¹⁵ Гопала Кришна Айер (Panditha M. Gopala Krishna Iyer, 1878–1927) — поэт, переводчик, издатель журнала на тамильском языке в г. Мадураи.

¹⁶ Раджа Шри Брахдамба Даса Раджа Сэр Мартанда Бхайрава Тондаиман (Raja Sri Brahdamba Dasa Raja Sir Martanda Bhairava Tondaiman, 1875–1928).

¹⁷ Государственный музей основан в 1908 г. Второй старейший музей в Тамилнаду. Показывает историю династии Тондаиман.

т.е. области, выходцы из которой, представители шудрянской торговой касты четти, успешно занимавшиеся бизнесом, сумели разбогатеть и в родных местах стали строить богатые беломаморные храмы и особняки, свидетельствовавшие об их богатстве. Русские ученые фотографировали самих купцов-четти, их украшения, одежду [Краснодембская 2009: 244].

Далее путь Мервартов лежал в храмовый город Тричур (Тхиссур, Тхриссур), бывший частью княжества Кочин. В Тричуре Мервартов встретил министр махараджи Кочина господин Бхор (Bhore)¹⁸, предложивший им свое гостеприимство. В доме Бхора Мерварты провели три недели. Они познакомились и подружились там с «лучшим знатоком этнографии Малабарского побережья» господином Анантакришна Айером¹⁹. По словам Мервартов, «это был единственный специалист-этнограф, с которым судьба свела нас в южной Индии, да и вообще в Индии» [Мерварт, Мерварт 1927: 11]. Мерварты объездили вместе с Анантакришна Айером окрестности Тричура, «познакомились подробно с укладом жизни браминов намбудури, наяров, а также различных лесных племен (кадаров²⁰, танда пулаян²¹ и др.)». Консультации Анантакришна Айера, автора двухтомника о кочинских кастах и племенах [Ananthakrishna Iyer 1908; 1912], были бесценны. Дружба и переписка с ним сохранялась в течение всего времени пребывания Мервартов в Индии. Российские исследователи не только изучили, но и сфотографировали основные экспонаты краеведческого музея Тричура.

¹⁸ Бхор Джозеф Уильям (Sir Joseph William Bhore, 1878–1960) — англо-индиец, чиновник Индийской гражданской службы, деван (министр) Кочинского княжества (1914–1919), провел аграрную реформу в княжестве.

¹⁹ Анантакришна Айер (Diwan Bahadur Dr. Lakshminarayanaapuram Krishna Ananthakrishna Iyer, 1861–1937) — британский антрополог, первый исследователь племен юго-западного побережья Индостана.

²⁰ Кадары (Kadar) — представители малого народа Кералы и Тамилнаду. Говорят на дравидийском языке, близком малаялам. Относятся к числу зарегистрированных племен.

²¹ В описи коллекции МАЭ № 3098 указано: «каста танда пулаян».

Затем они перебрались в город Кочин-Эрнакулам — столицу княжества Кочин. Из Кочина Мерварты посетили окрестности города, пользуясь автомобилем, мотоциклом и, конечно, лодкой — основным средством передвижения в здешних краях, богатых реками, озерами, протоками и каналами. На Малабарском побережье Мерварты приступили к изучению языка малаялам, близкого к тамильскому. Обратились они и к изучению небольшой общины керальских евреев, живших в Кочине. Исследователи отметили наличие групп «белых евреев», сохранявших европеоидный тип, и «черных евреев», ассимилировавшихся с местным населением. Мерварты осмотрели окрестности Кочина. Для передвижения по Южной Индии они часто «пользовались мотоциклеткой с прицепной коляской, что оказалось очень удобным ввиду отличных дорог» [Мерварт, Мерварт 1927: 12]. В Кочине были изучены местный музей и библиотека. Дальнейший путь шел на юг — в Траванкор и его столицу Тривандрам (ныне — Тируванантапурам, Thiruvananthapuram, столица штата Керала).

В это время Л.А. Мерварт приняла приглашение главы секты назрани мапилла (сирийских христиан) и отправилась в центр южного христианства город Котаям (Коттаям). Она была принята в семьях назрани мапилла как своя, ведь многим догматическим различиям назрани мапилла не придавали значения, считая себя православными христианами, братьями и сестрами Людмилы Александровны по вере. Она использовала время, проведенное в Коттаяме, для изучения местного фольклора, записи народных песен²² назрани мапилла, свадебной обрядности, детских игр, кухонных рецептов [Мерварт, Мерварт 1927: 13]. Судя по отчету, Мерварты уделили в Коттаяме внимание изучению племен, в окрестностях города они изучали быт племени ведаров²³.

²² Представители этой этнокастовой группы в Керале говорят на языке малаялам.

²³ Малаведан (Malai Vedan, Malai Vedar) — малый народ, древнейшее население района Траванкор в Керале и Тамилнаду (Южная Индия). Представители этого народа говорят на дравидийском языке, близком малаялам. Относятся к числу зарегистрированных племен.

Затем наши исследователи направились в Западные Гхаты. Как они писали в отчете, «нашим исходным пунктом для экскурсий в леса Западных Гхатов служили раскинутые на высоте около 1,500 м чайные плантации, где мы жили по приглашению плантаторов. Это дало нам, между прочим, возможность наблюдать своеобразный уклад плантационной жизни. Из Коттаяма мы отправились сперва в Мундакаям — местечко, расположенное у самого подножия Гхатов. Из Мундакаяма мы разыскали селение мала-арайян²⁴. Потом мы поднялись в Пирмэд — центр чайных плантаций. Оттуда мы посетили селение урали²⁵» [Мерварт, Мерварт 1927: 14].

Г.Х. Мерварт встретил в Тривандраме брахмана Ганапати Шастри²⁶, под чьим руководством он продолжил изучение санскрита и приступил к переводу санскритских драм выдающегося древнеиндийского драматурга Бхасы. Г.Х. Мерварт изучил только недавно ставшие известными для исследователей пьесы Бхасы и все 13 перевел на русский язык [Мерварт, Мерварт 1927: 12]. В Тривандраме Мерварты познакомились с автором «Индуистской иконографии» Т. Гопинатха Рао²⁷. Ими были изучены и частично сфотографированы экспонаты местного этнографического музея — Музея Нейпира (Napier Museum). Из Тривандрама после изучения коллекций музея Г.Х. Мерварт совершил ознакомительные поездки в Нагар-Койль, центр культа змей, Сучидрам

²⁴ Малайарайян (Malayarayan, Mala Arayan, букв. «повелители холмов») — малый народ Керала (Южная Индия). Представители этого народа говорят на дравидийском языке, близком малаялам. Относятся к числу зарегистрированных племен.

²⁵ Урали (Uruli, Urli, Uraly, Oorazhi, букв. «хозяева местности») — малый народ в Керале (Южная Индия). Представители этого народа говорят на дравидийском языке, близком малаялам.

²⁶ Ганапати Шастри (Т. Gaṇapati Śāstrī, 1860–1926) — махамахопадьяя (с 1918 г.), санскритский ученый, издатель, первооткрыватель пьес Бхасы.

²⁷ Т. Гопинатха Рао (Т. А. Gopinatha Rao, 1872–1919) — индийский археолог и эпиграфист, первый суперинтендант Археологического департамента Траванкора (1908).

и на мыс Коморин (Каньякумари) — крайнюю южную точку индийского субконтинента, священное место для индусов.

Перед посадкой на пароход в Траванкор Г.Х. Мерварт написал директору МАЭ подробное письмо, в котором дал характеристику проделанной работе и собранным к 7 декабря 1915 г. коллекциям.

«Собрали мы в Мадуре материал для изучения дравидийских культов *Marattal*, *Karuppriswami's* Аууапар, т.е. фигуры, сделанные во исполнение обета, и т.д. Я заказал там же и смотрел за работой модели колесницы, как они употребляются для процессии (стоят 550 руп.). Части такой колесницы имеются у нас в музее. Людмила Александровна с помощью одной брахманской подруги купила целый набор медной посуды, употреблявшейся в брахманском хозяйстве. Мы начали весьма интересную коллекцию (пока у нас 80 штук) т<ак> наз<ываемых> *Tali*. Это украшение, которое во время венчания повязывается женихом (иногда другим членом семейства) на шею невесты. Это самый безошибочный знак касты и во многих случаях единственный. Мы думаем со временем получить полную коллекцию этих *Tali*. Они обыкновенно сделаны из золота, но мы заказываем или из серебра, или из меди и дадим позолотить в Петрограде. У нас также собрана полная коллекция типичных драгоценностей разных каст на восточном и западном берегу Южной Индии (медь позолоченная) (около 110). Со временем мы думаем дополнить эту коллекцию для всей Индии. Кроме того, у нас имеются следующие коллекции:

1. Модели важнейших дравидийских храмов, сделанные из древесины (*Piths*²⁸) (5).
2. Бисерная работа женщин касты *Chetty*²⁹.
3. Танжорская металлическая инкрустация (*swami work*³⁰) (около с. 10).

²⁸ *Pith* (англ.) — сердцевина дерева.

²⁹ *Chettiar*, *Chetti* — название, используемое различными торговыми, сельскохозяйственными и земельными кастами в Южной Индии, особенно в штатах Тамил Наду и Керала.

³⁰ *Swami work* (англ.) — работа свами. Свами (санскрит. «владеющий собой» или «свободный от чувств») — почетный титул в индуизме.

4. Южноиндийские бронзы разной величины (от аришина и ниже) (са. 30–40).

5. Миниатюры на слоновой кости.

6. Рисунки на слюде.

7. Южноиндийская (специально мадурская) деревянная резьба.

8. Деревянные, глиняные и бисерные игрушки.

9. Модели способов орошения и сельскохозяйственных инструментов (восточный берег и племя *Chenchu*³¹) (са. 40–50).

10. Коллекция изделий из слоновой кости (са. 45) (работа трансканкорская и панджабская).

11. Полная коллекция гончарного производства восточного берега (са. 50–60).

12. Доисторическая коллекция (250 предметов). Раскопки дольменов Южной Индии.

13. Типичные ткани, вышивки и т.д. Южной Индии и Панджаба (са. 30).

14. Коллекция так наз. *Bidiri work*³² (металлические произведения города *Bidar* и *Haiderabad*) (са. 40).

15. Полный набор музыкальных инструментов (са. 20).

16. Инструменты и украшения разных племен *Cochin*.

17. Предметы, употребляющиеся при *Rija* (богослужении).

18. Коллекция душистых и других гирлянд.

19. Коллекция местных народных лекарств восточного берега [Мозоль 2017].

20. Циновки и плетения.

³¹ Ченчу (*Chenchu*) — малый народ, проживает в штатах Андхра Прадеш, Телангана, Карнатака. Говорят на дравидийском языке. Относится к категории зарегистрированных племен.

³² *Bidri work* (англ.) — работа из Бидара. Речь идет об особом виде декора художественных изделий из металла, которые с XIV в. изготавливались в дер. Бидри в Карнатаке. Эти изделия (*Bidriware*) ценятся как символ богатства, являются популярными предметами экспорта южноиндийского ремесла. Металл представляет собой сплав цинка (94 %, что придает сплаву глубокий черный цвет) и меди (6 %). Изделия инкрустируют серебром.

21. Набор факирских инструментов.

Кроме того, целый ряд небольших коллекций. Одна беда: внешняя жизнь Индуса, в особенности на восточном берегу, очень бедна в смысле обстановки, утвари. Если он беден, то кроме циновки и пары глиняных горшков ничего не имеет. Если он состоятелен, то наполняет свой дом дешевой европейщиной, самым рыночным товаром, платье: кусок материи, завернутый известным способом вокруг бедер. На западном берегу преобладает белый цвет, на восточном — пестрые краски.

Коллекции предметов, конечно, далеко не полные. Мы стараемся собирать везде типичное, и это более или менее удается. Но понятно, что местные музеи давно уже сняли сливки с нашего молока, и это совершенно справедливо. Но чтобы посещающим и изучающим наши музей дать возможность иметь как можно больше материала, мы везде фотографируем самые главные коллекции местных музеев и, где это возможно, частные коллекции. Таким образом, у изучающего, скажем, южноиндийские бронзы перед глазами наша коллекция — далеко не бедная, — дающая полное представление о материале, работе и т.д., и все выдающиеся экземпляры этого искусства, находящиеся в Мадрасском, Коломбском, Пудукоттском, Тричурском и прочих музеях, так же как и в частных коллекциях. Кроме того, негативы являются *Vorarbeit*³³ для целого ряда монографий. Пока у нас таких “предметных” негативов 600. Большинство из них 18×24; они содержат около 3000 предметов следующих категорий:

- Изделия из слоновой кости
- Деревянная резьба
- Золотые и серебряные предметы искусства
- Драгоценности
- Бронзы и прочие металлические изделия
- Индийские картины-миниатюры
- Предметы гончарного искусства
- Оружие

³³ *Vorarbeit* (нем.) — заготовка, подготовительная работа.

— Каменная резьба

— Изделия из других металлов (рог, черепаший щит, шелк и т.д.) [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 3 об. — 5 об.].

Далее он пишет: «Оказалось в большинстве случаев, что никто до сих пор не снимал этих предметов, так что я думаю, что наш Музей будет иметь единственную в Европе коллекцию фотографического материала» [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 5 об.].

В Траванкоре российские исследователи обратили внимание на неизвестное в Европе театральное действо, связанное с религиозными танцами и известное как *катхакали* или *аттакатха*. Мерварты присутствовали на одном представлении, сфотографировали актеров *катхакали* и приобрели полный набор одежды и реквизита. К счастью, эта часть коллекции не пропала в пути и не пострадала при хранении, а была доставлена в МАЭ и сейчас украшает музейную экспозицию «Народы Южной Азии». Нужно сказать, что вообще в Южной Индии Мерварты успешно занимались собиранием коллекций. «Этот край привлекал их сочетанием разных культур — высоко развитой брахманской и своеобразной, иногда почти первобытной — местных племен. Здесь Мерварты приобрели немало интересных коллекций: рыболовные сети, корзины, различные плетеные изделия, разнообразные циновки, модели судов, оросительных сооружений, одежды, а также коллекции, представляющие различные ремесла (резьбу по слоновой кости, кокосовому ореху и др.). Также орудия ремесленников, образцы обуви, игрушки, народные лекарства» [Краснодембская 2009: 245].

Подведем итоги сделанному Мервартами на данном этапе. В конце 1915 г. Мерварты перебрались на Малабарское побережье, освоили малайяльский язык (благо, он родственен тамильскому). И снова они изучают калейдоскоп различных народов, племен, кастовых групп. Собирают предметы быта, описывают фольклор, детские игры, блюда местной кухни. Здесь наши ученые впервые познакомились с неизвестным тогда в Европе видом народного театра — малайяльским *катхакали*. Они посетили

представления театра, сделали фотосъемку их эпизодов, а еще приобрели для своего музея весь набор сложных своеобразных костюмов и реквизита *катхакали*.

Приобретенные Мервартами коллекции по Южной Индии составили ценную часть фондов МАЭ по этой тематике. Среди них богатый набор художественных ремесленных изделий — из слоновой кости (изображения божеств, персонажей «Рамаяны»), из металла в технике «бидри», из сандалового и других пород дерева, бронзовые сосуды и подносы, предметы, вырезанные из кокосового ореха, керамика и др. Очень интересен комплект шаблонов различных орнаментов для резьбы по дереву и слоновой кости. С юга Индии привезены деревянные изображения аватар Вишну, модели храмов, церемониальные «коромысла» (*кавади*), целая коллекция *тали* (подвески — символы замужества), наборы туалетных принадлежностей, благовонные ожерелья. Особого внимания заслуживает коллекция письменных принадлежностей — металлических стилусов и тростниковых перьев — и посуда из мыльного камня для приправ.

В феврале 1916 г. наши исследователи выехали из Тривандрама на плоскодонной лодке и добрались по каналам и лагунам до Эрнаулама, прибрежного городка, сейчас составляющего вместе с находящимся на островах Кочином почти город-миллионник. После непродолжительной остановки в хорошо им знакомом Тричуре Мерварты отправились в Утакаманд в Синих горах (Нилгири). Утакаманд, или Ути, — старинная английская hill station («высотная станция»), где европейцы обычно пережидали жару, нестерпимую на равнине. Но Мерварты прибыли туда не в сезон. Их привлекали сами горы Нилгири. В горах проживали представители многочисленных племен, в том числе и такие экзотичные, как тогда, внешне чистые европеоиды с очень своеобразной культурой животноводства, особыми бытом и религией. Кроме того, в Утакаманде были телеграф, банки, почта. Целый месяц Мерварты провели в этом городке, надеясь получить из России часть ассигнованных на экспедицию средств. «Однако ввиду военного положения переводы из Англии в Индию на имя

частных лиц были запрещены, и мы скоро оказались в критическом положении» [Мерварт, Мерварт 1927: 14].

Далеко не все письма и телеграммы Мервартов в Академию наук и обратно доходили до адресатов. В отчете МАЭ за 1915 г. отмечено: «В отчетном году по командировке от Музея состояли Г.Х. Мерварт и Л.А. Мерварт, находящиеся ныне в Южной Индии, где, кроме собирания коллекций, занимаются лингвистическими исследованиями, преимущественно среди дравидийских народов. В этом году ими собрано 60 ящиков предметов» [Отчет о деятельности 1916: 22]. В отчете МАЭ за 1916 г. особо отмечена «командировка Г.Х. и Л.А. Мерварт»: «От них в отчетном году получено всего четыре письма-отчета, сличив которые легко заметить, что значительная часть их писем пропала. Тем не менее удастся установить в общих чертах как их маршрут, так и то, что ими сделано, а также получить представление о собранных коллекциях. <...> За два года работы экспедиции, кроме большого и весьма ценного рукописного материала, относящегося к наблюдениям над религией, общественным устройством, кастами и материальной культурой жителей Цейлона и Южной Индии, собраны обширные коллекции, полно и всесторонне, судя по отчетам, представляющие жизнь туземного населения. Подсчитать, хотя бы приблизительно, число предметов не представляется возможным. Можно лишь указать, что ящиков с коллекциями набралось уже 140, фотографий — свыше 2000. Коллекции эти, за невозможностью доставить их в Россию, сданы на хранение в различных городах — Мадрасе, Коломбо, Тричуре, Тривандруме и Александрии» [Отчет о деятельности 1917: 28–31]. Перебои были не только с корреспонденцией, но и с финансированием. Месяцами у Мервартов не было сведений из Петрограда. Консулы рекомендовали им возвращаться домой.

В 1916 г. их командировка окончилась, но Г.Х. Мерварту пришлось бы по возвращении принять участие в войне против Германии, поэтому он с радостью согласился остаться в Индии еще на два года. Ему были отправлены новые документы и свидетель-

ство об освобождении от военной службы [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 175 об.]. В 1916 г. Г.Х. Мерварт в Индии принял православие «для того, чтобы переменить имя и отчество, которое тогда было одиозно ввиду войны с Германией» [Там же. Л. 177 об.].

С учетом продления сроков командировки Мерварты решили продолжить работу по сбору коллекций и изучению индийской этнографии. Но денег на эти цели из России не поступало. Пользуясь возникшими за время пребывания в Южной Индии связями, Г.Х. Мерварт устроился на работу товарищем (т.е. заместителем) директора отдела труда Союза плантаторов Южной Индии. Центр округа и штаб-квартира организации находился в Коимбаторе, куда и направились Мерварты. Это дало какую-то финансовую стабильность чете исследователей. К тому же по долгу службы Г.Х. Мерварт должен был выезжать в окрестные города и деревни, и он сумел хорошо изучить быт и культуру местного населения. В Коимбаторе Мерварты провели март, апрель и май 1916 г. Из Коимбатора Л.А. Мерварт посетила Тричур и Бангалор, где проводились ярмарки. Через месяц после назначения на должность Г.Х. Мерварт получил некоторые суммы из России и смог продолжить собирательскую деятельность. Срок его контракта с Союзом плантаторов Южной Индии закончился 6 июня 1916 г. [Мерварт, Мерварт 1927: 15].

В июле 1916 г. Мерварты отправились в княжество Майсур (Майсор). Они побывали в Бангалоре, но многие другие уголки княжества оказались для них закрыты. Британские власти не пускали туда русских ученых, ссылаясь на законы военного времени. Не последнюю роль в проявлении британцами нестроженности в отношении русских ученых играло немецкое происхождение Г.Х. Мерварта, однако в целом складывается впечатление, что все зависело от служебного рвения и подозрительности того или иного чиновника. Крайне недоброжелательное и подозрительное отношение британских чиновников к русским ученым в Майсуре определило то, что в здесь Мерварты посетили только Майсур, Арсикер и окрестности Бангалора.

Кстати, слежка велась за Мервартами не только со стороны британских властей. Русские консульские службы не только помогали Мервартам, но и отслеживали их образ мысли и разговоры, опасаясь, как бы активность этих русских подданных не повредила российско-британским отношениям. Так как Г.Х. Мерварт был этническим немцем и бывшим германским подданным на службе России, он очень переживал за обе свои родины, оказавшиеся в войне друг с другом. Вероятно, супруги считали в целом союз России с Великобританией ошибочным и видели в нем причину войны. Иногда, вероятно, Мерварты позволяли себе высказывать свои политические соображения вслух. Вице-консул в Коломбо Б.П. Кадомцев 25 февраля 1915 г., в целом положительно характеризуя работу Мервартов на Цейлоне, в письме в Генеральное консульство в Калькутте писал:

«Приблизительно около года тому назад в Коломбо прибыли из Петрограда Герман Христианович и Людмила Александровна Мерварт. Гг. Мерварт были посланы на Цейлон и в Индию этнографическим отделением музея Имп. Николая II³⁴ для сбора разных коллекций и для изучения быта туземцев (их религии, нравов и пр.). Гг. Мерварт были рекомендованы вниманию здешнего вице-консульства академиком Радловым, Министерством иностранных дел и нашим посольством в Париже.

Г-жа Мерварт по своему происхождению русская, ее отец состоит профессором Медицинского института в Петрограде. Г-н Мерварт по своему происхождению немец, но получивший русское подданство, будучи принят на государственную службу. По своей наружности, привычкам г-н Мерварт является типичным немцем.

Гг. Мерварт работали на Цейлоне весьма усердно и заслужили уважение не только среди английского общества, но и среди туземцев, с которыми они непосредственно соприкасались, разъезжая по деревням и монастырям.

³⁴ Так в донесении. Вероятно, Б.П. Кадомцев смутно представлял статус МАЭ.

Полиции каким-то образом стало известно немецкое происхождение Мерварта, и за ним стали неустанно следить. Из тех вопросов, с которыми полиция неоднократно обращалась в вице-консульство, можно было понять, что только покровительство последнего предохраняло г. Мерварта от ареста.

В настоящее время гг. Мерварт уехали в Мадрас, откуда они собираются проехать на Гаты в гости к одному из их туземных почитателей.

Зная, что полиция в Индии (особенно после мятежа в Сингапуре) особенно строго относится к поведению и разговорам иностранцев, вице-консульство наметнуло г. Мерварту, что разговоры с туземцами о войне и особенно в пангерманском направлении могут навлечь на него большие неприятности.

К сожалению, г. Мерварт не скрывает своей ненависти к англичанам, и благодаря несколько несдержанному и вспыльчивому характеру он часто позволяет обнаруживать свою неприязненность к англичанам.

Г-жа Мерварт несколько сдерживает своего мужа от политических разговоров с англичанами и туземцами. Но и она подчас поддается влиянию мужа и также высказывается во враждебном духе против Англии.

Так как гг. Мерварт в настоящее время находятся в Индии, то вице-консульство сочло своим долгом сообщить Генеральному консульству характер работы их, а также их характеристики.

Вице-консульский агент Б. Кадомцев» ([АВПРИ. А. 238 Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 2–4; цит по.: Российско-индийские отношения 1999: 402]).

В Бангалоре Мерварты собрали коллекции женских украшений, лекарств, лакированных деревянных игрушек [Краснодембская 2009: 245]. Там же в Бангалоре Мервартами было принято решение ехать на север страны.

Итак, Мерварты решили, что продление командировки на два года требует смены местности — юг был ими изучен достаточно хорошо. Вот как пишут сами участники экспедиции: «Мы пришли к заключению, что целесообразнее всего перенести поле

деятельности на север Индии. Во-первых, работа и коллекционирование на одном дравидийском юге, казалось нам, не дали бы тех результатов, для которых мы были командированы, а именно более или менее полной картины всей Индии. Во-вторых, мы заметили, что окружающий нас быт сделался слишком привычным и что уже много черт его ускользало от нашего внимания. Для обострения наблюдательности нам казалось целесообразным резко переменить область исследования» [Мерварт, Мерварт 1927: 16].

Сначала Мерварты заехали в Мадрас, где упаковали свои коллекции и договорились с директором музея об их хранении. К сожалению, позднее многие из этих коллекций из-за небрежности служащих Мадрасского музея погибли. Мерварты также просили руководство музея в Мадрасе принимать корреспонденцию и коллекции для них от своих друзей и знакомых, остававшихся в Южной Индии, — Анантакришна Айера из Кочина, Падманабха Айера³⁵ из Коимбатора, Падманабха Пиллаи³⁶ из Тривандрама [Мерварт, Мерварт 1927: 16]. Российские ученые, памятуя об определенных проблемах во взаимоотношениях с британскими властями и ограничениях передвижения по Индии, обратились к и.о. Генерального консула России в Калькутте Р.А. Лисовскому с просьбой получить для них от английских властей разрешение на беспрепятственные разъезды по Индии. Г.Х. Мерварт писал 30 июня 1916 г.:

«Из приложений к этому письму Вы увидите, что мы посланы Императорской Академией наук для собирания коллекций, которые должны будут лечь в основу новому отделу музея Академии, обнимающему Индию и Цейлон. Наша командировка, начавшаяся 5/18 апреля 1914 г., предполагалась на два года, но по истечении

³⁵ Падманабха Айер (Padmanabha Iyer A., или Karamanai A.P. Iyer, 1869–1942) — ведущий независимый журналист, автор многих книг: [Padmanabha Iyer A. 1936; 1941].

³⁶ Падманабха Пиллаи (Sreekanteswaram G. Padmanabha Pillai, 1864–1946) — лексикограф, ученый, составивший словарь языка малаялам “Sabdatharavali”.

этого срока была возобновлена на дальнейшие два года... Первые два года мы провели на Цейлоне и в Южной Индии, где нам удалось исполнить часть возложенной на нас задачи. При этом как правительство Цейлона, так и правительство Мадрасского президентства и туземных государств оказали нам содействие.

Ближайшие два года мы хотим посвятить изучению Северной и Центральной Индии. Ввиду военного положения передвижения европейцев, если они не англичане, значительно затруднены разными полицейскими формальностями.

Мы были бы Вам очень обязаны, если бы Вы получили для нас следующие документы от надлежащих высших индийских властей (вице-короля, министра иностранных дел или министра народного просвещения — кто именно этим заведует, я не знаю): 1) общее разрешение на беспрепятственные разъезды по всей Индии. Так как мы состоим на государственной службе союзной с Англией России, то, мне кажется, не может быть никаких затруднений для выдачи подобного документа; 2) циркулярное обращение ко всем местным властям оказывать нам содействие. Такое обращение было у нас на Цейлоне и облегчило нам работу в очень большой степени. Индийскому правительству было бы, вероятно, желательно знать наш маршрут. В Мадрасском президентстве мы периодически сообщали губернатору наш маршрут на 2–3 месяца вперед, с удовольствием делали бы то же самое здесь. В общих чертах до конца следующего года наш маршрут будет приблизительно таков: из Калькутты мы думаем поехать в Миргее с возможными короткими остановками по пути. Оттуда мы хотим сделать месячную остановку в Кашимир. В начале октября мы отправимся в Пешавар и оттуда поедem обратно в Калькутту по долине Ганга, останавливаясь в разных местах (Amritsar, Lahore, Delhi, Benares, Jaipur и других). В Калькутте будем жить от приблизительно середины ноября до конца декабря. Более подробного плана я сейчас не могу дать» ([АВПРИ. Ф. 238. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 11–12; цит. по: Российско-индийские отношения 1999: 405]).

После этого Мерварты направились на север Индии — вначале в Калькутту, незадолго до этого потерявшую статус столицы Британской Индии, но по-прежнему остававшуюся крупнейшим городом страны, ее интеллектуальным центром, сокровищницей ее культуры. Мерварты посетили Генеральное консульство Российской Империи (переведенное в Калькутту в 1910 г. из Бомбея), изучили коллекции крупнейшего в Южной Азии Индийского музея (the Indian Museum). После этого они отправились в Лакхнау, бывшую столицу княжества Ауд, центр как индусской, так и мусульманской (шиитской и суннитской) культуры. Директор Лакнауского музея (Provincial Museum, Lucknow) известный археолог Хирананд Шастри³⁷ помог им заказать там модели, иллюстрирующие деревенский быт Северной Индии [Мерварт, Мерварт 1927: 16].

Из Лакхнау исследователи отправились в Дели и далее на северо-восток — в Равалпинди (в отчете — Раваль-Пинди), Лахор и, наконец, в Шринагар — столицу Кашмира. В Шринагаре исследователей принимали как гостей княжества. Это было связано как с ходатайством русского консула к махарадже Кашмира, так и с особым стратегическим положением княжества на самом северо-западе Британской Индии, в относительной близости от российских границ.

В Кашмире Мерварты провели август и сентябрь 1916 г. Это был очень плодотворный период для российских исследователей. Как пишут они в отчете, «мы подробно изучали быт и технику кашмирских ремесленников — ткачей, резчиков по дереву, по металлу, рабочих, изготавливающих предметы из папье-маше, и собрали множество изделий и орудий производства. В связи с этой работой мы заинтересовались вопросом об орнаменте, который в Кашмире особенно ярко иллюстрирует влияния скрещивающихся в этой стране культур персидской, китайской и индий-

³⁷ Хирананд Шастри (Hiranand Sastri) — индийский археолог, сотрудник Археологической службы Индии. Вел раскопки комплексов Наланда, Санкисса и др.

ской. С этой целью нами были собраны по возможности полные наборы образцов с орнаментами, встречающимися на изделиях из дерева и папье-маше, на тканях, вышивках, печатном ситце. Поскольку это было возможно, мы старались вникнуть в быт кашмирского населения, как крестьянского большинства, так и правящего браминского класса. В этой работе нам очень помог приглашенный нами в качестве секретаря молодой кашмирский брамин Джадагар Заду Шастри. Через него мы познакомились со своеобразным браминским бытом этой страны, собрали сведения о браминских обычаях и приобрели полный набор их украшений» [Мерварт, Мерварт 1927: 17].

Здесь же, в Кашмире, Мерварты наблюдали представления кашмирских «скоморохов». В дальнейшем они вновь в разных уголках Индии уделяли внимание изучению местной народной драмы. Кашмирский театр, или представления скоморохов-*бханда*, Мерварты изучили основательно. Они «присутствовали на представлении <...>, продолжавшемся около 8 часов, сфотографировали представленные типы и выдающиеся моменты самого представления» [Мерварт, Мерварт 1927: 17].

Мерварты изучили быт не только кашмирцев Шринагара. Они «побывали в разных кашмирских деревнях, а также у кочующего пастушеского племени гуджаров³⁸», приобрели несколько предметов домашней утвари [Мерварт, Мерварт 1927: 17].

Наши путешественники посетили знаменитую шиваитскую святыню Амарнатх (в тексте отчета — Амарнат), им удалось «наблюдать религиозную жизнь индусов и в особенности разных странников и отшельников» [Мерварт, Мерварт 1927: 17–18]. Путешествие заняло около десяти дней, многие его эпизоды были засняты на фото пленку. Но позднее многие негативы оказались

³⁸ Гуджар (Gurjar, Gujjar) — этническая общность, проживающая в штатах Пенджаб, Химачал-Прадеш, Раджастан, Джамму и Кашмир (Индия) и на востоке Пакистана. Численность 1 млн человек. Представители этого народа говорят на языках гуджари, пахари индоарийской семьи. Занимаются отгонным животноводством.

испорченными. Из Кашмира Мерварт писал 8 сентября 1916 г. Р.А. Лисовскому:

«Мы все время путешествовали, собирали, двигались с места на место, так что просто не было спокойной минуты. Я должен Вам сказать большое спасибо за быстрое исполнение нашей просьбы. Здесь приказ индийского правительства оказать нам помощь имел самые приятные последствия. Кашимирские чиновники прямо ухаживали за нами, и наша работа идет очень успешно. Я надеюсь, что мы скоро будем иметь удовольствие лично познакомиться с Вами или в Delhi, или в Калькутте. Тогда мы Вам расскажем о наших странствованиях по Индии. Мы здесь думаем остаться до 7-го октября н.ст. Хотим отсюда поехать в Пешавар, чтобы увидеть этот город (2–3 дня) и раскопки в Taxila. Оттуда поедem в Lahore на неделю, оттуда на такой же срок в Amritsar. Потом мы сделаем Delhi своей постоянной квартирой на 2 месяца. Мы там ожидаем появления на свет молодого русского гражданина. Я хотел бы оттуда сделать небольшие экскурсии в Muttra, Agra, Jaipur. Это пока наши планы до конца этого года. Будьте любезны, передайте об этом секретарю иностранных дел в Симле. За все Ваши заботы о нас и нашей работе мы Вам от души благодарны. С искренним уважением Мерварт» ([АВПРИ. Ф. 238. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 9–10; цит. по: Российско-индийские отношения 1999: 406]).

Из Кашмира в конце сентября Мерварты отправились в Лахор (в отчете — Лагор). Здесь они посетили знаменитый Лахорский музей (Lahore Museum), познакомились с его директором доктором Хитом³⁹, профессором Харгривсом⁴⁰, заведующим ар-

³⁹ Хит Хью Лайонель (Hugh Lionel Heath, 1871–1938) — художник, ректор школы Майо, куратор Лахорского музея. Поощрял изучения в Пенджабе изобразительного и промышленного искусства.

⁴⁰ Харгривс Гарольд (Harold Hargreaves, 1876–?) — британский археолог, сотрудник Археологической службы Индии, специализировался по буддийской иконографии.

хеологическими раскопками в местечке Гандхара [Мерварт, Мерварт 1927: 18], давшем название целой культуре, отражавшей смешение влияний буддизма и культуры античной Греции, наконец, с профессором Вулнером⁴¹, преподававшим санскрит в местном университете. Наши исследователи благодаря новым связям сумели не только сфотографировать основные экспонаты лахорской коллекции, но и заказали слепки с отдельных экспонатов, сделанные учениками художественного техникума, которым заведовал Хит. В Пенджабе и Кашмире Мерварты «наибольшее внимание уделили изучению ремесленного производства, так как местные мастера издавна славились на весь мир как большие умельцы в ткачестве, вышивке, резьбе по дереву и металлу, в изготовлении расписных изделий из папье-маше. Они собирали кашмирские ковры и кошмы (“намда”), резные решетки кашмирских окон, образцы вышивок и шалей, ткани, а также и сами орудия ремесленного труда. Разнообразны образцы резьбы по дереву, привезенные ими, — панели, ларцы, стол, подставка для книг. Из папье-маше — блюда, подсвечники, подносы. В других коллекциях — пенджабские изразцы, керамика, кашмирские украшения. В частности, этнографический раритет — церемониальные украшения кашмирских брахманов, используемые ими в обрядах жизненного цикла. Несколько коллекций составили бытовые вещи домашнего обихода (маслобойки, мутовки, весы), обувь и головные уборы, прялки, переносные очаги “канкри” и самовары. Была собрана богатая коллекция кашмирской одежды: женской, мужской, повседневной, праздничной, театральной. Интересовал исследователей сам по себе кашмирский орнамент, в котором переплелись традиции трех культур — кроме индийской, еще персидской и китайской. Они собрали образцы рисунков для резьбы по дереву, для раскрашивания изделий из папье-маше, для изразцов. Особую коллекцию составили несколько

⁴¹ Вулнер Альфред Купер (Alfred Cooper Woolner, 1878–1936) — известный санскритолог, профессор, ректор Университета Пенджаба в Лахоре.

предметов домашней утвари кашмирского племени гуджаров, кочевников-скотоводов: здесь имеются деревянная чашка для воды, железная ложка-ковш, кальян из рога. Большую художественную ценность имеет коллекция миниатюр раджпутской школы — 17 полихромных рисунков на бумаге на мифологические сюжеты» [Краснодембская 2009: 245].

Из Лахора Мерварты отправились в Амритсар — религиозную столицу сикхов, посетили их знаменитый Золотой храм. Ввиду болезни Л.А. Мерварт (малярия) исследователи вернулись в конце октября в Дели, где пребывали до декабря 1916 г. В Дели, несмотря на проблемы со здоровьем, Л.А. Мерварт продолжала работу, общалась с женщинами из мусульманских семей, что позволило лучше узнать их быт.

Из Дели Мерварты побывали в Матхуре (в отчете — Маттра), были свидетелями религиозного представления «Раслила», посвященного богу Кришне, чьим местом земного рождения считается этот город. Исследователи сделали около 80 фотографий участников и сцен этого представления [Мерварт, Мерварт 1927: 19].

Пребывание в тогдашней столице Британской Индии Мерварты использовали для пополнения книжного собрания МАЭ. Они познакомились с министром народного просвещения Британской Индии и ходатайствовали об отправке для МАЭ около пятисот томов книг по этнографии, истории и культуре Индии в виде дара от правительства. Основой для такого деяния был составленный А.М. Мервартом отзыв о проекте Всеиндийского музея в Дели и список изданий, имеющих отношение к этнографии и необходимых МАЭ [Мерварт, Мерварт 1927: 19].

Тогда же А.М. Мерварт отправился в Фаррухабадский округ Соединенных провинций (сейчас — штат Уттар-Прадеш) на раскопки древнеиндийского города Санкисса по приглашению профессора Хирананда Шастри, руководившего раскопками, и провел там около двух недель [Мерварт, Мерварт 1927: 19]. В Дели Мерварты уделили внимание изучению языка урду, быта местных мусульман, собиранию коллекций, в частности они приобрели большой набор штампов с узорами для набойки, туалетные

принадлежности, курительные приборы, кропильники, игрушки, куклы, образцы занавесей и циновок.

По выздоровлении Л.А. Мерварт неутомимые исследователи отправились в Лакхнау (в отчете — Лакнау) и Варанаси (в отчете — Бенарес). Пребывание в Бенаресе оставило глубокий след в памяти российских исследователей. Они также стремились запечатлеть увиденное, особенно священные спуски к Ганге — гхаты — на фотографиях. Мерварты посетили также находящийся неподалеку от Бенареса город Сарнатх, великую буддийскую святыню, место первой проповеди Будды. Побывали они и в местном музее [Мерварт, Мерварт 1927: 19]. Наконец, русские исследователи посетили знаменитый дворец бенаресского махараджи в Рамнагаре, известный своими книжными сокровищами. «Наконец, нам хотелось познакомиться с редкостным изданием Рамаяна в переводе Тулси Даса, находящимся во дворце бенаресского махараджи в Рамнагаре. Эта рукопись состоит из нескольких томов и снабжена замечательными миниатюрами, относящимися к началу XVIII в. Нам удалось снять в течение нескольких часов целый ряд этих миниатюр, которые нами предполагалось поместить в издании перевода драм Бхасы “Пратима натакам” и “Абхишека натакам”» [Там же 1927: 19]. Вероятно, в Бенаресе Мерварты приобрели амулеты и печати, которыми аскеты и богомольцы наносили на свое тело религиозные символы и знаки. А вот коллекции глиняных раскрашенных моделей, изображающих богов индуистского пантеона, подвижников разных сект и типы жителей Центральной Индии, были приобретены уже в Лакхнау.

В начале 1917 г. исследователи вернулись в Калькутту. Их финансовое положение вновь стало катастрофическим. На какое-то время наших ученых выручил профессор Серампурского колледжа Калькуттского университета Гиваргис. Находящийся недалеко от Калькутты Серампур имел давнюю историю. Это была бывшая датская торговая фактория [Соболева 2003]. Там давно существовал колледж, да и музей, затем переехавший в Калькутту (теперь известный как Индийский музей — Indian Museum), возник именно в Серампуре. Этот небольшой колониальный

городок стал также центром местной колонии христиан назрани мапилла, которых Л.А. Мерварт изучала еще в Коттаяме (Керала) и к числу которых относился и Гиваргис. Предложение поселиться в общежитии малабарских студентов Калькуттского университета позволило исследователям значительно сэкономить на проживании. К тому же Л.А. Мерварт могла продолжить свое изучение назрани мапилла [Мерварт, Мерварт 1927: 20].

Л.Я. Штернберг 22 марта 1916 г. вновь подбадривал Мервартов и предлагал им маршруты и темы дальнейших путешествий.

«С удовольствием читал подробности Ваших успешных сборов. По первому вопросу считаю нормальным высказать свои соображения. Я полагаю, что предметы, выделанные под влиянием школ, представленные как предметы, изготовленные в School of Arts⁴², или вовсе не надо собирать, или собирать в ограниченном количестве. Вы пишете, что надеетесь собрать на севере так называемую кустарную Индию, которая могла бы иметь значение не этнографическое, а педагогическое для наших художников. Я думаю, что такой целью Вам задаваться не следует, ибо мы преследуем не утилитарные, а исключительно научные цели. Конечно, поскольку кустарные работы отражают быт туземный и рисуют местную культуру, постольку они представляют объект этнографии. Трудно, разумеется, отсюда судить точно, что вы подразумеваете под кустарной Индией, но если взять русский масштаб, скажем, изделия павловских кустарей, всякие замочки, ножики, цепочки и т.д., то точно так же, как мы их не станем собирать в России, то же надо сказать и об Индии. Тем менее следует собирать предметы, которые выделяются под непосредственным влиянием европейцев. Но, повторяю, те кустарные изделия, которые представляют отражение чисто туземной культуры, например, как в России всякого рода примитивные детские игрушки (игрушка, изображающая двух медведей, рабо-

⁴² Школа искусств (англ.). В конце XIX в. в городах Британской Индии была создана сеть школ, в которых индийских детей обучали основам ремесла, архитектуры, искусства.

тающих на наковальне, и т.п.), керамика местная, украшения народные или народные базарные изображения божеств, народная иконопись и тому подобные вещи представляют, конечно, этнографическую ценность. Разумеется, общей перспективы в этом отношении трудно давать издали, но, надеюсь, что моя мысль Вам понятна. Очень одобряю собирание моделей, представляющих типы, конечно, если эти типы и в антропологическом, и в этнографическом отношении вполне удовлетворительны. Для такой большой страны, как Индия, изготовление таких моделей является особенно целесообразным. Крайне важно, между прочим, для такой страны, как Индия, зафиксировать различную цветность населения, начиная с севера, отмечая это по антропологическим таблицам Брока, Лушана, или по крайней мере по английским *queries*⁴³, или, например, по *Code de couleur*⁴⁴. Это имело бы огромное значение. Чувствую это я при преподавании этнографии. Не знаю, собираете ли Вы модели архитектурных типов, а это очень бы следовало. Особенно важны различные типы пагод, от наиболее примитивных до наиболее развитых. При этом очень важно зафиксировать туземные названия для различных пагод. Этот вопрос, между прочим, меня специально интересует, так как я занят происхождением этого вида архитектуры. Вы, конечно, собираете всё, что относится к рождению, браку, смерти и всяким вообще семейным и племенным торжествам. Во всяком случае, я позволю себе напомнить Вам о важности объектов этих церемоний, в частности очень интересны амулеты для рожениц и для новорожденных, а также разные типы колыбелей. Напоминаю о собирании и различных предметов фамильного культа, и вообще обратите особое внимание на культ сельский. Интересно, сохранились ли в Индии обычаи делать разные фигуры во время жатвы: фигуры из льна, травы, или одевание раз-

⁴³ Вопросники (англ.).

⁴⁴ Шкала цветов (франц.) — метод, применяемый в антропологических исследованиях (шкала цвета волос Фишера-Заллера, шкала оттенков кожи Лушана, шкала цвета глаз Мартина и др.).

личных масок во время жатвенных праздников, а может быть, делаются и какие-нибудь изображения при посеве? У скотоводов интересны их молочные сосуды, в особенности которые имеют религиозное значение, равно как самые способы обработки молока. Если черепа животных играют какую-либо роль в культе того или иного народа, то привезите таковые. Кстати, не сохранилось ли среди хотя бы детских игрушек так называемых *bullroars*, по-русски, гуделка, духовая трубка или метательная дощечка для дротика и стрелы и, в частности, разного вида игр, как азартных, так и неазартных. В индийских храмах жрецы часто употребляют игральные книги для гаданий, я где-то читал описание их. Их желательно было бы приобрести, потому что эти индийские игры распространены далеко за пределами Индии, у сибирских народов, между прочим.

Хорошо было бы, если у Вас имеются копии списков приобретенных Вами предметов, выслать нам их, чтобы мы имели представление обо всем собранном Вами. Между прочим, с вещами, которые хранились в Александрии, мы хотя и имели много хлопот и им угрожала продажа от аукциона, но всё благополучно устроилось, благодаря Управлению Добровольного Флота и консульским агентам.

Вы, конечно, знаете, что еще ремонт нового здания Музея и не начинался, потому что новое здание Библиотеки занято под лазарет и самая библиотека осталась еще пока в старом здании, так что пока Ваша миссия в Индии собирать и собирать, переходя из одного района в другой. Потому имейте в виду, что чем дольше Вы будете собирать в Индии, тем это будет приятнее и полезнее для Музея. Заботьтесь только, чтобы все собранное Вами было сохранено до лучшего времени, когда можно будет наконец начать перевозить это в Европу. <...>

Кстати, пришла мне в голову такого рода мысль. Когда поедете на север Индии, не лучшие ли начать эту работу с самого крайнего севера, с предгорьев Гималаев, более примитивных, а потом спуститься к более цивилизованным, для того чтобы на всякий случай иметь более интересные предметы, тем более что край-

ний север Индии еще недостаточно изучен, а уже о собраниях и говорить нечего. На Вашем месте, мне кажется, я бы именно так и поступил. Это дало бы Вам и большое удовлетворение в смысле разнообразия, возможности окунуться в более первобытную жизнь и в менее известную. Между прочим, на севере Индии Вы бы нашли интереснейший материал по примитивным формам брака. Еще один вопрос мне приходит на ум. Я когда-то читал, что в Бирме обычай во время погребений возить покойников на таких сооружениях, которые очень напоминают пагоды, высокие, со шпилем, и, кроме того, устраиваются какие-то особые высокие столбы, на которые навешиваются жертвоприношения и которые потом увозятся в храм. Мне интересно было бы выяснить, имеет ли аналоговый обычай место и в Индии, откуда, по-видимому, он пришел вместе с брахманизмом вообще. <...>

P.S. Посылаю Вам свою статью о близнецах. Не собирали ли Вы Индийские поверья о них?

P.S. Собираете ли Вы предметы колдовства? Кстати, не остались ли в Индии колдуны типа шамана? Я лично очень интересуюсь легендами о древе жизни; не соберете ли Вы таковые главным образом среди сельского населения, был бы Вам очень признателен. Очень был бы Вам также благодарен, если соберете разные народные и литературные данные об отношении к орлу, о культе его и миф его. Уверен, что в народе еще до сих пор живет этот культ орла или сокола. Для меня до сих пор темка насчет термина орла; дело в том, что одни санскритисты переводят этот термин орел, а другие — сокол, что вернее. Еще, конечно, Вы спросите насчет орудий охоты, особенно о луках-самострелах (*sparing-bow*) по части употребления у таких племен, как Нов, Сонтал⁴⁵ и бихарцев⁴⁶?

⁴⁵ Правильнее — санталы (Santhal) — самый крупный из народов мунда (численность более 6 млн человек, по данным на 2001 г.). Живут в Индии, Бангладеш, Непале.

⁴⁶ Бихарцы (Bihari) — группа народов, говорят на языках индоарийской группы индоевропейской семьи. Население штата Бихар в Индии (92,5 млн человек). Живут также в Бангладеш, Непале, Бутане.

Были ли Вы у этих народов?» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 281–286].

Новости из России, как и деньги, приходили с опозданием. В этой ситуации настоящим подарком стало приглашение А.М. Мерварта на работу в калькуттский Индийский музей. «Этнографический Отдел Индийского Музея в Калькутте очень богат, и в нем хранятся экспонаты, приобретенные в начале прошлого столетия и даже раньше и представляющие собой музейные редкости. С другой стороны, этим отделом никогда не заведовал европейский музеевед-этнограф. Во время нашей работы над материалом этого отдела директор Музея, он же глава Департамента зоологии, д-р Аннандэль, предложил А.М. Мерварту взять на себя перевыставление этого Отдела, хотя бы в нескольких его частях. Так как нами уже была собрана довольно полная коллекция музыкальных инструментов, а калькуттская коллекция содержала очень много интересного материала в дублетах, А.М. Мерварт принял предложение д-ра Аннандэля с условием, что в вознаграждение за пересмотр и перевыставление инструментов, а также за составление путеводителя по этой коллекции МАЭ получит дублеты, необходимые для пополнения уже собранного материала. <...> В течение шести месяцев А.М. Мерварт занимал эту должность, привел в порядок, перерегистрировал и выставил заново коллекции, относящиеся к Андаманским и Никобарским островам, к ассамским племенам и к примитивным племенам центральной Индии» [Мерварт, Мерварт 1927: 20, 22]. В качестве частичного вознаграждения за эту работу А.М. Мерварт получил дублеты коллекций музыкальных инструментов и оружия, предметы, характеризующие быт андаманцев — низкорослых негритосов, темнокожего коренного населения юга Азии, охотников и собирателей, в том числе их лук и стрелы. Кроме того, А.М. Мерварт опубликовал в Калькутте два путеводителя по экспозициям Indian Museum. Это были описания коллекций музея по Андаманским и Никобарским островам, а также племенам Ассама [Meerwarth 1919], и путеводитель по коллекции индийских музыкальных инструментов в Индийском музее Калькутты [Meerwarth 1917b].

Пребывание в крупном мегаполисе позволило А.М. Мерварту воспользоваться книжными сокровищами библиотеки Азиатского общества Бенгалии, членом которого он был избран в 1917 г. Из Калькутты Мерварты также совершали поездки в Ассам. Им удалось посетить Шиллонг, английскую «высотную станцию» и тогдашнюю столицу провинции, но заболевание Л.А. Мерварт тяжелой формой тропической малярии и жесткий полицейский контроль со стороны британцев не позволили нашим ученым досконально изучить северо-восток Британской Индии.

В то же время А.М. Мерварт продолжил работу в Азиатском обществе, выступил там с докладом о драмах Бхасы, вскоре опубликованный в виде статьи [Meerwarth 1917a]. Л.А. Мерварт в это время преподавала в одном из женских колледжей. При этом исследователи продолжили собирательскую работу. Они «приобрели ряд интересных коллекций, как, например, набор марионеток бенгальского кукольного театра, модели, иллюстрирующие быт бенгальской деревни» [Мерварт, Мерварт 1927: 22]. Среди бенгальских сборов экспедиции заслуживают особого упоминания макет бенгальской деревни (ставший в дальнейшем постоянным экспонатом индийской выставки МАЭ), предметы деревенского быта (крестьянская одежда, покрывала для кроватей, лампы, кальяны, веера, бусы из семян растений, ножницы для стругания орехов арековой пальмы, женские украшения). Очень интересны коллекции идолов народных культов (изображения духов и божеств, «столбы предков»), персонажей бенгальского кукольного театра.

Подводим итог этой второй североиндийской части поездки. Думая о дальнейшем направлении работы, Мерварты выбрали Калькутту как центр Бенгалии — город, где находились такие важнейшие культурные учреждения, как университет и музей, располагавший богатыми этнографическими коллекциями. Интересна им была и сама Калькутта как город, населенный индийцами разных вер и каст. Началось время «бенгальских сборов». В этом районе Мерварты пробыли несколько месяцев в течение 1916–1917 гг. Александру Михайловичу удалось получить работу в калькуттском Индийском музее, где он с сентября 1917 г. в тече-

ние полугода исполнял обязанности заведующего этнографическим отделом. На его жалование супруги и жили, и продолжали собирательскую деятельность. За время службы в музее А.М. Мерварт привел в порядок, перерегистрировал и выставил несколько коллекций, составил два путеводителя.

Экспедиция смогла побывать у некоторых ассамских племен. Изучить удалось главным образом народ кхаси⁴⁷, его язык, своеобразную социальную организацию с чертами матриархата, культ предков и различные стороны быта. Коллекции же удалось собрать шире — относящиеся также к племенам нага, гаро, абор, мишми и микир.

В Отчете МАЭ за 1917 г. указано, что «командированные Музеем в Индию супруги Г.Х. и Л.А. Мерварт продолжали свои работы по изучению различных народностей и культов Индии и собиранию коллекций. <...> Как в Кашмире, так и далее, в Лакхоре, были сняты фотографии, число которых в настоящее время у Г.Х. Марварта достигает большой цифры — 4000 экземпляров. <...> Кроме описания собранных вещей и изложения плана работы и предположений об организации Отдела, в отчетах сообщаются описания производств, празднеств и обычаев.

В заключение следует отметить, что, помимо личных сборов, на местах организованы агентуры и сделаны заказы по сборам, требующим времени, и со всеми музеями Индии установлены условия обмена» [Отчет о деятельности 1918: 10–11].

В конце января 1918 г. у Мервартов закончились средства к существованию. Закончился и срок пребывания А.М. Мерварта на посту заведующего этнографическим отделом Индийского музея. Новые предложения, как то: занять должность доцента санскритской литературы, — достаточных средств к существованию не давали. Да и срок командировки закончился. В этой ситуации супруги приняли решение, упаковав самые ценные экспонаты

⁴⁷ Кхаси, хаси (Khasi) — народ в штатах Мегхалая и Ассам на северо-востоке Индии и в Бангладеш. Язык образует собственную группу в составе мон-кхмерских языков австроазиатской семьи.

и договорившись о хранении остальных в музеях в Калькутте и Мадрасе, отправиться в обратный путь в Россию. Путь к дому оказался долгим и трудным. Несколько месяцев морского путешествия, с приключениями и остановками и даже английским пленом в Бирме, до Владивостока закончились известием, что Петроград, к которому они так стремились, отрезан от них несколькими фронтами. Шла Гражданская война.

2.3. Особенности этнографической работы в Южной Азии

Все четыре года командировки очень многие ученые и просто неравнодушные люди на местах активно помогали русским ученым. В Южной Азии А.М. и Л.А. Мерварт сумели обзавестись широким кругом знакомств. На о-ве Цейлон к таковым принадлежали тамил Раманатхан (Ramanathan), крупный помещик, бывший министр юстиции, член Законодательного совета Цейлона; Пуссегода (Pussegoda), житель дер. Ампития (*Ampitiya*) близ Канди, чиновник местного административного учреждения, владелец большого участка земли (у него жила Л.А. Мерварт) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 224]; Джон М. Сенавиратне (John M. Senaveratne), молодой ученый-филолог⁴⁸, деятель литературно-научного журнала “Ceylon Antiquary” [Там же. Т. 12. Л. 404–404 об.]; Нянисара Тхера (Nyanisara Thera), монах, настоятель Maligakanda в Коломбо; служащий Музея Коломбо Альберт Джаясинха и его старший брат (F.C. Jayasinha) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 16].

В Бенгалии у Мервартов не было уже средств на оплату труда информантов, они могли полагаться только на свои научные наблюдения. А.М. Мерварт писал: *«В Индии в редких случаях можно положиться на достоверность передаваемых сведений»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 245].

⁴⁸ «Этот человек напоминает мне Гарди, самым сильнейшим образом, хотя я не могу назвать ни одной общей черты между ними» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 66].

Во время путешествия Мерварты познакомились со многими британскими чиновниками, среди которых лорд Роберт Чальмерс, губернатор Цейлона; лорд Кармаикл, губернатор Бенгалии; сэр Генри Маклаган, губернатор Соединенных провинций Агра и Ауд; г-н Честертон, председатель промышленной комиссии при Мадраасском президентстве; председатель Южно-Индийской ассоциации плантаторов Ричардсон; директор отдела труда этой организации Мартин.

Мерварты знакомились и общались с британскими и местными учеными: Дж.П. Хендерсоном (J.P. Henderson), суперинтендантом Государственного музея в Мадрасе (впоследствии эту должность занял д-р Ф. Грэйвли⁴⁹); помощником директора Мадраасского музея Нарасимха Рао (Narasimha Rao); директором Лахорского музея Лайонелом Хитом (Lionel Heath); председателем Зоологического департамента Индийского музея д-ром Нельсоном Анненделем (Nelson Annandale); археологом сэром Джоном Маршаллом (John Marshall), главой Археологической службы Индии (Archaeological Survey of India); с сотрудниками Археологической службы Гарольдом Харгривсом (Harold Hargreaves), Перри Брауном (Perry Brown) и д-ром Керром (Kerr); д-ром Гордоном (Gordon) (Ассам); директором музея в Тричуре Анантакришной Айером (L.K. Ananthakrishna Iyer) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 16]; лексикографом Падманабха Пиллаи (Sreekanteswaram G. Padmanabha Pillai) из Тривандрама; журналистом Падманабха Айером (A. Padmanabha Iyer) из Коимбатора и др. [Мерварт, Мерварт 1927: 16].

По Центральной Индии Мерварт путешествовал вместе с заведующим Археологическими раскопками в Соединенных провинциях и лахорским Провинциальным музеем д-ром Хирананда

⁴⁹ Грейвли Фредерик Генри (Dr. Frederik Henry Gravely, 1885–1965) — британский энтомолог, зоолог, ботаник, археолог. Помощник суперинтенданта Indian Museum в Калькутте (с 1909 г.), секретарь Азиатского общества (The Asiatic Society) в Калькутте (1915–1918), суперинтендант мадрасского Government Museums (с 1920 г.).

Шастри (Hiranand Sastri). На севере Индии Мерварт не работал стационарно, как на юге. Он два месяца разъезжал по Кашмиру совместно с ученым Джагаддар-заду-Шастри (Jagaddhar-zadoo-Shastri).

В Пенджабе Мервартам помогал Гулам Наби (Goolam Nabi), купец из Амритсара (возможно, Лакхнау или Лахора) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 226]. *«Они с Александром Михайловичем называли друг друга бхай — названными братьями»* [Там же. Л. 293].

Из видных индийцев знакомыми Мервартов были Джозеф Бхор, член попечительного совета, бывший министр народного просвещения; семья Тагор (Рабиндранат Тагор и его братья) и ряд индийских ученых; магараджа Пудукоттский и его семья; Кочинский и Траванкорский магараджи.

В Коломбо Мервартам оказал существенную помощь консульский агент и представитель Добровольного флота Б.П. Кадомцев, который, в частности, брал на себя пересылку писем дипломатической почтой; представители разных чайных фирм — И.С. Титов, И.В. Верещагин и другие; в Индии — атташе Генерального консульства Российской империи в Калькутте, затем и.о. генерального консула Р.А. Лисовский, генеральный консул К.В. Томановский, драгоман Генерального консульства П.А. Рогальский и др.

В марте 1915 г. Мерварт принял предложение поступить на службу в Южно-Индийский союз плантаторов и три месяца служил руководителем отдела снабжения рабочей силой, имел в распоряжении 7 служащих и 16 агентов. Мерварт расспрашивал их о положении низших каст [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 245].

В Мадурай Мерварты познакомились с помещиком-землеладельцем Робертом Фауксом (Ffoulkes, Foulkes), полуангличанином, который был всегда в долгу, *«англичане его совсем не приняли из-за туземной примеси»*. Изабелла Фаукс, племянница пруссака настроенного лорда Холдена⁵⁰, была

⁵⁰ Холден Ричард (Richard Burdon Haldane, 1st Viscount Haldane, 1856–1928) — влиятельный шотландский либеральный политик и фи-

транжиркой. Отношение Мервартов к Фауксам было неоднозначным. Мерварт вспоминал: *«Они нуждались в деньгах, чтобы пускать англичанам пыль в глаза, вели процесс из-за наследства. Жили мы у них три недели в Шембагануре, их имении в Пальнийских горах. Потом — 2 мес. в Мадуре»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 225]. В апреле 1915 г. Р. Фаукс получил от Мервартов 3 тыс. рупий (1920 руб.) [Там же. Л. 227]. *«Фауксы, недовольные нами из-за недоразумений на денежной почве, стали распространять в Южной Индии через своих знакомых, что А. Мерварт — немец. Счастье наше, что Фауксы не пользовались никаким признанием общества»* [Там же. Л. 230].

В Мадурай Мервартам также помогала влиятельная семья Рао (Raо), прежде всего присяжный поверенный купец Рао Сахиб.

После Февральской революции 1917 г. Мерварты в Индии были оставлены совершенно без средств. В середине 1917 г. их материальное положение ухудшилось, из Ассама А.М. Мерварт уехал в Калькутту, где работал заведующим Этнографической галереей Индийского музея в Калькутте ради заработка [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 404–405 об.].

Титанические попытки помочь экспедиции Мервартов в это сложное время предпринимались дирекцией МАЭ. В.В. Радлов 13/26 января 1918 г. направил письмо на английском языке в Лондон Президенту Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии лорду Ри (D. J. Reay):

«Милорд,

Как почетный член Королевского Азиатского Общества, я имею честь обратиться к Вам относительно г-на Мерварта и его супруги, ассистентов Индийского Отдела Музея антропологии и этнографии, которые были отправлены Академией наук и Этнографическим музеем весной 1914 г. в Индию для изучения языка, религий и обычаев местного населения, а также для сбора

лософ, виконт (с 1911 г.), военный секретарь (Secretary of State for War, 1905–1912), лорд-канцлер (1912–1915), был вынужден уйти в отставку из-за своих пронемецких симпатий.

этнографических коллекций. Бывшее Временное Правительство выделило 20000 рублей, чтобы завершить экспедицию и осуществить возвращение г-на и г-жи Мерварт вместе с 200 ящиками этнографического материала. В нынешних обстоятельствах, которые мне вряд ли необходимо объяснять Вам в деталях, мы не имеем возможности получить и послать деньги указанным исследователям. Не могли бы Вы найти средства, чтобы обеспечить им какую-нибудь научную или другую службу в Индии в каком-нибудь музее или ином научном учреждении. Г-н и г-жа Мерварт — очень способные ученые и хорошие работники, и хорошо сведущие в английском языке. Лучшим способом выхода из трудности было бы назначить им за счет нашего Музея необходимую денежную сумму для продолжения их работы вплоть до более благоприятных времен. Мы приложим все усилия, чтобы возместить все расходы как можно скорее, и мы будем искренне благодарны за спасение оказавшихся на мели исследователей.

Остаюсь, Милорд, искренне Ваш В.В. Радлов» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 64].

Он продублировал 5/23 апреля 1918 г. отправку этого рекомендательного письма на бланке Académie Russe des Sciences, Musée d'Anthropologie et l'Ethnographie Pierre le Grand с просьбой подтвердить его получение [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 79].

Итак, Мерварты пробыли на Цейлоне и в Индии почти четыре года. За это время А.М. Мерварт «выучился тамильскому языку и индостани» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 295]. Л.А. Мерварт также проделала огромную работу. Она изучала местные языки, вела полевую этнографическую исследовательскую работу в разных районах Южной Азии, собирала этнографические коллекции, рукописи на восточных языках, записывала образцы вербального фольклора. Одновременно ей надо было устанавливать отношения в местах пребывания как с властями, так и в среде информантов, решать бытовые проблемы, создавать условия для научных занятий супруга, следить за его слабым здоровьем, вести книгу расходов [СПбФ АРАН. Ф. 142.

Оп. 1 — до 1918. Ед. хр. 46], деловую переписку на русском и английском языках и т.п. Тяготы путешествия сказались на ней, в Индии она заболела и потеряла ребенка.

Полевые дневники Мервартов не сохранились. Но в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится «Тетрадь записи этнографических предметов, купленных Мервартами в Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 17], где на 81 странице описаны сделанные на Цейлоне и в Южной Индии приобретения, приведены этнографические сведения, указана цена первых 2178 предметов.

О качестве собранной этнографической информации свидетельствуют индологические публикации Л.А. Мерварт по этнографии [Мерварт Л.А. 1927а] и фольклористике [Мерварт Л.А. 1927б; 1929б], а также тексты описей МАЭ, в которых зафиксированы уникальные сведения об особенностях конкретного предмета, его функционировании в этнической среде, а также комментарии к истории фотоснимков и негативов, содержании каждого кадра.

Как верно отмечал А.М. Мерварт, *«Людмила Александровна к крестьянскому населению Цейлона и Индии имела больший интимный доступ, чем я, т.к. жила несколько месяцев в домах туземного населения, изучая их быт и этнографию»*. Будучи хорошим наблюдателем, она собрала уникальный этнографический материал на Цейлоне и в Южной Индии, в Дели, Кашмире, Бенгалии, где *«изучала также магометанское население и, будучи русской патриоткой, вела исключительно просветительскую деятельность»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 217].

На Цейлоне директор Музея Коломбо Джозеф Пирсон (Dr. Joseph Pearson) помогал в сборе вещей для МАЭ: *«Достал очень толкового сингальца (boy), и я показываю ему, какие вещи он должен потом купить. Вечером он их приносит, и таким образом мы платим едва ли много дороже местных цен. Музей же указал нам человека, которому заказываем модели»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 200]. Братья Джаясинха помогали собрать сведения о ланкийском шаманстве: один из Jayasinha был хранителем музея, он *«познакомил Г.Х. Мерварта со здеишним*

главным буддийским жрецом, который занимается с ним ежедневно *Pāli*» [Там же. Л. 175], «разыскал нам большой набор сингальских масок, отчасти для демонических танцев, отчасти для театральных представлений [Там же. Л. 229]». Когда жена Дж. Сенавиратне (католика), добровольного секретаря Мерварта в Коломбо, родила дочку, Л.А. Мерварт даже окрестила девочку, которую назвали Людмила Ратнавали Сеневираатне [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 224]. На о-ве Цейлон в дер. Ампития близ Канди Л.А. Мерварт жила у чиновника местного административного учреждения Пуссегода, владельца большого участка земли, на юге Цейлона — у Мадуанвалы (описав этот опыт в книге «В глуши Цейлона» в очерке «Некоронованный король Сабарагамувы»).

Мерварты познакомились на Цейлоне с «очень богатым помещиком сингальского происхождения *Mr. Rajapaksee*, который имеет большие кокосовые плантации. Он обещал нам полную коллекцию всех продуктов кокосовой пальмы (дерево, лист, ореховая скорлупа и т.д.), которая в жизни жителей острова играет такую огромную роль» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 225 об.]. Коллекцию можно было получить в дар, и Л.А. Мерварт просила директора МАЭ В.В. Радлова «послать ему официальную благодарность Музея с печатью и Вашей подписью» [Там же. Л. 226]. Г-н Гунаратне (*Mr. Gunaratne*), *Obermudgaliyar*⁵¹ южных провинций, секретарь *Pāli-text Society*, один из самых важных людей на острове, ученик Т.У. Рис-Дэвидса⁵², подарил для МАЭ интересную деревянную статуэтку Будды и образец скульптуры из *Anurādhapura*⁵³ [Там же. Л. 227–228].

⁵¹ Букв. «верховный мудальяр». Правильнее *mudaliar* (тамил.) — «староста», титул и должность колониального периода на Цейлоне.

⁵² Рис-Дэвис Томас (*Thomas William Rhys Davids*, 1843–1922) — британский ученый, основатель Общества палийских текстов (1881) в Великобритании.

⁵³ Анурадхапура — город на Цейлоне, столица первого сингальского царства (V–X вв.), религиозный центр Цейлона.

Мерварты нередко разделялись и вели работу в поле в разных социальных и этнических средах. *«Я постоянно возбуждала недовольство англичан, проводя параллели между презрительным их обращением с индусами и гораздо лучшими у нас даже тогда. Индус не может ездить в вагоне и лечиться в больнице с белыми. Набережная в Коломбо — Гол-фейс-род⁵⁴ — единственное место, где вечером можно подышать. Туземец может попасть туда как рикши, везущий европейца. А я рассказывала, что и армянин, и бурят, литовец, узбек посещают одну русскую школу и Университет, может быть офицером, инженером. Жениться на русской — и они не становятся изгоями. Рассказы об этом — у колодца, у ступки, на террасе у соседей воспринимались горячо и разносились далеко. Сама толкла рис, подставляла свой кувшин под струю воды, обносила соседей бетелем»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 224].

«В Индии работа была такая же» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 226]. На западном побережье Индии Л.А. Мерварт *«жила одна месяца 2–3 в семье Назрани Маппила (название касты) в местечке Коттаям. Его имя — Филиппозе, христианин древнего, Римского миссионерского происхождения. Единоверцев англичане старались насильно загнать в англиканство. В Коттаяме во время Августа стояли римские когорты, защищавшие римскую торговлю. Опирались мы не на деньги, а на общую веру — христианство восточного обряда, что их ко мне очень привлекало* [Там же. Л. 227].

По мнению Л.А. Мерварт, назрани маппила (ее перевод — «Назарейские князья», христиане с конца I в. н.э., называют себя христианами святого Фомы) могли бы стать в Южной Индии опорной группой населения для торговых операций с СССР. Это

⁵⁴ Точнее, променад Galle Face Green (1859) — набережная протяженностью около 1,3 км вдоль западного побережья Индийского океана, в центре финансового и делового района Коломбо, одной из достопримечательностей столицы. Через дорогу расположен Galle Face Hotel — старейший британский отель восточнее Суэца (1864).

была многочисленная группа — «массив в полунезависимых государствах на Малабарском берегу — Кочине, Траванкоре», численность их в 1916 г. составляла около 4 млн человек, население «предприимчиво, держит в руках всю торговлю края, отличается большой честностью, высокой степенью грамотности (80 % женщин грамотны против 2–3 % окружающего индусского населения)» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 14. Л. 19]. Христиане находятся вне кастовой системы, что облегчает их отношения с европейцами. Они не подчиняются Папе Римскому, так как это докатолическое население, так называемое «восточное». «Обычно христианство принимают париш для поднятия своего общественного положения. Здесь св. Фома крестил без разбору всех, в т.ч. старших браминов и наяров, т.е. высшие, ритуально чистые слои населения. В глазах туземного населения это ставит назрани маппила на одну высоту с браминами» [Там же. Л. 19].

«Против англичан они имеют специальное озлобление. <...> Миссионеры заставляют их отказаться от ошибок, т.е. отличий от католичества и вышедшего из него англиканства, и присоединиться к Английской епископальной церкви. Содействие властей делает поведение миссионеров чрезвычайно агрессивным, создает для назрани много трудностей» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 14. Л. 19–20]. Л.А. Мерварт считала, что это вызывало их влечение к России как к стране восточного христианства. «В 1916 г. у них тайно от английских властей постоянно служились молебны о даровании победы русскому оружию, также — во время русско-японской войны», «сказки о русских зверствах усиливают раздражение назрани». Они выражали желание связаться с восточно-христианским государством, получать книги религиозного содержания, учить русский язык, посылать своих священников учиться в русских духовных семинариях и академиях.

В Северной Индии Мерварты прожили три месяца в Дели в гостинице «Мейденс хоутел» (Maidens Hotel), принадлежащей бывшему русскому подданному Шмуловскому (Шмудль). Л.М. Мерварт в Дели изучала язык урду. Ее учителем был воен-

ный писарь местного гарнизона (дарога). Через него Л.А. Мерварт попала в среду мусульманских женщин. «Платила ему 100 рупий в месяц за уроки — огромная цена. А.М. Мерварт давал ему большой бакшиш (денежный подарок)» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 227]. Вскоре этот человек, «рекомендованный мне полковником Санфордом (который пришел ко мне с просьбой позаниматься с ним русским языком, пока я в Дели была больна и не могла работать), сообщил мне, что Санфорд специально приставлен ко мне правительством для наблюдения, специально послал дарогу. Но я подружилась с женой дароги, помирила ее с его семьей и пр. На Востоке случается, что воля жены делает больше, чем приказ начальства, и дарога (военный писарь местного гарнизона) меня предупредил» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 230].

Другой информант — Джагаддар-заду-Шастри (Jagaddharzadoo-Shastri) [Мерварт Л.А. 1927a] — учился в университете в Лахоре. Он познакомил Л.А. Мерварт «с Якуб-ханом, сыном Hunzi, почти независимого ханства к северу от Кашмира. Якуб-хан звал меня к себе в Гунзу⁵⁵, оттуда якобы есть старый путь на Урусистан (Россию). Но англичане его отвезли в Гунзу, пока я была в Индии» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 228].

Эти и некоторые другие данные косвенно свидетельствуют о каком-то задании, полученном Л.А. Мерварт от Российского Генерального Штаба, но прямого подтверждения ее разведывательной миссии у нас нет. В Дели Л.А. Мерварт помогла некоему Ибрагиму, русскому дезертиру с Германского фронта, пришедшему в Индию через Афганистан. Он прожил в Кабуле восемь месяцев, принял имя Ибрагим и ислам. Англичане его арестовали в Пешаварском базаре, выслали в Дели. Столяр из Минской губернии, он работал по специальности, был под домашним арестом в доме Mr. Bowring (зав. полицией в Дели). «Bowring обратил-

⁵⁵ Hunza — Хунза, горная долина на северо-западе бывшей Британской Индии. Княжество, граничившее с Китайским Туркестаном на северо-востоке и Памиром на северо-западе.

ся к русскому генеральному консулу Томановскому, чтобы тот помог выяснить, что это за человек. Ибрагим делал вид, что ни одного языка, кроме русского, не понимает. Томановский мне объяснил, чтобы я о том не говорила. Если дезертир — выслать в Россию в кандалах. Если ему официально ничего не известно, то и заступаться ему не нужно. Мы успокоили Bowring, что он не опасен. Он поселился на Чанди-чоук — Лунной улице, главной торговом-промышленной улице Дели, открыл столярную мастерскую, взял в жены дочерей самых лучших резчиков по дереву, образовал родственную артель, расширился на Амритсар, Лагор и процвел. Большие родственные связи среди мусульман. Приходил ко мне в Дели послушать русской речи» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 228].

Не все планы полевой работы удалось осуществить. Мерварты «хотели ехать в Гондвану в Южной Индии, область очень интересного племени, но правительство нам отказало в разрешении, из-за беспорядков. Немецкие эмиссары убедили гондов в божественности кайзера, его тождественности с богом-покровителем гондов; формировались обряды для союзников кайзера-бога. Такой же запрет — в Ассаме, где хотели проехать в вассальное княжество Манипур и к племенам Мири и Абор, на границе английских владений» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 229].

Британцы в годы Первой мировой войны с подозрением относились к работе Мервартов. Слежка за ними велась постоянно. Поэтому переписка с МАЭ велась по-английски, чтобы облегчить работу цензоров и упростить доставку почты в Россию. Донесения в АН они по возможности посылали через российских консулов [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 228]. «А. Мерварт говорил, что война между Россией и Германией бессмысленна, вредна, на руку только Англии — общему врагу. Всю неделю до вступления Англии в войну англичане говорили то же самое: Россия и Германия взаимно друг друга ослабят и истощат. Успех русского оружия вызывал в англичанах враждебное отношение и боязливое оглядывание на то, как к этому успеху отнесутся ту-

земцы» [Там же. 206 об.]. Л.А. Мерварт ужасало «жестокое, рабовладельческое отношение англичан к индусам» [Там же].

Л.А. Мерварт вспоминала, что в первый год войны немцы на Цейлоне во главе с немецким консулом Фрейденбергом, главой фирмы, экспортировавшей копру, были на свободе. Губернатор взял с них слово, что они будут продолжать дело, сохраняя нейтральность. Но Фрейденберг платил около 8 тыс. рупий (5120 руб.) в месяц тамилу (индусу) — оператору на радиостанции, и тот посылал его сообщения на капер «Эмден»⁵⁶. Немцы жили в Diyutalawa под видом монахов-буддистов (Южный Цейлон) под руководством Ньянатилока, население считало их святыми [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 225–226]. На Цейлоне в 1915 г. «было восстание туземцев, которых немцы и японцы тайно снабжали оружием». Британцы сделали у Мервартов обыск — без результата, изъяли переписку, потом вернули с извинениями [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 229].

Члены организации Mahabodhi Society⁵⁷, которая занималась изучением и изданием буддийской литературы и где бывал А.М. Мерварт, были арестованы и казнены. По мнению Л.М. Мерварт, они, по-видимому, руководили восстанием [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 210–210 об.]. В библиотеке Института восточных рукописей РАН имеются издания Общества Махабодхи. Не исключено, что они были привезены Мервартами.

Туземные друзья предупреждали, когда узнавали о чем-либо готовящемся против Мервартов. «В Калькутте мой приятель,

⁵⁶ SMS Emden — немецкий бронепалубный крейсер, проводивший успешные рейдерские действия против торгового судоходства и военных кораблей союзников в Индийском океане с 1 августа по 9 ноября 1914 г.

⁵⁷ Общество Махабодхи — международная организация буддистов, созданная в 1891 г. в Коломбо сингальским религиозным деятелем Анагарикой Дхармапалой (1864–1933).

помощник зав. Отделом искусства (кажется, Ram-Chandra), предупредил, что калькутская полиция за нами следит и очень не доверяет, ищет немецкого шпионажа. Он сообщал о состоянии индийской промышленности. Полиция в Калькутте вызвала А. Мерварта 1–2 раза, извинялась за отсутствие оснований для репрессий» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 230.].

Работа в музеях, архивах, библиотеках и других культурных центрах Индии и Цейлона позволила Мервартам получить представление о разнообразии культур народов Южной Азии. В частности, в Музее Нейпира в Тривандруме выставлены богатые естественно-исторические и художественные коллекции. В том числе имеется собрание предметов с островов Малайского архипелага и других территорий, с которыми издавна существовали торговые связи. Впоследствии знание этих коллекций пригодилось, когда Л.А. Мерварт была назначена заведующей отделом Индонезии МАЭ.

2.4. Финансирование экспедиции в 1914–1918 гг.

Мервартам на командировку в Южную Азию было обещано 50 тыс. руб. в качестве оплаты труда и средств для научных изысканий, затем сумму уменьшили до 36 тыс. руб. Фактически все выделенные средства Мерварты тратили на покупку научной литературы и коллекций для МАЭ. На эти же цели шли их личные средства — кураторские и преподавательские заработки. Часть коллекций Индийского музея из числа дублетов попала к Мервартам, а затем в МАЭ в качестве платы за реэкспозицию («перевыставление») этнографических коллекций этого музея и подготовку двух научных каталогов.

Мерварты старались экономить на всем. Они просчитывали самые выгодные курсы перевода валюты, чтобы при конвертации иметь больше денег в местной валюте на покупку коллекций. Изучив ситуацию на Цейлоне, 12/25 июня 1914 г. Л.А. Мерварт сообщила В.В. Радлову «деловую подробность. Для того чтобы возможно меньше потерять на переводе, придется, если это возможно по телеграфу, посылать сюда деньги всегда английским

золотом (*English pounds in gold*)» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 199]. Имеются в виду, конечно, не золотые слитки или монеты, а форма валюты.

Л.А. Мерварт старалась экономить средства: вещи для МАЭ покупал местный житель — слуга, предметы заказывались непосредственно у мастеров; по возможности стремились получить коллекции в дар; для стимулирования дарения она предлагала применить способы, которые были опробованы в России (награждать дарителя медалями, жетонами или иными наградными знаками «за споспешествование процветанию Музея» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 201], послать им официальную благодарность от ИАН, приобрести научные публикации местных авторов [Там же. Л. 225–232 об.]).

После начала Первой мировой войны проблема финансов встала со всей остротой. 5 августа 1914 г. Л.А. Мерварт отправила с о-ва Цейлон цветные открытки в МАЭ на английском языке, уведомляя В.В. Радлова: «*Мы будем сидеть в Канди, изучая этнографию, буддизм и народный язык, пока война будет продолжаться, но мы будем ждать с коллекциями, поскольку мы не знаем, сможет ли Академия отправить нам деньги после войны*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 279]. Л.Я. Штернбергу она объяснила: «*Мы воздержимся от покупок, потому что мы ничего не знаем о поставке денег, которые мы можем получить в Академии сейчас*» [Там же. Л. 280]. 1/14 сентября 1914 г. Л.А. Мерварт успокаивала коллег: «*Мы живы и работаем, сколько можем. Только теперь мы не собираем, потому что не знаем, когда придут следующие суммы из Музея и придут ли вообще. Конечно, теперь для собирания самое благоприятное время. Здесь страшное разорение, потому что почти прекратился вывоз чая, каучука, корицы и т.д. Кроме того, нет и не будет иностранных путешественников и поэтому можно было бы купить много и дешево. Но...? Остается только учиться*» [Там же. Л. 10].

Все денежные расчеты вел А.М. Мерварт [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 228]. Своему секретарю Дж. Сенавиратне на о-ве Цейлон он платил по 250 рупий в месяц [Там же.

Т. 12. Л. 244]. В Мадрасе у немецкой фирмы «Виле и Клейн»⁵⁸ А.М. Мерварт приобрел фотографии мадрасского порта (2 тыс. рупий). В Коимбаторе (Южная Индия) он платил по 150 рупий информантам «за обзор о том, что творилось в их деревнях». За четыре года израсходовал 20 тыс. рупий, включая отправку материалов через Коломбо — в Батавию (4 раза) через Сенавиратну, в Германское консульство и в Кабул через Гулам Наби (1 раз) [Там же. Л. 245].

Императорская академия наук 19 марта 1914 г. просила Российское консульство в Коломбо сохранять посылки для командированных от МАЭ Мервартов (они урегулируют транспортные расходы) и оказывать необходимое содействие при выполнении ими поручений [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 128, 129, 162]. 7 марта 1916 г. Мервартам рекомендовали адресовать письма, направляемые через Российское консульство, на Министерство иностранных дел [Там же. Ед. хр. 69. Л. 265]. Телеграммы, открытки и некоторые письма, отправленные в МАЭ по почте, были написаны по-английски.

Первые письма и денежные отчеты Мервартов с Цейлона были доставлены благополучно [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 445–446]. Впоследствии почта поступала в МАЭ через Российское Императорское вице-консульство в Коломбо. 27 августа 1915 г. — пакет № 1 почты за № 68 передан в консульство г-жою Мерварт [Там же. Ед. хр. 70. Л. 102]; о его получении 30 сентября 1915 г. консульский агент Кадомцев был уведомлен [Там же. Ед. хр. 69. Л. 181]. Доклад № 3 гг. Мерварт передан в ИАН 10 февраля 1916 г. почтой № 15 [Там же. Ед. хр. 68. Л. 43]; два доклада (№ 4 и приложение) 8/21 марта 1916 г. почтой № 24 [Там же. Л. 52], получены 18 апреля 1916 г. [Там же. Ед. хр. 69. Л. 303]. Ответы 15/28 марта 1916 г. [Там же. Л. 288], 3 июня 1916 г. [Там же. Л. 350] передавались через чиновника МИД Николая Петровича Юдина. 7 июля 1916 г. доставлен еще один пакет из

⁵⁸ «Wiele & Klein, Madras» (1882) — самая известная фотостудия Южной Азии конца XIX — начала XX в.

Коломбо [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1916. Ед. хр. 8. Л. 20], 23 июля 1916 г. туда отправлено заказное письмо [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 357].

К сожалению, не все послания Мервартов сохранились. Из письма Л.Я. Штернберга известно, что Мерварты не получили денег, переведенных по телеграфу за 12 дней до войны [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 452].

Л.Я. Штернберг в письме от 27 декабря 1914 / 9 января 1915 г. на английском языке обещал Мервартам: *«В будущем году вы можете рассчитывать на наше вспомоществование в сумме 5–6 тыс. рублей, поэтому продолжайте покупать коллекции. Помните, что собирание — это Ваша главная цель, телеграфируйте нам по телеграфному адресу: Petromius»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 19].

К тому времени в составе Попечительного о Музее антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого совета в 1914–1915 гг. произошли значительные перемены. Тяжелой утратой явилась внезапная кончина Ф.Ю. фон Шотлендера, который был первым членом вновь учрежденного совета и самым крупным его жертвователем [Соболева 2009]. Почетный председатель князь А.Г. Романовский с самого начала войны отбыл в действующую армию. Почетный член Попечительского совета К.К. Шейблер оказался во время нашествия германцев в Лодзи и, по газетным сведениям, увезен военнопленным в Германию. Некоторые другие члены совета были обременены работой в тыловых официальных и общественных учреждениях. Почетный член Б.А. Игнатъев находился на театре военных действий в качестве уполномоченного Красного Креста [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 420 об.]. В.В. Радлов 15 апреля 1915 г. напомнил Правлению ИАН, что *«на средства Б.А. Игнатъева удалось снарядить продолжительную экспедицию на о. Цейлон и в Индию Л.А. и Г.Х. Мерварт, которым поручено, кроме изучения населения в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии, каковые коллекции должны образовать в Музее особый отдел*

им. Государя Императора. Экспедиция эта, богато снаряженная, очень успешно работала до января 1915 г. на о. Цейлон, после чего переехала в Мадрас, собрав большой научный материал и обширное собрание предметов, которое по случаю военного времени пока, к сожалению, не может быть транспортировано и хранится в русском консульстве на Цейлоне. На средства же г. Игнатьева приобретена ценная коллекция М.С. Андреева по религии Индии, хранившаяся в Музее до сего времени условно до благоприятного для приобретения случая» [Там же. Л. 421]. От Б.А. Игнатьева было получено 12 000 руб., от К.К. Шейблера — 27 470 руб. На экспедицию А.М. Мерварта в Индию в 1914 г. было выделено 13 825 руб. 14 коп., на покупку коллекции М.С. Андреева — 2035 руб. [Там же. Л. 421 об.].

В «Тетради учета расходов по поездке в Индию» заполнена 31 страница, расходы в апреле-октябре 1914 г. расписаны очень подробно. Было получено весной 1914 г. от МАЭ 7700 руб., израсходовано на снаряжение 2028 руб. 74 коп., на путь из Санкт-Петербурга в Коломбо — 574 руб. 50 коп., остаток составлял 539 фунтов. 30 июля 1914 г. от МАЭ Мервартам поступило 6000 руб., 17 марта 1915 г. — еще 6000 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 46. Л. 1 об.].

Из Мадурай Мерварт 6 февраля 1915 г. телеграфировал в МАЭ, что, в частности, отправлены пять ящиков, 25 находятся в Коломбо, просил перевести деньги в Императорское Русское консульство в Коломбо [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70. Л. 5].

Дирекция МАЭ добилась разрешения ИФО ИАН № 3 от 11 февраля 1915 г. «из сумм МАЭ на приобретение коллекций ассигновать: 1) Г.Х. Мерварту 6 тыс. руб. на дальнейшие сборы в Южной Индии. До сих пор собрано этими лицами 30 ящиков коллекций по быту, искусству и религии Цейлона, большая серия рукописей, и наряду со сборами они успешно изучали туземные языки и литературу на этих языках. Деньги необходимо выслать по телеграфу в Коломбо на о. Цейлон, Русское Консульство, Герману Мерварту (1914.IV.132)». Одновременно надо было поддержать

экспедиции И.И. Зарубина в Припамирье, С.М. Широкогорова в Северной Маньчжурии и В.К. Арсеньева в Хабаровске [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 399 об.]. В.В. Радлов как председатель Попечительного совета 18 февраля 1915 г. просил Правление ИАН ассигнованную Конференцией сумму в 6000 руб. на продолжение экспедиции А.М. Мерварта в Индию, которая *«была снаряжена в прошлом году на средства Попечительного Совета и в этом году вследствие исключительных обстоятельств им дальше субсидирована быть не может»*, ввиду крайней важности дела выдать ему для перевода по телеграфу в Коломбо [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 51]. 15 марта 1915 г. телеграммой из г. Кодаи-Канал (Kodai-Kanal, Мадрасская провинция, современный штат Индии Тамилнад) Мерварт подтвердил, что деньги получены [Там же. Ед. хр. 70. Л. 15]; 31 сентября 1915 г. он писал в МАЭ: *«Собрано свыше шестидесяти ящиков, деньги нужны срочно, пересылайте телеграфом консулу в Коломбо»* [Там же. Л. 117].

В.В. Радлов 11 октября 1915 г. просил Особенную канцелярию Кредитной части выделить 2000 руб. от Попечительного совета для перевода в Коломбо в Императорское Русское консульство [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 44. Л. 50], телеграфировал Мервартам 12 ноября 1915 г.: *«Перевожу телеграфно сегодня две тысячи, в январе — пять, собирайте»* [Там же. Ед. хр. 69. Л. 203].

А.М. Мерварт 7 декабря 1915 г. подтверждал В.В. Радлову получение денег: *«Мы только что получили 2000 рублей от Вас и обещание, что в январе будет еще 5000. Это очень хорошо, так как теперь дело собирания идет недурно, и коллекции растут быстро и планомерно. Мы провели на восточном берегу Южной Индии всего семь месяцев. Из них мы жили 2 месяца в Kodaikanal и Shembaganur, т.к. жара стала невыносимой. 2½ месяца мы жили в Madura у хороших знакомых. Это было, во-первых, дешевле, так как стол и комната стоили нам ничего или очень мало (один месяц в отсутствие хозяев нам пришлось вести хозяйство на свой счет)»* [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 3]. В Эрнаукуламе

Мервартам также удалось поселиться бесплатно в правительственном Гостевом доме (The State Guesthouse).

В 1915 г. Мерварты провели масштабное фотографирование экспонатов музеев Мадраса, Коломбо, Пудукотты, Тричура, а также частных коллекций. Фотографий и негативов, в том числе копий снимков других фотографов, у них было уже более 2000, а также около сотни подаренных организациями и частными лицами книг [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 5 об.]. *«Чтобы иметь деньги на все это, нам пришлось, конечно, уменьшить как можно больше расходы на жизнь. Это нам удалось таким образом. 3 месяца мы гостили у одного англичанина в Шембагануре и Мадуре, в Пуддукотай, Кочине, и теперь в Траванкоре мы устроились как гости государства. Это обстоятельство, что мы за стол и комнату платили только в течение пяти месяцев, сделало возможным, что 6000 рублей нам хватило на жизнь и коллекции от середины марта до сих пор»* [Там же. Л. 5 об. — 6]

В 1915 г. Попечительный о Музее антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого совет располагал остатком от 1914 г. *«(вместе с ростом процентов и др. случайными суммами) в 1331 руб. 18 коп. и вновь пожертвованной суммой в 4600 руб., из коих 2 тыс. руб. поступили от И.Я. Мюргеда, 2 тыс. руб. от В.В. Святловского и 600 руб. от Э.Л. Нобеля. Большая часть расходов Совета была произведена на музейные экспедиции: 2 тыс. руб. было послано (дополнительно к музейной субсидии в 6 тыс. руб.) экспедиции в Индию Г.Х. и Л.А. Мерварт. Последние по окончании работы на Цейлоне в отчетном году продолжали свои исследования и собирали коллекции в Южной Индии и ныне переходят к обследованию северной части Индии. Собраны ими 200 ящичков с предметами, полно рисующими быт самых разных народов Южной Индии, и, кроме того, добыто много научного материала по языкам, верованиям, материальной культуре и социальной жизни»*. На продление экспедиции Мервартам выделено 600 руб. Другая крупная трата в 2 тыс. руб. была произведена на экспедицию С.М. и Е.П. Широкогоровых в Северо-Западной Маньчжурии, часть собранных коллекций прибыла в музей,

а другая с более громоздкими вещами осталась на месте до окончания войны [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1916. Ед. хр. 163. Л. 419, 427].

А.М. Мерварт 28 января 1916 г. отправил телеграмму: *«Все деньги потрачены, высылайте немедленно»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 21], и сразу же: *«Мы нашли деньги, объясним письмом»* [Там же. Л. 22]. Вероятно, имелись в виду временные заработки А.М. Мерварта. Радлов ответил 15 марта 1916 г.: *«Продолжайте, деньги гарантированы»* [Там же. Ед. хр. 69. Л. 274]. Решением ИФО ИАН от 15 января 1916 г. из музейных сумм ассигнованы 5000 руб. *«на сопряженные с экспедицией расходы по содержанию упомянутых лиц и приобретению коллекций»* [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1916. Ед. хр. 163. Л. 374]. *«Комиссия по распределению иностранной валюты для заказов по государственной обороне согласно протокола своего от 21 октября 1915 г. постановила, что ИАН в счет кредита на январь 1916 г. имеет получить из Особой Канцелярии по Кредитной части Министерства Финансов для платежей по требованию № 1039 пособия сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту через Русское Консульство в Коломбо согласно заявлению своему от 20 января за № 125 валюту на сумму руб. 5000 по внесении соответствующей контрвалюты»*, £527–19/8 по курсу 94.70. Ассигновка № 128 30 января 1916 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 14. Л. 4, 7, 11]. Как видим, финансирование экспедиции продолжалось через Русское консульство в Коломбо даже тогда, когда Мерварты находились в Индии. Это частично связано с личной доброжелательностью консульских сотрудников в Коломбо и, вероятно, с планами возвращения домой через этот город-порт. Кроме того, отметим, что ранее находившееся в Бомбее консульство России в Британской Индии было перенесено в Калькутту, так что из Южной Индии легче было добираться в Коломбо, чем в Калькутту.

В ответ на письмо от 6 февраля 1916 г. Л.Я. Штернберг писал Мервартам 22 марта 1916 г.: *«Прежде всего хочу Вам сказать пару слов по денежному вопросу. Недоразумение с деньгами*

вышло потому, что Кредитная Канцелярия вместо того, чтобы переслать по телеграфу, как мы просили, прислала нам спустя месяц чек для перевода Вам по почте. Вот тогда только и заставили Кредитную Канцелярию перевести вам деньги по телеграфу. Что касается дальнейших средств, если понадобится, то постараемся их раздобыть, для того чтобы Вы могли использовать свое пребывание в Индии производительно для целей Музея. Я Вам телеграфировал, чтобы корреспонденцию направляли в МИД для Музея, для того чтобы не было проволочек с цензурой, где, без сомнения, много разных писем до сих пор лежит. Но посылайте всю Вашу корреспонденцию через Консульство, хотя и те письма, которые Вы посылали через Консульство непосредственно нам, тоже цензурой не задерживались и переводились нам беспрепятственно. Командировочные листы, как Вы просили, для Вас высылаются» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 281–286].

А.М. Мерварт 23 февраля 1916 г. телеграфировал из Дели: «Коллекции продолжаются, деньги срочно нужны» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 9].

В апреле заканчивался срок официальной командировки, и 15 апреля 1916 г. А.М. Мерварт телеграфировал: «Деньги телеграммы получены, когда сколько следующих денег, ответьте, шлите новые документы срочно» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 57]. 15 апреля 1916 г. из цейлонского курортного местечка Нувара Элия (St. Winifreds, Nuwara Eliya) ему написал вице-консул Б.П. Кадомцев: «Дорогой Герман Христианович, Вчера я был в Коломбо, откуда перевел Вам по телеграфу 500 рупий. Ваш перевод из Петрограда еще не пришел. Я слышал, что перевод из России чрезвычайно трудно получить. Министерство дает в ограниченном количестве и только для погашения долговых обязательств. Сейчас exchange 163 за £10! Не покупайте больше коллекций, иначе “сядете на мель”. Известия из России лучше. Армия перевооружена, старые генералы уволены, масса снарядов и пр. Я удостоился особого внимания со стороны Министра Сазонова, который доложил Госу-

дарю два моих аналитических донесения (об англо-русских отношениях). Говорят, мои доклады замечены в Министерстве. Привет Людмиле Александровне. Жму руку, Кадомцев» [Там же. Л. 58–58 об.].

В.В. Радлов телеграфировал Мервартам на Российское консульство в Коломбо 27 мая 1916 г.: «В сентябре еще пять тысяч» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 343].

Из полученных средств и жалования от Союза плантаторов Южной Индии А.М. Мерварт оплатил долг российским консулам и приобретенные с помощью Анантакришны Айера коллекции [Мерварт, Мерварт 1927: 15].

Из Шринагара, Кашмир, 26 июля 1916 г. Мерварты телеграфировали: «Шлите деньги первого сентября нового стиля, срочно нужны» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 77]. В.В. Радлов убедил Правление ИАН 3 августа 1916 г. «из суммы, отпущенной ИФО на экстренные расходы по Музею в вакационные месяцы, выслать 5000 руб. командированному в Британскую Индию сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту, каковую сумму необходимо перевести по телеграфу по следующему адресу: *Colombo, Russian Consulate, Meerwarth*». Ассигновка № 1044 17 августа 1916 г. выписана на 3010 руб. Сумма переведена 9 сентября 1916 г. (5 руб. — плата телеграфу) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 14. Л. 94, 99, 116].

Из Дели 21 октября 1916 г. А.М. Мерварт телеграфировал: «Сто тридцать ящиков, деньги срочно нужны» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 190]. В этот же день В.В. Радлов просил Особенную канцелярию по кредитной части по телеграфу выслать 2000 руб. Г.Х. Мерварту в Коломбо, о. Цейлон, Императорское Российское консульство [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 410].

В.В. Радлов 11 января 1917 г. получил разрешение Правления РАН «выслать из сумм МАЭ на продолжение работы лицам, состоящим в командировке от Музея, следующие суммы. 1) сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту в Индию — 5000 руб. (по телеграфу по адресу: *Colombo, Russian Consulate*). 2) С.М. Широко-

горову — 1000 руб. (по телеграфу: Благовещенск, до востребования)» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 12].

Исполняющий обязанности вице-президента ИАН А.П. Карпинский 21 января 1917 г. обсуждал с Комиссией по учету и распределению иностранной валюты вопрос о средствах А.М. Мерварту в Коломбо. В итоге Отношение ИАН было передано для отнесения на свободный кредит в Особенную канцелярию по кредитной части, 28 января 1917 г. выписана ассигновка № 156 на 5005 руб. (5 руб. — на телеграфные расходы). Платеж произведен депешей 6 февраля 1917 г. через банк Братьев Бэринг⁵⁹. В рапорте Российскому консульству в Индии указано, что 11 февраля 1917 г. 5000 руб. по курсу $95,50 = £523,11/2 + 10$ руб. телеграф, доплата 5 руб. осуществлена 16 февраля / 1 марта 1917 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 26–32].

Из Дели 2 февраля 1917 г. А.М. Мерварт телеграфировал: «Сто пятьдесят ящиков, срочно нужны деньги» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 16]. В.В. Радлов ответил 14 февраля 1917 г.: «Я добился второго перевода пяти тысяч, но будут в назначенное время» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 482]. Мерварт вновь телеграфировал 16 февраля 1917 г.: «Просил деньги дважды без ответа, срочно высылайте, сообщите, когда следующий перевод, иначе работа серьезно затруднится» [Там же. Ед. хр. 71. Л. 32], 27 февраля 1917 г.: «Деньги не готовы, немедленно телеграфируйте в консульство в Калькутту, когда и как отправлены, все израсходовано» [Там же. Л. 33]. В.В. Радлов ответил 4 марта 1917 г. А.М. Мерварту в Русское консульство в Калькутте: «Третьего февраля мы послали пять тысяч в Коломбо» [Там же. Ед. хр. 69. Л. 490].

В.В. Радлов 17 мая 1917 г. получил разрешение Правления ИАН «из сумм на покупку коллекций перевести по телеграфу 5000 р. сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту по адресу: Colombo, Russian Consulate» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1917.

⁵⁹ Barings Bank (англ.; Банк братьев Бэринг) — один из старейших торговых банков мира (1762–1995).

Ед. хр. 164. Л. 446] и телеграфировал А.М. Мерварту в Русское консульство в Коломбо: «Перевел пять тысяч» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 8]. Ассигновка № 828 на 4010 руб. выписана 21 июня 1917 г. Военное министерство, Главное управление пограничному снабжению, валютный отдел, отделение II, 24 мая 1917 г. № 1239, разрешило перевести 4000 руб. 30 мая 1917 г. № 2561 в английской валюте для приобретения в Коломбо этнографических коллекция для МАЭ. Ходатайство передано для отнесения на свободный кредит в Особенную канцелярию по кредитной части 16 июня 1917 г. № 1476, ассигновка № 828 выписана на 4010 руб. Средства были ассигнованы из казенных штатных сумм МАЭ. 4000 руб. по курсу $95,50 = £418,17 + 10$ руб. за телеграф. По отношению Правления ИАН от 16 февраля 1917 г. № 1476 депешей от 26 июня 1917 г. деньги были переведены через Банк братьев Бэринг в Российское консульство в Коломбо «для Г.Х. Мерварта», сумма поступила талоном. Платеж произведен 28 июня 1917 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 74–84].

Оставшиеся 1000 руб. были отправлены позже. «*Рапортом от 20 мая 1917 г. за № 1298 г. Непременный Секретарь АН просил повеления Правления Академии о переводе по телеграфу из сумм МАЭ на покупку коллекции младшим сверхштатным этнографом Г.Х. Мервартом в Colombo, Russian Consulate, 5000 руб. Постановлением Правления Академии от 20 мая с.г. положено перевести по телеграфу 4000 руб. В настоящее время можно было бы дослать Г.Х. Мерварту еще 1000 руб., согласно заявлению этнографа Л.Я. Штернберга. 12 июля 1917 г. столоначальник Першетский*» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 99]. Исполняющий обязанности вице-президента А.П. Карпинский и вице-президент ИАН И.П. Бородин разрешили 2 августа 1917 г. ассигновку Правления № 950 на 1010 руб., средства из свободного кредита отправлены депешей от 7 августа 1917 г. через Банк братьев Бэринг в Коломбо Русскому консульству «для Г.Х. Мерварта», $£104,14/3 = 1000 + 10$ руб. [Там же. Л. 101–106].

В.В. Радлов объяснял на заседании Историко-филологического отделения, что Музей «рассчитывал на частные пожертвования, обещанные членами Попечительского Совета, которые действительно в первый год ассигновали на нее 17 000 рублей. К сожалению, один из крупнейших жертвователей, г. Шейблер из Лодзи, очутился в плену у немцев, и поэтому все дальнейшие расходы до 25 000 рублей пришлось оплатить из скудного музейного бюджета.

Теперь предстоит довести экспедицию до благополучного конца. Необходимо поддержать экспедицию до окончания войны, дабы дать возможность участникам свезти в один пункт все разбросанные в разных местах коллекции и под их личным надзором переслать в Россию, далее расплатиться за сделанные заказы отливов и с разных памятников старины и изготовленные модели, и, наконец, дособрать еще самое необходимое для того, чтобы не пришлось в скором времени вторично снаряжать такую отдаленную и дорого стоящую экспедицию. На все эти расходы, считая, что экспедиции пробудет на месте еще 10–12 месяцев, потребуется не менее 12-ти тысяч рублей. Между тем средства Музея истощены, вследствие того, что уже истрачено на эту экспедицию в нынешнем году 5000 рублей, а еще 5000 сейчас предстоит выплатить, и придется закончить год с дефицитом. Прошу поэтому войти с ходатайством перед Министерством Народного Просвещения об экстренном ассигновании в распоряжение Музея упомянутой суммы. (Срв § 247). Возбудить ходатайство» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1917. Ед. хр. 164. Л. 443 об.].

На заседании Историко-филологического отделения РАН № 11 20 сентября 1917 г. В.В. Радлов убедил академиков возбудить ходатайство перед Министерством народного просвещения: «На последнем своем (май) заседании ИФО согласилось испросить 12 тыс. руб. для возврата посланных мною из сумм вверенного мне Музея 5000 руб. в Индию на содержание экспедиции Г.Х. Мерварта во 2-м полугодии 1917 г. и для расходов в сумме 7 тыс. руб. при окончательном расчете по ликвидации экс-

педиции. Как мне известно, г. Министр Финансов согласен ассигновать эти 12 тыс. руб. Но курс нашего рубля, бывший в мае месяце, настолько разнится от нынешнего, что ассигнованных 7 тыс. руб. далеко не хватит для расчета по экспедиции. Ввиду этого я считаю необходимым просить АН войти в Министерство Народного Просвещения с ходатайством об особом дополнении, с их стороны ассигновать еще 8 тыс. руб. (IX.238). Возбудить ходатайство перед Министерством Народного Просвещения» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1917. Ед. хр. 164. Л. 481–481 об.].

Русский консул из Калькутты информировал МАЭ 29 сентября 1917 г. телеграммой: «Мерварты без гроша, прошу выслать деньги немедленно телеграфом» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 49]. По подсчетам МАЭ, в июне и августе через Банк братьев Бэринг «для Г.Х. Мерварта» было переведено 522 фунтов стерлингов. Это было указано в записке № 202, с которою директор МАЭ академик В.В. Радлов 30 сентября 1917 г. обратился в Хозяйственный департамент Министерства иностранных дел: «Покорнейше прошу через Министерство отправить по возможности сегодня следующую телеграмму: “Russian Consulate Calcutta — July August wired Colombo Consulate Meerwarth five hundred twenty two pounds soon send more expedition financially guaranted”⁶⁰. Вместе с тем прошу, если возможно, от Министерства сообщить Консульству в Калькутте, чтобы в случае, если Мерварт временно окажется в затруднительном положении, помочь ему заимообразно в счет Музея» [Там же. Ед. хр. 73. Л. 33].

⁶⁰ «Русское консульство Калькутта — в июле-августе телеграфировали в Консульство в Коломбо пятьсот двадцать два фунта, скоро вышлем еще, экспедиция финансово гарантирована» (англ.). Телеграмма была получена 7/20 октября 1917 г., и консул П.А. Рогальский из Симлы подтвердил гарантии Мервартам в Шиллонг [АВПРИ. Ф. 238. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 84. Л. 14–19].

Особенная канцелярия по кредитной части уведомила РАН о получении 6000 руб. на отношение от 6 октября 1917 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 55].

Революционные события прервали процесс возвращения экспедиции Мервартов на несколько лет.

Накануне отъезда из Калькутты Мерварты неожиданно получили 600 фунтов стерлингов — задержавшийся перевод из АН — и расплатились с долгами, в том числе перед консульством. Оставшихся средств им хватило, чтобы добраться до Владивостока и обустроиться там [Мерварт, Мерварт 1927: 23].

Академик В.В. Радлов 15 апреля 1918 г. просил у Отделения исторических наук и филологии на экспедиции Мервартов и Широкогоровых в английской валюте 1900 фунтов стерлингов, а в русской, переводя фунт стерлингов на рубли, даже по курсу 30 руб. за фунт стерлингов, — сумму в 63 000 руб., сделать соответствующее сношение с Народным комиссаром по просвещению [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 163. Л. 393].

В.В. Радлов 24(11) апреля 1918 г. сообщил Отделению исторических наук и филологии, что *«для нужд экспедиции командированного в Индию Г.Х. Мерварта, который вследствие неполучения денег в течение последних 8 месяцев находится в безвыходном положении, необходимо перевести немедленно по крайней мере 10 000 руб., которые прошу ассигновать из общемузейных сумм. Т.к. через Кредитную Канцелярию в настоящее время переводы не производятся, то я принял меры, чтобы можно было перевести эту сумму через местное Английское Консульство, которое изъявило на это согласие. Прошу поэтому означенную сумму выписать на мое имя для передачи консулу, квитанция которого в получении мною своевременно будет представлена»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1918. Ед. хр. 73. Л. 95]. Было положено выдать В.В. Радлову 10 тыс. руб. из указанного источника «для перевода Г.Х. Мерварту» через посредство английского консула, о чем сообщить в Правление для исполнения [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 163. Л. 394 об.]. Ассигновка № 287 на 10 тыс. руб. была

выписана 1 мая 1918 г. В.В. Радлову [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1918. Ед. хр. 17. Л. 26].

Но 12 мая 1918 г. академик В.В. Радлов скончался. Остались не получены два талона к ассигновке от 27 марта № 184 (аванс музея — 500 руб.) и от 1 мая № 287 — 10 тыс. руб., «отсылка Г.Х. Мерварту» (VII.158) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1918. Ед. хр. 17. Л. 41]. Было положено выписывать ассигновки для МАЭ на имя непременного секретаря С.Ф. Ольденбурга [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 165. Л. 406].

Член Коллегии научного отдела Народного комиссариата по просвещению Л.Г. Шапиро 26(15) июня 1918 г. прислал в Академию отношение № 17698/731 от 20 июня: *«Сообщаю вам, что Финансовой Комиссией 19 июня 1918 г. постановлено открыть Вам кредит в сумме 63 000 руб. на экспедиции в Индию, Маньчжурию, Корею, Амурский край в первой половине 1918 г. О переводе Вам этого кредита мы сегодня же обратились в Финансовое Отделение Комитета»* [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 165. Л. 71 об.].

Мерварты 24 июля 1918 г. телеграфировали в МАЭ: *«Деньги, обещанные в июне, не поступили, срочно нужны, спросите»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 72. Л. 30]. Руководство Академии наук просило управляющего делами А.П. Штапельберга (1869–1932) выяснить, когда от Кредитной канцелярии отправлены 5000 рублей в Индию.

По подсчетам Л.А. Мерварт, за четыре года командировки члены экспедиции получили около 40 тыс. руб. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 183]. Деньги поступали через русское посольство в Лондоне [Там же. Л. 206]. Она пишет: *«Ввиду частых перебоев в поступлении денежных средств мы неоднократно испытывали нужду, заставлявшую нас найти какую-нибудь работу, которая дала бы нам возможность существовать»* [Там же. Л. 183].

После кончины академика В.В. Радлова хлопоты о работе экспедиции прекратились, командировки Мервартам продлены не были. В условиях революции и Гражданской войны коммуника-

ционные пути оказались перекрыты. Сотрудники МАЭ в Петрограде в сложнейших условиях разрухи и инфляции спасали музей, выстраивали его работу в новых условиях. Только в 1922 г., когда стала восстанавливаться почтовая связь с отдаленными пределами России и с границей, руководство МАЭ возобновило хлопоты по возвращению экспедиции Мервартов в Петроград.

Глава 3

А.М. и Л.А. Мерварт в 1918–1924 гг.

3.1. На Дальнем Востоке

В начале февраля 1918 г. у супругов Мерварт имелся единственный путь попасть обратно в Россию — уехать из Индии во Владивосток на грузовом русском судне. В Рангуне они были сняты с парохода «Евгения» вместе с экипажем, так как британцы реквизировали это судно, и интернированы в Рангунском форте до конца апреля, проведя в крепости в общей сложности 66 дней. После освобождения на средства британского правительства они были отправлены дальше на британском пароходе, остановились на несколько дней в Сингапуре, на три недели — в Гонконге и около месяца провели в Шанхае. Там они жили в русской духовной миссии и ждали пароход Добровольного флота во Владивосток.

Во Владивосток Мерварты прибыли 26 июля 1918 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 52] и были там задержаны разгоревшейся Гражданской войной. *«В газете прочли письмо М.Н. Еришова, профессора Казанской духовной Академии, что молодежь не может ехать в центр учиться, надо прочесть общеобразовательные лекции. Связались в нем, привлекли С.М. Широкогорова, прибывшего во Владивосток с генералом Хорватом, и несколько профессоров Восточного Института во Владивостоке. Организовали частный Историко-Филологический*

факультет, который развился в государственный Дальневосточный Университет» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 211 об.]. Принять финансовое участие в создании факультета позволили оставшиеся у них 2500 руб. золотом, полученные от АН перед отъездом из Индии [Мерварт, Мерварт 1929: 23]. Как мы видим, А.М. и Л.А. Мерварт стояли у истоков Дальневосточного университета во Владивостоке. А.М. Мерварт взял на себя преподавание курса классической филологии (чтение и объяснение латинского автора), санскритский язык, историю Греции, Л.А. Мерварт — сравнительное языковедение, общий курс истории западноевропейской литературы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 37]. Предполагалось учреждение новой кафедры Индонезии, которая очень интересовала Л.А. Мерварт [Там же. Л. 56]. Она заведовала кафедрой германской филологии и в то же время организовала библиотеку университета [Бухерт 2017: 55].

Владивосток в это время испытывал жесточайший жилищный кризис. Мерварты с трудом нашли комнату в частной квартире на Комаровской ул., д. 13. Когда неделю спустя приехал С.М. Широкогоров с женой, уговорили хозяев сдать и им комнату из своих четырех. *«Обедали мы вне дома, а чай пили все четверо у нас в комнате. До 3-х часов ночи разрабатывали планы факультета. Широкогоров — эрудит, оказал большое влияние. Через месяц хозяева развелись, мы взяли квартиру пополам: наша комната, Широкогоров — в большую хозяев, свою малую они сдали приятельнице Прасковье Мельниковой (в январе 1919 г. после поездки Широкогорова в Омск), 4-я — общая столовая. В малой комнате стоял рояль Широкогорова и фисгармония (музыкальная комната)»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 212–212 об.]. Постепенно личные отношения испортились, так как С.М. Широкогоров пытался руководить Мервартами. Они вели общее хозяйство, но встречались только за обедом, вели не возбуждающие страстей разговоры. Политики старались не касаться, хотя страну раздирала Гражданская война. Единства не было даже среди преподавателей университета.

С.М. Широкогоров был представителем правого течения. Его организация (члены ее — братья Спиридон и Николай Меркуловы и др.) собиралась в его комнате. Монархизм же Мервартам был чужд и противен [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 233].

Вместе с молодыми учеными — приват-доцентом Казанского университета Матвеем Николаевичем Ершовым, С.М. Широкогоровым и профессурой местного Восточного института — Мерварты основали курсы историко-филологического характера, далее — историко-филологический факультет. Они сумели привлечь к работе профессоров Н.В. Кюнера¹, П.П. Шмидта² (Рига), А.В. Гребенщикова³ (Чита), Поставина (который вскоре умер). Этот факультет финансировался отчасти из платы за обучение, отчасти из сумм, которые пожертвовали местные крупные коммерческие фирмы и банки, отчасти из средств, которые ассигновал генерал Д.Л. Хорват, основавший в то время правительство на Дальнем Востоке. Л.А. Мерварт на факультете была преподавателем, библиотекарем, занималась организацией студенчества [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 211 об.].

Факультет после переворота 1920 г. был санкционирован революционным правительством Земской управы, его состав утвержден и включен в Дальневосточный университет, существующий поныне [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 295–295 об.]. С.М. Широкогоров обеспечил поддержку генерала Хорвата и стал председателем комитета по учреждению историко-филологического факультета, А.М. Мерварт — секретарем, он работал там по вечерам.

¹ Кюнер Николай Васильевич (1877–1955) — российский и советский востоковед, историк и этнограф. Сотрудник МАЭ (с 1932 г.).

² Шмидт Петр Петрович (латыш. Pēteris Šmits — Петерис Шмитс; 1869–1938) — востоковед, китаист, этнограф.

³ Гребенщиков Александр Васильевич (1880–1941) — русский и советский синолог, специалист по тунгусо-маньчжурским языкам.

В мае 1919 г., *«когда вследствие быстрого падения рубля стало невозможно жить на те деньги, которые мы с женой получали от факультета, я одновременно зарабатывал как иностранный корреспондент торговой фирмы “Чурин и Ко.”, а потом фирмы Bogaui»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 295 об.].

Во Владивостоке А.М. Мерварт, не будучи религиозным, состоял в организации «Братство святителей Ионы, Филиппа и Алексея», прошел два собеседования, *«из интереса к религиозным вопросам. Я атеист»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 176 об., 177 об.].

Во Владивостоке у Мервартов снял освободившуюся комнату М.О. Клер⁴ — профессор Екатеринбургского горного института, эвакуированного во время отступления Колчака, лучший знаток геологии Урала. В 1927 г. он зашел к Мервартам в МАЭ [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 298].

Весной 1921 г. А.М. Мерварт поступил в качестве помощника главного секретаря в Международный железнодорожный комитет по делам КВЖД и Уссурийской железной дороги (США, Англия, Франция, Италия, Япония). Председателем комитета был А.Ф. Кациенко, Главным секретарем — Владимир Арнольдovich Зиссерман, бывший служащий Министерства финансов и земский начальник в Тульской области, вторым секретарем — Данилов, который занимался у А.М. Мерварта в университете. Когда понадобился перевод большого количества протоколов с французского на английский, Данилов рекомендовал его Зиссерману. В 1921 г. Данилов уехал за границу, а А.М. Мерварт был приглашен в качестве его заместителя на полтора года до ликвидации комитета. В обязанности А.М. Мерварта входили сбор сведений о повреждениях и нападениях на железную дорогу отрядами революционных партизан, переводы на английский язык на заседаниях и других материалов [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 42]. А.М. Мерварт вспоминал: *«Все это время*

⁴ Клер Модест Онисимович (1879–1966) — российский и советский геолог, палеонтолог, гидрогеолог, краевед.

я жил на основании тех видов на жительство, которые выделялись разными местными властями» [Там же. Л. 295].

В 1922 г. после очередного переворота власть во Владивостоке захватил самопровозглашенный Воевода Земской рати генерал М.К. Дидерихс. Из боязни военных действий А.М. Мерварт просил профессора В.А. Рязановского, который уехал за два месяца до этого в Харбин, подыскать ему там место. *«В августе 1922 г. он телеграфировал мне, что есть место секретаря Пристанского отделения Русско-Азиатского Банка на 250 руб. в месяц — я приехал; директор — друг Рязановского»*. Потом он стал секретарем Маньчжурских отделений КВЖД [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 237 об. — 238]. Директор Харбинского отделения Русско-Азиатского банка Н.Д. Буяновский предложил Л.А. Мерварт место преподавателя новых языков в железнодорожной гимназии, где он сам был директором [Там же. Т. 13. Л. 235].

В ночь на 8 сентября 1922 г. Мерварты переехали в Харбин, как потом объяснял А.М. Мерварт на следствии в ОГПУ, *«отчасти потому, что закрылся Международный Комитет и я таким образом лишился дохода и средств на жизнь, отчасти потому, что политическая ситуация предвещала столкновение между местной реакционной властью и красной армией. У меня было тогда двое маленьких детей, и я счел своим долгом подумать о них. Кроме того, к тому времени мне предложили место в Русско-Азиатском Банке в Харбине в качестве секретаря дирекции* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 177]». А.М. Мерварт предпринимал попытки коммерческой деятельности — предложил проект прямого экспорта какао из Цейлона в Россию. Переводил на иностранные языки донесения Шанхайскому и Парижскому правлению банка Остроумова и управляющего КВЖД. Дополнительно составлял телеграммы, доклады и письма по заданию дирекции на английском и французском языках [Там же. Т. 12. Л. 42]. *«Я работал в банке в то время, когда начались первые серьезные притязания Мукденской власти (Чжан-Цзолия) на КВЖД, и был свидетелем тех шагов, кото-*

рые предпринимались банком для отстаивания земельных прав КВЖД против Мукдена. Я в качестве секретаря дирекции был в курсе почти всех тех переговоров, которые велись банком с местными иностранными предпринимателями, с Японией и Китаем. Мне было поручено составить на английском языке историю земельного вопроса КВЖД для распространения между союзными — английским, французским, американским посольствами. Я эту задачу выполнил в сентябре 1923 г., для каковой цели я съездил в Пекин, где находился тогда архив банка» [Там же. Л. 295–295 об.]. Примечательно, что пребывание в Китае не вызвало интереса Мервартов-этнографов. Частично это объяснимо жуткими финансовыми условиями, в которых оказались наши герои.

Круг общения А.М. Мерварта на Дальнем Востоке, во Владивостоке и Харбине был весьма широк. Он сталкивался с политическими деятелями — Б.В. Остроумовым, бывшим генералом Д.Л. Хорватом, генералом Меркуловым, Л. Кролем (представитель партии кадетов), Фоминым (представитель плехановцев), поверхностно знал братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых, «сыгравших видную роль в системе Дальневосточных переворотов» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 298].

Во Владивостоке А.М. Мерварт был знаком с владельцем фирмы «Кунст и Альберт» Даттаном, с его главным доверенным Лисовским, управляющим Владивостокским отделением фирмы «Borau и Ко.» («Караван») Функом, немецким, английским, французским, американским, китайским консулами и представителем Японии. Субсидировали историко-филологический факультет представители буржуазии — Чурин, Свицерский, Шанович, Бринер, Бабенцов, местные крупные коммерсанты Сойкин, Скидельский, Попов и др.

Во Владивостоке Мерварты общались с профессорами Восточного института, деятелями русской эмиграции (В.А. Рязновским, Энгельфельдом, Зандером, Колюбакиным, Христиани, Андогским, Грибановским, Никоновым). Все они постепенно поступали в преподавательский состав Дальневосточного универ-

ситета. Дружеские отношения установились с профессором А.П. Георгиевским⁵, председателем Дальневосточного отделения Геологического комитета А.Н. Криштофовичем⁶ (через 1,5 года после возвращения Мервартов в Ленинград он вернулся туда с Филиппинских островов) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 298], известным исследователем Уссурийского края В.К. Арсеньевым⁷, специалистом по рисовой культуре А.Д. Воейковым. Ученик А.М. Мерварта Р.Н. Ким позднее стал профессором японского языка в Москве, переводчиком, разведчиком, заключенным, известным автором детективных и шпионских романов [Просветов 2015].

Благодаря положению в Русско-Азиатском банке А.М. Мерварт был знаком с его руководящим составом в Харбине (Л. фон Гойером, Н.Д. Буяновским, Л. Блахером, Петигюгенэном) и Шанхае (генеральным директором Дальневосточного сектора Российско-Азиатского банка Блейлером, секретарем директора в Шанхае Дюсиметьером), с персоналом Гимназии им. Д.Л. Хорвата в Харбине, в Пекине он встречался с сотрудниками бывшего российского посольства (Граве, Митрофановым), с директором Banque de l'Indo-Chine, профессором Пекинского университета, бывшим приват-доцентом Петербургского университета индологом бароном А.А. Сталь-фон-Гольштейном, агентом КВЖД в Пекине Барбье, с членами Правления и Управления КВЖД (Пушкаревым, Рихтером, Эльтеновым, Остроумовым, Степуниным); в Китае — с губернатором трех восточных провинций Фу-Цзин-Лином, Янь-Чао — уполномоченным Чжан-Цзолина, Люй Тай — китайским компрадором Россий-

⁵ Георгиевский Александр Петрович (1888–1955) — русский и советский лингвист, этнограф, деятель высшей школы, один из зачинателей архивного дела на Дальнем Востоке.

⁶ Криштофович Африкан Николаевич (1885–1953) — русский и советский ученый-геолог, палеоботаник, ботаник.

⁷ Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872–1930) — русский и советский путешественник, географ, этнограф, востоковед, писатель.

ско-Азиатский банка и др. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 298–299].

Л.А. Мерварт во Владивостоке активно включилась в процесс организации университета, читала там лекции. С 1 сентября 1918 г. она — штатный преподаватель (частного) историко-филологического факультета во Владивостоке (ныне — Государственный Дальневосточный университет). 1 сентября 1922 г. Л.А. Мерварт получила отпуск без содержания для отъезда в Харбин, 1 февраля 1923 г. отчислена согласно прошению из преподавательского состава ГДУ, где состояла в должности и.о. доцента. С 1 октября 1922 г. по 1 июля 1924 г. она была штатным преподавателем 1-й Железнодорожной гимназии им. Хорвата в Харбине [СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 11, 13 об.].

Л.А. Мерварт придерживалась активной гражданской позиции. Во Владивостоке в 1918 г. она помогала студенчеству создать свои организации (старостат, кассу взаимопомощи). *«Люди ко мне приходили со своими делами»*, — вспоминала она [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 234]

Во Владивостоке Л.А. Мерварт организовала Женскую дружину помощи армии, которая просуществовала одну зиму. Фактически это было общество Красного Креста — мастерская, 20–25 женщин шили на дому белье для армии [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 184].

Также Л.А. Мерварт во Владивостоке участвовала в работе Братства им. Ионы и Филиппа, созданного священником университетской церкви отцом Владимиром. Два года состояла членом Общества ревнителей православия при Владимирском соборе, которое собиралось раз в месяц, но вышла из него из-за черносотенцев Меркуловых. Вступила в Покровское общество, которое создал священник Павел Киев для помощи детям Владивостока [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 320–321].

Связь Дальнего Востока с европейской Россией была прервана Гражданской войной. Младший этнограф МАЭ Бернгард Эдуардович Петри, застрявший в Иркутске с женой и ребенком и преподававший в Иркутском государственном университете,

состоял в переписке с А.М. Мервартом и С.М. Широкогоровым. Он писал 26 мая 1920 г. в МАЭ, что те находятся во Владивостоке, оба читают лекции в открытом во Владивостоке университете, где Л.А. Мерварт ведет практические занятия на историко-филологическом факультете. У Мервартов родилась дочь. *«Кроме того, прошу выяснить условия возвращения в Академию — мои, Мерварта и Широкогорова, т.е. сохранены ли наши должности за нами и к какому сроку мы должны прибыть к месту службы, конечно, по установлению сообщения Сибирь — Петроград»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 39].

В 1920 г., 10 августа, Б.Э. Петри сообщал ученому персоналу МАЭ в дополнение к письму от 5 июля 1920 г.: *«Вчера проехал через Иркутск из Владивостока, следуя на Урал, профессор Мод[ест] Онис[имович] Клер. Сообщил следующее: во Владивостоке организован большой Университет из Вост[очного] Инст[итута] и Ист[орико] Филол[огического] Ф-та в составе Восточного, Юридического и Историко-Филологического Факультетов. Мерварт с Людм[илой] Александровной по-прежнему состоят преподавателями Университета (санскрит и пр.). Их материальное полож[ение] хорошее: большая квартира, 2 прислуги и прочие атрибуты старого режима; средства дает служба в конторе Кунст и Алберт, где Александр Мих[айлович] занят 2–3 часа в день. Сергей Михайлович Шир[окогоров] отъехал спешно за границу с женой»*⁸ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 41–41 об.].

В 1922 г., 25 июня, он писал ученому персоналу МАЭ: *«О наших сибирских сочленах имею кое-какие сведения. Владивостокский Университет сильно замешался в политику; следствием этого явился разбег профессуры и развал Университета. Мерварты еще там. Они спасаются благодаря службе у Кунста и Альберса»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1922. Ед. хр. 4. Л. 122].

⁸ С.М. Широкогоров оказался в вынужденной эмиграции в Китае, где жил и работал вплоть до своей смерти в Пекине в 1939 г., разрабатывал теорию этноса.

Как уже отмечалось, после очередного переворота у власти во Владивостоке оказался генерал Дидерихс, который намеревался восстановить крепостное право. Заработки подходили к концу, и Мерварты уехали в Харбин в ночь на 8 сентября 1922 г. Пребывание в Харбине было очень тяжелым. Л.А. Мерварт написала проект реорганизации преподавания русского языка в Харбине для железнодорожных школ, расширила систему домашнего чтения для детей. В 1924 г. эмигрантский совет КВЖД был заменен советским [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 320–336].

Когда восстановилась система сообщений с европейской частью страны, стали поступать письма. Мерварты получили бумаги от АН и Наркомата иностранных дел о возвращении в Ленинград. Задержка по срокам была вызвана тем, что Л.А. Мерварт вышла из больницы после тяжелой операции, швы могли разойтись, так что до конца июня ехать в Россию ей было нельзя. Только 27 июня 1924 г. Мерварты выехали в теплушке в Ленинград [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 325]. Путешествие заняло пять недель. На целых десять лет (вместо планировавшихся двух) затянулась для них разлука с домом.

3.2. Возвращение в Петроград

В 1914 г., 10 сентября, Б.Э. Петри и Г.Х. Мерварт как единогласно избранные были утверждены на две сверхштатные должности младших этнографов МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 447 об.]. 1 января 1917 г. В.В. Радлов представил ряд сотрудников МАЭ к Высочайшим наградам на основании Общих правил о наградах (на август 1916 г.), при этом не имеющий чина Герман Мерварт, VII разряд, в МАЭ по вольному найму с 1 октября 1913 г., был представлен к ордену Св. Станислава 3 ст. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 52. Л. 27 об.].

После Октябрьской революции 1917 г. сохранивший должность директора МАЭ В.В. Радлов просил 21 марта 1918 г. Канцелярию Правления РАН ввиду последовавшего утверждения

Комиссариатом народного просвещения новой сметы «внести в окладной список личного состава дополнительно следующих лиц: зав. Отделом Африки В.И. Иохельсон, зав. Отделом Индии Г.Х. Мерварт, зав. Антропологическим Отделением С.М. Широкогоров, зав. Отделом Средней Азии И.И. Зарубин, пом. зав. Отделом Индии 2-жу Л.А. Мерварт, и, наконец, С.М. Дудина, зав. Отделом Туркестанских Древностей и фотографическим, с определением им по времени действия новой сметы общеустановленного оклада для заведующего Отделом — 650 руб., для помощника — 550 руб., причем Иохельсону содержание исчислять со дня назначения — с 1.02. с.г., остальным — с 1.01. с.г.» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 77]. Таким образом, несмотря на то что официально командировка в 1918 г. продлена не была, Мерварты стали числиться в штате МАЭ с 1 января 1918 г.

В МАЭ волновались о судьбе членов экспедиций, отправленных в 1914 г. — Б.Э. Петри (оказавшегося в Иркутске), С.М. Широкогорова (с женой, отправленных в Маньчжурию), А.М. и Л.А. Мерварт (командированных в Южную Азию). В 1922 г. в список служащих МАЭ по-прежнему включались ученые хранители Б.Э. Петри (в командировке в Восточной Сибири, явится на службу к 1 сентября), Г.Х. Мерварт, С.М. Широкогоров (состоят в длительной командировке, срок возвращения неизвестен), научный сотрудник 2-го ранга Л.А. Мерварт (состоит в длительной командировке, срок возвращения неизвестен) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1922. Ед. хр. 5. Л. 32].

Л.Я. Штернберг писал 28 февраля 1923 г. С.М. Широкогорову: «Мерварт что-то забрался в Харбин и молчит, Петри “профес-сорствует” в Иркутске, а тут предстоят колоссальные работы по перестройке всего Музея, устройству Эволюционного Отдела и т.д. Помочь Вам для дальнейших исследований на дальнем Востоке мы не можем, теперь не до того, а нам нужны работники до зарезу. Работники нужны и для Географического Института, где нуждаются в специалистах по сибирским инородцам, и вообще тут работы найдется довольно. Начните поскорее хлопотать

через русскую делегацию в Пекине, чтобы получить проезд в Россию, поскорее сообщите нам, дабы могли были и с нашей стороны придти напоминания. Напишите также в Харбин Мерварту (мы его адреса не знаем). Мы тут хлопочем о перевозке его китайских коллекций — а он молчит» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 13]⁹.

В 1923 г., 14 марта, академик-секретарь доложил Отделению историко-филологических наук записку директора МАЭ следующего содержания: «Отделению известно, что МАЭ РАН за последние годы лишился целого ряда незаменимых работников: Г.Х. и Л.А. Мерварты, С.М. Широкогоров, Б.Э. Петри задержаны долголетними экспедициями на Востоке, и трудно предвидеть, когда они вернутся. В.И. Иохельсон в командировке в Америке, А.И. Иванов откомандирован к китайской делегации, Е.Л. Петри скончалась. Между тем в настоящий момент, когда музей радикально перестраивается в связи с переходом в новое здание и возложенным на него заданием устроить выставку к 200-летию юбилея Академии, имеется особая нужда в работниках-специалистах, каковых найти очень трудно» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 57].

В 1923 г., 17 октября, директор МАЭ академик Е.Ф. Карский просил ИФО РАН исходатайствовать перед Народными комиссариатами иностранных дел и путей сообщения и перед Главным таможенным управлением «предоставление сотруднику МАЭ А.М. Мерварту с его семейством и частью собранных им коллекций права и возможности возвратиться в Петроград, отправив ему удостоверение о его командировке» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 227]. В Комиссариат иностранных дел, Комитет путей сообщения и Главное таможенное управление были направлены письма.

«Российская Академия Наук в 1914 г. командировала в Индию ученого хранителя Музея антропологии и этнографии Алек-

⁹ Авторам ничего не известно о судьбе так называемых «китайских коллекций» Мервартов.

сандра Михайловича Мерварта и его помощника Людмилу Александровну Мерварт для всестороннего обследования населения Индии и для собирания этнографических коллекций, иллюстрирующих быт и культуру Индии.

Лица эти пробыли в Индии четыре года, и за это время им удалось, несмотря на крайне неблагоприятные условия войны и отрезанность от Петрограда, изучить практически индийские языки, основательно ознакомиться со всеми сторонами жизни Индии и собрать богатую этнографическую коллекцию, состоящую из многих тысяч предметов, не считая множества рисунков, фотографий и литературы об Индии. Вследствие отрезанности от европейской России и истощения средств к существованию, указанные лица вынуждены были оставить все собранные ими коллекции, за исключением 15 ящичков особо ценных, и выехать в ближайший доступный русский пункт, Владивосток, где, в ожидании возможности вернуться в Индию за коллекциями, устроились преподавателями в местном Государственном Университете.

В 1920 г. А.М. Мерварт обратился в Наркоминдел через представителя РСФСР во Владивостоке тов. Виленского с предложением своих услуг для работы в Индии, но вследствие долгого перерыва сношений дело заглохло. Ввиду тяжелого материального положения А.М. Мерварт, обремененный семьей, вынужден был принять частичную службу в Харбине, все еще не теряя надежды вернуться в Индию, чтобы вернуть свои коллекции. Между тем Академии Наук удалось в последние месяцы получить коллекции из Индии при содействии нашего представителя в Лондоне и Балтфлота, и таким образом Мерварты могут теперь вернуться на службу в Петрограде. Академии Наук крайне заинтересована в скорейшем возвращении этих лиц, так как, кроме них, специалистов-индианистов, притом лично собравших коллекции, никто не в состоянии научно их регистрировать, ни обрабатывать. Кроме Академии Наук в возвращении Мервартов крайне заинтересован Институт Живых Восточных Языков, в котором, как и во всей России, нет знатоков живых языков Индии, и, наконец, для Наркоминдела и Внешторга Мерварт мог бы быть

незаменимым экспертом по политическим и экономическим вопросам, связанным с Южной Азией.

Ввиду этого Академия Наук обращается с просьбой о следующем:

I. Выдать А.М. Мерварту и его супруге Л.А. Мерварт с их двумя малолетними детьми свободный пропуск в Россию, как лицам, состоящим в командировке от РАН.

II. 1) Предоставить А.М. Мерварту и его супруге Л.А. Мерварт с их двумя малолетними детьми право бесплатного проезда от ст. Маньчжурия до Петрограда и теплушку для перевозки их имущества большой скоростью. 2) Предоставить бесплатный провоз 15 ящиков коллекций, оставленных Мервартом во Владивостоке, до ст. Чита на имя Музея, где эти коллекции по пути в Петроград Мервартом будут получены.

III. Разрешить Мерварту бесплатный провоз экспедиционного и личного имущества, вывезенного после семилетнего пребывания по командировке за границей» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 110–110 об.].

Транспортно-экономический отдел НКПС 12 ноября 1923 г. за № 2388Э2 сообщил РАН, что просьба о предоставлении ученому хранителю МАЭ А.М. Мерварту с семьей права бесплатного проезда от Маньчжурии до Петрограда и бесплатного провоза имущества и коллекций Тарифным комитетом удовлетворена [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 254]. Уполномоченному Народным комиссариатом иностранных дел в Харбине 7 декабря 1923 г. была отправлена телеграмма о разрешении А.М. Мерварту проезда в Петроград [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1923. Ед. хр. 19. Л. 114]. Директор МАЭ Е.Ф. Карский телеграфировал в Харбин в Русско-Азиатский банк Мерварту: «Въезд бесплатный проезд безошлинный ввоз телеграфно разрешено документы высылаем визу получите представителя телеграфируйте выезд» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1923. Ед. хр. 19. Л. 111].

В 1924 г. Мервартам в Харбин было отправлено несколько телеграмм. Но по причине болезней их отъезд несколько раз откладывался.

В 1924 г., 14 мая, директор МАЭ в разъяснение постановления (Журнал Правления РАН от 8 мая, п. 13) считал нужным сообщить Правлению РАН, что «1) супруги Мерварты были командированы Академией наук, с тем чтобы по возвращении они были назначены — Александр Михайлович — зав. Отделом, а Людмила Александровна — помощником заведующего Отделом Индии; 2) что Мерварты собрали с огромными усилиями и лишениями ценнейшую коллекцию, которую только они одни в состоянии разобрать и выставить; 3) что льготы по их переезду отнюдь не потеряли силы; 4) что в утверждении Мервартов на штатные должности сомнений быть не может, т.к. новые штаты по музею прошли. Вследствие вышеизложенного Совет Музея подтверждает ходатайство и просит дать ему срочный ход» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 70–70 об.], т.е. обратиться с соответствующим ходатайством в Главнауку о выдаче 250 руб. и о предоставлении еще одной штатной единицы.

Второго июня 1924 г. он уведомил Президиум РАН: «От супругов Мерварт, которые, по поручению РАН, провели 4 лет экспедиции в Индии и ныне, в конце этого месяца, выезжают из Харбина на службу в Музей, получено дополнительное сообщение о том, что на перевозку их личного имущества и проезд от Харбина до ст. Маньчжурия, на перепакровку 55 пудов коллекций, хранящихся во Владивостоке, доставку их на вокзалы и с вокзала во Владивостоке и Чите, на содержание 4-х человек в пути в течение двух недель, равно на разные экстренные надобности в связи с переездом (поездка во Владивосток для перепакровки коллекций) и пр. потребуется сумма в 500 руб. Деньги эти можно перевести либо лично А.М. Мерварту, либо дипломатическому представителю СССР в Харбине для него. Ввиду того, что Мерварты выполнили с огромными трудностями в годы войны большие научные задания РАН и собрали обширную ценную коллекцию, которую они одни только и могут разобрать, и служба их в Музее, как редких специалистов по Индии, крайне необходима, Совет Музея ходатайствует об ассигновании оказанной суммы из соответствующих кредитов, и в крайнем случае заимообразно из сумм на

оборудование нового здания Музея, исходатайствовав для этого необходимое разрешение» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 72]. В дополнение 11 июня 1924 г.: «От А.М. Мерварта получилась телеграмма о том, что он ликвидировал все в Харбине и готов выехать к месту службы в Академии в Ленинград и просит, для устранения возможных недоразумений, ходатайствовать перед соответствующими учреждениями, Народным Комиссариатом Путей Сообщения и Наркомвнешторгом о подтверждении данных в ноябре 1923 г. разрешений на даровой проезд и провоз багажа, а также на беспрошленный пропуск имущества и коллекций. Музей просит удовлетворить это ходатайство. При сем прилагаются копии бумаг, которые по миновании надобности просьба вернуть в Музей» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 75].

Телеграммой № 4144 от НКПС 21 июня 1924 г. со станции Хабаровск «подтверждается постановление Наркома сообщенное телеграммой ЦК двенадцатого ноября ПГ номер 23 дробь 56 тысяч семьсот семьдесят семь представлении ученому Мерварту право бесплатного проезда с женой и двумя детьми от ст Харбин до Ленинград и бесплатного провоза принадлежащего ему имущества и коллекции. Отъезд Мерварта из Харбина задержался до настоящего времени вследствие болезни семьи» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 214].

Двадцатого июня 1924 г. Совет МАЭ на новые должности научных сотрудников выбрал А.М. Мерварта научным сотрудником 1-го разряда, зав. отделом Индии, на освободившуюся вакансию Б.Э. Петри, Л.А. Мерварт — научным сотрудником 1-го разряда по отделу Индии и Индонезии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 89–90].

А.М. Мерварт писал в 1930 г. в своем «Жизнеописании»: «Между тем я получил из АН, через старшего этнографа МАЭ, извещение, что коллекции, собранные нами в Индии, прибыли и что требуется наше присутствие, чтобы их перерегистрировать, привести в порядок и выставить. После некоторой переписки по этому поводу мы получили советские паспорта и при-

ехали в Ленинград в конце июля 1924 г.» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 296].

Мерварты вернулись в Ленинград 3 августа 1924 г. А 25 августа 1924 г. Правление РАН постановило «поместить в ученые хранители А.М. Мерварта вместо Г.О. Монзелера», а врио зав. отделом культурных стран Азии Георгия Оскаровича Монзелера¹⁰, избранного 5 августа 1924 г. Советом МАЭ, перевести в научные сотрудники 1-го разряда на первую освободившуюся должность [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 104, 108]. С 1 августа 1924 г. зав. отделом культуры стран Азии МАЭ А.И. Иванов как неявившийся в срок из командировки (из Китая) был отчислен от службы, с 15 февраля на его место включен Г.О. Монзелер [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 278]. Л.А. Мерварт была зачислена на службу сверх штата на свободные академические вакансии [Там же. Л. 286]. А.М. Мерварт в 1924 г. получил 16-й разряд, Л.А. Мерварт — 15-й разряд [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 109].

Постановлением Правления АН от 17 июля 1924 г. (Журнал № 50, п. 29) Л.А. Мерварт зачислена на службу в АН на должность научного сотрудника 1-го разряда МАЭ еще 20 марта 1924 г. [СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 5], затем, 1 июля 1924 г., — зав. отделом МАЭ АН СССР (Ленинград, Университетская наб., 3) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 13 об.]. Она включилась в общественную деятельность: вступила в профсоюз работников просвещения, стала членом Радловского кружка при МАЭ (основанном в 1918 г.), Ленинградского общества изучения местного края [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 1]. 4 декабря 1924 г. была избрана сверхштатным научным сотрудником 1-го разряда НИИ сравнительной истории литературы и языков

¹⁰ Монзелер Георгий Оскарович (1900–1959) — российский востоковед, японовед, китаевед. Сотрудник МАЭ (1924–1934). Командирован в Китай (1926), участвовал в освободительной борьбе, начальник радиосвязи при китайском народном правительстве (при советнике Бородине) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 305].

Запада и Востока при ЛГУ [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 13 об.].

Оклад ученого хранителя МАЭ (15-й разряд) в 1925 г. составлял 150 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 5]; в 1926 г. Л.А. Мерварт как научный сотрудник 1-го разряда получала 130 руб. в месяц [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 2]. О ценах в Ленинграде того времени можно судить, например, по подробным дневникам К.И. Чуковского. Жить на эти деньги было трудно, но возможно, а вот снимать квартиру уже представлялось нереальным. Помогли коллеги по МАЭ и Академии наук.

Сначала Мерварты остановились у профессора Л.Я. Штернберга (7 линия В.О., дом 2/1, кв. 5). В октябре 1924 г. они переехали на отдельную квартиру [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 294] по адресу Университетская наб., 1–15 [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 7. Л. 29]. На заседании Правления АН СССР 4 октября 1926 г. рассматривалось заявление академика Е.Ф. Карского *«о настоящей необходимости предоставить квартиру из трех комнат в доме № 2 по Тучковой наб. ученому хранителю А.М. Мерварту с производением в этой квартире необходимого ремонта. Постановлено: Поручить Строительно-Ремонтному Отделению предоставить справку о необходимой работе»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 6. Л. 242].

Десятого сентября 1924 г. Правление РАН разрешило в возмещение расходов А.М. Мерварта по подготовке и транспорту собранных им индийских коллекций выписать ассигновку на сумму в 100 руб. из оставшихся 200 руб., отпущенных на нужды Музея по ученой части [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1924. Ед. хр. 25. Л. 108, 109].

3.3. Транспортировка коллекций в МАЭ

Первые собранные на Цейлоне экспонаты Мерварты отправили 14/27 июня 1914 г. пароходом Добровольного флота «Воронеж» (в отчете — «Кишинев» [Мерварт, Мерварт 1927: 3]). В коллекцию входило собрание театральных масок [СПбФ АРАН.

Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 197]. *«Она будет, и это иначе не может быть, довольно пестра, но начало сделано и теперь легче будет отдельные области постепенно дополнять»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 232].

По сведениям на 27 декабря 1914/9 января 1915 г., пароход «Воронеж» выгрузил груз в Александрии, но главное то, что в конносаменте, присланном в контору Добровольного флота в Петроград, этот груз вообще не был указан [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 19]. Г.Х. Мерварт телеграфировал в МАЭ 6 февраля 1915 г. из Мадурай, что отправлены пять ящиков, 25 оставлены в Коломбо [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70. Л. 5]. 18 апреля 1915 г. Л.Я. Штернберг обратился в Правление Добровольного флота: *«Музей обращается к Правлению Добровольного Флота с покорнейше просьбой отправить в Александрию телеграфное распоряжение о том, чтобы груз был передан в ведение Таможни и находился там в хранение от имени музея. Все расходы и платежи по перевозке, выгрузке и хранении в Александрии, равно как и расходы по телеграфному распоряжению, Музей берет на себя»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 122]. Одновременно директор МАЭ академик В.В. Радлов обратился в Императорское Российское консульство в Александрии: *«На пароходе “Воронеж”, который вследствие военных обстоятельств в июне 1914 г. выгрузился в Александрии, находились 4 ящика с этнографическими коллекциями из Коломбо, заадресованные во вверенный мне Музей. Ныне по распоряжению Добровольного Флота груз этот передан на хранение в “Египетские завозные склады”, находящиеся в ведении Таможни. Ввиду крайней научной ценности груза, покорнейше прошу Консульство принять в свою очередь меры по охране этого груза и по окончании войны отправить через “Добровольный Флот” в Одессу по адресу: Петроград, Императорская Академия Наук, Музей этнографии. Все расходы по хранению вещей в таможне и сдаче на пароход Музеем будут уплачены»* [Там же. Л. 123].

Агент Добровольного флота телеграфировал 30 ноября 1915 г. о предстоящей продаже с аукциона принадлежащих ИАН четы-

рех ящиков с этнографическими коллекциями по коносаменту за № 14, хранящихся на таможенных складах Александрии. Директор МАЭ просил 23 января 1916 г. директора-распорядителя Добровольного флота князя Маврокордато *«сделать зависящие от Вашего Сиятельства распоряжения, дабы означенные четыре ящика были отправлены в Порт-Саид агенту Добровольного Флота для хранения впредь до окончания военных действий»*, приложив проект этого письма [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 242 об., 243]. Вновь руководство МАЭ связывалось с Управлением агентов Добровольного флота в Одессе относительно индийской коллекции 21 и 22 апреля 1916 г. [Там же. Л. 309, 317], 21 июня 1916 г. [Там же. Л. 309]. Эти коллекции так и не были доставлены в МАЭ.

С началом Первой мировой войны Мерварты оказались в затруднительном положении относительно своей собирательской работы. Указания Г.Х. Мерварту по поводу работы в военный период выражены в письме Л.Я. Штернберга от 1 сентября 1914 г.

«Война, конечно, не особенно благоприятное обстоятельство для музейного дела уже по тому одному, что на прилив пожертвований трудно рассчитывать. Поэтому важно использовать нынешнюю командировку как можно продуктивнее. С этой точки зрения важно прежде всего как можно больше удлинить срок пребывания в Индии, не только потому, что это облегчает тяжесть накладных расходов по поездке и снаряжению, но и потому, что теперь в период войны Вы избегаете конкуренции туристов и при общем денежном застое можно делать сбор гораздо дешевле обыкновенного. Следуйте, при нынешних трудных обстоятельствах, мудрому принципу политической экономии — с наименьшими жертвами достичь наибольших результатов.

Ваше письмо и денежные отчеты получены, и читал с большим интересом, и буду надеяться, что и в Индии Вам удастся завязать такие же прочные связи, как на Цейлоне. — Слава Богу, Василий Васильевич [Радлов] отлично поправился и снова такой же жизнерадостный и энергичный, как был. В Музее все по-старому. Со всех сторон прибывают коллекции, уже и не знаем,

куда их класть. Ваши коллекции рекомендуем пока не посылать, а отдать на хранение либо в посольство или консулам, либо в надежный частный склад. В ближайшем заседании Вы будете представлены сверхштатным этнографом Музея, т.к. Министерство утвердило две новые должности сверхштатных этнографов, т.ч. теперь Вы инкорпорированы в постоянный штат Музея. Этим летом в санатории Либекса часто вспоминали вас и были очень благодарны в рекомендации санатория.

За сим желаю Вам и Людмиле Александровне здоровья и бодрости и вообще всего лучшего. Все в Музее шлют привет.

Л. Штернберг

Р.С. Еще хотел бы прибавить пару слов. Пусть война и ее служители не очень Вас смущают. Приспособиться к обстоятельствам в смете экономизирования, конечно, придется, но не впадайте в пессимизм: если понадобится пожертвовать в будущем году счет, мы постараемся выслать кое-что и из штатных сумм, т.ч. собирайте и собирайте! Пусть это будет Вашим девизом! И еще раз всего лучшего! Не будем с Вами выспрашивать о мировой жизни, ибо сами понимаем, что переходный период. Л. Штернберг» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 445–446].

Это письмо было отправлено отдельно и в переводе на английский [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 20–21]. Эти же указания Л.Я. Штернберг подтвердил в письме от 5/18 сентября 1914 г., также написанном по-английски: «Из моего детального письма, посланного на днях, Вы могли бы увидеть, что мы надеемся даже теперь, что у Вас более благоприятные условия составить коллекции по Цейлону, чем на континенте, более богатые и более дешевые. Мы надеемся, что деньги уже у Вас в руках и вы продолжите собирать, как и ранее» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 452]. 21 мая 1915 г. он вновь передает им наставление В.В. Радлова, который «просил меня сообщить Вам, что очень удовлетворен Вашим письмом и характером Вашей работы. Будучи весьма заинтересованным в собирании наиболее возможном, он убежден, что Вы согласитесь с этой точкой зрения, и со своей стороны сделает все возможное, чтобы

помочь Вам в денежном плане. Он будет пытаться предоставить Вам возможность продолжать собирать в течение следующего года» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 132]. Л.Я. Штернберг сообщил об отправке экспедиции С.М. Широкогорова, также на два года, в Маньчжурию.

В письме от 3/16 июня 1916 г., отправленном через чиновника МИД Н.П. Юдина в Императорское Российское консульство в Коломбо, Л.Я. Штернберг подбадривал Мервартов: *«Я Вам писал подробно и многократно телеграфировал. Вы жалуетесь, что Вас забывают и не поддерживают письмами. Я Вас должен приятно разочаровать в Вашем заблуждении. Мы даже слишком много думаем о Вас, всегда ломаем голову о деньгах и сочувственно следим за Вашей работой. Наоборот, Вы слишком мало верите в нас и падаете духом, т.к. Герман Христианович даже взял службу. Словом, впредь не будьте такими Фомами неверующими. Показывал Ваши письма С.Ф. Ольденбургу и Ф.И. Щербатскому. Они между прочим того мнения, что непроизводительно переводить те рукописи, о которых Герман Христианович писал. Сергей Федорович тоже того мнения, что если Вы еще не закончили в Южной Индии (а там кончать довольно трудно), то лучше бы задержаться. Впрочем, и Ф.И. Щербатской несколько иного мнения. С нетерпением ждем копии наших списков предметов, которые нам нужны и для ориентировки относительно характера сборов, и для представления Академии и Попечительному Совету (в интересах воздействия в отношении средств на дальнейшее). <...> Открытые листы давным-давно высланы»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 348–349].

В 1918 г., 15 апреля, директор МАЭ академик В.В. Радлов представил в Историко-филологическое отделение РАН справку, что в последнее время заканчивают свои работы научные экспедиции МАЭ — одна «под началом Г.Х. Мерварта» работает в Индии, другая — С.М. Широкогорова — в Северной Маньчжурии с весны 1914 г. Первая «успела собрать огромную коллекцию (свыше 250 ящичков) и обширный научный материал, который лежит в разных местах. По окончании войны благополучный вывоз его

из Индии возможен только при доставке лично и членов экспедиции. Кроме того, целый ряд предметов (модели и слепки) заказаны в самых различных местах, за них дан залог и их необходимо еще собрать, и к тому же крайне важно собрать хотя бы самые необходимые дополнения. Перерыв и прекращение работ экспедиции и немедленное возвращение ее членов в Россию привело бы к гибели всего собранного материала. Что касается размеров требующихся хотя бы минимальных расходов по экспедиции, то на основании опыта прежних лет потребуется на содержание участников экспедиции 700 фунтов (6000 руб.) и 800 фунтов (8000 руб.) на уплату по заказам и долгам прошлого года, т.к. за последние 9 месяцев экспедиция ничего не получала». Таким образом, на завершение обеих экспедиций потребуется в английской валюте 1900 фунтов стерлингов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 87–91].

В письме, с оказией отправленном из Владивостока 19 июня 1920 г., Мерварты информировали МАЭ, что им пришлось сдать «на хранение в Индии (музеи Мадраса, Калькутты и склад чайной фирмы “Бубкин, Кузнецов и т.”, в Коломбо) 200 ящиков коллекций, которые не могли взять с собой за отсутствием средств» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 54]. Только «11 ящиков добыли оттуда. Принимаем меры для доставки коллекций в Россию. Желательно было бы знать, куда прикажете их везти, в Одессу, Петроград или Владивосток. Коллекции ценные, и среди них много материала, который легко портится от жары и влаги» [Там же. Л. 52–53 об.]. Как только восстановится привычное сообщение между Петроградом и Владивостоком и когда опять возможно будет возобновить работу в Музее, «то лучше всего было бы дать нам командировку и средства для доставления морским путем наших коллекций в Россию. Мы тогда поедем отсюда в Индию, погрузим коллекции и поедем в Россию» [Там же. Л. 52–53 об.].

Еще в одном письме, 20 июня 1920 г., А.М. Мерварт предполагал, что возможно «через здешний новый университет добиться средств, чтобы хоть на время доставить коллекции, собранные нами в Индии, сюда. Но это очень гадательно и в то же время

нежелательно, потому что, тратя деньги на доставку коллекций во Владивосток, университет приобретет некоторое, хотя бы моральное право на пользование этими коллекциями и употребления. Если это временно, то против этого ничего нельзя иметь, но такое временное расположение имеет легко тенденцию стать постоянным» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 56 об., 57]. Для возвращения в Россию семьи, в которой был уже ребенок, необходимы деньги, документы, бесплатный проезд по маршруту Владивосток — Одесса или в Петроград, минимум 600 фунтов стерлингов. А.М. Мерварт позднее вспоминал: «Комиссариат по Иностранным Делах, узнав о моем существовании здесь, послал через Уполномоченного Советского Правительства телеграмму, где мне предлагается немедленно, т.е. при первой возможности, выехать в Москву» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 57 об., 58].

Сотрудник Азиатского музея ИАН В.А. Иванов, застрявший в Калькутте, 25 мая 1921 г. отправил письмо старшему ученому хранителю МАЭ РАН, узнав, что открылось почтовое сообщение с Россией через Лондон: «Как мне сообщили в Калькуттском *The Indian Museum*, там находятся депозитированные г-ном Мервартом коллекции, принадлежащие Вашему Музею. Я объяснил, что в настоящее время пересылка их в Россию крайне затруднительна, но что я могу напомнить письмом (в надежде, конечно, что оно дойдет до Вас)» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1921. Ед. хр. 17. Л. 5–5 об.].

Директор *Government Museum* в Мадрасе 17 июня 1922 г. обратился в МАЭ «в связи с ящиками, содержащими этнографические коллекции, которые хранятся в этом Музее по просьбе д-ра Г. Мерварта для Вашего учреждения. Хотя они были сложены здесь около пяти лет назад, они до сих пор не были востребованы. Поскольку местонахождение д-ра Мерварта неизвестно и так как он проинструктировал, что ящики могут быть доставлены всякому, кого Ваш Музей уполномочит взять поставку, я вынужден просить Вас сделать любезность организовать так, чтобы ящики были перемещены как можно скорее.

Могу добавить, что ящики и их содержимое быстро уничтожаются белыми муравьями¹¹, и наиболее желательно, чтобы их осмотрели и немедленно увезли» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1922. Ед. хр. 170. Л. 220]. Суперинтендант мадрасского Государственного музея 8 ноября 1922 г. вновь просил ускорить изъятие этих коллекций из его ведения и предупреждал, что перед отправкой они нуждаются в пересмотре компетентным лицом [Там же. Л. 236].

Составляя смету по возвращению экспедиции, 21 декабря 1922 г. директор МАЭ учитывал, что «той же опасности подвергаются части коллекций, хранящиеся на Цейлоне. Наконец, в Порт-Саиде застряли во время войны несколько ящиков с ценными коллекциями, высланные на адрес музея. В общей сложности коллекции, собранные экспедицией, количественно и качественно представляют совершенно исключительную ценность и в научном, и музейном отношении и совершенно недопустимо, чтобы эти коллекции, уж не говоря об огромных средствах и усилиях, потраченных на их добывание, пропали для России, для науки» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1922. Ед. хр. 5. Л. 12].

Совет МАЭ 16 мая 1921 г. для исполнения специальных поручений научного характера избрал К.И. Савича научным сотрудником без содержания, чтобы командировать его во Владивосток для вывоза оттуда коллекций, принадлежащих РАН, собранных в Индии хранителем Музея А.М. Мервартом [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1921. Ед. хр. 169. Л. 26, 29]. Академик Ф.И. Щербатской, командированный в Лондон в декабре 1921 г., добился согласия английского правительства «оказать содействие к эвакуации коллекций, но для перепаковки коллекций и безопасной транспортировки их необходимо личное участие гг. Мервартов» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1921. Ед. хр. 17. Л. 10–10 об.]. 29 ноября 1921 г. было выписано удостоверение № 268 (на французском языке) Ф.И. Щербатскому, уполномочи-

¹¹ Термиты (лат. *Isoptera*, белые муравьи) — инфраотряд общественных насекомых с неполным превращением.

вающее его получить для МАЭ ящики А. Мерварта в Калькутте, Коломбо, Мадрасе и Александрии [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1921. Ед. хр. 17. Л. 8].

Коллекции, собранные в Южной Азии, возвращались в МАЭ тремя партиями. Первыми удалось вывезти ящики, хранившиеся в Indian Museum в Калькутте.

Двенадцатого июня 1923 г. с Гутуевской таможни доставлена в МАЭ прибывшая из Лондона на пароходе «Синус» часть индийских коллекций, собранных Мервартами, в количестве 71 ящик. *«Означенный груз сложен в одной из комнат второго этажа левого крыла здания бывшей библиотеки РАН. Из всего состава ящиков 17 досмотрено Таможней на месте, досмотр же остальных произведен в их нынешнем местонахождении 14–16 апреля с.г. К разборке коллекции и подготовке ее к выставлению будет приступлено немедленно после снятия пломб с помещения, что ожидается к ближайшему времени»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 60]. Академик-секретарь доложил ИФО РАН 5 сентября 1923 г., что в МАЭ произведена предварительная разборка коллекций, составлены описи, краткая характеристика коллекции [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1923. Ед. хр. 172. Л. 217об.].

В 1923 г., 26 июля, был завершен *«Отчет о работе по распаковке, учету и регистрации прибывавших из Индии для МАЭ 71 ящиков с коллекциями и книгами, весом брутто в 280 пудов»*.

«Прибывшие коллекции собраны по командировке МАЭ РАН супругами Мерварт, отправившимися в Индию весной 1914 г. и прожившими там до весны 1918 г., когда они, не имея возможности вернуться в Петроград вследствие блокады и отсутствия средств, вынуждены были уехать во Владивосток, оставив коллекции на попечение посторонних лиц и учреждений».

Полученные 71 ящик с коллекциями и книгами были свезены Мервартами из разных мест Индии в Калькутту, где они хранились в подвалах Калькуттского Музея. Остальные коллекции хранились в Мадрасе, Коломбо, Порт-Саиде и др. местах. После двух лет хлопот старшего этнографа Музея Л.Я. Штернберга

ныне полученные коллекции были привезены наконец в Лондон, где они были перегружены на советский пароход и прибыли в Петроград 12 июня с.г., причем 15 ящиков без предупреждения АН были немедленно вскрыты, как “актовые”, т.е. как прибывшие с повреждениями. Благодаря ходатайству АН ввиду настойчивых энергичных хлопот В.Г. Богораза¹² удалось добиться того, что коллекции были доставлены безвозмездно на 6 подводах в Музей и там же произведен таможенный и цензурный осмотр, продолжавшийся три дня сряду, с утра до 4–5 час. В субботу, 7-го июля с.г., таможенные печати были наконец сняты, и с понедельника 9 июля мною было приступлено к работе по распаковке, очистке от упаковочного балласта, учету и регистрации коллекций. В этой работе деятельное участие принимал Б.Н. Вишневский (2 дня) и А.Б. Пиотровский (7 дней).

Прежде всего были выделены и отправлены по назначению два ящика с книгами по адресу АН, прибывшие вместе с ящиками музейными. Затем были перенесены в библиотеку МАЭ ящики с книгами, негативами, многочисленными изображениями и т.п. По произведенному библиотекарями Музея подсчету книг оказалось 600. Если принять во внимание, что, как видно из писем Мервартов, посланных во время экспедиции, книги собирались планомерно, со знанием дела и с любовью к избранной дисциплине, можно с чувством удовлетворения сказать, что Музей приобрел богатейшее собрание книг по этнологии Индии. Что касается негативов, пленок, рисунков и пр., то им в ближайшем будущем также будет произведен учет.

Прибывшие 71 ящик составляют около 1/3 всего собранного экспедицией Мервартов и составляют 2194 этнографических предмета, не считая книг, негативов и т.п. Ввиду того, что экс-

¹² Богораз Владимир Германович (1865–1936) — революционер, этнограф, писатель, лингвист. Участник нескольких экспедиций на северо-востоке Азии. Сотрудник МАЭ (с 1918 — зав. отделом Южной Америки), создатель Института народов Севера, первый директор Музея истории религии (1932).

педиция эта совпала с эпохой мировой войны и революции и потому многие письма, отчеты и материалы не дошли до Музея, то пришлось отказаться пока от обычного принятого в Музее способа классификации предметов по географическим областям, народам и характеру и назначению предметов, за отсутствием точных данных. Поэтому впредь до приезда самих собирателей или до получения от них точных данных и указаний я сочла¹³ наиболее целесообразным следующий способ учета и временной регистрации. Все ящики с коллекциями перенумерованы в числовом порядке; все предметы данного ящика тоже перенумерованы. Номер ящиков, соответствующих обычно принятому порядковому номеру постоянной коллекции и предметным номерам в числовом порядке, начиная от № 1. Составленный параллельно временно список-перечень предметов данного ящика показывает как состав коллекции, так и количество предметов в ней. По окончании регистрации каждая коллекция, с исключением некоторых наиболее ценных вещей, помещенных в шкаф, обратно укладывалась в ящик. Это вызвано было также теснотой отведенного под индийские коллекции помещения. Не вынимались из ящиков, а лишь регистрировались, лишь хрупкие большие гипсовые фигуры, из опасения, чтобы они не разбились.

Состав коллекции весьма разнообразен, и при составленных пояснениях собрания эти могут дать яркую картину быта и культа обследованных народностей. Пока ограничусь лишь указаниями некоторых отдельных групп предметов и их числа, более или менее точного.

1) Идолы в виде бюстов, в одежде и без одежды, колонна с фигурами (1 в 2 м высотой) и т.п., в т.ч. гипсовые фигуры Будды, идолы бронзовые и т.п. — 37.

2) Крупные модели храмов, зданий, мастерской, свайных построек, селений, божеств из гипса и глины, часть из дерева и т.п. — 20.

¹³ Из контекста неясно, кто из сотрудников МАЭ составил данный отчет.

3) Музыкальные инструменты самых разнообразных форм и видов — струнные, духовые, ударные (гонги, барабаны, пр.) — 59.

4) Предметы одежды, рубахи, штаны, платья и шали — из бумажной, шерстяной и шелковой ткани, платки расшитые, войлочные, ковры (11) — 110.

5) Головные уборы, пестрые, расшитые, есть и соломенные — 28.

6) Металлические (медные, латунные, бронзовые и др.) сосуды, чаши, светильники и пр., культурно-бытового значения; в т.ч. 9 самоваров-чайников с тисненым узором, из которых несколько очень больших и тяжеловесных (один около метра высотой); некоторые с инкрустациями или стилизациями — 108.

7) Оружие: луки, стрелы (много, судя по украшениям, церемониальных), секиры и т.п., а также 9 панцирей, из которых несколько весьма больших размеров и очень своеобразного типа — 109.

8) Украшения: ожерелья, серьги, перстни, запястья, браслеты ножные (много массивных ножных поножей с побрякушками) и ручных, запястья, бусы и т.п. из металла, цветных камней, бисера, разноцветного стекла, фарфора и т.п. — 422.

9) Образцы шитого орнамента по ткани с туземными названиями каждого — более 300.

10) Штампы для орнамента, для набивных материй — предметы, самых разнообразных видов, по-видимому, дублиеты отсутствуют — 280.

11) Керамика: глиняные горшки с орнаментом и без орнамента, кувшины, горшки, неподвижно вделанные в своеобразные корзинки, фаянсовые изразцы (13 шт.) с интересным орнаментом, тарелочки, чаши и т.п.

12) Корзины, плетенные из соломы, пальмовых листьев и т.п., некоторые разноцветные с крышкой — 38.

13) Образцы резьбы по дереву, ажурные и рельефные; между прочим, 7 или 8 больших шкатулок с рельефным изображением дракона и пр.

14) Мелкие фигурки гипсовые или металлические, бытового и культового значения: типы народов, типы профессий, боже-

ства и т.п., не считая множества фигур при моделях храмов и пр. — 74.

15) Модели мелкие горшков, мебели, повозок, фруктов и т.п. Очень интересна прекрасно выполненная коллекция (14 пр.) лодок и лодок-домов с моделями внутри обстановки.

16) Игрушки и игры: куклы, волчки и т.п. (очень много из дерева, глины, меди и пр.).

17) Обувь: сандалии и туфли деревянные, соломенные и т.п., есть и обрядовые, например соломенные туфли невесты, в которых она является в дом жениха.

18) Орудия: ткацкий станок в натуральную величину с начатой тканью, ступки, жернова, ножи, пилы и пр.

19) Веера, маски (деревянные и глиняные) и многое другое.

В общем, против ожидания, коллекции прибыли в сравнительно хорошем состоянии, надо думать, благодаря тому отчасти, что ящики изнутри обиты были цинковыми листами, и белые муравьи почти не проникали в них. Большие пострадали предметы ломкие, глиняные и гипсовые. Всего сильно поврежденных вещей 22, а именно: 14 горшков, из которых многие легко реставрируются, и 2 фигуры (разбиты головы), повреждены сильно 6 предметов шерстяной одежды. Пострадали также мелкие части из некоторых моделей зданий и пр., и еще кой-какие предметы из шерстяной одежды, но слабо. Таким образом, процент погибших объектов ничтожный и может по реставрации быть сведен к нулю.

Работа по учету и регистрации закончена во вторник 24.07, и помещение, где коллекции хранятся, опечатаны музейной печатью» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 81–84].

Эта часть коллекции, собранной Мервартами в Индии, поступившая в МАЭ в 1923 г., включала 2179 предметов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 11].

Затем организационные усилия Академии наук были направлены на то, чтобы собрать ящики, хранившиеся в других портах Азии.

Отдел англо-саксонских и романских стран отдела Запада Народного комиссариата иностранных дел РСФСР 26 июля 1923 г.

№ 3А/620 в связи с ведущейся перепиской о возвращении Академии наук этнографических коллекций, собранных Мервартами, срочно запросил у МАЭ и Уполномоченного НКВД в Петрограде засвидетельствованные копии документов, устанавливающих, что ящики, хранящиеся в Бомбее, Мадрасе, Калькутте, Коломбо, Александрии и Порт-Саиде, являются частями коллекции Мервартов и принадлежат РАН, а также просил указать количество ящиков и названия учреждений, коим ящики сданы на хранение [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 125]. 31 июля 1923 г. в Москву был отправлен ответ:

«1) Одна часть коллекций, имеющихся храниться в Калькутте, в качестве 71 ящика, через посредство представительства СССР, уже получена Музеем; что касается остальных частей коллекций, то они хранятся в следующих пунктах: 2) в Government Museum в г. Мадрас, в Индии, до 100 ящиков (прилагается копия письма директора Мадрасского Музея). 3) в Коломбо, на о. Цейлон, в складах чайной фирмы Губкина, Кузнецова (переведены зав. фирмой г. Титову, письмо г. Мерварта от 18 сентября 1917 г.). 4) в Порт-Саиде в Таможне — 4 ящика, доставленные на пароходе Добровольного Флота “Воронеж” в 1914 г. (копия отношения Добровольного Флота). Возможно, что они пересланы в Александрию. Управляющему СТО на пароходе “Декабрист” т. Красинскому, отправленному на Дальний Восток, даны полномочия по получению и доставке упомянутых коллекций. При сем прилагаются: 1) копия письма директора Мадрасского Музея и 2) копия отношения Добровольного Флота от 22 сентября 1916 г. за № 3857. Директор Музея Карский. Секретарь Дудин» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 88–88 об.]»

Попавшие в 1914 г. в Порт-Саид ящики с цейлонскими коллекциями так и не были обнаружены. Вероятно, они были проданы, после того как Академия наук перестала платить за их хранение после революции 1917 г.

В ответ на отношение от 23 августа 1923 г. № 201 МАЭ РАН сообщил, что «коллекции из Калькутты уже получены, а храня-

щиеся в Мадрасе, как видно из прилагаемой копии письма директора Мадрасского музея, уже переданы 2-му Красинскому. Что касается копии письма Мерварта, то оригинал его передан как документ т. Красинскому, а потому Музей сообщает выписку из письма касательно места хранения коллекции: 23 сентября 1927 г. около 100 ящичков находятся в Indian Museum в Мадрасе, 25 ящичков в Складе Чайной фирмы “Губкин, Кузнецов”, Коломбо» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 99].

Уполномоченный Наркомпути Г.Д. Красинский, командированный на Дальний Восток на пароходе «Декабрист», был уполномочен «МАЭ при РАН получить в Коломбо 26 ящичков с этнографическими коллекциями, собранными д-ром Мервартом в 1914 г. и оставленными на хранение у фирмы “Кузнецов, Губкин и Ко”. Музей вместе с тем выражает свою глубочайшую признательность представителям фирмы и в, частности, управляющему ее делами г. Титову за их просветительное содействие русской науке в лице АН и ее МАЭ» (6 июня 1923 г. он получил доверенность на английском языке на бланке МАЭ) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 44, 51].

В сентябре 1923 г. Г.Д. Красинский, «которому поручено было получить коллекции Музея, хранящиеся в Мадрасе, Коломбо и Японии, сообщает в письме на имя С.Ф. Ольденбурга и Л.Я. Штернберга, что в первых двух пунктах ему удалось получить коллекции, тщательно их перепаковать и вывезти их в Сингапур, где они сданы на хранение и застрахованы. На обратном пути из Владивостока их заберет и доставит в Петроград русский пароход “Декабрист”. Что касается коллекций, хранящихся в Японии, Красинский сообщает, что к концу августа он должен был быть в Японии и озаботиться об их получении. Сообщая об этом, Музей считает справедливым, чтобы Конференция осведомила Комиссариат Просвещения, Внешторг и Комиссариат Иностранных дел о громадной услуге, бескорыстно оказанной т. Красинским спасением для науки с таким трудом и усилиями собранных ценных коллекций и выразить ему через эти учреждения свою признательность за понесенные им большие

труды и проявленную им чрезвычайную энергию и настойчивость при исполнении возложенного на него поручения. Что касается произведенных им и связанных с возложенным на него поручением расходов, просить Комиссариат Просвещения о скорейшем возмещении их по представлению Красинским окончательного расчета» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 106–106 об.]. Наркомпрос РСФСР, АкадемЦентр Главного управления научных учреждений (Главнаука) 11 октября 1923 г. № 8367 на отношении РАН № 1859 от 28 сентября 1923 г. сообщает, «что возмещение расходов по доставке коллекций Г.Д. Красинскому должно быть произведено из средств, отпускаемых Академии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 218].

Двадцатого октября 1923 г. Народный комиссариат внешней торговли № 6582/219433 сообщил Петроградской портовой таможне, что «на прибывающем в ближайшее время в Петроград из Владивостока пароходе “Декабрист” находятся: а) 92 места этнографических коллекций; б) 14 мест чайных коллекций, собранных в 1917–1918 гг. экспедицией Временного Правительства. Сообщаем об этом, и, руководствуясь Постановлением СНК от 15 марта 1922 г., Таможенное Управление предлагает Петроградской Портовой Таможне указанный выше груз выпустить АН бесплатно» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 278].

Итак, коллекции были доставлены и даже освобождены от таможенной пошлины. Эти 120 ящиков с коллекциями из Дальнего Востока было некуда выгрузить. Ввиду крупного объема ящиков размещение их требовало обширного помещения, где возможно было бы их вскрыть для таможенного осмотра. Единственным пригодным помещением был большой зал второго этажа Русского отделения Библиотеки Академии наук, который в то время был свободен [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 119]. Директор Библиотеки Н.К. Никольский 29 октября 1923 г. разрешил предоставить просимое помещение [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 232]. Поскольку в зале оставалась еще часть книг, не перевезенных в новое здание, а также

имущество Библиотеки в виде шкафов, электрических приборов и прочего, было поставлено условие, «чтобы эти коллекции после их таможенного осмотра оставались бы опять в ящиках и чтобы доступ к ним был в присутствии лишь представителя библиотечной администрации» [Там же. Л. 276]. Но, когда 30 октября 1923 г. в МАЭ были доставлены эти 120 ящиков, выяснилось, что «Музей в его старом здании не располагает необходимым помещением, помещение же, отводимое для этой цели администрацией Библиотеки РАН в новом здании, недостаточно по площади и узости дверей, Музей просит Правление сделать зависящее распоряжение о предоставлении ему двухсветного зала первого Отделения Библиотеки. При этом Музей необходимым считает объяснить, что возьмет на себя исполнение всех возможных для него условий, какие администрация Библиотеки ему доставит, для совместного пользования этим залом, буде такое неизбежно» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 118]. Это было разрешено делать, но в присутствии сотрудников Библиотеки [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1923. Ед. хр. 19. Л. 100]. 7 января 1924 г. хозяйств выделила дрова «для отопления двух прилегающих в здании Музея комнат, чтобы дать возможность сотрудникам Музея разобрать и составлять опись второй партии коллекций А.М. Мерварта» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 6].

На заседании Общего собрания РАН № 8 3 ноября 1923 г. и.о. Непременного секретаря академик А.Е. Ферсман доложил, что «собранные в Индии сотрудником МАЭ Мерварт этнографические коллекции, хранившиеся с 1914 г. в Мадрасе, Коломбо и Шанхае, вывезены, благодаря усилиям Уполномоченного Наркомпути г. Красинского, из-за границы и доставлены в Петроград, причем г. Красинский выполнял это поручение РАН и, не располагая нужными на указанный предмет кредитами, вынужден был позаимствовать на означенную цель 310 ф. ст. у посторонних учреждений, каковым вышеупомянутая сумма и должна быть возвращена. Положено: 1) благодарить г. Красинского за бескорыстное выполнение им поручения АН по доставлению в Россию

ценных в научном отношении коллекций; 2) просить Правление внести в смету 1923–1924 гг. 310 ф. ст. на указанные выше надобности» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1923. Ед. хр. 172. Л. 29 об.]. Непременный секретарь 1.11.1923 ходатайствовал о включении в Юбилейный кредит 1924 г. и об отпуске в срочном порядке 310 фунтов стерлингов для уплаты расходов по доставке коллекций, собранных учеными хранителями МАЭ в Индии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 239].

Г.Д. Красинский потратил на вызволение коллекций много энергии и усилий, «испытывав при этом от индийских властей целый ряд неприятностей вплоть до ареста в качестве опасного гражданина». ИФО РАН и Главнаука обратились в Наркоминдел «о выяснении причин недоброжелательного отношения Британских Колониальных властей к Г.Д. Красинскому при выполнении им научного поручения РАН. Желательно самостоятельно осведомиться об этом со стороны РАН» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173. Л. 179].

Г.Д. Красинский вывез все российские коллекции, которые мог выявить, в том числе чайную коллекцию из Шанхая, что стало для АН неожиданностью. 10 ноября 1923 г. на запрос Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции за № 7605 в Канцелярию РАН в ответе № 440 МАЭ сообщал:

«1) Запрос касается коллекций, добытых г. Красинским по собственной инициативе в Шанхае и направленных им в адрес Академии ввиду того, что собрана она научной экспедицией и включает в себе образцы всего того, что касается культуры чая. Коллекция эта может иметь, судя по этикеткам, большое значение для развития чайной культуры на Кавказе и в Крыму, помимо того, что коллекция эта может иметь значение и чисто научное для ботанических исследований.

2) Так как коллекция эта в Академии еще не получена и, следовательно, ознакомиться детально с ней не удалось, то дать полную оценку ее научного значения сейчас невозможно.

3) Коллекция эта собрана научной экспедицией, состоящей, по-видимому, из ученых фармакологов, командированных Мини-

стерством Торговли или Финансов. Никаких сведений, кроме предположений, об этой экспедиции не имеется.

4) Коллекция эта, как видно из предыдущего, должна считаться собственностью СССР, а какому ведомству она должна быть передана, это решится по получении и рассмотрении коллекции.

5) Г.Д. Красинский — уполномоченный по рейсу “Декабриста” на Дальнем Востоке, который, по просьбе АН принял на себя выручить и доставить в Петроград ценные этнографические коллекции, собранные экспедициями АН в 1914–1918 гг. в Индии, каковое поручение он добросовестно и бескорыстно выполнил» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 192. Ед. хр. 3. Л. 123–123 об.].

Для получения этих 14 ящиков коллекций, прибывших на пароходе «Декабрист» в октябре 1923 г. вместе с коллекциями Мервартов из Индии и предоставленных в распоряжение РАН 24 марта 1924 г., необходимо было уплатить 30 руб. золотом за полевое. Коллекции не были своевременно получены за отсутствием средств на выкуп. «Ныне все пошлины и акцизы сняты, а задержка в получении произошла не по вине Музея, а по случаю заболевания М.М. Гранстрема. Документы на 14 ящиков с коллекциями, прибывшими на пароходе “Декабрист” с коллекциями А.М. Мерварта: 1) квитанция № 2168 Сухопутной таможни на 8 руб. 41 коп.; 2) счет № 1372 Добровольного Флота на 8 руб. 70 коп. 3) счет И.Н. Субоча на доставку в МАЭ 7 руб. 50 коп.; 4) счет его же за проезд на трамвае 42 коп. Итого 25 руб. 03 коп. золотом» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1924. Ед. хр. 25. Л. 15, 17]. Оплата осуществлена из остатков Ученого кредита.

Директор МАЭ РАН академик Е.Ф. Карский 7 апреля 1924 г. уведомил неперменного секретаря РАН: Канцелярией Конференции РАН 27 октября 1923 г. за № 2178 председателю Чаеуправления¹⁴ т. Савичеву была отправлена бумага следующего содержания: «Вследствие полученного сообщения о прибытии вывезенных

¹⁴ Государственный чайный, кофейный и цикорийный трест (Чаеуправление) ВСНХ СССР (1923–1926).

т. Красинским из Коломбо, Мадраса и Шанхая этнографических коллекций МАЭ, РАН сообщает, что ею возбуждено ходатайство об отпуске кредита на уплату 300 фунтов стерлингов, занятых т. Красинским на доставку указанных выше коллекций у Чаеуправления, каковая сумма и будет Вам внесена немедленно по ее получении». Как видно из этого, РАН признала за собою долг в сумме 300 фунтов стерлингов и возбудила ходатайство об отпуске кредита на его погашение перед Центральным управлением. В этом, по мнению МАЭ, заключался единственный путь для погашения упомянутого долга как выходящего за пределы сметы. Ввиду того, что Чаеуправление в том же отношении сообщает, что оно «более заинтересовано оформлением своей отчетности, чем сущностью настоящего дела, МАЭ полагает желаемым выразить признательность Чаеуправлению за такое его просвещенное отношение к нуждам Академии. Отношение Чаеуправления за № 3966 при сем возвращается» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 51]. 9 апреля 1924 г. Чаеуправление просило РАН о возмещении ему долга по перевозке индийских коллекций для МАЭ, переписку по делу передали в Правление РАН для выяснения возможных способов оплаты [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173. Л. 189].

Двенадцатого апреля 1924 г. состоялся досмотр 14 ящиков «Чайной коллекции», сложенной после доставки из таможни в зале 2-го этажа 1-го отделения Библиотеки РАН. Ящики не имели повреждений, но по брутто — везде недостача. Имелся чай байховый в больших и малых жестянках, книги, альбомы, банки пустые, чайные сита, чай кирпичный, плиточный, склянка с водкой в деревянном футляре, книги по чайному и кофейному производству на иностранных языках, медицинские препараты, образцы кофе в бумажных свертках. Всего чая байхового в разной укупорке 585 мест 11 пудов 29,5 фунта, чая кирпичного 27 мест 2 пуда 3,5 фунта. Чай и образцы кофе сложены в десяти ящиках, обвязаны шнуром и опечатаны. Ящик с книгами и сита оставлены открытыми [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 121–122]. Недоумение таможенников

вызвала бутылка индийского арака весом 1 фунт 35 золотников. 14 апреля 1924 г. директор МАЭ РАН удостоверял, что она прибыла в составе 14 ящиков чайной коллекции и предназначена для научных целей [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 8]. О результатах разборки этой партии индийских коллекций было доложено 19 апреля 1924 г. в Историко-филологическом отделении РАН [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 56].

24 апреля 1924 г. Президиум РАН разрешил 1) уплатить 130 фунтов стерлингов Государственному Балтийскому пароходству за перевозку индийской коллекции для МАЭ, из них 20 фунтов стерлингов за провоз и 110 выдано Красинскому; 2) о задолженности АН 200 фунтов стерлингов Государственному тресту «Чаеуправление», взятых уполномоченным Наркомпути Г.Д. Красинским за провоз во Владивосток для перевозки ящиков с теми же коллекциями. Постановили: включить в смету 1923/24 гг. на Юбилейный кредит. Там есть статья *«на перевозку этнографической коллекции Мерварта, вывезенной по поручению Академии из Бомбея, Мадраса и др. городов тов. Красинским на пароходе “Декабрист” (100 ящ.) испрашивается 2000 руб.»* Поручить администрации МАЭ вступить в переговоры по урегулированию вопроса, причем ввиду отсутствия предусмотренного для сего у РАН кредита разрешить предоставить в счет уплаты около 10 пудов чая [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 146].

Последнюю часть коллекции Мервартов предстояло вывезти из Владивостока.

В июле 1923 г. директор МАЭ уполномочил ректора Государственного Дальневосточного университета (далее — ГДУ¹⁵) во Владивостоке В.И. Огородникова *«получить хранящиеся у Научно-Технического Общества в Благовещенске ящики с этногра-*

¹⁵ Государственный Дальневосточный университет создан в г. Владивостоке в 1920 г. на базе Восточного института. Ныне — Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ).

фическими и археологическими коллекциями, собранные экспедициями Музея Антропологии и Этнографии Российской Академии Наук, и переслать их на пароходе “Декабрист” в Петроград по адресу Российской Академии Наук, Музей Антропологии и Этнографии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 72]. 17 сентября 1923 г. тот сообщил, что обследовал коллекции, принадлежащие Академии наук, в Городском музее г. Благовещенска на-Амуре — коллекцию С.М. Широкогорова (по поручению Л.Я. Штернберга), и что в здании университета хранятся шесть ящиков индийских коллекций, собранных супругами Мервартами. «Лично я узнал об этом имуществе Академии наук на днях, в связи с учетом всего имущества Университета, находящегося до сих пор в разных местах г. Владивостока. О состоянии этой коллекции и о возможности скорейшей доставки ее в Петроград я сообщу Вам в ближайшее время» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 206–207]. Директор МАЭ просил принять меры по дальнейшей охране коллекций до того времени, когда Музей получит возможность принять их для доставки в Петроград [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 113].

Ректор ГДУ проф. В.И. Огородников в дополнение к письмам в МАЭ от 17 сентября и 15 ноября 1923 г. подробно уведомил Конференцию РАН 12 декабря 1923 г. «о собрании индийских предметов, составленном бывшим преподавателем ДВУ А.М. Мервартом и в настоящее время хранящемся в здании Университета (в 8–12 ящиках)».

«Упомянутый гр. Мерварт поспешно покинул Владивосток осенью 1922 г., незадолго до эвакуации города белыми и японскими войсками, и переехал в Харбин, где, по частным сведениям, он проживает и поныне, находясь на службе в Русско-Азиатском банке. Поэтому я не могу сказать определенно, все ли хранящееся в Университете составляет собственность Академии наук, или же часть предметов, входящих в индийское собрание, принадлежит лично гр. Мерварту. Равным образом, у меня нет также определенных сведений и о том, вошли ли в названную коллекцию все предметы, собранные гр. Мервартом во время его поездки в Индию, или же

хранящиеся в Университете ящики заключают в себе только часть большой индийской коллекции, подлежащей пересылке в Академию наук.

Собственно, предметы коллекции сложены в 8 ящиках, общим весом до 30 пуд. Все ящики, за исключением одного (с глиняными статуэтками), по словам зав. Хозяйством Университета, были вскрыты самим гр-м Мервартом незадолго до его отъезда из Владивостока и в таком виде, прикрытые сверху кипами газетной бумаги, оставлены им в одной из университетских кладовых, где и были обнаружены в августе сего года. Тогда же вр.и.о. Ректора Университета проф. А.В. Гребениковым был произведен первый беглый осмотр содержащихся в них предметов, о чем я и сообщил в конце своего письма, адресованного в МАЭ. Кроме того, имеется еще 4 ящика книг и рукописей весом до 25 пудов.

На днях я, старший химик Минералогической Лаборатории Академии наук К.А. Ненадкевич, и зав. Хозяйством Университета произвели вторичный осмотр всех ящиков, оставленных гр. Мервартом. 1 ящик занят национальными индийскими музыкальными инструментами, частью духовными, но преимущественно струнными (тип домры), причем корпуса самих инструментов оказались целыми (по крайней мере при поверхностном осмотре), струны же у некоторых из них порваны. В двух следующих ящиках хранятся деревянные доски-пластины, каждая размером около 1 кв. фута, с вырезанными на них своеобразными узорами (горельеф). Большинство этих досок-пластин обернуто в тонкую бересту, каждая отдельно. Точное назначение этих предметов неизвестно; предположительно же их можно считать филёнками для украшения стен комнаты либо храма, или же внешних стенок гробницы. Два следующих ящика заняты глиняными раскрашенными статуэтками. Так как один из этих ящиков прекрасно упакован, то мы не вскрывали его. Статуэтки, осмотренные нами, имеют размер до 1 четверти длины и изображают мужчин и женщин кавказского типа, в пестрых костюмах, а женские фигуры, кроме того, со сложными головными уборами. Некоторые

статуэтки представляют собою, по-видимому, изображения божеств. Наконец, в трех последних ящиках сложены предметы домашнего обихода, как то: разноцветная одежда, седло и домашняя посуда, частью глиняная, но преимущественно медная. Что касается четырех ящиков с книгами и рукописями, то они, по частным непроверенным сведениям, являются, по-видимому, личной собственностью г-р. Мерварта. Все ящики в хорошем состоянии, причем некоторые из них внутри выложены тонкою белою жестию; предметы же коллекции переложены соломой и другими упаковочными материалами. Никакой описи коллекции не имеется.

Для точного установления принадлежности индийской коллекции (частично или целиком) Академии наук, Конференции ее или же МАЭ необходимо обратиться за соответствующими разъяснениями к самому г-р. Мерварту. Перевозку коллекции из Владивостока в Петроград можно произвести на одном из пароходов Добровольного Флота» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4. Л. 265–266].

В 1923 г., 24 декабря, руководство РАН выразило ректору Государственного Дальневосточного университета В.И. Огородникову благодарность за сведения и хлопоты по осмотру и хранению коллекций. «Они — результат командировки А.М. Мерварта в Индию и являются [собственностью] МАЭ. Хлопоты МАЭ о предоставлении А.М. Мерварту права бесплатного проезда в Петроград и провоза коллекций успешно закончены. Судьба коллекций определяется тем маршрутом, который будет дан А.М. Мервартом, который уже поставлен Музеем в известность о представленном ему праве» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3. Л. 124].

А.М. Мерварт продолжил хлопотать о коллекциях, оставленных во Владивостоке, о скорейшем доставлении их в Ленинград. Ректор ГДУ 25 февраля 1925 г. ответил по телеграфу о мерах к отправке коллекций [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1925. Ед. хр. 174. Л. 149 об.]. 21 мая 1925 г. из Главнауки Наркомпроса в МАЭ сообщили (документ № 23/35376) что Тарифный коми-

тет удовлетворил ходатайство АН о бесплатной перевозке коллекций, собранных в Индии А.М. Мервартом, в количестве 12 ящиков (50 пудов), направленных от Владивостока до Ленинграда в адрес РАН. *«Соответствующее распоряжение дано Правлению Октябрьской железной дороги и Начальнику Уссурийской железной дороги нашей телеграммой № 23/30987»* [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 149]. А.Н. Криштофович по пути на о-в Сахалин в мае 1925 г., согласно поручению, *«осмотрел во Владивостокском Университете индийские коллекции А.М. Мерварта и нашел их в полном порядке, а упаковка их (ящики) вполне пригодна для следования по железной дороге в Ленинград. Ректор ГДУ профессор В.И. Огородников и Зав. Хоз. ГДУ Заседателей выразили любезное согласие тотчас по получении от Академии уведомления о разрешении бесплатной перевозки послать коллекции в Ленинград, произвести необходимую небольшую перепакровку и укладку ящиков, оказавшихся вскрытыми, что вызовет расходы около 20–25 руб. вместе с доставкой их на станцию железной дороги. Я со своей стороны готов оказать всякое дальнейшее содействие на обратном пути через Владивосток»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 243]. Ректор В.И. Огородников телеграфировал неперемennomу секретарю АН С.Ф. Ольденбургу 2 июля 1925 г.: *«Коллекции Мерварта отправляю первого накладные письмом»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 19].

Академик Е.Ф. Карский 5 октября 1925 г. просил директора Хабаровского Краеведческого музея В.К. Арсеньева посодействовать *«всеми возможными для Вас мерами скорейшей высылке в Музей 12 ящиков с коллекциями и книгами А.М. Мерварта, находящихся на хранении во Владивостокском Государственном Университете»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 70 об.]. 30 октября 1925 г. в МАЭ прибыли хранившиеся в Государственном Дальневосточном университете 11 ящиков с индийскими коллекциями ученого хранителя А.М. Мерварта, заключавшие в себе 811 предметов быта и 150 книг [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 86]. Новые

поступления были зарегистрированы собирателями в течение 1924–1928 гг.

3.4. Создание экспозиции и отдела Индии в МАЭ

К 200-летию АН предстояло создать новые экспозиции МАЭ, которому были предоставлены новые площади в помещении здания Кунсткамеры, после того как оттуда в новое здание была переведена Библиотека Академии наук. Были выделены средства, в частности на изготовление манекенов и моделей для выставки.

В ноябре 1924 г. зав. индийским отделом А.М. Мерварт начал работать с художником П.А. Смеловым — мулером-модельщиком, реставратором, который четыре года служил в Русском музее, а для МАЭ сделал муляжи с предметов Мезенской стоянки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 397]. Павел Александрович Смелов (1874 гр.) получил среднее специальное образование (художественная школа в Казани и Академия Жульена в Париже) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 65–69]. Необходимо было для отдела Индии реставрировать модели, создавать манекены и этнографические фигуры. Эту работу выполняли также художники А. Вернер, Н.Ф. Вальдман, Н.В. Дыдыкин, С.И. Юнкер-Крамская.

Из юбилейных сумм на установку и монтировку коллекций 28 мая 1925 г. было уплачено Н.Ф. Вальдману 104 руб. за женскую фигуру андаманки с ребенком для отдела Индонезии, раскрашенную и в парике, 3 июня — 80 руб., за фигуру андаманца, 19 августа — 8 руб. 80 коп. за 1 пару рук и 1 пару ног; Н. Дыдыкину 10 июня — 106 руб. за фигуру сидячую брамина и мужскую голову с наклеенной бородой; А. Вернер 11 июля — 140 руб. за работы для отдела Индии и 19 августа — за бюсты тамилки, сингалезки, пару рук для сингалезки и пару ног. Тогда же С.И. Юнкер-Крамская для отдела Индии изготовила модели [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 151, 160, 164, 225, 293, 295, 317]. В.И. Бальсевич изготовил макет малайской деревни [Там же. Л. 370].

В ноябре 1924 г. Мерварты завершили краткий отчет об экспедиции в Индию и на остров Цейлон в 1914–1918 гг. [СПбФ

АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 149–151]. На заседании ИФО РАН № 16 3 декабря 1924 г. директор МАЭ представил отчеты о командировках сотрудников МАЭ А.В. Шмидта в Пермскую губернию, Г.И. Петрова в Марийскую область, Б.Н. Вишневого в Чувашскую область, И.И. Козьминского в Костромскую губернию, А.М. и Л.А. Мервартов в Индию, Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораз-Тана на XXI Научный конгресс американистов. Отчеты были переданы в Комиссию по научным экспедициям, собирателям выражена благодарность за собранные коллекции [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173. Л. 218 об.]. Председатель Комиссии по научным экспедициям АН СССР (Тучкова наб., 2а) неперменный секретарь академик С.Ф. Ольденбург ответил о невозможности предоставления более трех печатных листов для публикации отчета по экспедициям и командировкам МАЭ за 1925/1926 год, включая и отчет А.М. и Л.А. Мервартов об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг., и просил предоставить все отчеты в Комиссию по экспедициям одновременно [Там же. Л. 338]. 15 сентября 1926 г. дирекция МАЭ просила Историко-филологическое отделение АН СССР напечатать «Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. А.М. и Л.А. Мервартов» вместе с другими отчетами по экспедициям [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1926. Ед. хр. 175. Л. 161]. 16.02.1927 Ф.И. Щербатской констатировал отсутствие полного отчета по последней командировке сотрудников МАЭ в Индию, Мерварты просили сообщить академику-секретарю И.Ю. Крачковскому список их докладов и статей отчетного характера, как напечатанных, так и намеченных [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 129]. Отчет был опубликован только в 1927 г. [Мерварт, Мерварт 1927].

Масштаб экспедиции поражал. В справке, подготовленной дирекцией МАЭ в Канцелярию Конференции Академии наук в 1925 г., перечислены выдающиеся моменты истории музея: 1901 г. — переустройство МАЭ, 1908 г. — надстроен III этаж, 1914 г. — большая экспедиция А.М. и Л.А. Мервартов в Индию, 1925 г. — переход в новое здание (бывшей Библиотеки РАН)

в связи с перевыставлением коллекций музея [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 7]. Это свидетельствует о том, насколько важно было возвращение этой экспедиции для МАЭ.

Не только Академия наук высоко оценила итоги экспедиции. Материалы привлекли внимание общественности. Фирма Press-Photo-News-Service запросила фотографии из собрания А.М. и Л.А. Мерварт для распространения. Дирекция МАЭ в этом отказала, так как фотоматериалы находились в процессе научной обработки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 7. Л. 28]. 11 февраля 1925 г. академик С.Ф. Ольденбург рекомендовал МАЭ предоставить для прессы некоторое число фотографий [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 40].

А.М. Мерварт успел составить путеводитель по индийскому отделу к Юбилейной выставке к 23 июля 1925 г. и за эту сверхурочную работу просил выплатить ему из сумм МАЭ 150 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 61]. Перепечатку путеводителя по отделу Индии к 11 августа 1925 г. осуществила Т.А. Корвин-Круковская [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 336]. Но печатание путеводителя по отделу Индии МАЭ А.М. Мерварта было отложено до осени, поскольку годовая норма МАЭ составляла 15 печатных листов, а текст в этот объем не был включен [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 467]. Только 28 сентября 1927 г. в МАЭ были переданы 40 экз. опубликованного путеводителя «Отдел Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 146].

В 1925 г., 23 июля, план новых отделов МАЭ (по этажам и залам) был доложен непременно секретарю АН. Индийские коллекции были размещены в трех помещениях — залы 15 (буддизм), 16 (Индия; Бирма, Цейлон, Сиам — как ее культурные колонии), 17 — отдел Индии (в ротонде и часть зала 18). Указывалось, что до 1914 г. отдел Индии был в зачаточном состоянии и имел около 1500 предметов (которые привезли Минаев, Ягор, Щербатской, Андреев, Николай II). В 1914 г. МАЭ была снаряжена экспедиция в Индию в составе сотрудников А.М. и Л.А. Мерварт, проработавшая там до начала 1918 г. и привез-

шая около 5000 предметов, а также 3000 фотографий и большую литературу. К сожалению, ввиду невозможности своевременно вывезти коллекции из Индии около 25 % собранных там коллекций погибли от воздействия климата и насекомых. При входе в зал как образец архитектуры установлена вывезенная из Индии часть дворца раджи с богатым резным орнаментом по фронтону. В правой половине зала представлена материальная культура, в середине — туземные модели, рисующие сцены быта сельского (преимущественно) и горного населения. Левая сторона содержит коллекции по культу и искусству. Особый интерес представляет коллекция по народному театру — бенгальских кукол и малабарской пантомимы, представляющая большую редкость. Очень показательна коллекция музыкальных инструментов (около 100 предметов) и оружия (имеется и экземпляр костяного бумеранга). Заслуживает внимания красочная и редкая коллекция кандийского (цейлонского) гончарного искусства, ныне вымирающего, по дамасцированию; так называемая работа бидри, украшения, отражающие интереснейший комплекс народных обычаев и представлений. Для русской промышленности небезынтересна коллекция набоек для ситцепечатания, орнамент для вышивок; изделия из папьемаше, резьба по дереву, образцы тканей [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 23–24].

Третьего декабря 1925 г. Русс-фото (московское Общество культурных связей с заграницей) просило разрешить фотосъемку в МАЭ для заграничной периодической печати, особенно желательно было снять индийский отдел [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 353].

Двухсотлетний юбилей АН праздновался 5–9 сентября 1925 г. На вечерний прием 5 сентября ввиду тесноты помещения особые именные приглашения получили лишь отдельные представители академических учреждений. На торжественное заседание АН 6 сентября и на торжественные спектакли в Российский академический театр оперы и балета 7 и 9 сентября приглашались все служащие АН, но по именованным приглашениям. 7 сентября, в день

осмотра научных учреждений АН делегатами, все служащие АН приглашались быть на своих местах с 9 утра, помогая администрации учреждений при приеме гостей [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 107]. Среди гостей, кстати, были ректоры университетов Мюнхена и Гейдельберга, которым был представлен А.М. Мерварт.

После успешного праздника 9 октября 1925 г. Академией наук были утверждены новые штаты МАЭ. В научные сотрудники 2-го разряда были переведены, в частности, Григорий Григорьевич Гульбин, Лидия Эдуардовна Каруновская¹⁶ (впоследствии зав. отделом Индонезии МАЭ), Татьяна Александровна Корвин-Круковская, мулер-модельщик Павел Александрович Смелов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 65–69].

В конце 1925 г. в отделе Индии работали А.М. Мерварт и Т.А. Корвин-Круковская, в отделе Индонезии — Л.А. Мерварт и Л.Э. Каруновская [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 12].

Приведем текст отчета А.М. Мерварта о работе с период с 1 декабря 1925 г. по 1 декабря 1926 г.:

«В Отделе Индии работали следующие лица: 1) зав. Отделом ученый хранитель А.М. Мерварт — все время.

2) зав. Отделом Индонезии и участник экспедиции в Индию научный сотрудник I разряда Л.А. Мерварт — до 29 апреля 1925 г.

3) Татьяна Александровна Корвин-Круковская — с 1 февраля по 1 октября 1925 г., приватно, и с 1 октября в качестве научного сотрудника II разряда и помощник заведующего Отделом.

¹⁶ Каруновская Лидия Эдуардовна (1893–1975), окончила Ленинградский географический Институт, с 1923 г. работала в МАЭ. Летом 1924 г. выезжала на Алтай для исследования тюркских народов; с осени 1924 г. работала в отделе Австралии и Океании [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 83]; в 1925 г. включена в число временно приглашенных работников, не принадлежащих к числу служащих МАЭ, но исполняющих отдельные поручения в связи с перевыставлением музейных коллекций, по отделу Передней и Средней Азии [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 178].

Работа велась в следующих направлениях:

1. Были разобраны, приведены в порядок, восстановлены и зарегистрированы коллекции, собранные экспедицией А.М. и Л.А. Мерварт в 1914–1918 гг. Общее количество обработанных таким образом в отчетном году предметов 4499, фотографий позитивов 975, фотографий негативов 675, что вместе с зарегистрированными в прошлом году коллекциями того же происхождения дает общее число предметов 5575, фотографий позитивов 975, фотографий негативов 675.

Восстановление пострадавших от климата и перевозки экспонатов было выполнено реставратором П.А. Смеловым.

Среди коллекций особенное внимание обращают на себя:

1) Собрание костюмов и сценических принадлежностей Малабарского народного театра (№ 122)

2) Собрание марионеток бенгальского театра (№ 25)

3) Обширная коллекция музыкальных инструментов (№ 117)

4) Коллекция набоек североиндийской и кашмирской ситцепечатной промышленности (№ 251+7)

5) Изделия кандийской расписной керамики (№ 25)

6) Изделия инкрустационной техники (№ 65)

7) Ряд моделей, иллюстрирующих деревенский быт Малабара, североиндийской равнины и Бенгалии.

2. Была принята, разобрана и зарегистрирована коллекция из 582 номеров из Музея Государственного Эрмитажа (бывшего барона Штиглица), содержащая ценный материал по индийскому прикладному искусству, как то: металлических изделий 133 №, предметов гончарного производства 92 №, украшений 67 №, тканей 267 №, деревянных изделий (лакированных предметов) 23 №.

3. Была закончена регистрация полученных ранее коллекций, оставшихся незарегистрированными за нахождением в командировке настоящего зав. Отделом (коллекция М.С. Андреева, № 246, коллекция из Музейного Фонда).

4. Была произведена выставка коллекций и составлена шкафная опись выставленных предметов с подробными планами витрин. Из общего количества предметов было выставлено 2774

и 15 моделей. Остальные были замагазинированы в магазинных помещениях, находящихся в самом Отделе. Все витрины и щиты были снабжены объяснительными карточками и номерами. Для оживления и объяснения выставки коллекций широко использован фотографический материал. Кроме того, для удобства посетителей были изготовлены планы выставки, вывешенные в обоих концах зала. Начата магазинная опись.

5. Приготовлен к печати путеводитель Индийского Отдела размером приблизительно в 40 стр.

6. Рядом лекций и подробных объяснений руководители Экскурсионной Базы и других учреждений были ознакомлены с составом Отдела.

Отдел, кроме того, был показан заведующим и его помощником местным индологам, иностранным ученым (во время юбилейных торжеств), учащимся Государственного Университета и Института Живых Восточных Языков.

Для дальнейшего пополнения Отдела были возобновлены связи путем переписки с учреждениями и лицами в Индии.

Внемузейная работа:

Зав. Отделом были сданы в печать следующие статьи:

1) Сюжет Сакунтала в Малабарской народной драме (Вестник Ориенталистов)

2) Музейное дело в Индии (в Бюллетень Академии Истории Материальной Культуры)

3) Роль музеев для культуры современной Индии (в журнал Научный Работник)

Готовят к печати в *Journal Asiatique* — статья (5–4 л.) под заглавием *Les Kathakali du Malabar*.

Зав. Отделом были сделаны доклады о Малабарской народной драме и о музейном деле в Индии на заседании Кружка им. В.В. Радлова и Академии Истории Материальной Культуры.

Прочитан ряд публичных лекций в Ленинграде и Москве по разным вопросам быта современной Индии.

По прошлогоднему Отчету — 30 коллекций, всего 1076 №». [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 12–13].

В план работы отдела Индии на 1925/1926 гг. входило, помимо приобретения книг, коллекций и мебели, восстановление коллекций, печатание снятых во время экспедиции негативов и дублирование погибающих ценных негативов, изготовление трех манекенов для выставки костюмов и этнографических типов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 18]; на 1926/1927 гг. — каталог этнографических предметов (4000 карточек), печатание 990 привезенных из экспедиции 1914–1918 гг. негативов, наклейка имеющихся 940 и 990 предполагаемых к изготовлению позитивов, фотографирование предметов для карточного каталога [Там же. Л. 21]; на 1927/1928 гг. — застекление живописи с о. Цейлон, изготовление отпечатков 96 диапозитивов размером 18×24 для окон и пр. [Там же. Л. 16].

Эти иллюстративные материалы активно использовались для занятий со студентами, иллюстрации докладов и чтения лекций в МАЭ, в музейно-просветительской деятельности.

Глава 4

Итоги полевых сборов

4.1. Состав южноазиатских коллекций МАЭ, привезенных Мервартами

Работа участников экспедиции МАЭ 1914–1918 гг. по сбору коллекций на Цейлоне очень ярко характеризует методы их работы, общие научные подходы, методику полевой деятельности, музееведческие замыслы. С одной стороны, они стремились выявить самое главное, ценностно ориентированное в культуре изучаемого народа (в данном случае имелись в виду сингалы — основное население островного государства Цейлон в южной части Южной Азии). С другой стороны, Мерварты должны были соблюдать важный принцип сочетания минимального и необходимого в подборе экспонатов, имея целью музейный показ важнейших черт этой оригинальной культуры. Напомним, что материальные ресурсы экспедиции были ограничены, особенно в связи с началом Первой мировой войны, когда связи с МАЭ оказались весьма затруднены, а денежные поступления нерегулярны, деньги переводились с непредсказуемыми задержками. Сложности начались и с транспортировкой коллекций, первая партия до адресата не дошла. Тем не менее Мерварты были неутомимы как собиратели, и им многое удалось

приобрести или получить в дар для МАЭ. История, цена, местное название, функции вещей отражены в тетради записи этнографических предметов, купленных Мервартами на Цейлоне и в Южной Индии (на 81 странице) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 17].

Вполне выразительно ими представлена «буддийская составляющая» сингальской культуры. В коллекции № 3179 наличествуют образы Будды, персона которого, действительно, многократно встречается на острове в виде храмовых и уличных статуй, монастырских настенных росписей, литографий и другой печатной продукции. Храмом «тысячи будд» иногда называют древний пещерный храм в Дамбулле, возникший еще в начале нашей эры и прославленный уникальными изваяниями будд и настенными панно с буддийскими сюжетами. Со скульптурными изображениями Будды можно познакомиться не только в пространстве монастырей, но и на улицах и площадях многих городов и селений Шри Ланки. Самым типичным, пожалуй, является изображение сидящего Будды (в позе медитации или проповеди), что отражает очень живое представление сингалов о Будде как о просветленном мудреце и учителе. Прославлена статуя стоящего Будды из монастыря в Аукане, датируемая V в. н.э., временем правления царя Дхатусены (459–477), и, возможно, созданная с заимствованием художественной традиции Юго-Восточной Азии: ее копии поставлены ныне в разных местах Шри Ланки. В храмовых помещениях встречаются также изображения спящего или перешедшего в нирвану Будды.

Ланкийский пейзаж немислим также без своеобразного буддийского культового сооружения — ступы. Эти конструкции, похожие на огромные перевернутые белые колокола, обычно посвященные памятным событиям в истории буддизма на острове, а иногда хранящие священные реликвии, встречаются на острове повсюду. Обычно в форме ступы создают и небольшие реликварии (из серебра, золота и другого металла), которые наличествуют практически во всех монастырях. В подобном контейнере хранится и знаменитая реликвия Зуба Будды в г. Канди. Аналогичный

предмет, названный в описи собирателей «дарохранильницей», тоже был приобретен для МАЭ Мервартами.

В коллекции уделено внимание и образу буддийского монаха, живому символу буддийского вероучения и его главному транслятору в среде верующих. Монахи всегда выделяются среди прочего населения своим внешним видом: они обязательно начисто сбрасывают усы и бороды, а также волосы на голове. Кроме того, они носят особые одежды, напоминающие римскую тогу, иногда оставляя к тому же открытым одно плечо. Одевание их обычно оранжевого, желтого или кирпичного цвета. Комплект монашеской одежды также присутствует в коллекции. Заметим, что вещевая коллекция на эту тему дополнена рядом интереснейших фотографий сингальских буддийских монахов в подобных нарядах (например, № 3313).

В сингальской буддийской практике, в религиозном воспитании очень важную роль до настоящего времени играет собрание джатак — историй о прежних рождениях исторического Будды. Эти истории живут и в местном фольклоре, передаются изустно как нравоучительные рассказы, а также издаются печатным образом в виде сборников. Записанные некогда на языке пали, теперь они больше в ходу в переводе на сингальский язык. *Пансия паннас джатака пота* («Книга о 550 рождениях [Будды]») имеет-ся почти в каждом сингальском доме, читается буддистами-мирянами с детства. Ценность рассматриваемого собрания Мервартов представляет коллекция литографий по рисункам сингальских мастеров на сюжеты джатак (№ 3066) [Краснодембская 1973]. Подобные картины изображаются и на стенах местных буддийских храмов. В музейном контексте это значительный раритет. И еще большую редкость представляет собой комплект деревянных резных панелей на буддийские темы (коллекция № 3130), которыми располагает даже не каждый ланкийский монастырь. Их ценность заключается в том, что эти предметы могут не только быть объектом религиоведческого рассмотрения, но и послужить образцами высокого художественного ремесла сингалов.

Несмотря на то что буддийское вероучение — главная религия сингалов, оно «не отменило» и существования ряда народных культов, которые составляют немаловажную часть их традиционного мировоззрения. Прежде всего это демонический и астрологический культы, которые имеют заметную оформленность: пантеон, жреца, место действия, атрибуты и приемы служения. Мерварты, конечно, не прошли мимо этих ярких явлений. Благодаря их усилиям МАЭ обладает интереснейшей маской демона 18-ти болезней (коллекция № 3106). Самому культу посвящено подробное описание в их книге «В глуши Цейлона», которое сопровождается записью конкретного обряда, который им удалось наблюдать. С ритуальной драмой, как можно назвать обряды демонического культа, связан и народный сингальский театр Кололам, тоже масочный. Маски персонажей этого театра, привезенные экспедицией, вошли в коллекцию № 3104 (12 номеров, 14 предметов). Заметим, что это был повторный сбор: уже упоминалось, что более полное собрание ритуальных и театральных масок было приобретено Мервартами в самом начале экспедиции, и летом 1914 г. эти предметы были отправлены в МАЭ, но пропали из-за сложностей, возникших с началом Первой мировой войны.

Чрезвычайно редкие и ценные материалы Мервартам удалось собрать по теме астрологического культа сингалов «бали» [Краснодембская 1980]. В этой части удалось зафиксировать проведение соответствующих церемоний, описать идеологическую суть верования, приобрести содержательную рукопись, посвященную правилам проведения ритуалов. И самое главное — доставить коллекцию рисунков известного сингальского художника М. Сарлиса (коллекция № 3020, более 80 предметов), которые являются образцом для жреца при создании скульптурных (точнее, горельефных) изображений персонажей пантеона астрологического культа во время совершения этих ритуалов.

Мервартам удалось также приобрести список оригинальной рукописи, которой владел один из деревенских жрецов астрологического культа, несмотря на то что владеющие такими уни-

кальными пособиями для отправления культа редко делятся ими с чужими.

Бытовой уклад сингалов также отличается заметным своеобразием, которое не исчезло полностью даже в наше время. Например, до сих пор они имеют склонность широко употреблять такие архаические предметы, как керамические и плетеные изделия. На эту сторону местной жизни участники нашей экспедиции также обратили должное внимание.

Прежде всего их заинтересовал керамический промысел. Керамика в принципе излюблена сингалами и является одним из их характерных народных художественно-ремесленных промыслов. Гончарное ремесло — очень важный элемент ланкийской культуры. Судя по историческим свидетельствам, каждая сингальская семья использовала очень большое количество керамических изделий: посуды, ваз, светильников, разных бытовых предметов. Керамику сингалы употребляли для кухонных надобностей, для домашних дел (в большой керамической посуде стирали, купали детей), для украшения своего жилища и храмов, для отправления религиозных обрядов и в культовых церемониях. Сингалы и в наше время считают, например, что приготовленная в керамической посуде еда вкуснее, чем в металлической. И эти этнические представления контрастируют с понятиями северных индийцев, которые слегка брезгуют глиной из-за религиозного предрассудка: у них, наоборот, в чести металлическая посуда как наиболее ритуально чистая. Хотя в XIX–XX вв. керамическая посуда и другие глиняные предметы были заметно потеснены в быту металлическими и фарфоровыми изделиями европейского типа, традиция не прервалась, а теперь, в начале XXI в., напротив, возрождается.

Прежде всего нашими собирателями была составлена коллекция № 3068 (32 предмета), содержащая образцы самой обиходной глиняной домашней утвари. Большая часть этой коллекции представляла собой набор, которым в реальности пользовалась конкретная сингальская семья, и несколько дополнительных предметов расширяли представление о характерном

составе кухонного инвентаря сингалов. Глиняные сосуды коллекции являют нам типичные, традиционные формы бытовой сингальской керамики.

На первое место хочется поставить круглодонный широкобокий сосуд *калагедия*, с которым сингалки многие века ходили за водой, удерживая его рукой на бедре. Это очень женственный образ и типичная картинка сельской жизни. Характерным является и сосуд *муттия*, в котором обычно варят рис (а это основа питания сингалов): в коллекции № 3068 этот важный тип кухонной утвари представлен четырьмя вариантами (№ 3068-3, 8, 25, 26).

Но прежде чем рис варят, его как следует промывают в специальном сосуде, на дне которого изнутри делаются рельефные узоры, о выступы которых трут залитый водой рис, чтобы отмыть от грязи и случайных примесей. Такой сосуд называется *небилия*: парой к нему часто служит *кораха*, в который промытый рис перекладывают (в коллекции № 3068 эти предметы представлены соответственно образцами под № 18 и 17), прежде чем потом переложить его в *муттия*.

Важнейшей добавкой к рису в еде у сингалов являются *ка́рри* — вареные, тушеные или жареные блюда из различных овощей, трав, даже цветов, а также рыбы, курятины и мяса. Эти блюда можно назвать и «гарниром», так как сингалы основным блюдом считают именно рис. Для приготовления этих гарниров используются специальные сосуды: *аппала* (№ 3068-4-7, 9, 27, 28) — для готовки варено-тушеных блюд названного вида и *эти-ли* (№ 3068-10, 11) — для жареных. Первые напоминают широкие и глубокие миски (с ними могут употреблять и крышки, чтобы пропарить ингредиенты *аппала*), вторые скорее похожи на глиняные сковороды с расширяющимися кверху стенками. В кухне обычно имеется несколько таких сосудов, особенно *аппала* — разной высоты и величины в диаметре, чтобы готовить различное количество любимых добавок к рису. Самого же риса варят и едят весьма солидное количество. Рис с добавками сингалы едят обычно в обед/ужин.

Все названные предметы сделаны из обожженной глины.

Имеются в коллекции и настоящие сковороды для приготовления мучных изделий; а также оригинальная соковыжималка (из двух пластин черного дерева, костяного шарика в одной из них и сквозного круглого отверстия в другой) для получения лимонного сока (№ 3068-22). Своеобразен еще один предмет — деревянная конструкция с глиняными горшками (верхние имеют пористое дно) для фильтрования воды (этот станок хранится под № 3068-1). В сингальском быту фильтры для воды необходимы потому, что в местной воде много слюдяных примесей. Этот фильтр Л.А. Мерварт обменяла у семьи Пуссегода на Беркенфельдовский¹ английский фильтр, специально купленный в Канди, и шутливо откомментировала обмен: «Так сами этнографы разрушают этнографию!» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 5]. Впрочем, никто в деревне не стал покупать этот фильтр.

Деревянное блюдо для этикетного обычая угощения бетелевой жвачкой, «разливательно-насыпательные» ложки из скорлупы кокосового ореха и деревянные и плетеные подвесы для их хранения, а также низенькая скамеечка *колумба* и висячий металлический светильник дополняют представление о типичной сингальской кухне.

Особое место среди цейлонских сборов Мервартов занимает коллекция расписной кандийской керамики (№ 3069), содержащая предметы для украшения сингальского дома и отчасти предметы монастырского убранства. Эти предметы были, с одной стороны, абсолютными раритетами не только в музеях мира, но и в самой стране происхождения. С другой стороны, они привлекли внимание собирателей своей оригинальностью, художе-

¹ Фильтр для воды Беркефельда — фильтр из кизельгура (осадочной горной породы — диатомовой земли). Изобретен в Германии (1891), продавался в Соединенном Королевстве компанией Berkefeld Filter Co. Назван в честь владельца шахты в Ганновере, где был получен керамический материал.

ственной привлекательностью и безусловной этнической самобытностью. Коллекция, состоящая всего из 25 предметов, тем не менее ярко демонстрирует, необычность форм, пышность и своеобразие орнамента, колористическую неповторимость расписной керамики кандийских (горных) сингалов. Коллекция впервые была опубликована Н.Г. Краснодембской в 1969 г. [Краснодембская 1969]. Изучение ее недавно продолжено [Краснодембская, Калинина 2015].

Скромно отражены в собрании Мервартов предметы национальной традиционной одежды сингалов: в коллекции № 3193 представлен бытовой женский костюм — кофточка и распашная юбка. К счастью, этот раздел удалось пополнить коллекционными сборами МАЭ 1970–1980-х годов и более позднего времени. Интересным дополнением к коллекции № 3193 служит коллекция украшений из черепахового панциря (№ 3095). Ремесло поделок из черепахового панциря не было исконно сингальским, это скорее была мода конца XIX — начала XX в., принесенная ланкийцам из Юго-Восточной Азии и под влиянием европейских вкусов того времени. Но в этом случае как раз особый интерес представляет то, как сингальская культура адаптирует чужеродное явление, оформляя его целым рядом собственных этнических социальных, ритуальных и этикетных знаков [Краснодембская, Меренкова 2014].

Существенную для показа национальной культуры и традиционного образа жизни сингалов группу предметов составляют образцы сельскохозяйственного инвентаря: плуги разных видов, палка-копалка, ровнялки для вспаханной почвы, а также серпы, ножи, веялки. Многие из этих экспонатов демонстрируются в постоянной экспозиции отдела Южной Азии МАЭ. Также здесь выставлены предметы, связанные с переработкой продуктов кокосовой пальмы: скорлупа и волокно ореха, а также изготавливаемые из них утилитарные предметы — веревки, щетки, сосуды и др. Присутствуют и те, что необходимы при работе с продуктами пальмы: ножи для вскрытия орехов; плетенные из листьев пальмы шляпы от солнца и сумки для сбора пальмового сока.

Ценный раздел представляют собой коллекции с разнообразными образцами плетения (№ 3072, 3076), поскольку употребление плетеных изделий в быту до сих пор составляет важную культурную привычку сингалов. Среди плетеных изделий — сумки, веера, кошельки, корзины, шкатулки для украшений, различные коробки и, конечно, циновки, без которых и теперь не обходятся практически ни в одном сингальском доме. На циновках спят, сидят, ими покрывают полы, занавешивают стены и дверные проемы, их употребляют в качестве подстилки под зерно, овощи, другие продукты, на них хозяйки занимаются готовкой пищи. Самые красивые циновки со сложным орнаментом и поныне делают в деревнях в долине Думбара в Центральной провинции Шри Ланки, близ Канди. Ткачи, изготавливавшие эти сложные изделия (*Dumbara mats*), обладали более высоким статусом, чем простые плетельщики [Котин, Соболева 2016]. Плетение — один из древнейших ремесленных промыслов Шри Ланки. Среди привоза Мервартов художественной ценностью выделяются калутарские изделия, отличающиеся неповторимым орнаментом и оригинальностью плетения. Эти материалы уже частично вовлечены в процесс научного изучения [Краснодембская 2015].

В целом можно сказать, что сингальские экспонаты, собранные Мервартами, могли бы послужить для создания полноценной этнографической экспозиции, посвященной культуре и быту данного народа. И такая экспозиция была бы содержательной и вполне отражающей этнические реалии. Однако для экспозиционного отдела Южной Азии МАЭ принят тематический принцип. Тем не менее в разных его разделах, действительно, присутствует много сингальских предметов, в частности из коллекций, привезенных экспедицией 1914–1918 гг.

Интересно сопоставить названный коллекционный привоз с теми экспозиционными материалами, которые представлены в современном музее Шри Ланки, созданном в совсем недавние годы и посвященном традиционному быту сингалов. Этот музей под названием «Апе Гама» («Наша деревня») находится в Колом-

бо и пользуется большой популярностью у местного населения, вызывая у них, судя по всему, ностальгические и даже горделивые чувства. Н.Г. Краснодембской удалось посетить этот музей под открытым небом, где отдельными блоками представлены, так сказать, различные «уголки» традиционного сингальского селения: жилища (простого крестьянина и старосты деревни, учителя и знахаря — таковы обычные деревенские типы), хозяйственные постройки, простые технические сооружения.

Инсценированы и некоторые процессы сельскохозяйственного труда (например, сооружено пространство тока, где с помощью быков обмолачивают рис нового урожая) и повседневной жизни (к примеру, поход к гадалке). Обитатели селения (люди, животные, птицы) представлены и соответствующими манекенами, и живыми персонажами. Служители музея одеты в традиционные костюмы и заняты повседневными делами: несут воду, убирают усадьбу, готовят еду. Между постройками бродят и лежат собаки, ходят петухи с курами. Возле сцены тока нам пропели песенку, какие обычно поют при обмолоте зерна. А во «дворце» старосты (так традиционно называли его не слишком уж роскошное жилище) показали, как играть в традиционную игру с ракушками и семенами на деревянном поле.

Повсюду в «Апе Гама» присутствуют традиционные предметы бытового обихода сингалов: глиняные, плетеные, деревянные, тканые изделия. Это обилие дополняется богатой экспозицией современных ремесленных и художественных изделий, которые предлагает на продажу посетителям музея государственная фирма “Laksala”. Цены здесь, правда, довольно высокие, но кое-что (например, некоторые маски) стоило бы приобрести. Наличествует на территории музея и ряд частных прилавков.

Н.Г. Краснодембская, И.Ю. Котин и Е.С. Соболева посетили Музей народного искусства и культуры (литературно-этнографический), созданный в дер. Коггала — на родине первого сингальского писателя-реалиста Мартина Викрамасингхе. В частности, там имеется коллекция средств наземного и водного транспорта, представлены костюмы разных народов и социаль-

ных групп колониального Цейлона. Привезенные Мервартами в МАЭ модели морских и речных судов опубликованы [Лебедева, Соболева 2015].

Очевидно, что этнографические сборы в Шри Ланке еще можно продолжать (и они продолжались в последние десятилетия), чтобы расширить коллекцию МАЭ. Однако даже без новых пополнений можно утверждать, что сингальские коллекции нашего музея вполне представительно демонстрируют основные черты этнической культуры этого народа. Прежде всего благодаря именно полевым сборам специальной этнографической экспедиции МАЭ 1914–1918 гг., которую осуществили супруги А.М. и Л.А. Мерварты.

В огромной Индии, разумеется, были не всегда применимы методы исследовательской и собирательской работы, какие Мерварты использовали на Цейлоне. Поэтому здесь в их трудах прослеживаются два основных принципа. С одной стороны, они старались в некой достаточной полноте представить в своих исследованиях и в будущей экспозиции МАЭ народы всех географических регионов Индии (в определенной степени они соответствуют и главным культурным ареалам), основные и малые. С другой стороны, не имея, конечно, возможности отразить в коллекциях всю полноту их этнической специфики в монографической всесторонности, исследователи сосредоточили свое внимание на самых ярких явлениях и артефактах того или иного народа. Таким образом, их интерес был обращен к кашмирцам и пенджабцам, бенгальцам, различным этническим группам Южной Индии, как к большим народам, так и к малочисленным племенным и кастовым группам.

Коллекции, связанные с народами Северной Индии, составили несколько содержательных групп. Часть из них содержит предметы, распространенные в названном регионе достаточно широко, без узкой этнической привязки, в частности у говорящих на языке хиндустани и его диалектах. В конце 1916 г. Мерварты провели значительную часть времени в Дели и оттуда совершали поездки в знаменитые религиозные и культурные

центры региона. Это, в частности, отражено в коллекциях № 2989 и 2993, содержащих около ста предметов, связанных с индуистским культом. Здесь присутствуют индуистские амулеты и печати, которыми верующие, особенно во время паломничества к святым образам и объектам поклонения, наносят на свое тело религиозные символы и знаки принадлежности вере и секте. Возможно, эти предметы (коллекция № 2989) были собраны в самом Бенаресе. Вторая коллекция, приобретенная в Лакхнау и состоящая из интересного набора глиняных раскрашенных миниатюрных скульптур, представляет различные типы населения северо-центрального региона Индии, а также изображения индуистских богов и, в частности, уникальную подборку образов аскетов различных сект со всеми особенностями их внешних черт.

Часть этих предметов уже занимала свое место в соответствующей экспозиции. Последней группой персонажей недавно особенно заинтересовались индологи МАЭ М.Ф. Альбедиль и Я.В. Васильков, опубликовавшие эту часть коллекции с подробным научным описанием феномена индийского аскетизма. Отмечая, что «в истории индийской духовности аскеты сыграли исключительно важную роль», авторы подчеркивают, что «именно их среда воплощала в своем образе жизни главные религиозные идеалы и ценности и веками сохраняла их, нередко аскеты становились основоположниками новых религиозных течений и школ» [Альбедиль, Васильков 2015]. Этой публикацией введен в научный оборот редкий и интересный материал, который, безусловно, будет оценен нашими историками, этнографами и религиоведами.

Бытовые предметы из Северной Индии собраны в коллекциях № 3159 и 3178: здесь наличествуют типичные металлические сосуды разнообразной формы и другая кухонная утварь (три с лишним десятка предметов).

Специально собиратели уделили внимание атрибутам и аксессуарам, окружающим жизнь индийской женщины: ими подобраны коллекции парфюмерии и туалетных принадлежностей (№ 2988, около 100 предметов), в том числе вееров [Янковская

2015], женских украшений (№ 3027, более 30 предметов), специальный набор типичных для индийского севера и повседневных для многих индианок лаковых и стеклянных браслетов (№ 3180, более 40 предметов). А в коллекции № 2987 (около 60 предметов) представлены образцы одежды, головных уборов, атрибутов (украшения, четки) различных представителей местного населения.

Ряд коллекций характеризует ремесло и искусство региона: керамику (№ 3171), ткани и вышивки (№ 3164), резное лакированное дерево (№ 3160). Коллекция № 3163 содержит более трех десятков образцов «ситцевобумажной промышленности», дополняется богатым набором резных деревянных штампов для набойки (около 300 образцов в коллекции № 3015).

Особую художественную ценность имеет коллекция миниатюр раджпутской школы (коллекция № 3185, 17 предметов).

Группа коллекций посвящена таким этносам, как кашмирцы, пенджабцы. Здесь также присутствуют бытовые атрибуты: домашняя утварь, в том числе плетеные изделия (коллекция № 2975, около 60 предметов). Любопытные образцы представляют маслобойки, мутовки, весы, оригинальные переносные грелки *канкри* для использования под одеждой возле тела для обогрева в холодное время года. Одежда женская, мужская, повседневная, праздничная и театральная, а также соответствующие украшения (более 150 предметов) представлены в коллекциях № 2977 и 3192.

Значительной редкостью является собрание церемониальных украшений из традиций кашмирских брахманов (№ 3014, 93 предмета) [Мерварт Л.А. 1927а]. Женщины этой касты надевают их по особым ритуальным случаям, прежде всего в обрядах жизненного цикла. Так, кашмирская невеста-брахманка надевает косоплетку, особое украшение типа диадемы на шапочку, наушное украшение, целый ряд ожерелий, которые надевают на молодую женщину на разных этапах свадебного обряда. В описи коллекции МАЭ № 3014 указано, что «за точностью выполнения строго следил привлеченный к работам экспедиции в Кашмире пандит Джагаддхар Джаду Шастри», что «драгоценности носятся всегда

золотые и только по бедности могут быть серебряными, притом серебряными бывают лишь тяжелые уборы! Неблагородные металлы никогда не носятся. Лучше употребляется меньше украшений, только самые необходимые. Золото и даже серебро всегда чрезвычайно низкопробное. Эта коллекция драгоценностей была сделана из латуни по специальному заказу экспедиции и является точной копией принятого у пандитов золотого набора. Латунь была взята вместо золота ввиду недостаточности средств экспедиции» [Котин, Соболева 2014: 258].

Разнообразно показаны и местные ремесла: резьба по дереву в виде оригинальных оконных решеток (коллекция № 3110, 12 предметов), резные художественные изделия из орехового дерева (коллекция № 3207, более 60 предметов), образцы вышивок различной техники (коллекция № 3161, 120 предметов). Большой познавательный ресурс имеет коллекция, составленная из образцов/фрагментов кашмирских шалей с разнообразными рисунками. Интересным дополнением по этой тематике являются кашмирские прялки (коллекция № 2997, 2 предмета). Пенджабское ремесло росписи изделий из папье-маше представлено 632 образцами орнаментов индуистского и мусульманского стилей (коллекция № 3228). В коллекции № 2996 (56 предметов) находятся изделия из папье-маше (блюда, подсвечники, подносы, в частности расписная чаша для драгоценных предметов из приданого пенджабской невесты). Кроме того, здесь присутствуют изделия из дерева: панели, ларцы, стол, подставка для чтения священной книги сикхов «Адигрантх». Мерварты в соответствующих описях этих предметов отмечают, что в ремесле кашмирцев и пенджабцев оригинальным образом сплелись орнаментальные традиции разных культур — персидской, китайской и индийской. Пенджабское ремесло представлено и подборкой рисунков для изготовления местных изразцов (коллекция № 3003, 23 предмета). Атрибут местного досуга представлен традиционной игрой из круглых карт *сидаста* (коллекция № 3017).

Этническая культура бенгальцев характеризуется несколькими коллекциями: предметы деревенского быта (коллекция

№ 2982), сельскохозяйственные орудия (коллекция № 3158), женские украшения (коллекция № 3111, более 100 предметов), изображения божеств и персонажей народных культов (коллекция № 2995). Значительный интерес представляет набор кукол *рукада* бенгальского народного театра (25 образов). Эта коллекция была впервые опубликована индологом МАЭ С.А. Маретиной [Маретина 1963].

Редкие экспонаты, иллюстрирующие быт некоторых индийских племен, вошли в коллекции № 2983 (андаманцы, нага, гаро, кули, кхонды), 3105 (содержит оригинальный ассамский нож для домашнего обихода), 2979 (предметы домашней утвари кашмирских гуджаров), 3189 (оригинальные обувь и головные уборы представителей отдельных племен и каст, полтора десятка объектов).

Разнообразны коллекции по Южной Индии. Особенности хозяйственной жизни иллюстрируются моделями земледельческих орудий (коллекция № 3154). Богато собрание южноиндийской керамики оригинальных местных форм (коллекции № 3165 и 3452, общим числом около 500 предметов).

Мир женщины из Южной Индии характеризуют коллекции туалетных принадлежностей, парфюмерии, украшений (№ 3172, 3007, 3187), а также собрание особых символов замужества — знаки под названием «*тали*» (коллекция № 3062, около 50 образцов). Эти ритуальные и одновременно художественные украшения замужние женщины носят на шее как подвески.

Духовная сфера жизни южных индийцев характеризуется интересной коллекцией деревянных раскрашенных аватар Вишну (коллекция № 3070, 21 предмет) и изображениями божеств в некоторых художественных произведениях. Художественное ремесло представлено изделиями из слоновой кости (коллекция № 3079 содержит около 40 предметов — изделия из слоновой кости и инструменты костореза), металла, в том числе в технике «бидри» (коллекция № 3082, в числе 70 предметов имеются и инструменты ювелира), рисунками на слюде (коллекция № 3186, 9 предметов). В коллекции № 3089 собран богатый набор шаблонов для резьбы

по дереву и слоновой кости. Как указывает Л.А. Мерварт в описи относительно набора украшений, «все эти драгоценности были сделаны специально для экспедиции, причем заказаны они были и за выполнением заказа любезно следил директор государственного музея в столице княжества Кочин, городе Тричур, Ананта Кришна Айер» [Котин, Соболева 2014: 257]. Художественная посуда из «мыльного камня» характеризует ремесло из богатого тамильского города Коимбатора (коллекция № 3173, 45 предметов).

Огромную научную ценность имеет уникальная коллекция костюмов и атрибутов актеров малабарского театра катхакали, который Мерварты впервые открыли для ученых западных стран (коллекция № 3090, 163 предмета) [Meerwarth 1926]. Эта коллекция присутствует на постоянной экспозиции отдела, для чего были созданы специальные манекены, изображающие важнейшие действующие лица спектакля «Рамаяна».

Южную культуру характеризуют и оригинальные письменные принадлежности: металлические стилусы и тростниковые перья (коллекция № 3081, 108 предметов). Представлен и широкий набор местных украшений (коллекция № 3093, около 150 предметов).

Особый разряд составляют предметно-тематические коллекции, где собраны схожие по функции объекты из разных районов Южной Азии, представляющие культуру различных этносов. Так, в коллекции № 3016 обнаруживаются приборы для курения и приготовления бетелевой жвачки (около 30 предметов); в коллекции № 3076 — циновки из Южной Индии и Цейлона; № 3097 — модели лодок и рыболовных принадлежностей, из Кашмира, Южной Индии и Цейлона — около 40 предметов. В коллекции № 3182 представлены маслобойки из Северной и Южной Индии (около десятка предметов). Коллекция № 3103 составлена из предметов (Индия и Цейлон), созданных из продуктов кокосовой пальмы (более 30 экспонатов).

Коллекция № 3086 (12 предметов) содержит ваханы индуистских богов, используемые как носилки для соответствующих изображений (обычно скульптурных) божеств, которых несут

в ритуально-праздничных процессиях. В коллекции № 2087 собраны изображения персонажей и символов народных культов Бенгалии и Южной Индии («столбы предков», «духи» народных культов) — всего более 60 предметов. Коллекция № 3098 содержит общераспространенные в регионе Южной Азии предметы индуистского культа (около 80); под № 3101 соединены атрибуты отшельников, как индуистских, так и мусульманских.

В коллекции № 2980 собраны музыкальные инструменты разных народов Южной Азии, некоторые из них давно присутствовали в индийской экспозиции МАЭ [Альбедиль 2015]. В дополнение к ней наличествует интересная коллекция миниатюрных скульптур из Южной Индии и Цейлона, изображающих музыкантов и танцовщиц (коллекция № 3109, 19 предметов).

В коллекции № 2984 разнообразно представлены детские игрушки (около 150 экспонатов) и с севера, и с юга Индии. Немногочисленны, но интересны по составу коллекция № 3006 (объекты исламского культа, 7 предметов) и коллекция из Ориссы, содержащая предметы, связанные с праздником в честь местного культа божества Джаганнатха в г. Пури: скульптура малой формы, изображения божеств из мыльного камня (№ 2978, 10 предметов).

Стоит обратить внимание, что экспедиции удалось доставить в МАЭ очень хрупкие и сложной конфигурации экспонаты: это модели бенгальской деревни, а также сцен, изображающих выращивание и использование продуктов пальм — кокосовой и пальмиры. Выполненные местными мастерами, они ярко передают колорит жизни народов Южной Азии и пользуются постоянным интересом посетителей индийской экспозиции.

Итак, из приведенной информации о составе коллекций, вывезенных экспедицией Мервартов из Индии и Цейлона, уже становится достаточно ясно, почему при создании постоянной экспозиции отдела Индии они использовали не монографический подход (представление отдельных этносов с особенностями их культуры в большей или меньшей полноте), а принцип тематического показа главных черт культуры и быта проживающих в Юж-

ной Азии народов в целом. Предметы разного этнического происхождения сгруппированы так, чтобы дать представление о главных особенностях и чертах быта, жизненных принципов, культуры всего населения Южной Азии. А этнические их особенности представлены через уникальные образцы созданных ими артефактов.

Эти принципы отразились и в первом путеводителе этой первой комплексной экспозиции — в статье А.М. Мерварта «Отдел Индии» [Мерварт А.М. 1927в], которая, в сущности, является кратким этнокультурологическим описанием цивилизации, созданной народами Южной Азии. Эти принципы были унаследованы всеми индологами МАЭ, кто в дальнейшем хранил, дополнял и благоустраивал созданную А.М. и Л.А. Мерварт и сохраненную до наших дней экспозицию отдела Индии

4.2. Уроки этнографической работы А.М. и Л.А. Мерварт

Далеко не все, даже самые опытные, этнографы сознают, насколько специфична полевая этнографическая работа в этнической среде стран Южной Азии. Поэтому нам кажется, что навыки и результаты работы первой экспедиции МАЭ, проведенной в начале XX в., могут оказаться полезными и современным исследователям.

Ярким эпизодом этнографической экспедиции МАЭ в Южную Азию в 1914–1918 гг. была работа на Цейлоне (ныне Шри Ланка), куда они прибыли к началу лета 1914 г. Разумеется, есть некоторые общие подходы, которые используются во всех регионах. Так и Мерварты, начав свою работу с Цейлона, первым делом обратились к изучению коллекций Национального музея в Коломбо (краеведческого по своей сути, каким он остается и до сих пор), обобщиав это богатством и представительностью собранных там материалов по культуре местных народов. С самого начала они также воспользовались платной помощью местных жителей (соответственно и достаточно образованных). На этом этапе им уже удалось определить, что является характерным и наиболее важным в местной культуре, и даже собрать ценные коллекции.

Однако уже скоро они почувствовали, что видят только внешнюю сторону жизни ланкийцев (к тому же ярко окрашенную реалиями колониального бытия и доминирования, особенно в городах, английского культурного уклада). Поэтому они начали искать пути проникновения в подлинную суть местного быта, чтобы познакомиться с собственно этническими социальными и религиозными обычаями основного населения Шри Ланки — сингалов и тамиллов. Прежде всего они стали изучать соответствующие языки, без чего сближение с коренными жителями было невозможно. Труднее было в прямом смысле проникнуть в дома людей для непосредственного наблюдения и получения существенной информации.

Оказалось (и это наши исследователи многократно подчеркивали), что эти возможности легче открываются женщине. Разведав особенности местного этикета знакомства и гостеприимства, Людмила Мерварт сумела сблизиться с некоторыми местными семьями, в результате чего ей удалось провести значительные периоды времени в деревнях и общинах в качестве гостьи с «широкими правами», почти на родственном уровне.

Работа на Цейлоне, куда Мерварты прибыли к началу лета 1914 г., безусловно, была очень ярким эпизодом полевой этнографической работы экспедиции. Отсюда начиналось их трудоемкое и насыщенное научное путешествие по региону, здесь они впервые вырабатывали и на практике применяли методы своей полевой работы в изучаемой этнической среде и способы сбора полезной информации и коллекций для музея. К тому же им с первого взгляда понравилась страна, ее люди, и в их изучение они вложили свежий энтузиазм и мощный заряд любознательности, еще не омраченные приближавшимися трудностями, связанными с началом Первой мировой войны.

К тому же, как уже упоминалось, наши этнографы сознавали, что по-настоящему им все же не удавалось реально сблизиться с местными семьями, войти в их дома, завести не только официальные контакты. Отметим: как была эта задача непроста на Цейлоне во время Мервартов, так и сохраняется в современной Шри

Ланке. «С улицы» к этим людям запросто не придешь. И будет большой удачей, если подобные связи и отношения удастся установить [Краснодембская 2016].

Людмила Мерварт понимала, что нужно обрести особое доверие в местной среде. Оказавшись в сингальском доме, она стремилась быть не просто гостьей, но разделять все заботы женской части семьи, участвовать в общедеревенских событиях и мероприятиях. И, конечно, она преимущественно общалась с местными жителями на их языке, постоянно в нем совершенствуясь. Несколько месяцев, проведенных на правах своей в названной деревне, дали очень важные результаты в работе. Удалось узнать, как устроен деревенский и домашний быт, как распределяются социальные роли в деревне, в деталях описать устройство традиционного жилища, в частности своеобразное устройство кухни, предметов домашнего обихода, — все по конкретным наблюдениям. Большое внимание было уделено важнейшим ремеслам — гончарству и плетению, так как без предметов этого типа не обходится ни один сингальский дом. В деревне Ампития удалось подробнее изучить традиции одежды, питания, бытовых привычек сингалов. Эти сведения очень ценны для их исторической этнографии, так как мало фиксировались какими бы то ни было свидетельствами и источниками.

Полученный на Цейлоне опыт Л.А. Мерварт позже применила и в различных районах Индии. Будучи гостьей с почти родственными правами, она проводила много времени в деревнях и общинах и смогла непосредственно наблюдать традиционный уклад жизни разных этнических групп (и даже участвовать в ней), что позволило ей собрать редкие (и в те времена еще практически неизвестные западной науке) факты, касающиеся традиционного мировоззрения, религии и верований, социальной культуры, фольклора, этикета местных народов и этнических групп и т.п. Людмила Мерварт преуспела настолько, что в некоторых семьях ее именем называли новорожденных, а память о ее приезде кое-где сохранилась до сих пор.

Этот успех не случаен, так как в обществах Южной Азии «агентами культурной трансляции» (в первую очередь межпоколенной), как правило, выступают именно женщины. И происходит это прежде всего в семье. Разумеется, в этнографической работе можно использовать и общественные, официальные инстанции, но не стоит удивляться возникновению странных казусов, проволочек и т.п. Даже в таком контексте важно проявить личностный, не слишком официальный интерес и уважительное внимание к человеку, с которым вступаешь в контакт. Причем следует помнить, что находишься в строго иерархизированном обществе, основанном на представлениях о кастовом разделении. Общение с «низкокастовыми» людьми может оказаться даже небезопасным для иностранца. Не только зарубежные, но и местные исследователи могут испытывать определенные затруднения (вплоть до общественного осуждения), вступая в контакт с представителями «низких» слоев/групп общества. Эти особенности общения в южноазиатских социумах при всех изменениях в современной жизни в целом сохраняются и до наших дней.

Трудовое и насыщенное научное путешествие Мервартов по региону началось с Цейлона, где они впервые вырабатывали и на практике применяли методы своей полевой работы в изучаемой этнической среде и способы сбора полезной информации и коллекций для музея.

В 2014 г. Н.Г. Краснодембской удалось побывать в деревне Ампития, найти место, где стоял дом, в котором жила Л.А. Мерварт, встретиться с потомками той семьи, где гостеприимно принимали нашего этнографа. Воспоминания о ней все еще хранились у этих людей. И они сообщили нам еще одну подробность: как названный член семьи, Людмила Александровна внесла свою денежную лепту (солидную, как все еще вспоминали здесь) на ее содержание.

Гораздо меньше известны подробности полевой этнографической работы Л.А. Мерварт в Индии. Частично эту тему раскрывает конспект лекции «День индусской семьи», которую она прочитала в ИЖВЯЗ (Институте живых восточных языков) 18 февраля 1925 г. Приведем этот небольшой текст, ранее не публиковавшийся.

«Тема нашей с Вами сегодняшней беседы предст[авляет] собой уравнение с двумя неизвестными, так как для выяснения содержания понятия — день индусской семьи, нам нужно сперва уточнить значение выражения — индусская семья.

Семья — объединение двух лиц разного пола для производства себе подобных, так сказать, биологический подход.

Семья — объединение лиц, пользующихся одним и тем же имуществом — экономический подход.

Семья — объединение лиц, происходящих от одного общего предка — исторический подход.

Возможность и историческая последовательность всех трех подходов. Кратковременность биологического брака (без имущества) — родия² на Цейлоне, групповые браки.

Индусская семья — объединение экономическое. Общее происхождение есть форма ограничения числа пользователей имущества. Этим объясняется как матриархат, так и патриархат.

Владыко собственность требует разработки — патриархат или охраны — матриархат. Пример — 1) семьи брамина или Vellala³ 2) Tarwad⁴.

Земля, имущество — есть центр семьи. Пример — Diga⁵ или Vīna⁶, брак на Цейлоне.

[Богатства в начале накопления требуют профессионального обслуживания: полигамия — Urali, полиандрия — Khasi. — зачеркнуто.]

² Низшая каста сингалов на о-ве Цейлон.

³ Vellalar — высшая каста землевладельцев-тамилов Тамилнаду и Кералы в Южной Индии, на о-ве Цейлон.

⁴ Tarwad — тип матрилинейной большой семьи касты наяров (малаяли) в Керале. В состав семьи включаются глава — женщина Tarwad, ее сыновья и дочери, дети дочерей. Имущество семьи является неделимым.

⁵ Форма брака *diga* сингалов в Канди на Цейлоне: дочери получают приданое и, переселяясь в дом мужа, теряют право на наследство.

⁶ Форма брака *bini* сингалов в Канди на Цейлоне: муж переселяется в дом родителей жены и не имеет ни собственности, ни прав; возможно быстрое расторжение брака, если семья выбирает для женщины более подходящего мужа. Реминисценция древней формы брака.

Нельзя не молиться солнцу, земле, ветру, воде и т.д., от которых зависит все благосостояние. Не покинут семью мудрые деды. Добрые матери — вот основа как личной, так и общественной религии семьи.

[Примечания на полях — вероятно, список иллюстраций, примеры:

1. Родия
2. Малабарский дом
- 3) Внутри —«—
4. Дом *Sigiri*⁷
5. Дети около кухни *Sankissa*⁸
6. Ведарка с ребенком
- 7.) Продажа зерна
8. Продажа фруктов
9. Тезаурирование семьи
10. Утечка богатств]

Перерыв.

Содержание понятия индийской семьи мы выяснили, теперь надо отдать себе отчет в ее ежедневной внутренней жизни. Из даже краткого моего перечисления форм индийской семьи Вы видите, что нельзя говорить о тождественности ее внутренней жизни. А ведь я еще и вовсе не касалась того крупного различия, которое получается при формах моногамной и полигамной семьи. Об этом я буду говорить завтра. Какую же форму семьи мы будем сейчас исследовать? Конечно, наиболее распространенную индусскую. Правда и она может быть как патриархальной, так и матриархальной, но здесь у нас имеется важный нормативный элемент: индусское общество — общество кастовое и группируется в порядке строгой

⁷ Возможно, *Sigiriya* (сингал.; «Львиная скала»), скальное плато, возвышающееся на 370 м над уровнем моря в самом центре острова Цейлон; крепость V в. н.э., открытая в 1907 г., памятник, включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁸ Возможно, *Sankissa Basantapura*, место паломничества буддистов в Северной Индии.

и признанной иерархии. Низшие стараются подражать высшим, поэтому остановимся преимущественно на брахманах, памятуя, однако, что все касты по возможности стараются им подражать.

4 периода жизни брахмана. Семейная жизнь. *Grhasta*⁹ встает до света, созерцает, повторяя имя бога, но не веды, ибо еще не очистился.

Прогулка в лес (вместо уборной), возвращение: мытье рук, ног, рта, чистка зубов, купание в реке или пруде с обращением к 7-ми свящ[енным] рекам. Нырять — *Hari* (вишнуит) или *Hara* (шиваит), три возлияния восходящему солнцу и *gayatri*¹⁰.

Ом, *bhur bhuvah suvah*
Ом, *tat savitur varēnyam*
Bhargō dēvasya dhīmahi
Dhiyō yonah prachōdayāt

Ом, земля поднебесье и небо
Ом, погрузимся в созерцание
Прекрасного животворящего света божественного,
Просвещающего наш разум.

Берет с собой домой воду и дома наносит на лбу и теле религиозные знаки, а потом произносит утреннюю молитву. Очищение тремя глотками воды.

*Sankalpat*¹¹.

Три возлияния *gayatri*, 10 *gayatri* со священной нитью в качестве четок. Молитвы солнцу и четырем сторонам света. *Pravara*¹² возлияния предкам.

⁹ Женатый домовладелец (санскрит.).

¹⁰ *Gayatri* (санскрит.) — гимн, песнопение.

¹¹ *Sankalpat* — Санкальпам, клятва (обещание) перед пуджей или ритуалом, позволяющая богам и святым знать, что совершается пуджа, какую именно мантру и сколько раз будет повторять молящийся и что именно он хотел бы попросить.

¹² *Pravara* (санскрит.; «самый совершенный»). Титул брахмана, потомка риши (мудреца), происходящего из этого рода (готра).

Все эти церемонии повторяются перед обедом, затем идет поклонение домашним богам (статуэткам), предложение им всей пищи.

Порядок сидения за обедом.

Двери запираются, обрызгивание водой и *gayatri*. Едят правой [рукой], пьют левой. Церемониальная чистота воды. После еды очищение глотком воды.

Поздний ужин с теми же церемониями. Посвящение пищи богам жестом руки, ударом гонга и зажиганием камфары.

*Vanabhojanam*¹³, еда в пути и необходимость *choultry*¹⁴.

Индус чрезвычайно осторожен относительно своей церемониальной чистоты.

Вечером опять молитвы, особенно о добрых снах.

Это, так сказать, костяк дня. Остальное время каждый занят своим делом.

Теперь несколько слов об понятии свящ[енной] нити.

Ее носят только *dvija*¹⁵, брамин надевает на 7-м году, воин на 10-м и купец на 12-м. Церемония *урапауанам*¹⁶.

¹³ *Vana Bhojanam* — ритуал в Андхра Прадеш (телугу), в Южной Индии. Люди общины, собравшись на природе (в лесу или в парке), под деревом амла (*Phyllanthus emblica*), делятся друг с другом пищей или благополучием. Проводится в индуистский месяц *картика* (конец октября — ноябрь) или *шравана* (конец июля — август).

¹⁴ *Choultry* (инд.) — место отдыха для посетителей, где комнаты и питание предоставляются благотворительным учреждением по номинальным ценам.

¹⁵ *Dvija* (санскрит.; «дваждырожденный») — представитель трех высших варн индуизма (брахманы, кшатрии, вайшьи), прошедший обряд *упанаяна*, который символизирует второе рождение и дает право участвовать в ритуалах.

¹⁶ *Урапауана* (санскрит.; «посвящение, введение») — индуистский обряд получения священного шнура *упавиты*, в ходе которого молодого человека одной из трех высших варн формально посвящают в изучение Вед. Обряд *упанаяны* считается вторым, духовным рождением и сопровождается наречением посвящаемому нового имени. Обряд *упанаяны* знаменует окончание детства и вступление юноши в одну из трех высших варн.

*Онам*¹⁷ праздник плодородия (сентябрь) — елка (?).
 Необходимость желтого цвета в подарках.

[Примечания на полях — вероятно, список иллюстраций, примечания:

1. *Кашимирка молотит рис*
2. *Отвечивает его*
3. *Сингалезка с водой и рисом*
4. *Женищина готовит пищу*
5. *Домашний алтарь Naga worship*¹⁸
6. *Канара*¹⁹ *сельский храм*
7. *Храм богини оспы*²⁰
8. *Онам Maharishan*²¹
9. *Perahera*²²

10. *Маленькая невеста*

11. *Сожжение трупа*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 1–2].

¹⁷ Онам — крупнейший фестиваль в южноиндийском штате Керала, одновременно праздник урожая. Проходит в течение десяти дней в месяц *чингом* (август-сентябрь) календаря малаялам.

¹⁸ *Nāga* (санскрит.; «змея») — змееподобное божество в индуизме и буддизме. Алтари почитания змей в Южной Индии зафиксированы на ряде фотографий Мервартов.

¹⁹ Канара — прибрежная область на западном побережье Южной Индии, к югу от Гоа.

²⁰ Мариамман (тамил.; «Мать») — в индуизме богиня эпидемических болезней. Известна под эвфемизмом «Мать». Считается, что Мариамман ответственна за распространение болезней, особенно оспы, ветряной оспы, холеры.

²¹ *Онам Maharishan* — «Онам Великих мудрецов». Праздник знаменует собой ежегодное возвращение легендарного царя Махабали к своему народу, к которому он был так привязан.

²² *Perahera* (сингал.; «процессия») — праздничная процессия на о-ве Цейлон, с костюмированными танцорами и музыкантами, шествием слонов и др. Особо пышный фестиваль Зуба Будды проводится в Канди в июле-августе.

Как видим, в своих лекциях Л.А. Мерват рассматривала содержание основополагающих этнографических понятий, трактовка которых в разные исторические эпохи менялась, в данном случае понятие семьи. Л.А. Мерват базировалась на реалиях тех южноазиатских культур, которые она изучала в полевых условиях. Тем самым приведенный материал можно рассматривать как *case study*. Конспект лекции, таким образом, раскрывает методику преподавания этнографии, которую применяла Л.А. Мерват в ЛГУ.

Обратим внимание на написание индийских терминов — Л.А. Мерват придерживается южноиндийского варианта.

К неопубликованному научному наследию Л.А. Мерват следует причислить рукопись «О возможности торговли с Индией» на девяти страницах [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 10–22]. В Индии ею были собраны определенные материалы и наблюдения по сути и особенностям местной торговли и народных представлений о нормах и правилах торговых и товарообменных отношений.

Как правило, представители торговых сословий в Южной Азии легко обсуждают вопросы коммерческой выгоды (но не тайны, конечно), не скрывая, что стремятся к ее обретению, нередко выражают приязнь и симпатию именно через «денежный эквивалент». Именно так надо расценивать исконную систему скидок в торговом деле: это не просто психологический ход для привлечения клиентов, но и своеобразная этикетная норма, способ выразить уважение к покупателю. И в семейно-родственном, и в дружеском обиходе не стесняются одаривать друг друга не только ценными подарками, но и денежными суммами. Иногда норма просто требует этого. Такова личная *дхарма* купца-торговца в южноазиатском мире и целых этнических групп и сословий, чьим профессиональным делом является торговля [Соболева, Краснодембская, Котин 2015: 29].

Эти воззрения отличаются от свойственных представителям более «благородных» социальных разрядов, не связанных с торговым делом: там иногда даже подчеркивают свое равнодушие,

пренебрежение ко всему материальному в отличие от духовного. Тем не менее людей преуспевающих в этом мире всегда уважают, расценивая их достижения как результат кармического успеха.

Без сомнения, Л.А. Мерварт хорошо ориентировалась в ситуации и соотносила свое поведение в местной среде с существующими правилами. Нам известно, что в определенных случаях она и сама не скупилась на «материальное проявление» дружеских намерений. Думаем, это тоже способствовало ее научным успехам.

Осмыслив свой опыт проживания в народной среде и особенности структуры индийского общества, Л.А. Мерварт в 1929 г. высказала ни много ни мало уже целый ряд предложений о перспективах торгово-экономических отношений нашей страны с Индией. По ее мнению, Индия могла стать потенциальным рынком для многих российских товаров, если торговать непосредственно с местным населением, «минуя английского купца». При этом она подчеркивала ту выгоду, что Россия будет поставлять «*фабрикаты и полуфабрикаты*», а получать от торгового партнера сырье [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 10].

Прежде всего Л.А. Мерварт обратила внимание на возможности товарообмена в области чайной торговли, отметив, что торговцы чаем в Индии из-за дефицита древесины остро нуждаются в фанерной таре, которую могли бы поставлять из России. Еженедельно чайные аукционы в Коломбо и Калькутте продают каждый раз по 1,5–2,5 млн фунтов; 25–50 % чаев имеют право продаваться в них. Остальные чаи продаются в Лондоне на тамошнем аукционе. Чай туда грузят в Калькутте, Коломбо, Бомбее, Мадрасе, вероятно, в Кочине. Она даже привела пример успешного опыта в таком деле: «Зав. Калькуттским отделением фирмы “Губкин, Кузнецов и Ко.” Ампенов выписал для надобностей торгового дома партию фанерных ящиков в разобранном виде из Владивостока с завода Скидельского. Она превзошла его потребности, но остаток был немедленно приобретен английскими плантаторами за сумму, значительно превышающую стоимость

всей партии с доставкой и накладными расходами» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 10].

Автор записки отметила также, что в Индии высоко ценят русские автомобильные шины, считая, что они более других подходят для индийских дорог и климатических условий. Даже английские плантаторы (приводится соответствующее высказывание в 1915 г. председателя Южноиндийской ассоциации плантаторов Ричардсона) готовы ради получения таких шин торговать с Россией своим каучуковым сырьем.

Рассматриваются в записке и возможности торговли обувью, в частности резиновой: *«Во время муссона, т.е. дождливого периода, в Западной Индии население испытывает большие затруднения в отношении обуви. Деревянные сандалии не защищают ногу от сырости, вязнут в размякшей почве. Кожаная обувь английского образца быстро портится, дорогая, не употребляется из-за религиозных предрассудков индусов против кожи. Оттого велико количество ревматических заболеваний. Галошный тип имеет большой сбыт. Этого товара не ввозят другие страны»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 11]. Л.А. Мерварт добавляет, что обсуждала возможности такой торговли с несколькими индийскими купцами.

Любопытны предложения Л.А. Мерварт насчет поставки в Индию медного листа и медной посуды, которые весьма востребованы (вплоть до наших дней!) в Индии, особенно в северо-западном и северо-центральной ее регионах: *«Во время войны получение меди сильно затруднено, в обиход с трудом стала входить алюминиевая посуда. Эмалированная посуда не прививается вовсе из-за кастовых и религиозных предрассудков. Меди в Индии нет. Она использовала ввозимую Германией нашу уральскую медь»*. Она отмечает, что во время экспедиции ее участники старались приобрести для МАЭ *«наиболее принятые формы индусских сосудов»*. Ориентируясь на эти образцы, а также на предметы индийской посуды из собрания музея А.Л. Штиглица, русские *«заводы могли бы легко снабжать индусское население не только полуфабрикатом, листовой медью, но и готовыми посудными из-*

делиями пригодной для него формы» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 11].

И еще одно важное наблюдение этнографа: «Ввозившаяся Англией и Германией посуда в Индии не привилась благодаря своей европейской форме и отсутствию индийских орнаментов. Поэтому возможно предположить, что при условии “индианизации” успех сможет сопутствовать и торговле алюминиевыми изделиями» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 12].

Л.А. Мерварт как этнограф видит перспективы и для торговли в Индии изделиями из стекла: «Индусские женщины всех классов и каст носят много стеклянных украшений, главным образом браслетов или, вернее, запястий, т.к. они не растягиваются, бус и бисера. Своей стеклянной массы Индия не выделяет, а употребляет на свои поделки стеклянные бутылки из-под содовой, пива, виски и т.д., ввозимые вместе с содержимым из Европы и Японии (пиво). СССР мог бы ввозить не только чистую массу, но и готовые изделия. В Музее этнографии много собранных мною излюбленных в Индии образцов. Этот товар может оказаться весьма выгодным, так как, во-первых, каждая даже самая бедная женщина эти украшения носит и в большом количестве (по 10–12 запястий на каждой руке), и кроме того очень много ритуальных и бытовых случаев, когда их надо разбить и заменить новыми. Япония стала ввозить их во время войны. Ее товар был очень хрупок, пр., зато и дешев, но не очень нравился, так как при всем своем изяществе не соответствовал грубым, но привычным индийским образцам. Бусы и бисер ввозились, главным образом, китайцами, но особенно бусы китайцы много везли из России» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 12].

Отмечены ею возможности торговли золотной и серебряной нитями и канителью, промысел которых, по ее мнению, хотя и деградировал в самой России, но еще может быть восстановлен. А в Индии и на Цейлоне есть в них большая потребность «для вышивки головных уборов, поясов, обуви, женской одежды, для тканей, парчи, кружев». Парча играет очень большую роль как материал при шитье мужской одежды (кафтанов) мусульманского

населения Северной Индии. *«Некоторое количество делается на месте, волочится из чистого золота и серебра и наматывается на желтую или белую шелковую нить. Это дорого! Небольшое количество ниток привозят из Мюнхена, они хороши, но со временем темнеют, их очень мало. Во время войны они совсем исчезли. Ввозятся немецкие и японские золотные и серебряные нитки, но они быстро темнеют и обесценивают всю сделанную ими вещь. Российские нитки для золотошвейной работы и канитель не темнеют, могли бы хорошо продаваться в Индии. Парча вырабатывается в Дели, Лахоре, особенно в Бенаресе, продается по очень большим ценам 75–90 рупий за ярд, то есть от 55 до 70 руб. за метр. Российские ткани дешевле, но надо вырабатывать те сорта и узоры, которые идут в Южной Азии. Образцы их есть в Этнографическом музее, бывшем Штиглица»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 13].

Л.А. Мерварт увидела немалый смысл в поставке тканей в страны Южной Азии, где в 1914–1818 гг. бóльшая часть текстиля была ввозной. *«Я по мере сил и средств собирала излюбленные на местах узоры, думая, что наша текстильная промышленность могла бы использовать их для проникновения на индийский рынок»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 13]. Ею отмечено, что ситцы из России пользуются у местного населения хорошим спросом (примером послужил, в частности, случай, когда «влёт» были раскуплены ткани, снятые с затопленного русского корабля и пострадавшие от морской воды): в 1915 г. в порту Коломбо загорелась «Пермь», шедшая к Галлиполи с грузом пироксилиновых шашек для крейсера «Аскольд», принимавшего участие в операциях английского флота. Капитан ее, контр-адмирал Плядо, во избежание взрыва, открыл кингстоны и потопил ее. Затем она была поднята. Груз, которым были прикрыты снаряды («Пермь» шла как торговое судно Добровольного флота, имея при 3 тыс. тонн водоизмещения капитаном контр-адмирала), попортился от морской воды, поэтому часть его — сахар и мука — была выброшена, а часть — ситец — отправлена на восточный рынок, парфюмерия была продана с аукциона. Ситцы стоили

у нас 10–15 коп. аршин, испорченные водой и дымом шли тюками по 65 коп. — 1 руб. за аршин. Через два дня такого ситца на туземном базаре уже не было, его расхватили по ценам до 3 руб. за ярд.

Это обстоятельство, как комментировала этнограф, *«объяснялось рисунками этих ситцев и их добротностью. <...> Если Индия и обслуживает себя уже сама в отношении тканей, но в Цейлоне — нет, он может поглотить большое количество, особенно если будет состоять не только из бумажных тканей, но и печатного (набивного) шелка эри»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 14]. Добавим, что в 1914–1918 гг. в Индии Л.А. Мерварт познакомилась с производством шелков эри, вырабатываемых на хлопчатобумажных фабриках. Коконами этого шелкопряда занималась шелководческая секция Агрикультурного института в Пуне. Эри отличается от шелка из коконов тутового шелкопряда [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 253–255].

В записке говорится и о большой потребности бумажной массы для печатного дела в Индии, и о поставке определенных видов пищевой продукции: *«К местным вкусовым требованиям хорошо подойдут грибы соленые и маринованные (не сушеные), все соленые и маринованные овощи (огурцы, свекла, капуста, морковь, кабачки, помидоры, редька — особенно последняя), тыква, моченые яблоки, брусника»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 14]. Основа питания Южной Индии, Цейлона, Западной Индонезии — рис с приварками, острыми приправами. Преимущественно вегетарианцы. Индус очень осторожно и ритуально относится к пище. Англичане, голландцы — мясоеды; индусы считают их еду нечистой, избегают их консервов. Для развития этой отрасли торговли Л.А. Мерварт готова поделиться рецептами, *«которые дают блестящие результаты с нашими кислыми ягодами — брусникой, смородиной, зеленым крыжовником, особенно с клюквой. Их я уже испробовала, они очень близки к излюбленным индийцами сортам, привьются»* [Там же. Л. 15].

Предполагает она и возможность экспорта сладостей: *«Индусы и мусульмане Индии и Цейлона потребляют много сладостей, но английская продукция (шоколад, марципан, помадки, кексы, бисквиты)*

не пользуются большим спросом из-за дороговизны и отрицательного отношения к английской пище, не соответствующей вкусам индийцев. Этим требованиям соответствуют халва, рахат-лукум, гузинаки, тянучки, орехи с имбирем в сахаре, засахаренные фрукты (особенно клюква), пастилы мягкие, смоквы, пряники стили вяземских. Не подойдут варенья — их нечем есть. Местное население ест руками и пьет только перед или после еды, а не вместе с ней» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 15].

Ввозить из Индии и Цейлона предлагалось чай, каучук, красящие и дубильные вещества, перец, пряности, рис, кокосовый орех, какао.

И еще очень важный совет этнографа — держать верный тон с местными людьми, проявлять искреннюю заинтересованность в деле и уважительное отношение к партнерам, в отличие от слегка презрительного или снисходительного, которое нередко демонстрируют чиновники и дельцы английской колониальной власти [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 17]. Приведены также сведения об особенностях этнического и религиозного состава разных регионов Южной Азии, даны некоторые рекомендации по организации торговых связей и налаживанию личных деловых контактов.

Очевидно, что представленная записка содержит интересную этнографическую информацию, которая может быть использована как в научных, так и в практических целях. Своеобразный по своим задачам текст, несомненно, демонстрирует наблюдательность, острый ум и аналитические способности Л.А. Мерварт. Возможно, некоторые из ее советов актуальны до сих пор.

Для нас, кроме всего, поучительна сама позиция Л.А. Мерварт, утверждающая идею возможной роли этнографа в развитии торговых отношений между этносами и целыми странами, которая подтверждается опытом полевой работы наших исследователей.

Супруги Мерварт в Индии тщательно готовились к полевой этнографической работе. Об этом свидетельствуют, в частности, их выписки из публикаций Ethnographical Survey о кастах куруба (Kuruba), голла (Golla), мадига (Madiga), хoleyя (Holeyя) [СПбФ

АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 1], о племени ведан (Vedans, Elichattu) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 70.], проживавших в Южной Индии.

Г.Х. Мерварт составил на английском языке вопросник для изучения племени арайан (Hill Arayans, Mala-Arayans), проживавшего в горах близ г. Мандакайям (Mundakayam) в Керале. Развернутые ответы на эти вопросы по-английски и на языке малайлам, очевидно, записаны одним из индийских помощников Мервартов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 1–24].

Л.А. Мерварт изучала сказки и легенды ассамских племен (мифы о происхождении качаров²³ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 63. Л. 1–5]) и этногенетические предания малайцев²⁴ [Там же. Л. 6–9].

За время экспедиции ее участники, и прежде всего именно Л.А. Мерварт, установили контакты с отдельными группами населения Цейлона и Южной Индии, с мусульманским населением в Дели, Кашмире, Бенгалии. Благодаря глубокому проникновению в сугубо народную среду этнографы смогли узнать многие сокровенные подробности этнической жизни, подлинные представления и понятия представителей разных этнических групп в различных сферах их существования. Ученым открывались в натуральном проявлении глубинные особенности традиционного мировоззрения, социальной организации, бытовых привычек.

Таким образом, А.М. и Л.А. Мерварт были провозвестниками метода «вживания в этническую среду», который стал применяться этнографами во второй половине XX в. Наши ученые использовали этот метод очень плодотворно. Вероятно, им помогло и хорошее обладание эмпатией, но это уже другая тема.

²³ По книге: *Soppitt C.A. A Short Account of the Kuki-Lushai Tribes on the North-east Frontier (districts Cachar, Sylhet, Naga Hills, Etc., and the North Cachar Hills), with an Outline Grammar of the Rangkhul-Lushai Language and a Comparison of Lushai with Other Dialects.* Assam: Secretariat Press, 1887. 88 p.

²⁴ По книге: *Hambruch P. Malaiische Märchen aus Madagaskar und Insulinde.* Jena: E. Diederichs, 1922. 330 S.

Глава 5

Научное наследие, научно-преподавательская и музейно-просветительская деятельность А.М. и Л.А. Мерварт в МАЭ в 1924–1930 гг.

Научная работа А.М. и Л.А. Мерварт практически неотделима от их собирательской и музейной деятельности. Исследования в области языков, литературы, религий, театра, материальной культуры народов Цейлона и Индии помогали неутомимым исследователям профессионально осуществлять приобретение экспонатов для Музея антропологии и этнографии, а позднее все их знания пригодились при работе над экспонированием собранных ими коллекций в родном музее.

На Цейлоне Л.А. Мерварт изучала сингальский язык, быт и обычаи сингалов. Впоследствии прежде всего ее усилиями была подготовлена книга «В глуши Цейлона» [Мерварт, Мерварт 1929] — первый очерк из предполагавшейся серии этнографических очерков о народах Южной Азии. В значительной степени это полевые записи, которые вела Людмила Александровна в 1914–1915 гг. Книга, изданная в популярном издательстве П.П. Сойкина, уже давно стала библиографической редкостью. Усилиями Н.Г. Краснодембской текст переиздан в 1997–1998 гг. [Мерварт, Мерварт 1997; 1998].

В 1915 г. для журнала «Цейлонский антикварный и литературный регистр» была подготовлена статья Л.А. Мерварт о Паттини-деви. Она записала текст легенды о богине со слов профессионального сказителя в дер. Руванвелла в области Сабарагамува. Помощь в переводе оказал Джон М. Сенавиратне. Он заполнил в полевой записной книжке Л.А. Мерварт несколько страниц по-английски [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 155–157, 188–189] и по-сингальски [Там же. Л. 147], и этот фрагмент вошел в статью [Meerwarth-Lewina 1916–1917: 32, сн. 8]. В письме из Коломбо 24 июня 1915 г. он уточнил некоторые сведения о сюжете [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 76. Л. 1–1 об.]. В переработанном виде статья была опубликована в Ленинграде в 1929 г. [Мерварт Л.А. 1929б].

А.М. Мерварт в большей степени занимался изучением санскрита, буддизма, санскритской, в том числе буддийской, литературы, тамильским языком, литературой на тамильском языке. Для того же цейлонского журнала “Ceylon Antiquary and Literary Register” им была написана на английском языке [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 2–8] статья «Очерки сингальского фольклора» [Вигасин 2003: 382]. Она должна была стать вводной к будущей серии очерков компаративистского исследования, в которых Мерварт намеревался проследить историческое развитие сингальской сказки. В своем кратком очерке А.М. Мерварт высоко оценил труды британского инженера Генри Паркера (1849–1924), прикомандированного к Министерству ирригации в 1873–1904 гг. В те годы Паркер собрал и перевел огромный пласт сингальских сказок [Parker 1910; 1914a; 1914b] касты земледельцев и разных низших каст, а также записанных у веддов, и сказки южноиндийского происхождения [Meerwarth 1915]. Но больше к теме сингальского фольклора Мерварт не возвращался.

В Индии А.М. Мерварт перевел все недавно обнаруженные пьесы Бхасы с санскрита на русский язык, а также предпринял перевод на русский язык с тамильского поэмы «Манимехалей» [Вигасин 2003: 384]. Научная деятельность А.М. Мерварта была отмечена его избранием 2 мая 1917 г. иностранным членом Ази-

атского общества Бенгалии (Asiatic Society of Bengal) в Калькутте [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 8]. Д-р Н. Аннандель, вице-президент Азиатского общества Бенгалии, рекомендовал его как помощника хранителя МАЭ. А.М. Мерварт 6 июля 1917 г. в помещении общества прочитал лекцию «Драмы Бхасы: литературное исследование», текст которой опубликован в декабре 1917 г. в «Журнале и записках Азиатского общества Бенгалии» [Meerwarth 1917a]. Этому тексту дал высокую оценку исследователь русской индологии, историк, профессор МГУ А.А. Вигасин: «С точки зрения исследователя, основной проблемой являлась датировка текстов пьес, а не проблема авторства именно Бхасы (о чем преимущественно дискутировали ученые). Особое внимание он уделил драме “Свапнавасадатта”, которая и ныне с наибольшими основаниями может считаться древнейшей. Для датировки текста исследователь предлагал несколько критериев — сопоставление с эпосом, с “Натьяшастрой” и т.д. Он сравнивал драму с сочинениями Калидасы и находил, что если последние напоминают стиль искусства гуптской эпохи, то “Сапнавасадатта” ближе вкусам кушанского времени. Общая тенденция развития индийской эстетики, по мнению Мерварта, — от простоты и реализма к утонченному изяществу. Видимо, не все драмы казались ему столь же древними, как “Сапнавасадатта”, во всяком случае в “Балачаритре” он усматривал нечто вроде средневековой мистерии» [Вигасин 2003: 385].

Выполняя обязанности хранителя этнографической экспозиции Индийского музея в Калькутте, А.М. Мерварт опубликовал два путеводителя. Путеводитель по коллекции музыкальных инструментов [Meerwarth 1917b] был отмечен положительной рецензией британского антрополога Генри Лин Рота в журнале “Man” в 1919 г. [Rev. by Ling Roth 1919].

Другой путеводитель по племенной экспозиции, представлявшей Андаманские и Никобарские острова, а также племена Аксамы (Abors, Mishmis, Nagas, Kukis, Manipuris, Mikirs, Khasis, Garo), вышел в свет в 1919 г. [Meerwarth 1919]. Путеводитель был переиздан в 1980 г. в Индии, и в предисловии сотрудник отдела-

ния истории Университета Гувахати (Ассам) Н.Н. Ачария писал, что он сумел получить фотокопию путеводителя в 1955 г. в Англии, и с тех пор подобных публикаций не было. А.М. Мерварт написал оригинальную книгу, не просто путеводитель, но источник, имеющий целью стимулировать интерес исследователей к региону. С этой целью в конце каждого раздела добавлен список литературы и предметов, которые еще необходимо собрать для Индийского музея (*Desiderata*) [Meerwarth 1980]. Укажем, что этой тактики А.М. Мерварт придерживался и далее, решая задачу пополнения этнографических коллекций МАЭ и европейских музеев.

В 1924 г. по возвращении в Ленинград Мерварты принялись разбирать привезенные ими предметы. «Разбор коллекций начали почти сразу по приезде, едва устроившись на казенной квартире (тут же рядом с МАЭ — Университетская наб., д. 1). В это время шла подготовка к 200-летию Академии наук, и в честь этого события в кратчайший срок была создана новая экспозиция индийского отдела: тогда она занимала весь двухсветный зал с шестью парами окон на втором этаже. В 79 шкафах, на четырех подиумах и семи щитах были выставлены привезенные коллекции, дополненные предметами и из более ранних собраний. Новая экспозиция широко и разносторонне представляла быт и традиции народов южноазиатского ареала (а также Бирмы и Сиам <...> К началу 1926 г. уже был составлен насыщенный, детализированный путеводитель по вновь созданной экспозиции, фактически явившийся сжатым, но очень содержательным очерком материальной и духовной культуры изученного ими региона)» [Краснодембская 1997: 322–323].

В МАЭ Мерварты провели колоссальную работу по разборке и регистрации индийских и цейлонских коллекций. Вещи распределили по тематическим коллекциям, зарегистрировали и описали предметные и иллюстративные коллекции.

Заметим, что описи, составленные позже, в 1927–1929 гг., содержат нередко лишь наименование предмета, иногда минимальный комментарий; видимо, Т.А. Корвин-Круковская спешила за-

регистрировать предметы, оставив подробное их описание на потом.

В МАЭ «занимались» (работали с предметами и одновременно проходили обучение) студенты. В отделе Индии с августа 1926 г. — Б.С. Благовещенский, с ноября 1926 г. — А.А. Зеленецкий; в отделе Индонезии с февраля 1926 г. — Б.Л. Богаевский («изучал примитивное искусство»), с октября 1926 г. — Н.А. Елачич («определял музыкальные качества яванских бамбуковых колоколов») [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7. Л. 12], Л.А. Мерварт просила дать пропуск научному сотруднику Геологического комитета Владимиру Семеновичу Домбровскому с 27 августа по 1 июня 1928 г. для занятий в отделе Индонезии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 307].

Борис Сергеевич Благовещенский занимался в отделе Индии МАЭ в качестве приватного сотрудника, не получающего вознаграждение [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7. Л. 85, 86] (что было принято в музее с конца XIX в.). В частности, он составлял списки коллекций из бывшего музея Штиглица. Вернувшись из зарубежной командировки, А.М. Мерварт 15 октября 1927 г. отправил ему из Ленинграда рекомендательное письмо с письменным признанием *«той усердной и вдумчивой работы, которую Вы в течение года почти безвозмездно делали для Индийского Отдела. Надеюсь, что при случае эта рекомендация Вам пригодится, и желаю Вам от всей души дальнейшего преуспевания на Вашем жизненном пути»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 19].

В феврале 1925 г. А.М. Мерварт и ученый хранитель В.М. Лемешевский были избраны в число выборщиков от МАЭ в Выборную комиссию по перевыборам директора МАЭ Е.Ф. Карского, представителями же Историко-филологического отделения РАН были С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1925. Ед. хр. 174. Л. 148 об.].

А.М. Мерварт развернул в Ленинграде преподавательскую деятельность [Соболева 2014ж]. С 1924 г. он был ученым хранителем МАЭ и доцентом в Ленинградском институте живых восточ-

ных языков им. А. Енукидзе (наследника Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета) по страноведению Индии и тамильскому языку, с 1925 г. — доцентом факультета языка и материальной культуры (Ямфак) ЛГУ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 35]. Университетские курсы об индийской этнографии были им прочитаны с 1924 по 1928 г. в Ленинградском восточном институте и с 1925 по 1927 г. — на Восточном цикле на факультете языкознания и материальной культуры ЛГУ [Там же. Л. 34 об.]. Программа курса «Этнография Индии» заинтересовала председателя Этнографического отделения Географического факультета ЛГУ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 10–11]. Для Этнографического отдела Геофака он был готов прочесть в 1928 г. курсы «Музееведение» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 32] (который ранее читал Л.Я. Штернберг) и «Этнография индийских народностей» [Там же. Л. 34], в 1929 г. — курс «Этнография Индии» [Там же. Л. 48], а 15 апреля 1929 г. подал в Президиум Исследовательского института при этнографическом отделении ЛГУ докладную записку «О желательности учреждения секции музееведения» [Там же. Л. 51]. Для Ленинградского института живых восточных языков Александр Михайлович разработал план курса «Политическая и социальная история Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 27–27 об.], в 1927–1928 гг. — «Страноведение Индии» (для 1 курса — география и этнография, для 2 курса — политическая и социальная история), «Тамильский язык» (для 1 курса — грамматика, чтение легких текстов, разговорный язык, для 3 курса — чтение и объяснение текстов из классической литературы, научный стиль) [Там же. Л. 23]. По кафедре санскрита и новых индийских языков факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ он предлагал в 1927 г. читать курсы «Этнология Индии» и «Введение в сравнительную грамматику дравидийских языков», предназначенные для слушателей Геофака и Ямфака [Там же. Л. 22]. С 1929 г. читал курс о религиях Индии в антирелигиозном цикле Ямфака ЛГУ [Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т. 13. Л. 296].

В результате этой работы Александр Михайлович Мерварт подготовил первый в отечественной науке учебник тамильского языка [Мерварт А.М. 1929б; 1932]. В 1928 г. как лингвист он подготовил опубликованный в «Докладах Академии СССР» труд на английском языке «История интервокальных остановок в дравидийских языках» [Meerwarth 1928].

В архиве РАН сохранились составленные им планы курсов «Современные религиозные системы Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 53–53 об.] и «Введение в дравидийское языковедение» [Там же. Л. 54].

Как суммирует А.А. Вигасин, «на разных курсах Мерварт вел занятия по географии и этнографии Индии, политической и социальной грамматике дравидийских языков, индийским религиям, музееведению, преподавал литературный и разговорный тамильский язык» [Вигасин 2003: 389].

Он включал в программу занятия на индийской экспозиции МАЭ [Котин, Краснодембская, Соболева 2015]. Заявки на занятия поступали из разных вузов. Так, Рабочий факультет Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена просил 7 декабря 1925 г. в 11.00–15.00 провести экскурсию по отделам Австралии, Африки, Индии для студентов III курса, две группы по 45 чел., хотя в понедельник МАЭ был закрыт [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 347]; 2 февраля 1926 г., в субботу, в 11.00 — группа преподавателей (30 чел.) Школьной экскурсионной станции просила разрешения посетить отдел Индии для занятий с А.М. Мервартом [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 4].

А.М. Мерварт с 1924 г. вводил преподавание тамильского языка в ЛГУ. 25 мая 1927 г. он писал неперменному секретарю АН СССР академику С.Ф. Ольденбургу:

«Одним из результатов нашей командировки в Индию является преподавание тамильского языка в местных высших учебных заведениях и разработка научных проблем из области дравидоведения, которой я занялся с момента моего возвращения в 1924 г. В настоящий момент я заканчиваю грамматику разго-

ворного тамильского языка, построенную таким образом, чтобы дать лингвистический материал для специалистов-тамилистов, с одной стороны, и для языковедов вообще, с другой стороны. Мою нынешнюю командировку в Париж я предполагаю использовать для проверки грамматики вместе с тамилом, а также для собирания материалов для тамильской хрестоматии. Насколько это в моих силах, я постараюсь культивировать эту отрасль индологии. Одним из главных затруднений является невозможность печатать работы вышеуказанного характера в нашей типографии и вообще в Ленинграде ввиду отсутствия тамильского шрифта. Из разговора с зав. Академической типографией В.В. Нордгеймом я узнал, что типография охотно будет печатать тамильские тексты, если она будет снабжена соответствующим набором шрифта. Для нужд ближайшего времени достаточно 50 кг шрифта. Т.к. я буду в Лейпциге, где такой шрифт можно получить, я бы охотно взял на себя покупку и отправку его в том случае, если Президиум постановит ассигновать небольшую сумму — около 200 руб. — из золотого фонда, находящегося в распоряжении Академии в Берлине. Зав. типографией заявил мне, что типография сможет из своих сумм покрыть разницу в том случае, если расходы на приобретение и отправку превысят 200 руб. Отправка будет прислана малой скоростью до Гамбурга и русским пароходом от Гамбурга до Ленинграда. Очень прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Федорович, поддержать мое ходатайство перед Президиумом и Правлением, т.к. от этого зависит в значительной мере успешный ход моей научной работы и развитие дравидоведения в нашем Союзе» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 18–18 об.].

Президиум АН СССР 28 мая 1927 г. (§ 10) поддержал просьбу зав. отделом Индии А.М. Мерварта о приобретении из средств золотого фонда Академии наук за 200 руб. необходимого для академической типографии тамильского шрифта для печатания тамильских текстов, просил Правление снести с уполномоченным Академии наук в Берлине по заграничным заказам [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 411].

В 1926 г. А.М. Мерварт возобновил переписку с индийскими коллегами. Когда суперинтендант Правительственного музея в Мадрасе Фредерик Генри Грейвли (Dr. F. H. Gravely) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 6] просил его помочь приезжающему в Ленинград профессору Гопаласвами (Prof. Gopalaswami), 6 сентября 1926 г. А.М. Мерварт обещал это сделать, указывал, что интересные тому исследования ведутся в физиологической лаборатории профессора И.П. Павлова. Благодарил за присылку тамильских каталогов из Мадраса, которые ему, возможно, отправил библиотекарь Университетской библиотеки. Особо акцентировал, что книги и газеты на тамильском языке ему нужны для преподавания этого языка в ЛГУ и Восточном институте, и просил выслать комплект газет за два-три месяца на сумму 30 рупий. Другой просьбой А.М. Мерварта было договориться с одной из ведущих тамильских газет, чтобы его имя включили в список подписчиков на год и регулярно посылали газеты, а также 2–3 комплекта старых газет за месяц. Он признавался: *«Чувствую себя несколько ограниченным из-за нехватки современной тамильской прозы»* [Там же. Л. 6]¹.

6 сентября 1926 г. А.М. Мерварт обращался к своему старому знакомому махопадхья² пандиту Венкатараму Шастри (Mahopadhyaya, Pandit Venkataram Shastri Vidyabhusana) в городок Ченганнер княжества Траванкор (Chengannur, Travancore) относительно санскритских рукописей.

Судя по письму, тот испытал определенные трудности при отправке в Ленинград нескольких рукописей. В частности, было получено три манускрипта *«ola»* на продажу. А.М. Мерварт по финансовым причинам рукописи не покупал, но предложил их

¹ При Государственном музее Ченнаи имеется богатейшая публичная библиотека — Connemara Public Library, основанная в 1890 г. И.Ю. Котин и Е.С. Соболева посетили музей и библиотеку в 2014 г. и убедились в ее современной популярности.

² Mahopadhyaya (санскрит. «Великий учитель») — титул, который в Древней Индии присваивался ученым-брахманам, которые писали труды, основанные на темах, связанных с шастрами.

в Азиатский музей. Хранитель санскритских рукописей не выразил особого интереса к присланным рукописям, но был готов приобрести их, если цена будет не слишком велика. А.М. Мерварт благодарил пандита («дорогой Mahamaharadhya») за книгу о *катхакали*, которая помогла ему при подготовке статьи об этом южноиндийском театре [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 7–7 об.].

В августе 1926 г. А.М. Мерварт отправил рукопись своей статьи “The Kathakalis of Malabar” и 11 иллюстраций для публикации в авторитетном журнале французского Азиатского общества. 21 сентября 1926 г. он осведомлялся по-французски у редколлегии журнала, получен ли текст [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 1–1 об.]. Очерк А.М. Мерварта «Катхакали Малабара» вышел во французском переводе в том же году в четвертом томе журнала [Meerwarth 1926].

А.М. Мерварт организовал выпуск из-за границы литературы по бенгальскому фольклору, литературе и этнографии. Он был заинтересован в присылке каталогов и книг (сказки, народные песни, описание обрядов, ритуалов, праздников и т.п.), романов и газет на бенгальском языке. Для оплаты заказов он был готов открыть счет и регулярно его пополнять. Коммуникацию по этой теме просил вести через Т.А. Корвин-Круковскую [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 2]. В МАЭ прислали среди прочих каталог книг издательства “Panini Office”, Аллахабад, Индия [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 10].

Секретарю Азиатского общества Бенгалии (Asiatic Society of Bengal) А.М. Мерварт предложил исследовать тему деятельности Герасима Лебедева в Калькутте на базе индийских и российских архивов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 8].

Отметим, что имена первого российского индолога Герасима Степановича Лебедева (1749–1817) и организатора первой экспедиции МАЭ (1914–1918) на Цейлон и в Индию Александра Михайловича Мерварта (1884–1931) не так давно стали известны российским исследователям. Однако то обстоятельство, что А.М. Мерварт готовил к публикации биографию славного уроженца Ярославля,

малоизвестно. Через сто двадцать один год и тоже в Санкт-Петербурге вслед за книгой Г. Лебедева «Беспристрастное созерцание» (первое издание — 1805 г.) появилась новая оригинальная исследовательская работа, попытка «беспристрастного созерцания» индийцев в начале двадцатого века [Лебедев 2009].

Личность и труды Герасима Лебедева, которого считают первым русским индологом, привлекли внимание А.М. Мерварта. Однако тот факт, что интерес к жизни и творчеству Г.С. Лебедева возник у А.М. Мерварта уже после его возвращения в Ленинград, позволяет предположить, что вызван этот интерес был наличием ряда общих исследовательских тем, вероятно, темой традиционного (народного) индийского театра [Котин 2017].

Долгое пребывание в Индии, вероятно, сказалось на интересе А.М. и Л.А. Мервартов к россиянину, долгие годы проводшему в этой стране. Отметим и другие точки пересечения интересов двух отечественных индологов. Герасим Лебедев интересовался индийским традиционным театром и сам создал стационарный театр с постановками на бенгальском языке. А.М. Мерварт изучил разные виды народного индийского театра, стал пионером изучения южноиндийского традиционного театра *катхакали*, был редактором и автором ряда статей в сборник «Восточный театр». Оба исследователя интересовались живыми индийскими языками. Перу Герасима Лебедева принадлежит очерк грамматики калькутского варианта хиндустани, таким образом, он — бесспорный пионер изучения живых североиндийских языков. Александр Мерварт считается основоположником отечественного тамиловедения, автором первого учебника тамильского языка. Важный этап деятельности обоих связан с югом Индии и, конечно, с Калькуттой. Оба отдали дань изучению индийских обычаев, культуры, традиционного календаря. Приоритет здесь, конечно, за Герасимом Лебедевым, оказавшимся в Индии раньше на сто лет, чем Мерварты, но и заслуга последних в изучении Индии велика.

О Г.С. Лебедеве и о его попытке создания театра на бенгальском языке А.М. Мерварт, вероятно, в 1917 г. не знал, иначе он мог бы просмотреть подшивки калькуттских газет, которые

должны были быть в библиотеке Серампурского университета. Но при подготовке выставки «Театр народов Востока» у А.М. Мерварта возник уже серьезный интерес к жизни и деятельности Г.С. Лебедева.

С целью получения более подробной информации о деятельности Герасима Лебедева в Калькутте А.М. Мерварт в 1926 г. отправил письмо секретарю Азиатского общества Бенгалии (1 Park Street, Calcutta). Тем самым он предложил фактически начать исследовать тему деятельности Герасима Лебедева в Калькутте на базе индийских и российских архивов.

«Дорогой сэра и коллега,

Как иностранному члену Общества — я был избран в 1917 г. — мне, надеюсь, позволено побеспокоить Вас со следующей просьбой.

В настоящее время я работаю над биографией Герасима Лебедева, русского путешественника, который жил в Индии, и особенно — в Калькутте, в 1785–1797 гг. Лебедев написал грамматику хиндустани на английском, описание (на русском языке) индусских обычаев и традиций и перевел две английские пьесы на бенгальский язык. Он был владельцем театра на улице Dharamtollah Street, где были поставлены эти пьесы в его переводах в 1795 г. Из его писем и автобиографии следует, что он был вовлечен в длительный судебный процесс с управляющим Английской театральной компании. Он проиграл свой иск и был, в конце концов, вынужден покинуть Калькутту.

Во введении к своей “Грамматике хиндустани” он полемизирует, наконец, с сэром William Jones о переводе санскритских слов, принятых последним.

Заявления, которые Лебедев делает по отношению к его тяжбе и британским судьям в целом, кажутся довольно необъективными и односторонними и требуют уточнения.

Если бы мы могли получить документальные свидетельства о его иске, то это способствовало бы лучшему пониманию позиции русского путешественника и правам и обидам его дела.

Вполне вероятно, что в архивах в Fort William содержатся записи этого дела. Если это так, то я был бы очень благодарен,

если бы Вы могли скопировать всё, что касается этого судебного процесса, и послать это мне.

Как руководство Вам я прилагаю выдержки об этой части его биографии, которые относятся к этому иску.

Кроме того, вполне возможно, что имя Лебедева, который в свое время должен был быть довольно яркой фигурой в жизни Калькутты, может быть найдено в архивах Общества и в газетах того времени.

Не могли бы Вы взять на себя труд просмотреть архивы за вышеуказанный период и дать мне знать, что обнаружится в них или в газетах Калькутты того времени об этой интересной личности.

Я уверен, что, создав честный и детальный образ пионера индийской лингвистической науки и этнографии, я внесу, до некоторой степени, вклад в работу Азиатского Общества

Именно это убеждение дало мне мужество посягнуть на Ваше время и обратиться к Вам с этой просьбой. В то же время я вполне готов дать Обществу статью о Г. Лебедеве по-английски, которая может быть опубликована в "Journal and Proceedings". Это также даст мне возможность оплатить долг признательности Обществу и, возможно, возобновить своё членство, которое, вероятно, истекло в связи с моим отсутствием и неуплатой моего членского взноса.

Я с нетерпением жду Вашего ответа, который, я надеюсь, будет благоприятным, и остаюсь, дорогой сэр и коллега, с уважением, Ваш [А. Мерварт]» (на англ. яз.) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 8–9 об.].

К письму приложены несколько страниц машинописного текста на английском языке — выписки из статьи Ф.И. Булгакова о Лебедеве («Исторический вестник», ноябрь 1889, с. 519) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 12–12 об.].

Из черновика письма мы видим, что А.М. Мерварт высоко ценил Герасима Лебедева как «пионера индийской лингвистики и этнографии», изучение жизни и написание биографии которого представлялись ему важной задачей. Возможная публикация очерка жизни Лебедева в «Журнале Азиатского общества Бен-

галии» виделась ему как вклад и в мировую индианистику. А.М. Мерварт правильно определил возможный источник необходимой информации — архивы Калькутты и периодику того времени. Между тем работу в архивах Ленинграда он поручил своей помощнице Т.А. Корвин-Круковской. МАЭ просил *«разрешить научному сотруднику II разряда МАЭ Т.А. Корвин-Круковской изучать пять тетрадей рукописей Г. Лебедева в Гос. Центр-архиве»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 14]. По поручению А.М. Мерварта Т.А. Корвин-Круковская запросила в архиве следующие документы:

«1. Меморандум на английском языке, вкратце описывающий пребывание русского путешественника Герасима Лебедева в Индии, и перевод на бенгальский язык комедии “Притворство”, параллельно с английским текстом и русской транскрипцией.

2. Переписка Лебедева по поводу уничтожения его театра в Калькутте. На русском языке: письмо <...> Андрею Афанасьевичу Самборскому, письмо к полномочному посланнику в Лондоне гр. С.Р. Воронцову и письмо к о. Якову Ивановичу Смирнову.

3. Сравнительная грамматика и словарь языков хиндустани, бенгальского, английского и русского. Индийский календарь и изложение арифметических действий.

4. Подстрочный перевод с русской транскрипцией “Бидде Шундор” — сочинения брамина Шри Бграт Чанда Раи.

5. Афиши и воззвания» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 15]

А.М. Мерварт и Т.А. Корвин-Круковская знали о существовании бумаг Герасима Лебедева в астафьевском архиве Вяземских. А.М. Мерварт ссылается на публикацию Ф.И. Булгакова — одну из первых биографий Герасима Лебедева [Булгаков 1880]. К сожалению, начатую работу ученым завершить не удалось, в противном случае их работа стала бы первой научной биографией Герасима Лебедева. Примечательно, что А.М. Мерварт отводил особую роль изучению калькуттской прессы того времени, что позднее действительно оказалось оправданным, эти материалы

были позднее изучены Х. Мамутом в его наиболее полном исследовании, посвященном жизни и деятельности Г.С. Лебедева [Васильков 2012: 10–11].

Изучая тамильскую филологию, А.М. Мерварт ходатайствовал перед директором МАЭ Е.Ф. Карским о выписке из Калькутты 49 пластинок с фонографическими записями дравидских языков (Gramophone Records of the languages and dialects of the Madras Presidency) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 232].

В «Жизнеописании» (1930 г.) А.М. Мерварт писал: *«Нам пришлось усиленно работать, чтобы Индийский отдел Музея был закончен к моменту юбилея Академии наук, т.е. в сентябре 1925 г. Одновременно я получил поручение читать лекции по тамильскому языку и индийской этнографии в Восточном Институте. Прочел ряд докладов и публичных лекций об Индии и начал писать научные работы. За период между моим приездом и концом 1929 г. я выпустил около 15 работ, из них одну — тамильскую грамматику в 220 стр., одну на французском языке о южно-индийском театре в 100 стр. и т.д. Устроил выставку “Восточный театр”. До 1927 г., когда я получил заграничную командировку, я был один день в Москве, где я прочел публичную лекцию об Индии; лето я провел в Токсове, в Мельничном Ручье, был 5 недель (в мае 1926 г.) в Кисловодске в санатории Ц.К.П.Б.У. Постепенно обзавелся кругом знакомых. Из старых, довоенных знакомых очень мало кто остался. Круг моего знакомства был сосредоточен, главным образом, среди академиков, сотрудников АН и Университета»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 296].

Впоследствии прибавилось несколько лиц, стоящих вне этого круга, те лица, которые снимали дачу в Детском Селе. Среди его детскосельских знакомых — А.Н. Толстой, чей роман «Петр Первый» Мерварт планировал переводить на немецкий язык. Наверное, интересные и важные знакомства появились и за пять недель (в мае 1926 г.), проведенных в Кисловодске в санатории Центрального Комитета Коммунистической партии (большеви-

ков) Украины. Там он отдыхал с коллегой по МАЭ Д.К. Зелениным³, которому Л.А. Мерварт перевела 17 мая 1926 г. в Кисловодск «128 р. 70 к., оставшиеся после взноса в фонд помощи английским рабочим 1 р. 30 к. Это содержание по Академии наук. Надеюсь, что Вы хорошо оправляетесь, отдыхаете и Александру Михайловичу курить не даете» [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 279. Л. 1]. Лето 1928 г. А.М. Мерварт провел в дер. Новые Крупели на даче вместе с семьей Бенешевичей. В 1928 г. группа членов секции научных работников арендовала дом в Детском Селе (Слуцкое шоссе, 16). В одном доме жили директор музея Ботанического сада И.В. Паливин, специалист по чайному производству на Кавказе [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 302], и академик Е.В. Тарле [Там же. Т. 17. Л. 69.]. Лето 1929 г. Мерварты также провели в Детском Селе, где общались с А.Н. Толстым [Там же. Т. 12. Л. 296 об.].

Популярный лектор и автор А.М. Мерварт быстро вошел в круг творческой интеллигенции. Его знали писатели А.Н. Толстой, Е.И. Замятин, В.Я. Шишков, В.В. Липатов, Р.В. Иванов-Разумник, Н. Медведев (из Госиздата), В.С. Майзель-Вальдман (переводчица Госиздата), М.М. Зощенко, К.А. Федин, Т.Л. Щепкина-Куперник и ее второй муж адвокат Н.Б. Полюнов, художник и профессор ВХУТЕИН Н.Э. Радлов, артист Г.С. Венецианов, директор ТЮЗа А.А. Брянцев.

Тема восточного театра очень интересовала музыкально одаренного А.М. Мерварта. Он получил разрешение правления АН СССР на отъезд в Москву со 2 по 5 апреля 1926 г. для чтения лекций по индийскому театру [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 283].

В 1927 г., 11 января, А.М. Мерварт был избран сверхштатным действительным членом Государственного института истории

³ Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954) — фольклорист, этнограф. Заведующий Европейским отделом, библиотекой, старший этнограф МАЭ (с 1927). Профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР (с 1925).

искусств по секции истории театра [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 15], где готов был вести курс по теме «История и техника индийского театра, в частности народного театра» [Там же. Л. 25].

Ученый хранитель А.М. Мерварт и представитель Государственного института истории искусств Н.И. Конрад предложили ознаменовать 15-летие существования института 15 февраля 1927 г. устройством выставки по театру Востока. Президиум АН постановил *«принять участие в организации выставки представлением соответствующих экспонатов и труда его ученого и служительского персонала, с тем, однако, что АН дает необходимое помещение и средства для организации охраны экспозиции Музея»*. По поручению Совета МАЭ А.М. Мерварт составил объяснение и смету расходов по устройству выставки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7. Л. 34]. Выставка «Театр народов Востока» работала в Большом Конференц-зале АН с 27 марта по 9 апреля 1927 г. [Там же. Ед. хр. 5. Л. 142, 205], ее посетило более 3000 человек [Там же. Ед. хр. 1. Л. 2] На заседании Президиума АН СССР 18 апреля 1927 г. академик Е.Ф. Карский отчитался по авансу в 200 руб., выделенному на выставку из остатков кредита на научную работу [Там же. Ед. хр. 5. Л. 299].

Зимой 1927 г. А.М. Мерварт, Н.И. Конрад и Г.О. Монзелер посетили Москву для чтения лекций в театре Мейерхольда, А.М. Мерварт рассказывал об индийском театре, жил в Доме ученых два дня.

Л.А. Мерварт помогала мужу и одновременно осваивала новую специальность — малаистику. Также она устраивала быт семьи, в которой росли двое маленьких детей. Научная общественность жаждала узнать побольше об экспедиции в Южную Азию и ее результатах. В 1925 г. Л.А. Мерварт приглашали с докладом в секцию Института мозга, где изучались парапсихология, эпилепсия и другие родственные явления человеческой психики. Участники кружка, который вел Вечеслов, собирались на частной квартире доктора Панова. Для них *«Индия была местом*

всяческих чудес. Хотели услышать доклад о йогизме, факиризме и пр.», но Л.А. Мерварт решила этого не делать, так как методы кружка сочла ненаучными [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 31]. Кружок работал под руководством доктора М.Г. Вечеслова, который был членом масонской ложи. Он побывал в Афганистане в начале 1920-х годов с советской дипломатической миссией, а в 1925 г. вновь отправился в Афганистан [Андреев, Бережков 2006: 88].

Свою профессию Л.А. Мерварт указывала в анкетах как «этнограф и филолог» (1926) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 1], «этнограф, специальность — востоковед» (1933) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 1], «научный работник, этнограф, лингвист» (1940) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245 Т. 5. Л. 413].

В 1924 г., 4 декабря, Л.А. Мерварт была избрана сверхштатным научным сотрудником 1-го разряда (без вознаграждения) НИИ Сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при ЛГУ [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 14]. Она стала членом Неофилологического общества при ЛГУ, Радловского кружка при МАЭ, Ленинградского общества изучения местного края [Там же. Ед. хр. 1041. Л. 1].

Объем ее работы в МАЭ был поистине грандиозным. Удивительно, что Л.А. Мерварт находила время для научной работы. Она писала объемные статьи по разным темам индийской этнографии. Ей также приходилось помогать по работе мужу, русский язык которого не был безупречным, и основная часть описей индийских коллекций написана ее почерком. Она объясняла, А.М. Мерварт «читал мне из своей комнаты (у нас дома) иногда тот или другой отрывок из докладов вслух в том случае, если он ему казался особенно хорошо изложенным или же если касался материала, доставленного мною, и Александр Михайлович хотел проверить точность своего изложения. Копии хранил в кабинете в МАЭ, а не дома. После обыска 2 октября 1929 г. они были сожжены Александром Михайловичем» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 316].

Дружественные отношения установились с семьей Бенешевич. Владимир Николаевич Бенешевич⁴ — эрудит в области истории церкви — помогал Л.А. Мерварт материалами по истории назрани-маппила. Мерварты бывали у Бенешевичей каждое воскресенье. А.М. Мерварт играл с Людмилой Фаддеевной Бенешевич в четыре руки на рояле, а Л.А. Мерварт и В.Н. Бенешевич сидели на диване в его кабинете, читали и разбирали тесты, беседовали, слушали музыку. *«Я не бывала на концертах, в театрах; эта воскресная музыка для меня была отдыхом и зарядкой на целую неделю»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 214]. В.Н. Бенешевич оказал на Л.А. Мерварт в Ленинграде особенно сильное влияние. *«Я стремилась моделировать свои мнения так, чтобы они соответствовали его мнению. А. Мерварт, по живописи своей натуры, не сходился с Владимиром Николаевичем, человеком очень медлительным»* [Там же. Л. 240].

Уже в 1925 г. Л.А. Мерварт пришлось взять на себя и большой объем работы по новому направлению — малаистике. Приведем текст отчета Л.А. Мерварт о ходе работы по отделу Индонезии за период с 1 ноября 1924 г. по 1 декабря 1925 г. (24 ноября 1925 г. подан в Канцелярию МАЭ):

«В течение периода с 1 ноября 1924 г. по 1 декабря 1925 г. Отдел обслуживался зав. Отделом Л.А. Мерварт. Первые 6 месяцев, т.е. до 27 апреля 1925 г., Л.А. Мерварт, по поручению Совета МАЭ, работала в Отделе Индии по разборке и регистрации коллекций, привезенных из экспедиции в Индию А.М. и Л.А. Мерварт в 1914–1918 гг.

С 28 апреля была начата разборка коллекций Индонезии, как выставленных в старом помещении, так и лежавших ещё в сундуках. Последних было значительно больше, чем первых. Единственно с разборкой приходилось хотя бы частично зарегистри-

⁴ Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1938) — российский юрист (специалист в области церковного права), историк, византист, палеограф. Член-корреспондент РАН (1924), член Императорского православного палестинского общества.

ровать коллекции, вынимаемые из ящиков, значительная часть коих была не зарегистрирована. Кроме того, пришлось сделать ряд временных списков, игравших роль ключей находящимся в беспорядке регистрационным спискам нескольких самых крупных коллекций. К этим коллекциям необходимо сделать в срочном порядке правильные регистрационные списки, что в настоящее время уже выполняется. В мае и начале июня коллекции были из старого помещения перенесены в новое (зал № XXX). При переноске и отчасти разборке помогал студент Л.Н. Соколов. 7 июля было начато выставление коллекций в новых шкафах. Отдел Индонезии в настоящее время занимает зал № XXIX и половину зала № XXX, помещается в 57 шкафах, 1 витрине, на 1 подиуме и 16 щитах открытого выставления, из коих часть подлежит застеклению в настоящем году. Из имеющихся в Отделе около 4500 экспонатов выставлено 2308, остальные временно замагазинированы.

Произведены реставратором П.А. Смеловым частичная реставрация и сборка ряда моделей и предметов коллекции. Для организации выставления К.Ф. Вальдманом под наблюдением зав. Отделом сделаны модели в действительный рост андаманца и андаманки, малайца и малайки и разведение огня на Молукках.

Ко всем шкафам сделаны объяснительные карточки, географические карточки и надписи. У входа в Отдел с обеих сторон сделаны планы размещения Отдела и географические карты Индонезии. Почти закончена шкафная опись с планами шкафов и одновременно с временным магазином начата магазинная опись.

Коллекций в текущем году поступило очень немного, но среди них нужно отметить, полученный из Калькуттского музея, деревянный музыкальный инструмент андаманцев.

Во время Юбилейных Торжеств Академии наук зав. Отделом давались объяснения гостям Академии, и со времени открытия Музея для публики, 15 октября, зав. Отделом были проведены по Отделу несколько научных экскурсий.

Кроме музейной работы зав. Отделом Индонезии Л.А. Мерварт был сделан доклад в Радловском Круге о поклонении небес-

ным светилам на о. Цейлон (церемонии Бали) и прочитан ряд публичных лекций с демонстрацией диапозитивов.

23 ноября в Отделе начала работать, прикомандированная Советом МАЭ, Л.Э. Каруновская, научный сотрудник II разряда» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 1–3].

Отметим, что доклад Л.А. Мерварт прочла на Общем собрании Радловского кружка, которое состоялось в малом конференц-зале АН 5 марта 1925 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 57]. А 8 апреля 1926 г. в зале Совета университета на заседании секции «Живой старины» НИИ был заслушан другой доклад Л.А. Мерварт — «Анализ процесса приурочения одного сюжета (Богиня Паттини на Цейлоне)» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 296].

Развивая отечественную малаистику, Л.А. Мерварт начала выявлять и изучать профильные коллекции в музеях СССР. В Государственном Эрмитаже она отобрала ряд малайских предметов, и в марте 1926 г. они были переданы МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 186]. В 1926 г. Президиум АН СССР поддержал ее заявку о приобретении полного набора в 40 фигур яванского театра марионеток с относящимися к нему аксессуарами у вдовы Г. ван Молл-Мюллер (M-me V-ve G. v. Moll-Mueller) из Маастрихта за 250 долларов из сумм золотого фонда, предназначенного для заграничных покупок МАЭ. Л.А. Мерварт подчеркивала, что коллекция является весьма важным дополнением к имеющимся в МАЭ коллекциям по индийскому театру [Там же. Ед. хр. 9. Л. 52].

В 1926–1927 гг. Л.А. Мерварт организовала «семинар по проработке музейных коллекций с преподавателями, объединением школьных инстанций». Вместе с А.М. Мервартом она преподавала студентам ЛГУ, Института истории искусств, Восточного института (показателен публикуемый в настоящей книге конспект ее лекции «День индусской семьи», прочитанной в Институте живых восточных языков [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 67]). Она учила молодых сотрудников МАЭ Н.Г. Шпринцин, А.Е. Глускину, Г.А. Никитина, Гаврилову, Прозорову и других водить

экскурсии для красноармейцев и краснофлотцев в 1927–1928 гг. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 296]. *«Я прорабатывала их научные работы, показывала методы работы, подбирала и учила подбирать литературу; показала им место работы в науке. Глускиной давала научные задания — изучать народный театр, собрать наборы производств, игрушки в Японии. Хлопотала о ее командировке в Японию, пересылала ей туда деньги»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 311 об.]. Проявляла теплый интерес к работе молодых сотрудников МАЭ (Д.А. Ольдерогге, М.А. Шера, Г.И. Петрова) — *«толкала в новые области их науки. Молодежь льнула ко мне, я добрый их друг»* [Там же].

Первый отпуск в МАЭ АН СССР А.М. Мерварт получил с 15 декабря по 31 декабря 1925 г. по семейным обстоятельствам [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 350], 15 мая — 20 июня 1926 г., в июне-июле 1928 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 325], 1 января — 31 января 1929 г. [Там же. Ед. хр. 4. Л. 360]; Л.А. Мерварт — 1 июня — 1 июля 1926 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 6], 1 июня — 1 июля 1928 г., 1 августа — 1 сентября 1929 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 303]. Но и во время отпусков ученые продолжали научную работу.

В то же время Л.А. Мерварт вела интенсивную научную деятельность, плоды которой увидели свет главным образом во второй половине 1920-х годов, особенно в «урожайном» 1927 г. К сожалению, многих переводов и статей, над которыми работали Мерварты и в годы экспедиции, и в 1920-е годы, найти не удалось. Тем не менее мы можем судить по опубликованным статьям, какой огромный труд был ими проделан. В 1925 г. заметка Л.А. Мерварт «Парии Цейлона» появилась в «Вестнике знания» [Вигасин 2003: 389], в 1927 г. вышла ее статья «Техника сказывания сказок у сингальцев» [Мерварт Л.А. 1927б].

В 1926 г. в журнале «Научный работник» была опубликована статья А.М. Мерварта «Роль музеев в культуре современной Индии» [Мерварт А.М. 1926]. Помимо музейной и преподавательской работы, он попытался проанализировать изученную

литературу, вспомнить собственный практический опыт и достижения индийских ученых. Это отражено в статье «Достижения и проблемы индийской этнографии», изданной в первом номере журнала «Этнография» за 1927 г. Он так характеризует поставленную в статье задачу: «В настоящем очерке делается попытка обрисовать, хотя бы в самом схематическом виде, тот сдвиг, который произошел в этнографии Индии за последние 15–20 лет» [Мерварт А.М. 1927а]. Очерк развития индийской этнографии в начале XX в. А.М. Мерварт начинает, однако, с упоминания трудов Джеймса Тодда и аббата Дюбуа, являющихся классикой изучения быта и обычаев населения Индии, далее дает оценку многотомным изданиям историко-географических справочников-газеттиров, которые стали выходить в Индии с конца XIX в. и служили важным источником информации по этнографии Индии.

Одним из первых российских ученых А.М. Мерварт дает описание и высокую оценку деятельности Антропологического департамента Индии, о работе которого он знал не понаслышке: «Научно расположенное и значительно более исчерпывающее собрание этнографических материалов дают те монументальные произведения, которые прямо или косвенно связаны с деятельностью этнографического департамента Индии (Ethnographical Survey of India). Большая часть той научно-исследовательской работы, которую в первое время английского владычества в Индии выполняли научные общества, в особенности Бенгальское общество изучения Азии, перешла в конце прошлого столетия и в начале нынешнего к государственным научным организациям, так называемым Survey, ставящим себе целью систематическое научное исследование во всеиндийском масштабе разных отраслей жизни — от геологии до этнографии. К сожалению, этнографический Survey, блестяще начавший свою работу под руководством Sir Herbert Risley⁵, существовал недолго. Главную

⁵ Рисли Герберт Хоуп (Sir Herbert Hope Risley, 1851–1911) — британский этнограф и колониальный администратор, исследователь Бенгалии. Ввел пункт о кастовой принадлежности индусов в перепись в 1901 г.

причину этого приходится искать в отсутствии специалиста-этнографа с общеиндийским охватом. Работа по собиранию этнографического материала велась, однако, и после закрытия департамента и ведется до сих пор. Она характеризуется двумя признаками: краеведческим подходом и индивидуализацией работы. Объектом работы служат касты и племена, населяющие ту или другую провинцию англо-индийской империи или то или иное независимое государство. Почти все эти многотомные издания носят названия “Castes and Tribes” или “Tribes and Castes”. Делом собирания работы руководит обычно один человек, выдающийся знаток этнографии данной области, проработавший в ней в разных административных должностях или на ученом поприще в течение многих лет» [Мерварт А.М. 1927а: 126].

С некоторыми из упомянутых в статье учеными А.М. Мерварт был лично знаком. Мерварты познакомились и подружились в Индии с «лучшим знатоком этнографии Малабарского побережья» господином Анантакришной Айаром [Мерварт, Мерварт 1927: 11] — единственным специалистом-этнографом, с которым судьба свела их в Индии. Мерварты объездили вместе с Анантакришной Айаром окрестности Тричура, познакомились подробно с укладом жизни браминов намбудури, наяров, а также различных лесных племен (кадаров, танда пулаян и др.), получили консультации о кочинских кастах и племенах, с его помощью стали обладателями редких экспонатов. Дружба и переписка с ним сохранялась в течение всего времени пребывания Мервартов в Индии.

Вклад индийских ученых А.М. Мерварт подчеркивает особо. Он пишет: «В некоторых независимых государствах, как в Кочине и Майсоре, вся работа по собиранию, классификации, проработке этнографического материала была произведена только индийскими учеными: Ананта Кришна Айар <...> в Кочине и Nanjundayya⁶,

⁶ Хеббалалу Велпанур Нанджундайя (Hebbalalu Velpanur Nanjundayaiah, 1860–1920) — диван Майсура, основатель и первый вице-канцлер Майсурского университета, верховный судья Майсурского верховного

заведующим этнографическим Survey⁷ в Майсоре. Такое участие индийских этнографов в научно-исследовательской работе, посвященной в большей мере первобытным племенам и низшим кастам, является одним из положительных результатов проникновения европейского духа в индийскую жизнь. Если бы пятьдесят лет тому назад кто-нибудь сказал дедам этих индийских этнографов, что их внуки, уважаемые члены брахманской касты, сделают задачей своей жизни изучение быта и нравов презренных лесных племен и нечистых каст, один вид которых оскверняет священную особу брахмана, то эти почтенные люди были бы убеждены, что приближается конец мира. С другой стороны, сотрудничество индийцев в этой работе открывает много сторон быта, которые европейцам, даже отлично знакомым с местными языками и обычаями, были бы непонятны или оставались бы для них незамеченными. Большей частью эти собрания материалов составлены по типу энциклопедии. После ориентировочного введения, касты и племена описываются в алфавитном порядке» [Мерварт А.М. 1927а: 127].

В то же время А.М. Мерварт отмечает недостатки этих изданий: «При таком распределении материала отдельные этнические группы вырываются из того естественного и исторического контекста, в котором они встречаются в жизни и знание которого необходимо для их понимания. Это пренебрежение к естественной географической и этнической структуре Индии сказывается

суда, вице-президент по этнографии Ассоциации «Индийский научный конгресс» (1915). Зачинатель (1906) и один из авторов фундаментального труда: Nanjundayya H.V., Rao Bahadur L.K. Ananthakrishna Iyer. Mysore Tribes and Castes. Mysore, 1928–1935. 4 Vols.

⁷ Этнографические исследования и их итоговые категории были воплощены в многочисленных официальных публикациях и стали неотъемлемой частью британского административного механизма. Положительный опыт проекта «Этнографический обзор Бенгалии» (Ethnographic Survey of Bengal) под руководством Герберта Хоупа Рисли (Herbert Hope Risley, 1885–1911) лег в основу проекта «Этнографический обзор Индии» (Ethnographic Survey of India) под руководством Э. Тёрстона (1901) и многотомных публикаций.

и в том, что территориальные размеры этих сборников материала определяются не крупными этническими подразделениями (предравидийские, дравидийские, монголоидные и т.д. племена), но современными, часто совершенно случайными сложившимися административными единицами — провинциями или княжествами» [Мерварт А.М. 1927а: 127].

Лишь упоминая административную деятельность британцев в Индии, А.М. Мерварт на материале газеттира Центральных провинций Индии дает жесткую оценку и самому английскому администрированию: «Возьмем для примера прекрасную четырехтомную работу⁸ Рэсселя⁹ — последнюю по времени из больших работ государственного этнографического обозрения. Это во всех отношениях образец краевой этнографии, но “центральные провинции”, которым этот сборник посвящен, — как раз типичный продукт административного творчества англичан и объединяют в одно искусственное и случайное целое секторы почти всех этнических и лингвистических групп Индии. <...> Разнородный этнический состав провинции не дал авторам возможности с одинаковой основательностью охватить все группы. <...> Несмотря на такое естественное разнообразие, заметна более или менее одинаковая всем этим сборникам тенденция в сторону описания главным образом духовной культуры — религии и социального строя. Очень важной области материальной культуры уделяется сравнительно мало внимания. Почти никогда не делается попытка объяснить духовную культуру из материального быта. Также почти ничего не говорится о языке» [Мерварт А.М. 1927а: 127–128].

⁸ См.: [Russel, Lāl Rai Bahadur Hira 1916].

⁹ Рассел Роберт Вейн (Russell Robert Vane, 1873–1915) — британский гражданский служащий, суперинтендант по этнографии, суперинтендант переписи 1901 г. в Центральных провинциях Британской Индии. Для «Этнографического обзора Индии» составил совместно с археологом-любителем Раем Бахадуром Хира Лалом труд «Племена и касты Центральных провинций Индии», изданный в 1916 г.: [Russel, Lāl Rai Bahadur Hira 1916].

Высокую оценку дал А.М. Мерварт и первому обобщающему труду по этнографии Индии. Он писал: «Первым обнимающим всю область Индии выводом из большой краеведческой работы “Ethnographic Survey” является блестящий очерк сэра Герберта Рислея (Sir Herbet Risley), — Народы Индии (The People of India, 2nd ed., 1915¹⁰). Эта книга оказалась настолько ценной, несмотря на устарелость ряда теорий автора, что она была переиздана Круком в 1915 г. В основе этой работы лежит краеведческий материал, собранный по всей Индии и приведенный в стройную систему автором, который прежде всего дал первую действительно научную антропологическую классификацию индийских народов и этим очистил путь для правильной этнографической классификации, являющейся еще постулатом будущего» [Мерварт А.М. 1927а: 130].

Помимо государственных изданий, предпринятых этнографическим департаментом Британской Индии, А.М. Мерварт отмечает и публикации отдельных ученых, работавших без ведомственной опеки и контроля. Этих самостоятельных исследователей он разделил на две категории: «С одной стороны это перманентные наблюдатели — офицеры, администраторы, миссионеры, которые сжились с местным населением и сообщают нам свои сведения на основании многолетнего изучения. <...> В отличие от работы этих исследователей, труды второй категории основываются на непродолжительном контакте с изучаемым племенем — редко больше нескольких месяцев, но зато работа ведется очень интенсивно и по строго разработанной научной схеме» [Мерварт А.М. 1927а: 131].

Сам приближаясь к исследователям второй из указанных категорий, А.М. Мерварт отмечает некоторые их слабости и дает свое видение идеального индолога-этнографа будущего: «Авторы заменяют более интимное знание данного племени и его языка своим большим опытом в области примитивной культуры вообще и рассматривают данный объект своего исследования

¹⁰ См.: [Risley, Crooke 1915].

скорее как пример общего закона. Несомненно, что в трудах этих ученых много недостатков, объясняющихся прежде всего тем, что они в своих опросах должны пользоваться переводчиками. Кроме того, несмотря на тщательно разработанную систему контроля и проверки, многие факты представляются им в неточном освещении, многое приходится принимать на веру со слов самих туземцев. Во всяком случае этот метод может дать отличные результаты, если он применяется исследователями, живущими долгое время в одной и той же области. Тот тип этнографа, который создаст дальнейший прогресс индийской этнографии, к сожалению, еще не существует. Он должен быть ученый, с солидным специально этнографическим образованием и опытом, владеющий вполне и антропологическими методами и знакомый с принципами современного языковедения. Он должен знать язык (или языки) той области, которой он посвящает свою исследовательскую деятельность, и он должен отдаваться этой деятельности исключительно, не только в моменты досуга, как это делали и делают краеведы-любители» [Мерварт А.М. 1927a: 132].

Именно такими этнографами и были Мерварты. Неслучайно А.М. Мерварта привлекли к этнографической работе в крупнейшем на начало XX в. музее Индии — Indian Museum в Калькутте. Возможно, Мерварты нашли бы работу и в Дели, где планировалось создать крупный этнографический музей, но этим планам не суждено было сбыться. Лишь в 1970-х годах в Дели возник National Handicrafts and Handlooms Museum (Национальный музей ремесел и ручных ткацких станков), который частично выполняет функции не существующего в индийской столице специального этнографического музея.

Особое место в научном наследии А.М. Мерварта занимает созданный им и опубликованный в том же 1927 г. путеводитель по экспозиции МАЭ, точнее, книга с емким названием «Отдел Индии: Краткий очерк индийской культуры по материалам Индии» [Мерварт А.М. 1927в]. Здесь мы можем говорить о тексте в тексте. Понятие «этнокультурный текст» может включать весь

мир традиционной культуры, и таковым этнокультурным текстом оказывается, например, Индия с ее многочисленными народами, религиями, культурами. Как этнокультурный текст выступает и экспозиция Индии (народы Южной Азии) Музея антропологии и этнографии АН, в которой отражено все многообразие культур Южной Азии. Текстом в тексте становится путеводитель к этой экспозиции. Как замечает Ю.М. Лотман, «многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения, как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память» [Лотман 1992: 131].

Путеводитель был опубликован одновременно с кратким отчетом Мервартов об экспедиции на Цейлон и в Индию [Мерварт, Мерварт 1927]. В изданиях ощущается огромный объем знаний, полученных ими при изучении музейных коллекций в Коломбо [Котин 2014б; 2015; Котин, Соболева 2016], Галле [Соболева 2014е], Мадрасе (современный Ченнаи), Тривандраме, Триссуре, Калькутте, Лакхнау, Дели, Лахоре, посещении Кочина, Мадураи, Майсура, Бангалора, Серампура, Матхуры, десятков других индийских городов, сотен деревень [Котин, Соболева 2016]. За четыре года на Цейлоне и в Индии Мерварты изучили ряд южно-азиатских языков (сингальский, тамильский, малаялам, хинди), проштудировали огромную этнографическую литературу. Все это сказалось на чрезвычайной плотности текста путеводителя, излагающего на 96 страницах огромный фактический материал. Индолог, историк индологии и исследователь российско-индийских отношений А.А. Вигасин объективно констатирует, что «путеводитель по индийскому отделу МАЭ <...> был не простым описанием вещей: Александр Михайлович с полным основанием сопроводил его подзаголовком “Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ”. Это было, действительно, введение в изучение индийского быта, составленное человеком, знавшим Индию “изнутри”, по личным наблюдениям. Как

свидетельство очевидца и знатока, брошюра сохраняет свое значение и поныне» [Вигасин 2003: 389].

Отметим, что написанная в 1920-е годы работа по-прежнему читается легко. Ее язык не устарел. Работа не перегружена научными терминами и словами из индийских языков, хотя текст и не лишен их. Автору и его помощницам — Л.А. Мерварт и Т.А. Корвин-Круковской — удалось добиться чрезвычайной легкости изложения при точности деталей и широте охвата. В разделах путеводителя, написанного рукой Т.А. Корвин-Круковской, суммированы уникальные материалы Мерватов, подробно развернутые в коллекционных описях МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 466; Ед. хр. 467; Ед. хр. 468; Ед. хр. 468]. Книга читается как захватывающий травелог, повествующий о далекой и загадочной стране. При этом в книге дается огромный фактический материал, описываются тысячи местных реалий, некоторые из которых, к сожалению, уже ушли из области быта в стены музеев, на страницы монографий. Но значительная часть реалий, описанных в путеводителе, характерна и для современной Индии.

С 1 июня по 8 октября 1927 г. Мерварты получили от Академии наук командировку в Германию и во Францию для изучения музейного дела в этих странах. Поездка стала возможной благодаря их научным и музейным достижениям и хлопотам С.Ф. Ольденбурга. На время командировки Л.А. Мерварт заведывание отделом Индонезии принял ученый хранитель Э.К. Пекарский, отделом Индии — С.М. Дудин [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 422, 423].

Одной из задач командировки было изучение музейного дела за рубежом. А.М. Мерварт изучил постановку этнографии в Берлине, Мюнхене, Лейпциге, Кёльне, Штутгарте, Карлсруэ, Париже, работал в библиотеках, совершенствовал тамильский язык. Командировочными заданиями Л.А. Мерварт были организация систематического обмена коллекциями с рядом зарубежных музеев, прежде всего нидерландских; ознакомление с музейной техникой и экспозицией, преимущественно в новом музее Koloniaal Instituut (Музей Колониального института) в Амстердаме; соби-

вание библиографии по этнографии и языкознанию Индонезии; изучение малайского языка, особенно литературного, с малайским лектором ввиду невозможности достать такового в Ленинграде [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 43].

По возвращении 21 октября 1927 г. на Совещательном заседании МАЭ были заслушаны отчеты А.М. Мерварта и Л.А. Мерварт о командировке за границу [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 62]. Академик В.В. Бартольд доложил Отделению гуманитарных наук АН СССР 26 октября 1927 г. представленные директором МАЭ отчеты Мервартов [Там же. Ед. хр. 6. Л. 221]. Немного позже, 9 ноября 1927 г., академик Ефим Федорович Карский доложил Отделению гуманитарных наук АН СССР «записку ученого хранителя А.М. Мерварта и научного сотрудника 1-го разряда Л.А. Мерварт по вопросу об обмене некоторыми этнографическими коллекциями внеевропейских стран с музеями в Германии и Голландии и о принципиально согласованной с этими материалами собирательской деятельности. Положено признать обмен, по указанным в записке условиям, желательным, в т.ч. и для приобретения коллекций, относящихся к европейским народам, и просить МАЭ по получении этих коллекций принять меры к возможно скорейшему выставлению их» [Там же. Л. 252].

На время командировки летом 1927 г. Мерварты предложили сербскому гражданину Стеве Григорьевичу Яничу, лектору сербского языка в Институте восточных языков в Париже, жить в их квартире. Янич приехал из Парижа для изучения русских рукописей по просьбе парижского профессора Мазона и прожил в Ленинграде два месяца [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 19 об.]. Л.А. Мерварт поясняет, что «он получал 1000 франков в месяц, Институт их нам выплачивал, моя мачеха здесь ему давала из моего академического жалования эквивалент этой суммы = 80–88 руб. Он женился на балерине и увез ее в Париж» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 338].

Связи с иностранными учеными входили в обязанности музейных хранителей. Летом 1928 г. к А.М. Мерварту приезжал аме-

риконец Вальдо Джонс, весной — Льюис из Гонолулу с целью «*обобщить материал об образцах гавайских платьев из перьев в СССР*» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 257 об.].

В 1927 г., 16 ноября, Президиум АН СССР разрешил научно-му сотруднику 1-го разряда МАЭ Л.А. Мерварт командировку в Москву 20–25 ноября 1927 г. за свой счет для ознакомления с коллекциями по этнографии Индонезии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 305]. «*Таковые оказались в Музее Народоведения и в Университетском. В первый перешла из Румянцевского музея собранная в [18]60-х гг. на о-ве Ява коллекция д-ра Винке в количестве 755 нумеров, во втором имеется несколько случайных предметов, числом менее 20-ти. Заведующие обоими музеями согласились передать МАЭ сделанные за счет МАЭ копии описей своих индонезийских коллекций, полагая таким образом начало сводного каталога находящихся в СССР предметов индонезийской этнографии. Попутно выяснилось, что значившийся по старым каталогам Румянцевского музея набор индийского театра теней есть лишь часть яванского театра. Наличие индийского набора, до сих пор ещё нигде не найденного, сыграло бы почти решающую роль в решении спорного в науке вопроса о происхождении индонезийского теневого театра из Индии или из дальнейшего зрелищного развития туземного культа мертвых*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 37].

В 1928 г. весьма актуальным стал вопрос гонораров. Необходимо было искать средства для планировавшейся двухмесячной командировки в Европу. Надо было оплачивать уроки иностранных языков для детей, платить няне и Т.А. Корвин-Круковской за перепечатку текстов [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 332 об.]. 10 сентября 1928 г. А.М. Мерварт отправил в редакцию журнала «Вестник иностранной литературы» рукопись перевода с тамильского языка рассказа «Приключения преподающего Горемыки и его 50 учеников» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 36]. 21 сентября 1928 г. в Государственное издательство «Вестник иностранной литературы» предлагал переводы из индийских литератур: тамильский язык, бенгаль-

ский — Тагор, Банкимчандра¹¹, Гангули и др. «Переводы с бенгальского языка принадлежат моей помощнице Т. Корвин-Круковской (уже выпустил в Госиздате роман Банкимчандры¹²)» [Там же. Л. 39]. 26 сентября 1928 г. в Малую энциклопедию Зарубежного Востока А.М. Мерварт отправил статью «Памятники старины Индии» [Там же. Л. 40].

В Издательскую комиссию Ленинградского института живых восточных языков А.М. Мерварт предложил книгу «Индия — страна и люди» объемом 12 печатных листов. План книги весьма показателен.

«Эта работа, рассчитанная приблизительно на 12 печатных листов, должна служить, с одной стороны, пособием для студентов нашего Института, с другой стороны, предназначена для широкого круга читателей, интересующихся современной Индией. План этой книги кратко следующий:

1) Введение «Индия и мы». Краткое изложение отношений Европейского общества к Индии и к индийским проблемам в разные периоды истории.

2) География Индии: Геологическая история, границы, географические и экономические области.

3) Климат: чередование муссонов, распределение дождевых осадков, засушливые и дождливые области, система орошения, температура, влияние климата на типы населения и их характерные особенности.

4) Производительные силы. А) Растительный и животный мир, распределение разных культур. Б) Минеральные богатства и их использование.

5) Пути сообщения и товарообмена. А) естественные Б) искусственные. Главные центры индийской экономической жизни.

¹¹ Банкимчондро Чоттопаддхай (1838–1894) — индийский писатель, основоположник индийского исторического романа, деятель «Бенгальского Возрождения».

¹² Чаттерджи Банким Чандра. Саиб пришел. Роман. Л., 1928 (пер. с бенгальского яз. Т.А. Корвин-Круковской).

6) Население: А) Распределение населения. Б) Типы населения (антропо-географический и антропологический очерк).

7) Языки. Их распределение и взаимоотношение. Структура трех главных семейств индийских языков, их относительная роль в культурной жизни страны. Языковая проблема в современной Индии.

8) Материальная культура. А) Деление населения Индии на экономические группы охотников, скотоводов, земледельцев, ремесленников, интеллигенцию и пролетариат. Б) Материальный быт каждой группы. В) Жилище и общественное управление. Одежда. Оружие и орудия. Г) Народное искусство. Художественные ремесла.

9) Культурная жизнь. Тесная связь между религиозными представлениями и экономическим бытом. Комплексы религиозных представлений и обрядов у охотничьих племен, у скотоводов и земледельцев. Развитие индуизма среди интеллигенции под влиянием браминов. Роль браминских религиозных представлений в религии народных масс. Взаимное воздействие исконных (дравидийских) и арийских верований. Роль ислама. Антагонизм между магометанами и индусами. Скептицизм, агностицизм и материализм у современной индийской интеллигенции. Сектантство.

10) Общественный строй. А) Типы семейного строя. Дравидийский матриархат. Арийский патриархат. Б) Социальный строй племен. Тотемизм. В) Структура деревенской общины. Г) Каста, основывающаяся преимущественно на экономических (цеховых) началах и находящая поддержку в антропологических различиях с одной стороны, религиозных воззрениях с другой стороны. Виды каст. Каста как элемент, разъединяющий индийское население. Пути к преодолению кастовой розни.

После каждой главы будет дана краткая сводка главных фактов, дат и статистических данных по возможности в форме диаграмм, что, по моему мнению, значительно облегчит усвоение материалов.

Книгу необходимо снабдить рядом карт и, если это возможно, иллюстрациями. Для последних имеется богатый материал,

собранный автором в течение 4-летней экспедиции в Индию. Материалом для работы в значительной мере служат наблюдения, сделанные автором на месте. Рукопись может быть представлена не позже 1 января 1927 г.» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 19–20].

С Ленинградским отделом Государственного издательства А.М. Мерварт вел переговоры об издании подобной книги об истории Индии, но больше — объемом 15 печатных листов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 28–32].

«Многуважаемый тов. Беленко,

Ссылаясь на наши переговоры от 28 января с.г. относительно предполагаемого издания книги об истории Индии, я, согласно Вашей просьбе, предлагаю Вам краткую схему этой книги.

Моя цель — дать интеллигентному читателю не специалисту представление об историческом развитии разных сторон современной экономической, общественной и политической жизни Индии. Принимая во внимание историческую преемственность большинства институтов индийской жизни, а также большой консерватизм, которым отличается до сих пор большинство индийского населения, необходимо проследить развитие отдельных сторон общественной жизни Индии с самых ранних периодов, известных нам по положительным источникам. С другой стороны, учитывая преобладающий интерес, который вызывает у читателя ближайший к нему период индийской истории, то есть период английского колониального владычества, я предполагаю обратить главное внимание на развитие последних 150 лет. Такая трактовка исторического материала диктуется кроме того самим количеством тех исторических фактов, которые имеются в нашем распоряжении, так как они становятся обильнее и положительнее по мере приближения к нашему времени.

В своем изложении я предполагаю несколько отступить от общепринятого способа. Проводимое во всех — кстати сказать, очень малочисленных — работах по общей индийской истории, деление на отдельные периоды разной длины разрывает изложение развития отдельных сторон индийской жизни, затрудняет

этим понимание их исторической причинности. При этом нужно сказать, что эти деления проводятся по разным признакам, отнюдь не относящимся ко всей совокупности исторического развития определяемого ими периода. Так, например, названия “магометанский период” и “европейский период” характеризуют лишь некоторые видоизменения в общем направлении управления, и то не во всей Индии, а лишь в части ее. Исходя из таких соображений, полагаю целесообразным изложить историческое развитие экономической, общественной и политической жизни Индии по следующему плану:

1) Введение. Будет дано обоснование общего плана изложения, вытекающего из особенностей исторического развития индийской жизни.

2) Источники и литература. Ввиду того, что книга представляется для широкого круга читателей, не может быть речи об исчерпывающем перечислении и анализе разнообразных источников индийской истории. Будет дана характеристика разных типов источников — документов, надписей, свидетельств современников, описаний иностранных путешественников, литературных памятников и т.д. и их сравнительной важности для восстановления исторического процесса. Кроме того, будут указаны с краткой характеристикой наиболее важные для нашей цели исторические памятники. Тот же самый метод будет применен к литературе об истории Индии, причем, конечно, основное внимание будет обращено на работы на русском языке, которые — пока в виде отдельных статей и трудов по отдельным вопросам — стали за последние 10 лет появляться в печати.

3) Географический и экономический фактор в индийской истории. В этой главе будут изложены те географические, климатические и экономические особенности Индии, которые в сильнейшей степени определяют ход ее истории. Сюда входят, например, своеобразные условия ее ландшафта, муссонные ветра, благодаря которым известные части страны пользуются обильными дождевыми осадками, в то время как другие находятся под постоянной угрозой засухи, вытекающее отсюда неравномерное

распределение населения, распределение главных источников экономической жизни, естественные пути сообщения и т.д.

4) Человеческий фактор в индийской истории. На основании антропологических и доисторических данных будет дана картина тех человеческих типов, которые населяют Индийский полуостров. Будет указано их распределение, их значение для индийской культуры, распределение языков, относительная густота населения в зависимости от климата, географических и экономических условий.

5) Главные события индийской истории. В этой главе будет дан сжатый обзор главнейших событий индийской истории, повлиявших в той или иной форме на внутреннее развитие страны. Этот обзор должен собой представить не только хронологическую канву, но дать четкое представление о причинной связи событий индийской истории с процессом мировой истории. В частности, будет подчеркнута постоянная независимость Индии от Средней Азии и впоследствии от хода истории в Европе и Средней Азии. Также будет выявлена роль Индии в развитии окружающих ее азиатских стран.

6) Развитие экономических сил Индии: А) Земледелие. В этой главе будет дан обзор исторического развития наиболее консервативного и неподвижного экономического фактора индийской жизни — земледелия. Вопрос будет рассматриваться как с точки зрения технического развития, так и с точки зрения организации земледельческого производства. Будут разобраны в исторической последовательности разные формы крестьянской общины, крупного и мелкого индивидуального землевладения, государственного сельского хозяйства, роль земледелия в фискальном отношении — налоговая система, — меры для защиты этого наиболее важного экономического фактора от климатических случайностей — орошение, снабжение продуктами во время неурожая и т.п.

7) Развитие экономических сил Индии: Б) Ремесла и промышленность. В этой главе будет дан исторический обзор того экономического фактора, который в гораздо большей мере подвергался изменению на протяжении индийской истории — ремесел и про-

мышленности. Переход от первобытных форм организации ремесел, обслуживающих нужды деревни и находящихся в руках небольших групп наследственных деревенских служащих к цеховому укладу городских ремесел, работающих на продажу и обслуживающих рынок определенной области. Участие государства в производстве. Развитие главных промышленности вплоть до проникновения машинно-заводского типа производства, борьба старого уклада с новым, приспособление. Возникновение новой организации производства — капитализм и пролетариат.

8) Развитие экономических сил Индии: В) Торговля. В этой главе будет дана картина развития торговых путей, обслуживавших и обслуживающих как внутреннюю, так и внешнюю торговлю, — естественные направления торговли, караванные пути и морской путь в разные эпохи, организация торговли, возникновение торговых центров — рынков в виде городов. Изменение типа городов и перенесение центра тяжести в зависимости от изменившихся форм и направления торговли. Городская жизнь в разные эпохи индийской жизни. Здесь вкратце будет указано на значение крупных экономических центров — городов или деревень.

9) Развитие общественных форм. В этой главе будет описано и анализируется деление индийского общества на классы, принявшие своеобразную и характерную для Индии форму касты. Будут выявлены экономические — уже известные из предыдущих глав — факторы, а также сопутствующие биологические и культурные элементы, из которых складывается этот довольно сложный институт. Будет указано на те изменения, которые произошли в связи с мусульманским влиянием и с проникновением европейских экономических форм, в частности, происходящий на наших глазах переход от типично индийских кастовых форм к классовым, свойственным европейскому обществу.

10) Развитие политических форм. В этой главе будет — на основе всего предыдущего материала — дан обзор развития политических форм от племенного строя через феодальный образ правления, древнеиндийский абсолютизм со своеобразными фор-

мами бюрократизма, военный деспотизм ранних мусульманских падишахов, бюрократически организованный деспотизм моголов к торгово-старательскому способу управления Ост-Индской Компании, просвещенному абсолютизму — бюрократизму англо-индийской администрации и, наконец, к современным робким попыткам введения парламентарного обзора правления. Одновременно с этими я попытаюсь дать в историческом аспекте представление о развитии политической мысли и ее разновидностях, в частности, за последнее столетие, когда начинает более или менее правильно функционировать орган общественной мысли — современная печать.

Заключение. На основании предлагаемого в предыдущих главах материала я попытаюсь дать синтетическую картину тех сил в их пропорциях и взаимодействии, от которых зависит дальнейшее развитие Индии.

Свое изложение считаю целесообразным снабдить картами, причем я имею в виду следующие карты: 1) Карту, показывающую выдающиеся географические особенности Индии — горные системы, речные бассейны, перевалы, имеющие торговое или стратегическое значение, распространение наиважнейших экономических продуктов. 2) Карту типов и языков. 3) Карту густоты населения с указанием количества осадков (на одной странице). 4) 4 карты, показывающие объединительные стремления Индии до прихода англичан (империя Маурия, империя Гупта, империя Харша, империя моголов). 5) Этапы создания англо-индийской империи [1767–1886 г. — зачеркнуто]. 6) Карта торговых путей до введения железных дорог и открытия Суэцкого канала. 7) Карта современных торговых путей [морских и внутренних — зачеркнуто]. 8) Распределение главных торговых центров в разные эпохи индийской истории. 9) Административная карта современной Индийской империи “независимых” государств.

Минимальный размер этой работы — 15 печатных листов по 40 000 знаков» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 28–32].

К сожалению, эти публикации не осуществились. Но труд А.М. Мерварта «Отдел Индии: Краткий очерк индийской культуры по материалам Индии» содержит в себе наметки его предшествующих научных и педагогических разработок. Рассмотрим же отдельные положения этой небольшой (96 страниц) книги, давно ставшей библиографической редкостью, но доступной в электронном виде в «Электронной библиотеке Кунсткамеры» [http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_04/guide_1927/].

Итак, «Краткий очерк индийской культуры» начинается с определения географических областей Индии, типов ее населения и культур. Естественно, в 1927 г. речь шла еще о единой Британской Индии, а также о многочисленных вассальных британской короне княжествах. Как пишет А.М. Мерварт, «в настоящее время мы обычно отождествляем Индию с Англо-Индийской империей и теми полунезависимыми государствами, которые находятся под защитой, или правильнее, под зорким контролем британского правительства» [Мерварт А.М. 1927в: 1]. Давая характеристику климатическим условиям Индии, он применяет весьма образные сравнения, описывая различные климатические условия удаленных уголков Индии: «С одной стороны, вечная атмосфера оранжереи на Малабаре или на западном берегу Цейлона, с другой стороны, бодрящий горный воздух Кашмирской долины, которая зимой покрывается снегом глубиной почти в 2 м» [Там же: 2]. Столь же образно, подчеркивая контрасты, пишет автор и о населении Индии: «Индия — одна из самых густо населенных частей земного шара. Она вмещает пятую часть человечества — 325 миллионов человек. Эта огромная человеческая масса отнюдь не однородна; наоборот, она представляет собой удивительно пеструю картину типов и культур. Разница между жителями северо-западной Индии и долины Кашмира и населением лесов южной Индии столь же велика, как и разница между итальянцами и неграми. Большая часть населения Индии — результат многовекового смешения нескольких основных типов, которые сохранились в сравнительной чистоте только в немногих местах» [Там же: 3].

Примечательно, что, говоря о культуре народов Индии, Мерварт одним из первых, если не первый, отметил огромное значение в формировании традиционной индийской культуры именно дравидийского элемента. Он отмечает: «То, что мы обыкновенно называем индийской культурой, содержит элементы исконной или дравидийской культуры, наряду с пришлыми, главным образом, арийскими элементами» [Мерварт А.М. 1927в: 7].

После общей характеристики географии и культуры Индии А.М. Мерварт переходит к описанию того, что он с гордостью называет «самым младшим из отделов Музея» [Мерварт А.М. 1927в: 8]. В 1927 г. подавляющее большинство экспонатов, включенных в новую экспозицию МАЭ, составляли вещи, привезенные или зарегистрированные собирателями. Даже спустя почти 90 лет со времени открытия экспозиции материалы экспедиции составляют не менее трети индийских экспонатов музея [Альбедиль, Кисляков, Ревуненкова 2012: 3]. «Коллекции разделены на две общепринятые основные группы: предметы материального быта и предметы духовной культуры. Внутри каждой группы намечено несколько отраслей. По каждой отрасли предметы распределены по большим этнографическим областям, а именно: Цейлон, южная дравидийская Индия, северная» [Мерварт А.М. 1927в: 8].

Экспонаты отдела Индии располагались в том же зале, где и сейчас, только осмотр надо было начинать с другой стороны. В открытом хранении было гораздо больше экспонатов, чем сейчас. Зал одновременно был и научным кабинетом, и фондохранилищем. Для посещения экспозиции организовывались многочисленные экскурсии.

Щиты I и II тогдашней экспозиции отдела Индии были отведены для показа индийского оружия. При этом была предпринята попытка показать эволюцию типов оружия. На первом щите была представлена гордость коллекции — «первобытное оружие» племени нага, в настоящее время хранящееся в фондах МАЭ [Котин, Соболева 2015; Котин 2016]. На щите II помещались самые разнообразные виды вооружения. Примечательно,

что здесь нашел себе место интересный образец комбинированного оружия № 309-157: «Своеобразное соединение пика с огнестрельным оружием достигнуто в экспонате № 20. При ударе наконечником пика производится нажим на пружину, благодаря чему спускается курок пистолета, и происходит одновременно выстрел. Это оружие получено из оружейной палаты бенаресского махараджи» [Мерварт А.М. 1927в: 15]. В год десятилетия Октябрьской революции не принято было вспоминать, что этот экспонат, как и многие другие образцы индийского оружия в Кунсткамере, — дар музею последнего российского императора Николая II [Котин 2014а: 98].

Выделение оружия, начиная с самого примитивного, должно было помочь экскурсоводу рассказать не только о войне, но и об охоте. Следующий большой раздел экспозиции был посвящен рыболовству и судоходству, витрины 5–7 и щит IV — типы земледельческих орудий, которые были представлены весьма разнообразно, начиная с самых примитивных. Но А.М. Мерварт пророчески пишет: «Нужно заметить, что при всей их первобытности орудия эти прекрасно приспособлены к условиям почвы и работы, и среди них есть такие, которые свидетельствуют о большой изобретательности индийского крестьянина» [Мерварт А.М. 1927в: 18]. Исследования почвоведов показали, что современная мощная техника разрушила и погубила почву на значительной части территории Индии, в то время как простейшими плугами и бородами она тысячелетиями обрабатывалась без ущерба для древесного слоя.

Подиум А и витрина 8 были отведены культуре пальм. На современной экспозиции показан застекленный куб с макетом «Сбор кокосовых орехов и обработка их плодов». От него легко перебрасывался смысловой мостик к следующей части постоянной выставки — «Жизнь индийского крестьянина». Витрины 9–16 были объединены А.М. Мервартом под очень точным и образным названием «Индус у себя дома». Здесь были витрины, посвященные индийской кухне, курению, жеванию бетеля, косметике, играм и игрушкам. Витрины 17–28 отражали домашние

ремесла. Примечательно, что в этой связи А.М. Мерварт упоминает касту, но идея о системе обмена товаров и услугами между земледельческими и ремесленными кастами, известная сейчас как *джаджмани*, Мерварту либо была незнакома, либо не воспринималась им как значимая.

Переход от ремесел через плетение к одежде предложен А.М. Мервартом очень удачно. Нужно сказать, что и эта, и многие другие экспозиционные находки сохранены до настоящего времени. От одежды происходил плавный переход к показу обуви и головным уборам, далее — к украшениям. От них рассказ в витринах 29–48 перетекал к индийскому кустарному искусству, далее — к мифологии и обрядам (витрины 49–64, щиты VI–VII). Далее начиналось повествование о народном театре, и здесь А.М. Мерварт имел возможность рассказать о малабарском народном театре *катхакали*, о котором он написал одним из первых [Meerwarth 1926], а также о цейлонских театрах и бенгальском театре марионеток. Витрины 81–88 были посвящены музыкальным инструментам Индии. Наконец, витрина 89 и таблица писем была посвящена «Письму и письменным принадлежностям» [Мерварт А.М. 1927в: 87]. Как видим, музеологическая концепция, разработанная Мервартами, выдержала испытание временем и легла в основу современной экспозиции «Народы Южной Азии» МАЭ.

Столь системного показа материальной и духовной культуры Индии в самой Британской Индии того времени еще не было. Отдельно выставлялись произведения искусства, например статуи индуистских богов; отдельная экспозиция могла быть посвящена быту и культуре племен и обычно называлась «Отделом антропологии» (как, например, в Indian Museum в Калькутте). В Калькутте послевоенная экспозиция отражала требования дирекции музея и определялась спецификой коллекций. Она была разделена на секции «Жители Никобарских островов», «Кхаси», «Онге Малых Андаманских островов», «Ченчу», «Урали», «Каниккар» [Anthropological Gallery]. Получить представление о материальной и духовной культуре индийцев в целом по материалам этно-

графической (антропологической) коллекции калькуттского музея невозможно.

Примечательно, что практически одновременно с А.М. Мервартом работу по созданию очерка этнографии Индии вел основатель и первый директор московского Института востоковедения Андрей Евгеньевич Снесарев. Он задумал серию «Индия. Страна и народ», в рамках которой в 1926 г. вышел том «Физическая Индия», в 1927 г. был подготовлен следующий том, увидевший свет, однако, только в 1981 г. — «Этнографическая Индия» [Снесарев 1981].

Заслуживает безусловного внимания и статья А.М. Мерварта «Сюжет Сакунталы в малабарской народной драме» [Мерварт А.М. 1927г].

Вообще интерес А.М. Мерварта к театру был значителен. Л.А. Мерварт также включилась в круг исследователей восточного театра, обратившись к народным малайским театральным представлениям. Она выявила профильные коллекции в других музеях СССР, изучила восточные театральные коллекции в Москве, добилась покупки в Нидерландах для МАЭ собрания яванских марионеток. Свою работу она строила на исследовании музейных коллекций.

Мы уже упоминали о том, что А.М. Мерварт был одним из инициаторов и организаторов выставки «Театр народов Востока», работавшей с 26 марта по 11 апреля 1927 г. в Большом конференц-зале Академии наук СССР и приуроченной к 15-летию Государственного института истории искусств. Вместе с ним над созданием выставки и каталога работали выдающиеся востоковеды Н.И. Конрад, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Самойлович, Е.Э. Бертельс [Театр народов Востока 1927].

А.М. Мерварт составил подробный отчет о выставке «Театр народов Востока».

«Выставка “Театр народов Востока” была устроена МАЭ АН СССР, который поручил своему сотруднику ученому хранителю А.М. Мерварту взять на себя руководство работой по выставлению и организации. Выставка была приурочена АН к 15-летию

юбилею Государственного Института Истории Искусств. В ней участвовали, кроме МАЭ, Государственный Русский Музей — экспонатами по китайскому театру, по китайскому театру теней, по туркестанскому кукольному театру (Петрушка и чадыр- и хаял), Музей Государственных Академических театров — экспонаты по сиамскому театру и по турецкому театру теней «Карагёз»; проф. В.М. Алексеев китайскими лубочными картинками и проф. Н.И. Конрад с картинками и рисунками по японскому театру “Кабуки”. Выставочная мебель — щиты, витрины и т.д. была любезно предоставлена Государственным Русским музеем, Академической Библиотекой, Академическим Архивом и МАЭ. Был образован выставочный комитет, в который вошли А.А. Гвоздев, Н.И. Конрад, А.М. Мерварт, А.Н. Самойлович. Работа по выставке была начата 21 марта и закончена 25 марта. В этой работе, а также в охране экспонатов принимали деятельное и самоотверженное участие слушатели и слушательницы Государственного Института Истории Искусств, которые оказались очень ценными объяснителями выставленных коллекций. На расходы по выставке, охране и т.п. Президиум АН ассигновал 200 руб. Одновременно с приготовлением к выставке было приступлено к составлению путеводителя, который принял форму сборника кратких очерков по представленным на выставке театрам. В его составлении участвовали В.М. Алексеев, Н.И. Конрад, Е.Э. Бартельс, Б.Я. Владимирцев, Ю.Н. Марр, А.М. Мерварт, Л.А. Мерварт, А.Н. Самойлович. Путеводитель был издан Издательством Академии в виде брошюры в 17 стр. с 4 иллюстрациями.

Выставка была открыта 25 марта. На открытии присутствовали представители как ученого, востоковедческого, так и театрального мира, а также целый ряд иностранных консулов, всего свыше 200 чел. Выставка была размещена в Большом Конференцзале Академии и содержала экспонаты, иллюстрирующие с разной полнотой и наглядностью 27 типов театра. Представлены были следующие страны: Япония, Китай, Монголия и Тибет, Сиам, Индонезия, Цейлон и Индия, Туркестан, Персия и Турция.

26 марта выставка была открыта для обозрения широкой публикой ежедневно от 3–6 часов. Среднее количество посетителей было около 200 в день, или около 3000 за все время, причем состав посетителей был главным образом высококвалифицированный. Преобладал преподавательский и студенческий состав наших востоковедческих вузов, с одной стороны, и театральных и художественных организаций, с другой стороны. Целому ряду специалистов в этих двух категориях давались подробные объяснения устроителями выставки. В общем замечался большой интерес как среди специалистов, из которых многие приходили по несколько раз для подробного ознакомления, как и среди широкой публики.

Материал, выставленный для обозрения, приобрел особо глубокое значение благодаря тем лекциям, которые были прочитаны специалистами, большей частью в помещении выставки при экспонатах. В этих лекциях предполагалось изложить в научной, но в то же время доступной форме, историю театра каждой страны, связь театра с общей культурой, возникновение театральных разновидностей, технику отдельных родов театра, положение актера. Этой задаче были посвящены следующие 7 лекций:

В.М. Алексеев. О китайской драме (ее связь с конфуцианской культурой и мировоззрением Китая).

В.М. Алексеев. О китайском актере (роль актера и история китайской культуры. Театральная техника).

Е.Э. Бартельс. О персидском театре (шиитская мистерия «Тадиз и скоморошеский театр Персии).

Н.И. Конрад. О японском театре (история эволюции японского театра и особенности театров Но и Кабуки с подробной разборкой их техники).

А.М. Мерварт. Об индийском театре (народный театр, в основном культовые действия в честь Вишну).

Л.А. Мерварт. О малайском театре (эволюция театра актера с одной стороны и театра теней и марионеток с другой стороны).

А.Н. Самойлович. О турецком театре (теневой театр “Карагёз” и его роль в театральной жизни).

Лекции сопровождались демонстрацией выставленных экспонатов или световых картин. Средняя посещаемость была около 150 чел., причем среди слушателей было много научных и театральных деятелей.

Судя по отзывам целого ряда специалистов, как востоковедов, так и деятелей театра, только что закончившаяся выставка имела несколько, надо думать, длительных результатов. С одной стороны, она способствовала освещению проблем развития драматических и театральных видов и их перехода из одной страны в другую, и даже [давала] наглядное представление об этой важной стороне культуры восточных стран. С другой стороны, она ознакомила деятелей театра, как теоретиков, так и практиков, с мало известными формами и техническими приемами театра Азии, подавая таким образом ряд новых идей и импульсов для возрождения нашего театрального искусства» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 2].

С Музейным отделом Народного комиссариата просвещения (Москва) А.М. Мерварт обсуждал составляемую под его редакцией книгу «Этнографические музеи в Западной Европе» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 27]. Предложил он и книжку-приложение к журналу «Вестник знания» под заглавием «Общественная мысль современной Индии» или «Разные течения общественной мысли в современной Индии» объемом 3–4 печатных листа [Там же. Л. 4].

Тема народных представлений и театра всегда была важна для Мервартов. Во время путешествия по Цейлону и Индии они не раз были свидетелями народных представлений, старались зафиксировать порядок их исполнения, сфотографировать сцены, по возможности купить театральные костюмы и реквизит. «Время <...> пребывания в Траванкоре мы использовали также для изучения совершенно неизвестного в Европе типа театральных представлений религиозного характера, известного под именем “катакали” или “аттакатха”. На них можно проследить постепенный переход от эпоса к драме. Мы присутствовали на одном представлении, сфотографировали актеров в их свое-

образных костюмах и приобрели полный набор одежды и реквизита» [Мерварт, Мерварт 1927: 13]. Позднее описание театра *катхакали* А.М. Мерварт дал в большой статье (по существу книге), опубликованной в 1926 г. в парижском “Journal Asiatique” [Meerwarth 1926], русского перевода которой до сих пор нет. Когда супруги Мерварт добрались до Кашмира, то и там они сумели найти материал по театральным действиям — театр народной сатиры кашмирских скоморохов (*бханда*) [Мерварт, Мерварт 1927: 17]. В древней Маттре (Матхуре) Мерварты присутствовали на представлении «Раслила» и сделали около 80 фотографий [Там же: 19]. Отдавая дань народному театру, А.М. Мерварт не упускал из вида и информацию о новейших открытиях в области классического театра. Он занимался переводом классических образцов санскритской драмы — «Пратима натакам» и «Абхишека натакам» [Там же: 20]. В 1917 г. в «Ученых записках» Азиатского общества Бенгалии была опубликована его статья «Пьесы Бхасы. Литературоведческое исследование» [Meerwarth 1917].

С издательством “Academia” А.М. Мерварт договаривался о книге «Народный театр Индии» объемом 6 печатных листов.

«Ссылаясь на личные переговоры с зав. Издательством гр. Кроленко¹³, настоящим позволяю себе представить Вам краткий конспект книги под названием “Народный театр Индии”. Размер предполагается 6 л. по 40 тыс. знаков. Стиль изложения научно-популярный. Кроме того, книга будет снабжена иллюстрациями по оригинальным снимкам, сделанным мною в Индии. Количество иллюстраций будет определено особым соглашением. Книга состоит из двух частей. Первая, общая часть содержит следующий материал:

1) Связь народного театра с разными сторонами народного быта: Драма и обряды (Schmidt). Драма и мифология. Драма проблемы обыденной жизни — экономические и социальные.

¹³ Кроленко Александр Александрович (1889–1970) — директор издательства “Academia”.

2) Отношение народной драмы к разным типам индийской литературы: литературные источники — народный эпос: Махабхарата и Рамаяна. Собрания легенд — Пураны. Народный фольклор — сказки, былины. Элементы народной драмы в классической придворной драме, влияние последней на народную сцену.

3) Техники народного театра: элемент танца. Употребление масок и костюмов. Роль музыки, пения и размеренной речи. Сцена, обстановка, реквизит. Участие зрителя.

4) Социальное и культурное положение актера: актерские касты и наследственность актерской профессии. Участие женщин в актерской профессии. Актеры в оценке народных масс.

Во второй части мною будут описаны пять типов народной драмы, а именно:

А) театр масок на о. Цейлон (коланадува) Callway; б) танец-пантомима на Малабарском побережье Индии (Катако); в) деревенские драмы в память любви Кришны и Радхи в Бенгалии (джатра) Nilakande Chatterji; г) мистерии рождества и подвигов Кришны, представляемые в Хиндостане (Раслила); 5) сатирические сцены — импровизации в Панджабе и Кашире (Бханда).

О Вашем решении о приемлемости этого плана, а также о времени заключения договора и общих его условиях благоволите поставить меня в известность письменно по адресу: МАЭ АН или по тел. в МАЭ: сл. 6-21-23, дом. 4-95-04 [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 13].

Книга в свет не вышла, но ее материалы были использованы для написания статей коллективного сборника «Восточный театр», вышедшего в том же издательстве “Academia” в Ленинграде в 1929 г. под редакцией А.М. Мерварта [Мерварт А.М. 1929а]. Авторы статей — Л.А. Мерварт, Н.И. Конрад, Б.А. Васильев. А.М. Мерварт написал введение, предисловие и объемную главу «Индийский народный театр». В статье приводится описание религиозных мистерий веддов и сингалов, народных представлений малаяльцев — катхакали, жителей северной Индии — раслила и, наконец, бенгалцев — джатра.

Именно опыт представлений *джатра* был учтен Герасимом Лебедевым при создании (переделке английских) пьес на бенгальском языке. Биограф Герасима Лебедева Хаят Мамуд пишет о них так: «До появления тетра народные увеселения в Бенгалии имели форму балаганов, спектаклей-*джатра*, выступлений сказителей, музыкально-песенных представлений по случаю религиозных и прочих праздников, шутовских и пародийных сценок» [Мамут 2012: 367]. А.М. Мерварт знал, что «в Бенгалии сохранились народные мистерии, посвященные преимущественно разным воплощениям Вишну, так называемые *джатра*» [Мерварт А.М. 1929а: 78], и видел представление *джатра* в Серампуре [Там же: 78, сн. 1].

Драматург Г. С. Венецианов¹⁴ принес Л.А. Мерварт свою пьесу объемом 103 машинописные страницы. Ее действие происходит в вымышленном индийском городе Бишенпуре [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 73; Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 465. Л. 35–45]. Летом 1927 г. он даже трижды писал ей по этому поводу в Брухзаль [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 545. Л. 4]. Пьеса была поставлена под названием «Джума Машид» в Московском драматическом театре (бывший Корша) в конце 1927 г., в Ленинградском Большом драматическом театре 3 марта 1928 г. [Государственный 1939: 40].

В 1928 г. А.М. Мерварт стал одним из инициаторов Ленинградского первого рабоче-крестьянского радиоуниверситета, зав. отделом культуроведения, привлек к работе разные ученые силы [Соболева 2017]. Сам Александр Михайлович прочел по радио цикл лекций о первобытной культуре, земельном вопросе в Индии, об увязке музеев с радиовещанием. Он был членом

¹⁴ Венецианов Георгий Семенович (1896–1965) — советский драматург, режиссер и сценарист, заслуженный деятель искусств РСФСР (1956); художественный руководитель Ленинградского цирка (с 1946). Свою пьесу «Джума Машид» о борьбе народа Индии против колониализма он вместе с поэтом А. Жаровым переработал в пантомиму «Индия в огне», с успехом шедшую на ленинградской и московской аренах.

правления Радиоуниверситета и принимал активное участие в выработке программ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 10. Л. 12]. Разрабатывая методику заочного обучения по радио, он предлагал увязать работу Радиоуниверситета с музеями как наглядными пособиями, связав их с экскурсионной работой Политпросвета, а тексты лекций издавать как печатное приложение к газете «Ленинградская правда» [Там же. Л. 31].

В декабре 1927 г. за свои научные заслуги А.М. Мерварт был избран членом-корреспондентом Всеукраинской научной ассоциации востоковедов и действительным членом Коллегии востоковедов при Азиатском музее [Вигасин 2003: 392]. Президиум АН командировал его в Харьков со 2 июня 1929 г. на съезд востоковедов с ассигнованием 70 руб. Делегатам предоставлялась бесплатная квартира и содержание [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 5. Л. 56].

К октябрьским дням 11 июля 1929 г. заведующий экскурсионно-лекторской базой ЛООНО Чудаков предложил устроить в МАЭ дополнительные экспозиции на тему «Индия и Китай в борьбе за национальную независимость». Дирекция отказалась, сославшись на подготовку выставки по истории и типологии религий (антирелигиозной) и отсутствие необходимых материалов. Последовало письмо в Президиум АН СССР с констатацией, что *«экскурсионная работа по отделам Китая и Индии без указанной дополнительной экспозиции совершенно не отвечает современным задачам политикопросветительской работы»*, но с оговоркой, что *«дополнительная экспозиция будет состоять главным образом из диаграмм, таблиц, карт, рисунков, фотографий, т.е. материалов, подбор и изготовление которых не может представлять особых затруднений»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1931. Ед. хр. 18. Л. 29]. Письмо обсуждалось на заседании 17 августа 1929 г. Было признано считать создание в МАЭ выставки «Индия в борьбе за национальную независимость» *«принципиально весьма желательным»*, ассигновать из общеакадемических средств сверхштатно 400 руб. в начале октября и согласовать вопрос с Музеем революции, который мог бы участвовать в выставке с неко-

торыми своими экспонатами [Там же. Л. 28]. Совет МАЭ поручил подготовку выставки А.М. Мерварту [Там же. Л. 24]. Он сделал работу, но открытие пришлось отложить из-за болезни, о чем А.М. Мерварт уведомил Правление экскурсионно-лекторской базы Политпросвета 28 октября 1929 г.:

«Это совершенно неожиданное заболевание расстраивает, к сожалению, до известной степени наши планы относительно той выставки, которую я по Вашему предложению готовял к Октябрьским торжествам. Дело в том, что я с августа месяца без помощника и кроме меня решительно некому планировать и устраивать эту выставку. Как это ни печально, придется отложить открытие выставки на 2–3 недели. Я вполне сознаю, что это до известной степени нарушает Вашу программу, но в данном случае я совершенно бессилен. Насколько мне известно, к торжествам предполагается открытие очередной выставки Эволюционного Отдела и перевыставление Китайско-Японского Отдела, т.ч. может быть неудобство не будет ощущаться слишком сильно.

С другой стороны, такая невольная отсрочка выставки “Индия в борьбе за национальную независимость” будет иметь и свои выгодные последствия. После разговора с Вашим специалистом по методологии и с т. Якимовой мне стало ясно, что заданная Вами тема должна быть больше, чем временной выставкой. Она должна быть лейтмотивом перевыставления всего отдела, иначе получится в одном и том же помещении не одна, а две экспозиции, которые органически связать друг с другом совершенно невозможно. Стало быть, придется имеющийся музейный материал перевыставить, подчиняя его главному лейтмотиву. Я имел по этому поводу продолжительный разговор также и с директором Музея Революции т. Капланом, который придерживается вполне этого мнения. Было бы крайне желательно обсудить этот важный и принципиальный вопрос совместно с Вами и теми из ваших специалистов, которые им интересуются, а также с представителями Музея Революции. От последнего учреждения я уже получил согласие на сотрудничество, так как эта тема интересует

их не меньше, чем меня и Вас. К Вашему сведению я могу сообщить, что от Академии наук я получил в порядке сверхсметного ассигнования 400 руб. на эту выставку и что около 20 карт и диаграмм уже готовы. Что касается материалов для истории политического движения, в частности фотографий и вещественных материалов, а в значительной степени и новейшей литературы, то мне придется по всей вероятности съездить Москву, для установления контакта с Восточной Секцией Наркоминдела и с индийскими представителями в Коминтерне. Как только я выздоровлю, я надеюсь встретиться с Вами для всестороннего обсуждения этого интересующего нас обоих вопроса.

С товарищеским приветом, Зав. Инд[ийским] Отделом МАЭ А. Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 55–55 об.].

Выставка состоялась с 3 июня по 28 июля 1930 г., уже без А.М. Мерварта. Сохранилась «Тетрадь с отзывами по выставке» объемом 60 страниц, записи на которой свидетельствуют о том, что посетители — рабочие и военнослужащие — живо интересовались современной историей Индии и следили за политическим положением в мире [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 15].

Также А.М. Мерварт разработал обширный проект Музея истории труда, который предстояло представить Академии наук, но этого не случилось в силу произошедших перемен.

В 1929 г. Государственный Эрмитаж и Государственный Русский музей планировали устроить выставки по истории религии. Дирекция МАЭ предложила осенью организовать большую антирелигиозную выставку в большом конференц-зале АН, затем сделать ее постоянной в помещении бывшей Галереи Петра I (3-й этаж МАЭ по Таможенному переулку), создать постоянный отдел в МАЭ, издать путеводитель, читать лекции. А.М. Мерварта вновь просили составить точную смету и план выставки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 15. Л. 1, 5 об.]. Еще в 1927 г. МАЭ приступил к разработке проекта реорганизации отдела эволюции и типологии культуры. В основу работы нового

отдела были положены тезисы докладной записки, представленной директору музея А.М. Мерварту [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 5]. 12 декабря 1929 г. директор МАЭ обратился в Президиум АН с просьбой разрешить В.Г. Богоразу и А.М. Мерварту выступить с докладами на ближайшем заседании Президиума об устройстве выставки «История и типология религии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 5. Л. 90]. Как видим, Александр Михайлович в конце 1920-х годов был одним из самых авторитетных ученых и музейных работников, чей талант и знания были востребованы.

Труднее приходилось Л.А. Мерварт, на чьем попечении было двое маленьких детей. Но и она старалась по возможности заниматься наукой. Летом 1929 г. Л.А. Мерварт организовала кружок для школьников. Четыре мальчика 16–17 лет — Ионис (сын торговца), Рожденец (сын работника Академии) и другие полтора месяца изучали первобытную докаменную культуру (на примере Андаманских о-вов) и первобытную коммуны (на примере батаков) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 312].

Все в большей степени Л.А. Мерварт определяла полем своей исследовательской деятельности британскую Малайю и Нидерландскую Индию (Индонезию). Еще находясь на о-ве Цейлон, она обращала внимание на сходство многих обычаев и элементов материальной культуры сингалов и малайцев [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 62]. Она была воодушевлена возможностью отправиться туда для сбора этнографических коллекций: *«Мои “разумные” взгляды, по словам голландских ученых, сделали чрезвычайно вероятным, что генерал-губернатор Голландской Индии, личный друг Snouk Hurgronje, разрешил бы мне въезд в Индонезию, буде АН меня командировала бы. Въезд в Индонезию вообще для граждан СССР почти невозможен. Генерал-губернатор отказывает в разрешении. Мне же было ясно, что для более серьезного и глубокого знакомства нашего с этой богатой и чрезвычайно важной областью требуется поехать туда и привезти оттуда не только сведения, но и иллюстрирующие жизнь населения коллекции, выставить их у нас и сделать доступными для широких масс,*

так же как, например, иллюстрирована у нас, в МАЭ, Индия» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 244 об. — 245].

Готовясь к экспедиции в Индонезию, Л.А. Мерварт изучала все доступные ей в СССР и за границей материалы на 1927 г. Управление делами АН СССР выдало ей удостоверение № 255-210 (действительное до 1 февраля 1930 г.) для предоставления в Ленинградское отделение Госбанка на предмет подачи заявления о переводе денег на иностранную научную литературу, поскольку она *«по роду своей научной работы имеет надобность в выписке из заграницы научной литературы для личного пользования по 10-рублевой норме»* [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 13]. Когда летом 1927 г. потребовалось срочно составить производственный план и смету работы отдела Индонезии на пятилетку 1/IX-1928 — 1/IX-1933 гг., Л.А. Мерварт, находясь на даче, сделала это за один вечер, разделив расходы на рабочие и приобретательские [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 279. Л. 3–3об.]. Вдогонку она писала Д.К. Зеленину 7 июля 1928 г.:

«п/о Луга, деревня Новые Крупели, дача И. Байкова

Многоуважаемый Дмитрий Константинович,

При сем посылаю Вам смету на пятилетие 1928–1933 гг. по отделу Индонезии. Прошу извинить ее задержку. Б.Н. Вишневский¹⁵ письмом от 28-го июня сообщил мне о необходимости ее составления, но по почтовым условиям деревни, где я провожу свой отпуск, письмо это было мне доставлено 4-го вечером. Утром 5-го я послала в Ленинград воспитательницу моих детей с письмом и сметой Вам. Однако сегодня ночью нарочный привез мне от нее прилагаемую телеграмму, и я сейчас поеду сама в Лугу послать Вам эту почту. Авось я Вас своей задержкой не подведу.

В смете я не указала расходов на дезинфекцию, пересылки, бумагу и проч. входящие в общемузейный расход. Кроме того, для правильного функционирования такого экзотического отдела, как

¹⁵ Вишневский Борис Николаевич (1891–1965) — советский антрополог, археолог, географ, этнограф. Ученый хранитель МАЭ (с 1923), зав. отделом антропологии, профессор ЛГУ (1929).

мой, мне необходимы командировки за границу (Голландия, Англия, Франция, Германия, Португалия). Но, кажется, суммы на нас идут не из музейных, а из обще-академических средств. Если командировки эти должны быть включены, то включите их, пожалуйста, три по три месяца каждая. Суммы на них исчислять не придется, ибо они исчисляются сообразно получаемого содержания.

Если у Вас остаются неиспользованные библиотечные деньги, приобретайте по моему списку. За сим желаю Вам всего наилучшего и жму руку.

Людмила Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 279. Л. 3–3 об.].

Для поездки в Индонезию Л.А. Мерварт изучала арабский язык на восточном отделении Ямфака ЛГУ в 1928–1929 гг. под руководством В.А. Эбермана [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 340]. Много лет спустя именно она стала в Москве пионером изучения и преподавания малайского языка [Алиева 1988; 2008; 2010].

Казалось бы, впереди — новые успехи. Но жизнь распорядилась иначе. Хотя в Париже А.М. Мерварт совершенствовался в изучении тамильского и подготовил первую в отечественной индологии «Граматику разговорного тамильского языка», именно в 1927 г. он получил извещение с Ямфака (факультет языкознания и материальной культуры), что «оставлен без поручений с правом получения двухнедельного выходного пособия», а на следующий год был вычеркнут из состава преподавателей [Вигасин 2003: 393].

А.М. Мерварт написал заявление на имя декана факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ профессора Н.С. Державина (помета — «оправлено 24 декабря 1927 г.»).

«Глубокоуважаемый Николай Севастьянович, настоящим довожу до Вашего сведения, что вчера мне было заявлено в канцелярии факультета, что я вычеркнут из списков преподавательского состава факультета. На вопрос о причине этой меры мне было заявлено, что ввиду того, что еще не приступил к занятиям.

Для выяснения этого обстоятельства должен Вам заявить, что здесь произошло некоторое недоразумение, в котором не могу считать[ся] единственным виновным. Как Вам известно, благодаря сокращению штатов, я первоначально не попал в число преподавателей по циклу Языков и Культур Востока Ямфака. В первых числах ноября Предметная Комиссия восточного цикла постановила поручить мне 1 курс в размере 2 часа в неделю по истории культуры Индии. Об этом мне сообщил представитель цикла, прибавив при этом, что это постановление потребует ещё санкции высших административных органов, в т.ч. Президиума факультета. Я, следовательно, ждал соответствующего официального извещения, такового не последовало. 20 ноября я, будучи болен гриппом, просил свою помощницу по музею справиться в казначействе, имеется ли моё имя в требовательной ведомости, и узнал, что мне причитается вознаграждение за октябрь и первую половину ноября. Это я использовал как указание на то, что поручение Университета было санкционировано. После моего выздоровления в начале декабря я решил, что начинать курс за три недели до конца семестра нецелесообразно и что гораздо лучше для студентов слушать его в течение весеннего семестра при 4 недельных часах. 12 декабря я вывесил объявление и сговорился со слушателями относительно курса. Таким образом, курс будет прочитан полностью.

Ввиду вышесказанного я очень прошу Вас дать распоряжение о восстановлении меня в списках преподавателей факультета и в требовательной ведомости и о Вашем решении любезно известить меня» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 28].

В 1928 г., 3 января, А.М. Мерварт писал председателю цикла восточных языков и культур факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ профессору Александру Арнольдовичу Фрейману с приложением копии письма декану и просил «способствовать устранению этого досадного недоразумения, дабы я мог приступить к чтению курса, необходимого по существу и обязательного для студентов» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 30].

Он продолжал разрабатывать и читать курсы на факультетах ЛГУ.

Из научного наследия А.М. Мерварта сохранились разрозненные выписки и учебные материалы [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 465; Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 468], перевод мистерии в пяти действиях Бхасы «Подвиги младенца Кришны» (с надписью «начато в Дели 1 ноября 1916 г., кончено в Серампуре 31 мая 1917 г.») [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 72]. Машинопись пьесы («Bhasa. Svapna-Vesavadattam» без титульного листа) в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в фонде М.И. Тубянского [АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 44], также репрессированного индолога, — перевод «Свапнавесавадатты», очевидно, выполненный А.М. Мервартом [Вигасин 2003: 394].

В архиве СПбФ АРАН хранятся отдельные фрагменты работ Л.А. Мерварт. Еще 2 апреля 1923 г. в Харбине она написала заметку о париях «Об одном браке», но не стала публиковать этот ланкийский сюжет [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 66]. В своем полевом дневнике № 1 она выделила 56 интервью на тему народных верований сингалов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60]. Л.А. Мерварт подготовила научно-педагогические материалы для МАЭ о жизни малайской деревни [Там же. Ед. хр. 64] и о способах украшения одежды из древесной коры у индонезийцев [Там же. Ед. хр. 65], о малайском театре [Там же. Ед. хр. 71], о границах районов Нидерландской Индии [Там же. Ед. хр. 68]. Интерес представляют подготовленные ею очерки «Этнографические музеи Голландии», имеющий подзаголовок «Основные идеи голландского музейного строительства» [Там же. Ед. хр. 74], и «Современное положение изучения голландской этнографии», посвященный современным тенденциям нидерландского краеведения [Там же. Ед. хр. 75].

Л.А. Мерварт надолго пережила супруга. К сожалению, в 1930-е годы она оставила занятия индологией и никогда больше не возвращалась к этой тематике, посвятив себя в основном малаистике.

Глава 6

Зарубежная командировка 1927 г. А.М. и Л.А. Мерварт и межмузейный обмен этнографическими коллекциями

В середине 1920-х годов руководство МАЭ вернулось к идее возобновления обмена коллекциями между этнографическими музеями. Международные связи Мервартов оказались весьма кстати. Письма, сохранившиеся в архивах Музеев народоведения в Мюнхене и Лейдене, раскрывают некоторые подробности переговоров по этой теме. Переписка велась в основном на немецком языке.

Музейная терминология в данный период времени не была устоявшейся, многие русские термины являлись по сути дела калькой немецких. Огромную работу по адекватному переводу немецких терминов проделала Н.М. Сысоева. В связи с этим мы сочли полезным привести основные музейные термины, наиболее часто встречающихся в немецких и русских¹ документах, публикуемых в настоящей работе, и дать разъяснение некоторых терминов, либо вышедших из употребления, либо отличных по своему значению от современных.

¹ Примеры употребления музейных терминов на русском языке см. в письмах Л.А. Мерварт Е.Ф. Карскому и в отчетах Мервартов о командировке в Голландию, Францию и Германию с 1 июня по 8 октября 1927 г.

Предмет (нем. der Gegenstand, das Objekt); вещь (нем. die Sache); «экспонат»²; «коллекция», «собрание» (нем. die Sammlung)³; термины «магазин» (нем. das Magazin), «магазинирование» (нем. die Magazinierung) соответствуют современным терминам «фондохранилище», «хранение»; термин «выставка» (нем. die Ausstellung)⁴ употребляется и в современном его значении, и как тождественный термину «экспозиция» (нем. die Exposition)⁵; термин «выставление» (также «выставление музея, отдела, коллекций», «предметы к выставлению» и т.п.) может соответствовать термину «экспонирование»; «новое выставление» (нем. die Neuaufstellung)⁶,

² Отсутствие в скобках немецких терминов, аналогичных русским, означает, что таковые в немецких документах не употребляются. — *Н.С.*

³ В письме на немецком языке от 13 июня 1929 г. Л.А. Мерварт сообщает об отправке в Лейден списка предметов ойратской коллекции, собранной для Государственного этнографического музея, употребляя при этом термин «die Kollektion». Данный термин, по нашему мнению, в сравнении с термином «die Sammlung» является более конкретным, понимать его следует как систематизированное собрание (подборку) предметов, составленное с определенной целью, по определенной тематике. — *Н.С.*

⁴ Термин «die Ausstellung» употребляется преимущественно в письмах А.М. Мерварта на немецком языке. — *Н.С.*

⁵ Термин «экспозиция» (нем. die Exposition) встречается только в одном из писем Л.А. Мерварта на немецком языке (от 14 февраля 1928 г.) и в ее отчете о командировке в Голландию, Францию и Германию с 1 июня по 8 октября 1927 г. — *Н.С.*

⁶ Термины «die Neuaufstellung», также «die Neuaufstellungsart» (т.е. «новый метод/способ выставления») употребляются в письмах Л. Шермана. Л.А. Мерварт в письме Е.Ф. Карскому, посвященном результатам знакомства с европейскими этнографическими музеями, пишет, в частности, что характерной особенностью **нового выставления** в Берлине является его резкое разделение на выставочные коллекции и магазины. В своем отчете о командировке в Голландию, Францию и Германию она пишет также о **перевыставлении** в 1926 г. Берлинского музея народоведения (последний термин является, по сути, синонимом термина «новое выставление»). — *Н.С.*

исходя из контекста, на наш взгляд, можно понимать и более широко — как реорганизацию/модернизацию экспонирования и хранения музейных коллекций и предметов.

Копии писем предоставлены зарубежными музеями. Эти документы не имеют архивных шифров и публикуются впервые.

После долгого перерыва 18 августа 1926 г. А.М. Мерварт из Ленинграда обратился к директору мюнхенского Музея народо-ведения профессору Люциану Шерману.

«Многоуважаемый господин профессор!

Господин Толмачев⁷, недавно побывавший в Мюнхене, сообщил мне, что в Вашем музее есть ряд этнографических предметов, которые Вы, возможно, готовы были бы передать нам по обмену. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы подтвердили это сообщение и прислали бы нам список соответствующих предметов. С удовольствием также узнали бы о Ваших пожеланиях по поводу обмена.

Мы вернулись два года назад после четырехлетнего пребывания в Индии — в период войны — и шестилетнего пребывания на Дальнем Востоке — Владивосток и Харбин. Наши коллекции удалось выставить к 200-летнему юбилею Академии наук. Сейчас собираемся подготовить результаты к печати. Предварительно я закончил путеводитель по нашим коллекциям — примерно 70 печатных страниц, который будет напечатан в течение осени. На днях я отослал в Париж свою статью — 60 страниц — “Les Kathakalis du Malabar”, которая вскоре выйдет в “Journal Asiatique”. Я был бы очень Вам обязан, если бы Вы смогли мне помочь опубликовать кое-что в Германии, в частности об индийском театре и индийской народной культуре [Volkstum⁸]. С большим интересом прочел вашу работу “Im Flussgebiete des Irrawaddy”, вспоминаю

⁷ Толмачев Иннокентий Павлович (1872–1950) — геолог, географ, палеонтолог, ученый хранитель Геологического музея Академии наук (с 1899 г.), ученый хранитель Музея Карнеги (с 1922 г.), профессор геологии в Питтсбургском университете.

⁸ Volkstum (нем.) — букв. «фольклор».

о добрых предвоенных временах, когда Вы и Ваша любезная супруга принимали нас. Были бы рады получить любое известие от Вас; остаюсь с неизменным почтением к Вашей семье

Ваш д-р А. Мерварт, Заведующий отделом Индии»

Профессор Шерман немедленно откликнулся на предложение об обмене коллекциями. На обратной стороне письма 4 сентября 1926 г. сделаны пометы:

«Для нас желательны:

Сибир<ские> и др. племена, как на парижской выставке> (гиляки, тунгусы, долганы, крымские татары).

Мы бы отдали: Сиам, Бирма, Океания, Африка.

Гамбург <неразб.> Тем временем подготовить список по обмену».

Вновь А.М. Мерварт написал Л. Шерману из Ленинграда 15 ноября 1926 г.

«Многоуважаемый господин профессор!

Благодарю Вас за сердечное письмо. На теплые Ваши приветствия, воскресившие в памяти старые добрые времена, мы отвечаем с такой же теплотой. Мне и Музею, к которому я имею честь принадлежать, доставило большое удовлетворение узнать, что и с Вашей стороны есть желание возобновить старые связи. Коллега Штернберг решительно высказывается в пользу плана по обмену и изъявил готовность предоставить коллекции в распоряжение Вашего сибирского отдела. При обсуждении Вашего предложения стало очевидным, что система обмена имеет смысл лишь в том случае, если осуществляется по определенному плану. Передача друг другу отдельных дублетных предметов едва ли имеет смысл, и поэтому оба наших музея должны стремиться, насколько это возможно, предоставлять иллюстративные⁹ и цельные коллекции. Мы можем быть Вам быть полезными в отношении коллекций сибирского культурного круга, поскольку и дублетами мы богаты, и у нас имеется возможность на месте пополнить недостающее. В настоящее время — благодаря работе

⁹ То есть иллюстрирующие жизнь какого-либо народа.

Штернберга, Богораза и других — в Сибири ведется интенсивная работа, и Вы вполне можете использовать нынешний благоприятный [Hausse¹⁰] момент. С другой стороны, у нас почти ничего нет из интересной области ассамских, шанских племен, качинов и т.д., где Вы лично работали. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне, что Вы можете предложить из этой области. Надеюсь приехать в Германию следующим летом, и тогда на месте мы сможем многое устроить.

Ваше дружеское предложение о помощи в издании моих работ принимаю с огромной благодарностью. В данный момент я пишу статью о малабарском сценическом переложении [Dramatisierung] “Рамаяны”. Тема чрезвычайно интересна и может разрабатываться в двух направлениях. Кроме литературно-исторического и художественно-аналитического обзора (примерно два печатных листа), я мог бы предоставить метрический перевод с вводной статьей, комментариями и иллюстрациями (по большей части собственными фотографиями), которые предназначались бы для широкой публики. Мне было бы очень приятно узнать Ваше мнение об этом. Мой путеводитель выйдет из печати, вероятно, в течение этих недель. Он уже в наборе. Конечно, я с большим удовольствием пошлю Вам экземпляр.

А теперь у меня к Вам еще одна большая просьба. Для работ в области дравидийской филологии, в особенности для работ по тамилам, мне нужен литероноситель [Schriftschildchen] с тамильским шрифтом для моей печатной машинки фирмы “Hammond”. Фирма “Hammond”¹¹ изготовила для своих печатных

¹⁰ Hausse (франц.; биржевой термин) — рост, подъем, повышение; конъюнктура; стечение обстоятельств, сложившаяся обстановка, создавшееся положение в какой-либо области общественной жизни, способные повлиять на исход, итог чего-либо.

¹¹ Джеймс Хэммонд (James Hammond) начал работу над своей пишущей машинкой в конце 1870-х годов, в 1880 г. запатентовал, в 1881 г. — изготовил. “Hammond” выделяется механической конструкцией: относится к типу бессегментных пишущих машинок, в которых вместо рычагов используется пишущая головка — единый литероноситель; имеет три

машинок около 250 сменных литероносителей, что позволяет использовать одну и ту же печатную машинку для самых разных языков. Я знаю, что среди этих 250 шрифтов есть и тамильский. У нас нет представителя этой фирмы, однако же я убежден, что в таком городе, как Мюнхен должна быть возможность прямо или через посредников получить нужный шрифт. Правила ввоза в нашей стране несколько затруднительны, и поэтому я обращаюсь к Вам, в надежде на Вашу любезность. Если Вы сможете получить литероноситель с тамильским шрифтом в Мюнхене, сами или через представителей фирмы “Hammond”, я бы попросил Вас купить его и выслать по адресу: д-ру А. Мерварту, Этнографический музей, Ленинград. СССР.

ряда клавиш и два регистра. Вместо литерных рычагов использовано литерное колесико с символами из закаленной резины, которое вращается в обе стороны — в зависимости от нажатия на клавиши; расположенный позади каретки пружинный молоточек наносит удар по литероносителю через бумагу и красящую ленту, чтобы произвести оттиск. Недостатком конструкции была сложность загрузки нового листа бумаги в каретку: поскольку ударный молоточек находился за валиком и препятствовал нормальной подаче бумаги, перед набором текста чистые листы помещали в цилиндрический держатель под валиком, бумага подавалась строка за строкой по мере продвижения страницы. Девизом Хэммонда стало «Для каждого народа, для каждого языка», что символизировало универсальность и удобство машинки. Литерные челноки были легко взаимозаменяемы, что позволяло использовать различные шрифты и языки; количество литероносителей с разными шрифтами достигало 200. Заменяя литероноситель, можно было менять гарнитуры шрифтов, переходить на иноязычные алфавиты, что для рычажных машинок стандартной конструкции было невозможно. Пишущие машинки «Hammond» широко использовались для печати текстов на нескольких языках. Продавались они дорого — за 100 долларов. Нью-Йоркская фирма “Hammond Typewriter Co.” производила модель “Hammond-Multiplex” с незначительными модификациями с 1880 по 1927 г. Затем компания была продана “Frederick Hepburn Co.” и переименована в “Varityper”, в годы Великой депрессии в США в 1933 г. перепродана компании “Ralph C. Coxhead”.

Сумму, которую Вы изволите мне сообщить, тотчас же вышлю Вам. Прошу извинить мою докучливость, причина которой кроется в нынешних трудностях. В ожидании Вашего следующего письма и с просьбой передать мой сердечный привет всем Вашим Благодарный и преданный Вам А. Мерварт».

Л. Шерман незамедлительно приступил к поиску тамильского шрифта, о чем 3 декабря 1926 г. сообщил А. Мерварту:

«Глубокоуважаемый коллега!

Искренне благодарю Вас за Ваше дружеское письмо, которое меня очень порадовало. Сначала отвечу на Ваш запрос. Здешняя фирма “Reinhold Schulz”, откуда получена наша пишущая машинка, выразила готовность приобрести тамильский шрифт через генеральное представительство фирмы “Hammond” в Берлине; но прежде они хотят знать, какая клавиатура для Вас желательна — двухрядная или трехрядная — и, соответственно, номер и наименование Вашей пишущей машинки. Так что прошу Вас незамедлительно сообщить мне об этом, чтобы я смог исполнить поручение; шрифт вышлю Вам ценной посылкой.

Ваши предложения по обмену мне вполне понятны. Как только позволит время, я составлю список передаваемых предметов из Ассамы и Бирмы в виде таблицы и просил бы Вас тем временем позаботиться о составлении такой же таблицы по сибирским народам. Как у Вас обстоят дела с сибирской бронзой из Минусинска?

О размещении упомянутой Вами статьи по южноиндийской литературе я с удовольствием похлопочу.

На сегодня все. С сердечным приветом

Преданный Вам Л. Шерман».

10 декабря 1926 г. А.М. Мерварт ответил:

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Благодарю Вас за Вашу готовность оказать содействие в приобретении литероносителя с тамильским шрифтом. Наименование и серийный номер моей пишущей машинки — “Hammond Multiplex № 157063”. Клавиатура трехрядная. Выполнение формальностей облегчится, если вы пошлете бандероль от своего

имени. Надеюсь, что это не доставит Вам очень больших неудобств. Заранее сердечно благодарю Вас. С наилучшими пожеланиями, спешу.

Неизменно преданный Вам А. Мерварт».

Согласно карандашным пометам, письмо «получено 16.12.1926. Литероноситель заказан у Schulz 18.12.1926».

Поиск тамильского шрифта пришелся на кризисный для фирмы период. Л. Шерман информировал А. Мерварта о своих усилиях 3 мая 1927 г.:

«Глубокоуважаемый коллега!

Вы, вероятно, полагаете, что я забыл о Ваших просьбах по поводу пишущей машинки “Hammond”. Напротив, с фирмами-изготовителями пишущих машинок вновь и вновь обсуждается вопрос о том, верны ли Ваши сведения о наличии среди 250-ти шрифтов “Hammond” тамильского шрифта. Представителя нью-йоркской фирмы в Мюнхене нет; тем не менее одна из авторитетнейших фирм-поставщиков, с которой я обыкновенно имею дело, приобрела каталог “Hammond Types”, но и в этот каталог, хотя он снабжен “Списком дополнений” [“Additional list”], тамильский шрифт не включен. Остается только вероятность, что переданный мне каталог, поскольку в нем отсутствует дата, не самый новый.

Для того чтобы дело наше продвигалось вперед — ибо только сегодня вышеупомянутый каталог, несмотря на неоднократные настойчивые просьбы, попадет мне в руки — я теперь напишу прямо в Нью-Йорк и по получении ответа тотчас дам Вам знать. А пока я хотел бы задать Вам вопрос, на чем основаны Ваши слова “я знаю, что среди этих 250-ти есть тамильский шрифт”.

Впрочем, я еще раз попытаюсь ускорить решение вопроса — напишу в Англию индологу Sir George A. Grierson, Вам, конечно же, также известному. Этот ученый, насколько мне помнится, на протяжении десятилетий пользуется печатной машинкой “Hammond” и убежден в ее превосходстве. Сэр Грирсон — человек преклонного возраста, но полтора года назад, когда я навещил его, он был крепок и бодр. Если все точно так же сложится с моим

письмом, которое я сегодня отправляю, то мы скоро получим надежные сведения.

Вы думали о наших дальнейших планах по обмену? Как насчет перспективы увидеть Вас в Германии? Я бы охотно показал Вам наше новое выставление; к лету должны быть готовы три индийских зала.

С наилучшими пожеланиями
Преданный Вам Л. Шерман».

Выдающийся британский лингвист-индолог сэр Джордж Абрахам Грирсон (George Abraham Grierson, 1851–1941) происходил из семьи типографов и издателей, много лет был управляющим Лингвистической службы Индии, подготовил 19 томов «Лингвистического обозрения Индии» (1909–1928 гг.)¹². Он был главным консультантом европейских библиотек и ученых в области индийских языков. 4 мая 1927 г. Л. Шерман писал Грирсону по-английски:

«Дорогой сэр Джордж,

Извините, что беспокою Вас в интересах русского друга. Он стремится добыть тамильский алфавит для машинки “Hammond”, которой пользуется уже несколько лет. Ныне в Мюнхене нет представителей компании “Hammond”, а из Берлина ответили, что в списке челноков [Type Shattles] нет тамильского шрифта.

Помня Ваши хвалебные слова о качестве машинки “Hammond” [имеющейся] в Вашем распоряжении, я отваживаюсь осведомиться у Вас относительно информации о том, возможно или нет купить тамильский алфавит для машинки “Hammond”. Мне было бы очень приятно воспользоваться Вашим любезным ответом, чтобы помочь моему другу в Ленинградском музее.

Надеясь, что эти строки застанут Вас и леди Грирсон в добром здравии, я остаюсь, дорогой сэр Джордж, с наилучшими пожеланиями от нас обоих, всегда ваш Л. Шерман».

¹² Grierson George Abraham. Linguistic Survey of India. Calcutta: Government Press, 1911. 11 Vols. in 21 Parts.

Ответ был получен немедленно, 7 июля 1927 г., от Эрнеста Холла (Ernest H. Hall) из Ратфарнхема (Rathfarnham, Camberley, Surrey):

«Дорогой сэр,

Я уполномочен сэром Джорджем Грирсоном, который, к сожалению, прикован к постели болезнью, подтвердить получение Вашего письма от 4 мая. Он с сожалением сообщает, что ему не кажется, что существует хотя бы один челнок пишущей машинки “Hammond” с тамильскими буквами. Я сегодня напишу в компанию “Hammond” в Лондон и попрошу их дать вам знать, изготавливались ли в последнее время такие челноки.

Сэр Джордж шлет свои и леди Грирсон добрые пожелания г-же Шерман и Вам и надеется, что вы оба в добром здравии. Он сожалеет, что из-за приступа ларингита не может написать сам.

Искренне Ваш Эрнест Х. Холл».

Одновременно Л. Шерман отправил подобные запросы в Нью-Йорк и фирме “Reinhold Schulz” в Мюнхен 4 мая 1927 г.:

«С благодарностью возвращаем любезно пересланный нам список “Hammond Types”. Тамильского шрифта среди индийских в нем действительно нет, и я могу только предполагать, что Вам был предъявлен не самый последний список, т.к. господин из Петербурга совершенно ясно пишет, что он осведомлен о наличии тамильского алфавита.

Для того чтобы окончательно прояснить обстоятельства дела, я только что написал в фирму “Hammond” в Нью-Йорк.

С глубоким уважением, Л. Шерман».

Копия письма 13 мая 1927 г. от управляющего компании пишущих машинок «Хэммонд» (The Hammond Typewriter Co., Ltd.) в Лондоне была приложена Л. Шерманом к его письму А. Мерварту:

«Дорогой сэр,

Мы получили от сэра Джорджа Грирсона письмо относительно тамильского шрифта для пишущей машинки “Hammond” с просьбой выяснить, изготавливается ли этот шрифт для наших машинок. Ныне мы не производим шрифт для тамильского языка, но мы просили сэра Джорджа Грирсона оказать по возможности любезность передать нам образцы тамильского шрифта, чтобы мы

смогли представить подобный в Нью-Йорк и посмотреть, возможно ли организовать изготовление шрифта, пригодного для печатания на этом языке. Если у Вас есть образцы, мы будем рады получить их, когда изготовители будут рассматривать вопрос.

Благодарим Вас за Ваш интерес к “Hammond Typewriter” и уверяем Вас, что мы всегда готовы отвечать быстро и внимательно.

Искренне ваш главный управляющий The Hammond Typewriter Co., Ltd.»

Эти ответы Л. Шерман прокомментировал в письме А. Мерварту 16 мая 1927 г.:

«Глубокоуважаемый коллега!

Мои сомнения в Вашем источнике информации были все-таки обоснованны: приложенное здесь письмо может послужить Вам доказательством того, что фирма “Hammond” не располагает тамильским шрифтом. Но из этого письма Вы видите также, что представители фирмы намерены приобрести его. Следовательно, лично или при моем посредничестве Вы сможете продолжать заниматься этим делом.

Быстрому улаживанию вопроса я обязан сэру Джорджу Гирсону, сам он, конечно, тоже не располагает тамильским шрифтом.

С наилучшими пожеланиями

Преданный Вам Л. Шерман»

Поиски тамильских шрифтов А.М. Мерварт продолжил лично в ходе командировки в Европу летом 1927 г.

Президиум АН СССР 22 ноября 1926 г. (на основании отношения неопределенного секретаря от 26 ноября 1926 г. за № 7467) признал желательность командирования в 1927 г. зав. отделом Индонезии МАЭ Л.А. Мерварт и ученого хранителя МАЭ А.М. Мерварта за границу с ассигнованием 400 руб. из общеакадемического золотого кредита на заграничные командировки, о чем было положено снести с Комиссией Совета народных комиссаров СССР по содействию работам АН [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 7]. Управление делами СНК СССР 14 мая 1927 г. разрешило командировки А.М. и Л.А. Мерварт, о выдаче им заграничных паспортов было сделано соответствующее распоряжение [СПбФ АРАН.

Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 361]. Командированным АН СССР для научных занятий в Германии, Франции и Голландии с 1 июня 1927 г. сроком на четыре месяца Мервартам было выдано удостоверение № 3969 от 18 мая 1927 г. [СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 13 об.]. Вновь 22 сентября 1927 г. Президиум АН СССР поддержал ходатайство директора МАЭ о продлении командировки сотрудников МАЭ А.М. и Л.А. Мервартов на две недели для посещения некоторых музеев в Германии и окончания их научной работы [Там же. Ед. хр. 1041. Л. 9].

Поездка в Германию позволила А.М. Мерварту увидеть после долгого перерыва родных. В г. Брухзаль Мерварты провели праздники (немецкую Троицу) и оставили детей у родителей Александра Михайловича [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 237]. Одновременно А.М. Мерварт восстановил прежние связи и знакомства в Германии: в Берлине жили его двоюродный брат Рудольф Мерварт (профессор статистики Берлинского университета) и старый приятель Фр. Вильд, артист, с женой; в Гейдельберге — его учителя профессор истории М. Хампе и профессор англистики Хоонс, бывший товарищ по гимназии член окружного суда А. Бэр; во Фрейбурге — профессор Зауэр, старый университетский приятель профессор Вебер; в Карлсруэ — двоюродный брат Роберт Мерварт и владелец часового магазина, друг отца преподаватель техникума Видеман; в Тюбингене — старые друзья Р. Руофф и его семья. В Штутгарте, в доме друзей Руофф, он встретился с Дорой фон Путлиц, которая в 1927–1928 гг. приехала в Россию изучать положение работниц [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 303].

Прибыв в Брухзаль, 6 июня 1927 г. А.М. Мерварт написал Л. Шерману:

«Многоуважаемый господин профессор!

Простите великодушно, что до сих пор не ответил на Ваше письмо и не поблагодарил Вас за хлопоты в отношении тамильского шрифта. Дело в том, что я хотел быть уверенным, что из моей поездки в Германию в конечном итоге все же что-то получится, прежде чем дать Вам окончательный ответ. Как Вы види-

те по дате, после четырнадцатилетнего отсутствия я вернулся на свою старую родину, и теперь моя надежда приехать в Мюнхен скоро осуществится. В данный момент речь идет о том, чтобы решить, когда это лучше всего сделать. В связи с этим я был бы Вам очень признателен, если бы Вы в нескольких словах любезно сообщили мне о Ваших планах на нынешнее лето (поездок или работы). Положение вещей таково, что из Брухзаля, где живут мои престарелые родители, я должен ехать в Берлин, с тем чтобы отрекомендоваться представителю Советского Союза и получить различные визы, в частности французскую. Оттуда я собираюсь на два месяца поехать в Париж, буду работать там с одним тамильским мунши¹³. Так как этот господин может пробыть в Париже только до начала августа, я, конечно, должен по мере возможности использовать время. В общем, до начала октября намереваюсь оставаться в Германии. Сентябрь хотел бы отчасти использовать для того, чтобы немного отдохнуть, где, еще точно не знаю, вероятно, в Киссингене¹⁴.

Такова в самых общих чертах моя программа. Я собирался поехать в Мюнхен либо в августе, либо в сентябре. Для осуществления наших планов по обмену, безусловно, совершенно необходимо встретиться с Вами в Мюнхене. Поэтому я буду ориентироваться на Вас и, смотря по обстоятельствам, менять свои планы. Пожалуйста, дайте мне сразу же знать, какое время для Вас наиболее удобно. Уже сейчас я очень радуюсь возможности возобновить наше знакомство, которое является одним из самых дорогих моих воспоминаний.

Кланяйтесь нижайше Вашей глубокоуважаемой супруге от меня и моей жены, также приехавшей со мной в Германию. С наилучшими пожеланиями остаюсь

Преданный Вам А. Мерварт».

¹³ Munshi (перс.) — подрядчик, писец. В Британский период в Индии — учитель восточного языка, секретарь, клерк на европейской службе.

¹⁴ Бад-Киссинген (Bad-Kissingen) — город в Германии, районный центр, курорт, расположен в земле Бавария.

Л. Шерман немедленно ответил 7 июня 1927 г.:

«Дорогой коллега!

Из Вашего только что пришедшего письма я могу заключить, что мои строки от 16 мая Вы получили еще в России. Стало быть, свои хлопоты, связанные с изготовлением тамильского шрифта “Nattond Comrapu”, Вы сможете продолжить из Германии.

Достаточно по этой теме. Гораздо ближе моему сердцу донести до Вас мою радость, что Вы наконец вновь в Германии и значит у нас есть шансы на личное плодотворное обсуждение здесь, в Мюнхене, где Вы, несомненно, с сердечным участием оцените по достоинству и наши старания по организации нового выставления в музее.

Теперь, следуя Вашему предложению условиться о наиболее подходящем для нашей встречи времени, предварю свой ответ словами — “чем раньше, тем лучше”. Об отдельных подробностях моих отпускных планов в настоящий момент могу Вам сообщить только, что до 1 августа я наверняка не уеду, и не более того. К тому же, если получение иностранных виз в Берлине не требует особой спешки, я был бы Вам очень признателен, если по крайней мере первое, вероятно, более краткосрочное посещение Мюнхена Вы запланировали бы прямо сейчас, находясь в Брухзале. Нужно будет позаботиться о квартире для Вас и Вашей супруги, которой в ответ мы также передаем наилучшие пожелания, напишите мне, только без промедления.

Надеюсь, что мое предложение Вы примете во внимание в равной степени и серьезно, и благожелательно. Искренне рады скоро вновь увидеть Вас.

По-прежнему [In alter Gesinnung] Ваш преданный Л. Шерман.

Прошу обратить внимание на вышеприведенный адрес музея¹⁵;

¹⁵ Первоначально для мюнхенского Museum für Völkerkunde (в 1917–1954 гг. — Музей народоведения) было выделено здание галереи в Hofgartenarkaden. С 1925–1926 гг. музей располагается по адресу Maximilianstraße, 42, в здании, построенном для Баварского Национального музея в 1859–1865 гг. архитектором Эдуардом Риделем (Eduard Riedel).

Моя квартира: Герцогштрассе, 8, здесь меня можно застать в любое время по телеграфу и телефону».

Согласно командировочному заданию А.М. Мерварт в Германии посетил ряд музеев и Фотографический институт¹⁶. В Берлине с ним встречались профессор Фирландт (Vierlandt), языковед Макс Юлиус Фридрих Фасмер (Max Julius Friedrich Vasmer, 1886–1962), индологи Генрих Людерс (Heinrich Lüders, 1869–1943) и Гельмут фон Глазенапп (Helmuth von Glasenapp, 1891–1963), востоковед Эдуард Мейер (Eduard Meyer, 1855–1930), эстетик и психолог Макс Дессуар (Max Dessoir, 1867–1947), содиректора Института театроведения Макс Герман (Max Herrmann, 1865–1942) и Юлиус Петерсен (Julius Petersen, 1878–1941), секретарь Института Кнудсен, сотрудник Музея народоведения Ганс Финдейзен (Hans Findeisen, 1903–1968) и руководитель индийского отдела этого музея Стеннер; в Музее народоведения в Мюнхене — директор профессор Люциан Шерман (Lucian Scherman, 1864–1946), хранитель кавказовед профессор Адольф Дирр (Adolf Dirr, 1867–1930), приват-доцент Бахофен [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 296–296 об.], старший хранитель африканист патер Майнульф Кюстерс¹⁷ (Meinulf Küsters, 1890–1947) — католический миссионер-бенедиктинец [Там же. Л. 128–130], хранитель музея Ф.Ф. Зелинский — эмигрант, воспитатель в сельской школе-интернате (Landerziehungsheim) в Унтершондорфе (близ Мюнхена); в Лейпциге — издатель Карл Гирземан¹⁸ (Karl Wilhelm Hiersemann),

¹⁶ Wissenschaftlich-Photographische Institut основан в 1908 г. при Дрезденском техническом университете Робертом Лютером (Robert Thomas Dietrich Luther). С 2008 г. — Institut für Angewandte Photophysik.

¹⁷ Кюстерс Майнульф (Pater Dr. Meinulf Küsters, 1890–1947), миссионер-бенедиктинец, работавший в Южной и Восточной Африке, первый научный куратор отдела Африки мюнхенского Музея народоведения, собиратель этнографических коллекций.

¹⁸ Гирземан Карл (Karl Wilhelm Hiersemann, 1854–1928) — немецкий книгоиздатель и антиквар.

поставщик книг Федор Александрович Браун¹⁹ (Friedrich Braun), директор Музея народоведения профессор Ф. Краузе (Fritz Krause, 1881–1963) и др.

В Институте театроведения (Institut für Theaterwissenschaft) при Берлинском университете А.М. Мерварт выступил с публичным докладом на тему “Das indische Volkstheater” («Индийский народный театр») [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 237]. Институт был основан театроведом Максом Германом в 1923 г.

В берлинском собрании звукозаписей — Lautabteilung der Preussischen Staatsbibliothek (букв. «Звуковой отдел» — фонограммархив Прусской государственной библиотеки, основанный в 1920 г.) — А.М. Мерварт отложил необходимые ему для преподавания шесть дравидийских звукозаписей, чтобы приобрести их на обратном пути [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 240].

В Лейпциге он посетил литейную “J.G. Schelter & Giesecke”²⁰ и обсудил возможность заказать там тамильские шрифты [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 41]. Этот завод с 1819 г. специализировался на отливке типографских шрифтов и производстве печатных прессов, в 1948 г. реорганизован в единственную в Германской Демократической Республике словолитню “Туроарт”. По возвращении 27 октября 1927 г. он подал заявку непременному секретарю АН СССР академику С.Ф. Ольденбургу о *«выписке из-за границы тамильского шрифта за счет золотого фонда Академии наук, согласно спецификациям, которые я послал Вам летом при моем отчете из-за границы. Шрифт необходим для печатания имеющейся рукописи моей тамильской грамма-*

¹⁹ Браун Федор Александрович (Friedrich Braun, 1862–1942) — филолог-германист, профессор Лейпцигского университета.

²⁰ Этот завод с 1819 г. специализировался на отливке типографских шрифтов и производстве печатных прессов, в 1948 г. реорганизован в единственную в Германской Демократической Республике словолитню “Туроарт”.

тики, работ по тамильской филологии и этнографии» [Там же. Ед. хр. 8. Л. 21].

Директору МАЭ Е.Ф. Карскому о своих успехах А.М. Мерварт сообщал 17 июня 1927 г. из Берлина (Kantstr. 149):

«Глубокоуважаемый Ефим Федорович!

Считаю своим долгом сообщить Вам и через Вас коллегам по Музею о том, что мною пока сделано по выполнению командировки. Мы приехали в Гамбург 31-го мая вечером. Так как с нами были дети, то мы, не останавливаясь в Гамбурге, отправились на следующее же утро в г. Брухзаль, где живут мои родители, чтобы у них оставить детей. Там мы провели праздники (немецкую Троицу). Отсюда я сразу снесся с Директором Мюнхенского Музея профессором Шерманом, от которого я получил настойчивое приглашение приехать немедленно в Мюнхен. Я сейчас по получении его письма поехал в Мюнхен и был принят чрезвычайно мило и радушно. Что касается вопроса об обмене с Мюнхенским Музеем, то у нас было по этому поводу несколько разговоров. Со стороны Мюнхена существует большая готовность работать с нами. С другой стороны, как раз те отделы, где они очень бедны — Сибирский, Средней Азии, — у нас или прекрасно снабжены, или же являются как раз теперь центром нашей собирательской и исследовательской работы. Таким образом, мы были бы на долгое время в состоянии обладать материалом для обмена. В то же самое время Мюнхенский Музей после своего переезда и ввиду своей теперешней выставки обладает довольно интересным материалом для обмена с нами. В первую очередь меня заинтересовали те предметы, которые были в 1911 г. Шерманом привезены из Индо-Китая, в особенности из горной области Ассама, от шанских племен (Kachin, Naga, Karen и т.д.). У нас из этой области, кроме привезенного мной набора оружия племени Naga, ничего нет. Впрочем, было бы трудно из того материала, который сейчас мог бы поступить к нам в порядке обмена, составить какую-нибудь цельную коллекцию. Хотя бы одного племени. Но при типологическом подходе, который пока проводится в моем Отделе — а также для нужд Отдела эволюции — можно бы найти очень интерес-

ный материал. Тем более что многое уже теперь делается почти недоступной редкостью. Из области музыкальных инструментов могу указать на целый ряд экспонатов из Индо-Китая, которые являлись бы прекрасным пополнением нашей коллекции, как, например, так называемые Frog-drums²¹ каренов, которые очень трудно найти. Кроме того, было бы возможно и из других областей составить довольно интересные для нас коллекции. Я пока интересовался только теми коллекциями, которые имеют значение для Отдела Индии. Но я буду ещё раз в Мюнхене в сентябре на более продолжительный срок, и тогда я ознакомлюсь подробно с материалами, имеющими значение для наших других Отделов. Особенно хорошо представлены Африка, Индонезия и отчасти Южная Америка. Мюнхенский Музей имеет особое значение для обмена тем, что он строго централизован и находится в ведении одного энергичного и любящего свое дело человека. Этим этот Музей отличается выгодно от Берлинского Музея, который фактически представляет собой ряд Этнографических Музеев, связанных между собой лишь топографически, и находятся в состоянии вечной междоусобицы. При теперешнем положении вещей я считаю совершенно невозможным вступать с Берлинским Музеем в обмен. Если мы, примерно, хотим получить индийские вещи, мы должны им дать тоже индийские вещи, потому что руководитель Индийского Отдела не подумает отдать — хотя бы совершенно ненужные — индийские предметы в обмен за предметы, нужные Сибирскому отделу. Это деление Этнографического Музея на совершенно независимые отдельные «музейни» отражается пагубно на всём, не только на возможностях обмена. Директора ведь здешний Музей не имеет, существует Генеральный Директор Государственных Музеев, которому подчинены не только Этнографический, но и другие Музеи и коллекции. Добиться толку через этого Генерального Директора, по отзывам здешних знатоков положения, немислимо, тем более, что он этнографией не интересуется — он специалист по

²¹ Лягушачьи барабаны (англ.).

истории искусства, и такие переговоры кончили бы свое существование где-нибудь под сукном. Другое дело в Мюнхене, где имеешь дело с одним человеком, соображающим быстро и деловито. Пока мы с ним выработали следующий план совместной работы: Мюнхенский Музей охотнее всего принял бы участие — конечно, только материальное — в наших экспедиционных и собирательских работах в Сибири и Средней Азии. При этом участие Мюнхенского Музея может выразиться или в деньгах, или в предметах. В первом случае мы указываем, сколько потребуется на приобретение более или менее представительной коллекции по тому племени, куда отправляется данный собиратель. Эта сумма складывается из стоимости предмета на месте, транспортных расходов и известной доли — до 50 % — общих расходов по экспедиции. Последнее, конечно, должно решиться нами, по справедливой расценке, в каждом отдельном случае. Деньги могут, по нашему желанию, быть переведены в Россию или же могут служить валютным фондом для приобретения коллекций, книг или инструментов за границей. В последнем случае издержки на приобретение дублетов берет на себя тот Отдел, который в конце концов использует эти валютные суммы. Вместо денег могут быть приобретаемы предметы Мюнхенского Музея — по списку, который я осенью думаю составить с приблизительными ценами — оцененные по справедливости. Таким образом вводится с обеих сторон известное мерило — цена предмета, выраженная в деньгах — которое легко можно определить из известных данных, и исключается в значительной мере досадное чувство, что другая сторона получила больше, чем следовало. Если нам угодно, можно выбрать, как нейтральное место обмена, наше Торговое Представительство в Берлине, но, думаю мне, при добром желании мы сможем скоро поставить это дело на более простую почву. Мне кажется, что, при сотрудничестве всех Отделов, можно будет поставить это дело обмена на надлежащую высоту, что, конечно, очень важно для тех отделов нашего Музея, которые в настоящее время лишены возможности непосредственной работы на месте. Я постараюсь здесь, в Берлине, прийти

к какому-нибудь соглашению, но сомневаюсь в возможности его проведения в жизнь. В понедельник я поеду в Лейпциг, буду также на днях в Гамбурге и, вероятно, в Кёльне. В настоящее время изучение Этнографических музеев представляет особый интерес ввиду того, что самые большие музеи Германии, мюнхенский, берлинский, лейпцигский и др., только что совершенно перестроились или перестраиваются. Я был поражен в Мюнхене множеством новых и интересных впечатлений и идей, но об этой стороне моей работы я предполагаю подробно говорить осенью в форме ряда докладов в нашем Совете.

Я останусь в Берлине ещё до 25-го с[его] м[есяца], так как 24-го я должен прочесть доклад в Университете об индийском народном театре. Отсюда я поеду на 1,5–2 месяца в Париж. С покорнейшей просьбою передать мой сердечный привет дорогим коллегам я остаюсь искренне преданный Вам Александр Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 237–239 об.].

Второе письмо с германскими впечатлениями А.М. Мерварта было отправлено из Парижа 23 июня 1927 г.:

«Глубокоуважаемый Ефим Федорович,

Пишу свой второй отчет уже из Парижа. Сюда мы приехали 26 июня вечером, и я предполагаю оставаться здесь до конца августа, а может быть ещё и часть сентября. Дело в том, что я нашел здесь индийца, который свободно читает на трех южно-индийских наречиях, и это такая редкость, что ее надо непременно использовать. В Германии мы побывали в Берлине и в Лейпциге — мой отчет о Мюнхене Вы, надеюсь, получили — и успели кое-что сделать. О музеях и о деле обмена Вам Людмила Александровна напишет. Кроме работы в Музеях, мы также завязали сношения с так называемым *Lautabteilung* берлинской Государственной библиотеки. Это чрезвычайно интересное учреждение, основанное во время Мировой войны профессором *Doegen'*²², использовавшим

²² Дёген Вильгельм (Wilhelm Albert Doegen, 1877–1967) — профессор, немецкий лингвист. Организатор первого в Германии (1905) Музея голосов народов (Stimmen-Museum der Völker). Руководитель (1916)

наличие военнопленных со всех концов земного шара для записывания языковых памятников — речи, пения и т.д. Это собрание пластинок для граммофона не имеет себе равного в других местах, и нам, конечно, очень важно использовать это богатство и для работы нашего Музея и Академии вообще. Мы познакомились с постановкой дела, слушали ряд записей — 6 дравидийских и несколько малайских — и сговорились пока о следующем: 6 дравидийских записей, которые мне нужны, главным образом, для преподавания, я просил отложить для меня с тем, что я куплю их на обратном пути. Они стоят по 5 марок, т.е. 2,50 руб. Это очень недорого. Кроме того, выяснилось, что имеется большое количество хороших записей на разных финских и урало-алтайских наречиях, которые доставляют местным ученым значительные затруднения. Из 120 пластинок только 50 снабжены письменным текстом. Все нуждающиеся в филологической и главным образом в лингвистической и фонетической обработке Институт *Lautabteilung* готов предоставить русским ученым эти пластинки — и, вероятно, ряд других — для обработки, причем разобранные пластинки остаются собственностью того учреждения, которое их обработало. Для Вашего личного сведения сообщаю, что имеется большое количество славянских, в частности, русских записей, которыми сейчас занят М.Р. Фасмер. Кстати, последний будет, во всей вероятности, на днях избран членом Правления этого Института и сможет нам содействовать. Мы были у него несколько раз, и он обратил наше внимание на лингвистические сокровища *Lautabteilung*. Более или менее твердое решение по этому поводу может быть достигнуто, конечно, лишь официальным путем, лучше всего через Академию.

В Берлине я выступил с публичным докладом в *Institut für Theaterwissenschaft* на тему “*Das indische Volkstheater*”²³. Было много народу, в частности пришли проф. *Lüders*, *Ed. Meyer*, *Dessoir*,

Звукового отдела (*Lautabteilung*) при Прусской государственной библиотеке в Берлине (1920).

²³ «Индийский народный театр» (нем.).

Vierlandt, Petersen, Glasenapp, Herrmann и др. и около 120 чел. студентов, театроведов, директоров здешних театров. Я говорил 1¼ [часа] и показал 35 диапозитивов. Насколько я мог заметить, доклад имел успех. В своем вступительном слове проф. Herrmann указал на особо важную роль России как в этнографии, так и в изучении театра, сослался на нашу театральную выставку. Вообще у меня сложилось впечатление, что в Германии сейчас подчеркнуто любезно относятся к России, к русской науке и ее деятелям.

16-го июня мы получили наконец французскую визу, но так как я уже обещал свой доклад, я должен был остаться до 24-го. 25-го мы отправились в Лейпциг, где мне удалось найти завод для отливания тамильского типографского шрифта. Я побывал там, и жду теперь их окончательного предложения с указанием цен. Мы также были в новом Этнографическом музее, но нашли пока только одни голые стены. Видели мы в Лейпциге также Ф.А. Брауна, который теперь читает русскую историю и, по-видимому, чувствует себя свежим и бодрым и вполне удовлетворенным.

Скоро будет 1 июля, и мы с нетерпением и, правду сказать, с некоторым опасением ждем перевода нашего июльского жалования. Без *nervus rerum*²⁴ трудно существовать, даже при нашем скромном образе жизни. Может быть, Ефим Федорович, Вы при случае шепнете Майхровскому, если он еще не отослал наши деньги, что это очень и очень следовало бы сделать. Если нашим коллегам по Музею интересно, то, пожалуйста, прочтите им из этого письма то, что имеет общий интерес. Софии Николаевне прошу передать мой сердечный привет.

Всегда искренне Ваш преданный А. Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 240–241].

Во Франции А.М. Мерварт работал в Париже в музеях Trocadéro, Guimet, Louvre, Cluny, в Bibliothèque Nationale и специализированных библиотеках, в том числе École Nationale des Langues Vivantes Orientales (далее — ENLVO, Национальная школа современных восточных языков).

²⁴ «Нерв вещей» (лат). — самое главное, суть чего-либо.

Поселились Мерварты в VII округе Парижа по адресу Hôtel du Pavillon, 6 Rue de Verneuil. Пансион содержала кузина Л.А. Мерварт Ольга Львовна Семадени, переехавшая из Киева во Францию. Там же остановился и командированный в Европу В.Н. Бенешевич. *«Это я убедила его переехать туда из гостиницы, т.к. он забывает обедать. Каждый вечер тащили его обедать в столовку. Днем он сидел, не поднимая головы, в рукописном отделе Bibliothèque Nationale; если я там работала в читальном зале (а не в Institut des Langues vivantes Orientales, 2 rue Lille), то я его извлекала завтракать. Когда я в конце августа уехала лечиться на три недели в Brides-les-Bains²⁵, то звала его поехать со мной. Но он торопился в Рим и не заехал ко мне».* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 240].

Пансион был расположен очень удобно для работы: всего в одном квартале; на параллельной улице (rue de Lille, 2) с 1874 г. работало знаменитое учебное учреждение, в котором преподавались восточные языки. В 1914–1971 гг. оно называлось ÈNLVO, с 1971 г. — INALCO (Institut national des langues et civilisations orientales, Национальный институт восточных языков и цивилизаций). В соседнем здании (rue de Lille, 4) размещалась специальная библиотека ÈNLVO.

Среди французских знакомых А.М. Мерварта — управляющий ÈNLVO славист Поль Бойе (Paul Boyer, 1864–1949), создатель Французского института в Санкт-Петербурге (1911) [Deux siècles 1995: 130]; славист Андре Мазон (André Mazon, 1881–1967) — профессор le Collège de France; социолог и антрополог Марсель Мосс (Marcel Mauss, 1872–1950); бывший французский консул на о-ве Мадагаскар, полиглот Габриэль Ферран (Gabriel Ferrand, 1864–1935) — редактор “Journal Asiatique” в 1930–1935 гг. (пасынок Феррана был женат на дочери Г.В. Плеханова); языковед и латинист Жюль Марузо (Jules Marouzeau, 1878–1964), директор Высшей практической школы (l'École pratique des Hautes Études)

²⁵ Брид-Ле-Бэн (Brides-les-Bains) — курорт с термальными источниками в департаменте Савойя (Франция).

в Париже (с 1920 г.); а также Хакэн (Haquin), Лонжевэн (Langevin) и др. Синолога и буддолога Поля Пеллио (Paul Pelliot, 1878–1945) А.М. Мерварт знал еще по Владивостоку. Во Франции этот универсальный специалист стал президентом Société Asiatique (Азиатского общества), директором по исследованиям Практической школы высших исследований (с 1927 г.) [Ibid.: 292–293]. С ведущим французским индологом и буддологом Сильвеном Леви (Sylvain Lévi, 1863–1935) А.М. Мерварт впервые встретился в Харбине на приеме у французского консула. Леви — автор классического труда по индийскому театру, член-корреспондент РАН (с 1918 г.) по Отделению исторических наук и филологии (разряд восточной словесности — индология).

В Париже А.М. Мерварт встречался со знаменитой М. Склодовской-Кюри. Старая эмигрантка-социалистка Н.Е. Шупан и ее муж ввела А.М. Мерварта в дом Выготского в парижском квартале Пасси, в этом уголке России, оказавшемся на перекрестках европейской цивилизации.

Из Парижа А.М. Мерварт писал Л. Шерману 21 июля 1927 г.:

«Дорогой господин профессор!

Посылаю Вам сегодня отдельной бандеролью свою статью о “Катхакали” Малабара, опубликованную в “Journal Asiatique”. Мне было бы очень приятно, если бы Вы нашли время, чтобы ознакомиться с ней и, по возможности, обсудить. Ведь тема “Народный театр”, особенно в Индии, весьма важна и, в сущности, еще вовсе не была в достаточной степени включена в историю индийской драмы.

Со времени Мюнхена я вел настоящую кочевническую жизнь. Берлин с его музейными преобразованиями²⁶ оставил у меня до-

²⁶ В 1926 г. экспозиция Музея народоведения в главном здании на Königsgrätzer Straße (ныне — Stresemannstraße) в центре Берлина была значительно изменена, часть коллекций перемещена в новое здание музея в Далеми (Dahlem). Это здание было сильно повреждено в годы Второй мировой войны, снесено в 1961 г., на его месте в Далеми построен новый музейный комплекс по адресу Landsstraße, 8 / Arnimallee, 25.

вольно противоречивое впечатление. С одной стороны, действительно, было многое сделано для решения выставочной проблемы в более удовлетворительном, по сравнению с прежним, виде. С другой стороны, разделение фондов и перевод их в Далем²⁷ сделали практически невозможным научное их использование. До сих пор — после Берлина и, главным образом, после Парижа — я еще полон впечатлений от их выставки. Я был в здешнем Музее Трокадеро²⁸, и мне стало дурно. Это не музей, а кладовая [Rumpelkammer]. Ваш Музей — без комплиментов — это научно-художественное свершение, о котором можно и нужно спорить, которое, конечно же, станет для нас значительным шагом вперед. Я очень надеюсь, что у меня будет возможность в сентябре изучить Вашу выставку еще более обстоятельно.

Здесь моя работа делится на две части. По утрам с 8 до 12 я занимаюсь тамильским и малаялам с одним брахманом из касты брахманов *Mahratta*²⁹ — правнуком знаменитого *Madhan Rao*³⁰,

²⁷ Далем (Dahlem) — деревня, включенная в состав Большого Берлина в 1920 г. Район на юго-западе Берлина в составе административного округа Штеглиц-Целендорф. Там находятся Свободный университет Берлина, Музейный центр (в то числе Этнографический и Азиатский музеи).

²⁸ Musée d'Éthnographie du Trocadéro — первый этнографический музей Парижа. В 1878–1935 гг. размещался в непригодном для музейных целей дворце Трокадеро. Директор (с 1928 г.) Поль Риве (Paul Rivet, 1876–1958) реформировал музей. Обновленный Musée de l'Homme (Музей человека) открылся в 1937 г. в новом здании дворца Шайо (Palais de Chaillot) в XVI округе Парижа. С 2006 г. этнографические коллекции аккумулированы в новом комплексе Musée du quai Branly — Jacques Chirac (Музей на набережной Бранли) в VII округе Парижа по адресу Quai Branly, 37.

²⁹ Старое название маратхов.

³⁰ Raja Sir Tanjore Madhava Row (1828–1891), или Madhava Rao Thanjavurkar — администратор, политик, важный правительственный чиновник в Индии. Племянник дивана Траванкора Т. Venkata Rao. Диван Траванкора в 1857–1872 гг., Индора — в 1873–1875 гг., Бароды — в 1875–1882 гг.

*Dewan*³¹ из Траванкора и Бароды. Он владеет тамильским, мала-ялам и маратхи и очень славный малый. М.А.³² Эдинбургского университета, изучает тут у Мосса³³ этнологию. Вы видите, что в этом отношении мне повезло. В августе мы вместе с ним поедem на юг, на Ривьеру. Это звучит немного странно, в частности потому, что месяц я проведу в своего рода ашраме³⁴ для всякого рода чудаков [cranks] (пацифистов, теософов, людей не от мира сего [Weltbeglückter] и т.п.). Но, во-первых, врач мне посоветовал морской воздух; во-вторых, этим летом было совсем не жарко, и, в-третьих, и это главное, — все удовольствие стоит мне 600 франков в месяц с полным пансионом (100 марок). К тому же люди живут здесь по принципу “ахимсы”³⁵. Место пребывания — под Ниццей. Я уеду туда, вероятно, 29-го сего месяца.

Я очень рад еще раз увидеться с Вами в Мюнхене и хотел бы по приезде обсудить один, очень важный для меня вопрос. Не мог бы я при Вашем содействии получить от университета приглашение следующим летом прочесть эпизодический курс лекций об индийском народном театре или дравидийской этнографии в связи с проблемой дравидийского языкознания (примерно 6–12 часов)? Подобные курсы читаются сейчас приезжими учеными во многих университетах. Гонорар — дело второстепенное. Для

³¹ Dewan, diwan (перс.) — влиятельный правительственный чиновник, министр, руководитель; высшее должностное лицо в суде после правителя.

³² М.А., Magister Artium (лат.), Master of Arts (англ.) — магистр искусств. В Шотландии — первая степень магистранта, присуждавшаяся студенту без послевузовской экспертизы и курсовых работ.

³³ Мосс Марсель (Marcel Mauss, 1872–1950) — французский этнограф. Племянник и последователь Э. Дюркгейма. Заведовал кафедрой истории религий «нецивилизованных народов» Практической школы высших исследований (с 1901). Один из основателей l'Institut Français de Sociologie (1924) и l'Institut d'Ethnologie (1926).

³⁴ Ашрам — обитель мудрецов и отшельников в Древней Индии.

³⁵ Ahimsā (санскр.) — поведение, образ действий, главным требованием к которому является непричинение вреда всему живому, насилие.

меня это важно, вновь выехать следующим летом, и Ваши студенты, надеюсь, при этом ничего не потеряют. Пожалуйста, обдумайте мое предложение. А пока прошу Вас передать наилучшие пожелания Вашей уважаемой супруге от меня и от моей жены, остаюсь

Сердечно Ваш А. Мерварт»

На это Л. Шерман 25 июля 1927 г. ответил:

«Дорогой коллега!

Только что, в начале недели меня порадовало Ваше письмо с великолепной статьей из “J[ournal] A[siatique]”. Я собрался было подождать с ответом, пока не просмотрю статью, но приведенная Вами дата отъезда вынуждает меня спешить, и помимо этого я вижу с первого взгляда, что Ваши рассуждения [Ausführungen] о южноиндийском театре открывают европейскому читателю в высшей степени важный материал. Я охотно воспользуюсь случаем, чтобы уведомить о Вашей работе в подходящем месте.

Я вижу, что применительно к некоторым иллюстрациям даются ссылки на петербургские коллекции. Нет ли у Вас сейчас под рукой полезных связей для того, чтобы поручить сведущим людям собирать для наших обоих учреждений маски, костюмы и т.п., используемые в различных южноиндийских представлениях? Уже давно под впечатлением труда Thurston³⁶ я думаю об этой задаче, но мне так и не удалось собраться с силами, чтобы приступить к ее выполнению. У Вас же, как мне кажется, — судя по тому, что Вы пишете о нынешнем Вашем товарище по уче-нию³⁷, — не должно быть затруднений на этот счет. И это позволяет мне надеяться, что выполнение данной задачи возможно.

³⁶ Тёрстон Эдгар (Edgar Thurston, 1855–1935) — автор ряда фундаментальных работ о народах Южной Индии. Участник (с 1901 г.) проекта «Этнографический обзор Индии», а рамках которого опубликовал «Касты и племена Южной Индии» в 7 томах (1909).

³⁷ Магистр Эдинбургского университета Рагхунатха Рао, который учил А.М. Мерварта тамильским языкам.

Впрочем, если не ошибаюсь, этот вопрос мы с Вами уже обсуждали лично.

Ваше предложение, организовать у нас летом 1928 года цикл лекций, следует обсудить в частной беседе, и, получив Ваш положительный ответ, я радуюсь в предвкушении того, что в сентябре эта возможность осуществится. Только еще раз прошу Вас как можно раньше сообщить мне, каковы Ваши планы, для того чтобы я тоже к ним приспособился и мы с Вами здесь не разминутись. Мне бы хотелось уже сейчас хотя бы в общих чертах знать об этом, поскольку я пока еще точно не решил, как распоряжусь своим отпуском, и т.д. Ну а то, что весь август я буду находиться в районе баварско-австрийской границы, т.е. совсем недалеко от Мюнхена, Вы уже знаете.

На сегодня все. Сердечный привет от нас Вашей семье. Напишите поскорее пару строк из Вашего ниццаского Эльдорадо [aus Ihrem Nizzaer Dorado].

Преданный Вам Л. Шерман».

Предполагаемые даты приезда А.М. Мерварт сообщил 29 июля 1927 г. Л. Шерману Открытым письмом из Парижа.

«Дорогой господин профессор!

Большое спасибо за Ваше письмо. Сегодня посылаю Вам экземпляр своего путеводителя по моему индийскому отделу в Петербурге. Книга задумана как введение в культуру современной Индии, причем соответствующий номер иллюстрирующего [текст] музейного предмета приведен на полях [страницы]. Мой адрес на ближайшие 4 недели: chez M. Chochon, Domaine l'Etoile, Pessicart, Nice (Alpes Maritimes).

24 августа я буду в Брухзале и останусь там — отлучаясь на короткое время во Франкфурт, Штутгарт и Карлсруэ — до тех пор, пока не узнаю о Вашем возвращении в Мюнхен. В Мюнхене я бы с удовольствием остался дней на 10–14 и был бы Вам очень признателен, если бы Вы смогли подыскать для меня дешевый пансион. Сердечный привет Вашим близким от нас А. Мерварт».

Два летних месяца А.М. Мерварт занимался тамильским и малаяльским языками с уроженцем Танджавура (Танжор) Раг-

хунатхом Рао. «*Mr. Raghunatha Rao, получивший высшее европейское образование, оказался не только превосходным сотрудником при занятиях, но в то же время заинтересовался серьезно индийской этнографией, тем более что он по специальности — социолог. Он дал А.М. Мерварту много ценных сведений относительно жизни современной Индии, а также обязался, через своих друзей в Южной Индии, составить ряд очень нужных для нас коллекций*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 39–41]. Рагхунатх Рао был членом общества “*Servants of India Society*” («Слуги Индии»), базирующегося на идеях Махадева Говинда Ранаде (Mahadev Govind Ranade, 1841–1901). Целью общества, основанного в 1905 г. Гопалом Кришной Гокхале (Gopal Krishna Gokhale, 1866–1915), было объединить индийцев, которые пожизненно служили бы Индии, способствуя просвещению и защите национальных интересов всех ее народов, независимо от происхождения и вероисповедания. Рагхунатх Рао жил в Женеве [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 78]. В Ле-Марелье³⁸ он познакомил А.М. Мерварта со своим тестем — французским священником, на чьей ферме близ Ниццы они и провели около четырех недель, соединив занятия с отдыхом [Там же. Л. 128–130]; познакомился он и с владельцем фермы по фамилии Шошон [Там же. Л. 300 об. — 301].

В сентябре А.М. Мерварт вернулся в Германию. 13 сентября 1927 г. Л. Шерман подписал рекомендательное письмо в Генеральную дирекцию Баварской государственной библиотеки в Мюнхене: «*Настоятельно рекомендую господина др. А. Мерварта, заведующего отделом в Музее этнографии в Санкт-Петербурге (Ленинграде)*».

Итоги переговоров между музеями отразились в составленном 24 сентября 1927 г. и подписанном А.М. Мервартом документе.

³⁸ Les Marelriers — местность в коммуне Баржоль (Barjols) на юго-востоке Франции в регионе Прованс — Альпы — Лазурный берег, департамент Вар.

«Переговоры между господином тайным советником профессором д-ром Л. Шерманом, директором Музея народоведения в Мюнхене, и профессором д-ром А. Мервартом, Этнографический музей Академии наук, Ленинград, относительно обмена коллекционными предметами.

1) Общие приобретения во внеевропейских странах.

а) Письмо Рагхунатху Рао, Траванкор, в настоящее время в Марселе, от 16 сентября 1927 г. по поводу южноиндийских масок.

б) Письмо г-на д-ра Мерварта ему же по поводу пополнения [коллекции] типов индийских богов с особым указанием на малоизвестные местные божества, главным образом неарийского характера.

с) После консультаций господина Мерварта с его учреждением наш музей, по возможности, будет рекомендовать др. Кюстерсу систематически собирать *in Dublo*³⁹ для Ленинграда и Мюнхена определенные части африканских коллекций; взамен Ленинград на такой же систематической основе будет прилагать старания для пополнения мюнхенских коллекций в основном из области сибирских и центрально-азиатских племен.

2) Помимо этих по большей части цельных коллекций обеими сторонами предполагается осуществлять взаимный обмен либо передачу отдельных предметов. Расчеты должны производиться или в порядке обмена вещами, или наличными деньгами. Оценка должна быть умеренной и существенно ниже коммерческой.

3) Списки по обмену должны содержать достаточное количество разъяснений, по возможности дополняться зарисовками или фотографиями.

4) В Ленинграде для возможного пополнения предусматриваются прежде всего: отдельные предметы или коллекции по сибирским племенам (предварительно послать наши списки по гольдам,

³⁹ *in duplo* (в оригинале “*in Dublo*” — вероятно, описка) — от лат. *duplo*: вдвое, вдвойне. Здесь и далее речь идет о том, что оба музея (мюнхенский и ленинградский) будут параллельно собирать предметы в двух экземплярах (дублеты) — для себя и для музея — партнера по обмену.

тунгусам, айнам и самоедам!). В Мюнхене особенно приветствуются дублиеты древностей из китайского Туркестана, а также скифская и сарматская бронза из археологических раскопок.

5) Мюнхен, со своей стороны, мог бы предложить:

древности из Перу (гончарство и ткачество), Коста-Рики и Гватемалы;

мелкую пластику из древней Мексики;

отдельные золотые вещи из древней Центральной Америки;

отдельные предметы современного ткачества из этих же областей.

Возможно, также отдельные серебряные украшения арауканов (Чили).

Из Африки некоторые предметы из бывших немецких колоний, а также из южной части Тихого океана (немецкая Новая Гвинея и река Императрицы Августы) и с австралийского материка (каменные чуринги [Seelensteine⁴⁰] и т.д.)

Из Азии могут рассматриваться:

бронзовый барабан (Индокитай) [Hinterindien];

сиамская каменная пластика (Будда на троне под змеиными головами) и угловые фигуры-стражи ворот;

старинные серебряные нечеканные монеты [ungeprägtes Silbergeld] из Сиам;

женская юбка с узором (качины) и отдельные предметы из Сиам, Бирмы и Ассам, которые еще надлежит подобрать.

6) При обмене фотографиями, который также желателен, действуют принятые между музеями договоренности. <Подпись А.> Мерварт».

Восьмого октября 1927 г. Мерварты вернулись в Россию, полные оптимистических надежд на сотрудничество МАЭ с зарубежными этнографическими музеями. Приведем текст отчета А.М. Мерварта о его командировке 1927 г.

«Ученый хранитель МАЭ А.М. Мерварт был командирован сроком с 1 июня по 8 октября 1927 г. во Францию и Германию со следую-

⁴⁰ Seelensteine (нем.) — букв. «камни душ».

щими заданиями: во-первых, требовалось установить или скорее возобновить систематический обмен коллекциями с рядом заграничных этнографических музеев, в частности, с Мюнхенским *Museum für Völkerkunde*, во-вторых, было желательно подробно изучить музейную технику, сделавшую как раз за последние годы большой шаг вперед, особенно в Мюнхене и Берлине. Одновременно с выполнением этих чисто музейных заданий он предполагал также использовать пребывание за границей для практики в тамильской разговорной речи и для ознакомления с новейшей литературой по этнографии и истории Индии. Принимая во внимание интенсивное развитие музейного дела в Германии, где благодаря децентрализации культуры имеется большое число крупных этнографических музеев, соперничающих друг с другом, а также ввиду дружественных отношений между нами и Германией, облегчающих технику обмена, он останавливался преимущественно на германских этнографических музеях и с некоторыми из них выработал предварительно принципы обмена научными коллекциями. Нужно при этом отметить, что в этом отношении он встретил у целого ряда германских музеев полную готовность сотрудничать с нами.

Из переговоров с руководителями музеев выяснилось, что вопрос об обмене коллекциями нужно взять шире и по возможности координировать между собой собирательные экспедиции нашего музея и некоторых германских музеев, и стремиться к тому, чтобы в каждом отдельном случае, когда это окажется возможным, отправляемые в разные страны экспедиции собирали и дублиеты для заинтересованного другого музея. Дело в том, что германские музеи пополняют свой состав как раз по тем областям, которые у нас представлены сравнительно бедно (Африка, Америка, Океания, Австралия) и которые для нас менее легко доступны. В то же время у нас ведется интенсивная собирательская работа по Сибири и Средней Азии, которые в большинстве германских Музеев представлены чрезвычайно бедно. С Мюнхенским музеем пока удалось достигнуть принципиального соглашения. В настоящее время предусматривается возможность использовать пребывание в Восточной Африке командированного туда сотрудника

Мюнхенского музея Dr. Küsters для собрания коллекций для нашего музея. Но и существующий состав, как МАЭ, так и заграничных музеев, позволяет до известной степени устранить ту односторонность, которая является недостатком всех музеев. В этом отношении переговоры с руководителями отдельных музеев дали конкретные результаты, требующие ещё, конечно, санкции как Академии Наук, так и тех инстанций, которым подчинены отдельные германские музеи. А.М. Мерварт посетил и изучил Museum für Völkerkunde в Берлине, где пробыл 11 дней, в Мюнхене, Штутгарте, Лейпциге, Кёльне, Карлсруэ, Deutsches Museum в Мюнхене и ряд краеведческих музеев. Особо он остановился на Мюнхенском музее, который был недавно переведен в новое здание (бывший Nationalmuseum), и считающегося по справедливости наиболее художественно и интересно выставленным музеем в Германии. При выставлении и организации этого музея было поднято и решено много технических вопросов, имеющих глубокое значение для всех музейных деятелей, так что А.М. Мерварт счел своим долгом посвятить подробному изучению этого музея продолжительное время — 15 дней, причем одновременно с этим он проработал имеющуюся в музейной библиотеке литературу по музееведению. Два месяца — июль и август — А.М. Мерварт провел во Франции, главным образом в Париже. Там кроме посещения музеев — Trocadéro, Guimet, Louvre, Cluny и работы в библиотеках — Bibliothèque Nationale, École Nationale des Langues Vivantes Orientales, он занимался тамильским и малаяльским языками с Mr. Raghunatha Rao, уроженцем Танжора (Южная Индия), владеющим в совершенстве тамильским, малаяльским и мараттским языками. Получивший высшее европейское образование, оказался не только превосходным сотрудником при занятиях, но в то же время заинтересовался серьезно индийской этнографией, тем более, что он по специальности — социолог. Он дал А.М. Мерварту много ценных сведений относительно жизни современной Индии, а также обязался, через своих друзей в Южной Индии, составить ряд очень нужных для нас коллекций. В частности, А.М. Мерварт поручил ему собирать все доступные изображения народных бо-

жеств Южной Индии, так называемых *Gramadevatas*⁴¹. Кроме этого, он взялся пополнить через своих корреспондентов наши собрания театральных и танцевальных масок, причем согласился исполнить эту работу на самых удобных для МАЭ условиях.

В интересах дальнейшего развития изучения и преподавания в Ленинграде дравидийских языков, А.М. Мерварт побывал в Берлине в *Lautabteilung der Staatsbibliothek*, где имеется обширное собрание фонографических пластинок, составленных немецкими учеными во время войны с использованием военнопленных, находившихся в германских лагерях, и пополняемое до сих пор. Имеется 6 пластинок, наговоренных тамилами. Временно заведующий любезно согласился предоставить Академии Наук эти пластинки по цене 5 марок за пластинку. Кроме того А.М. Мерварт вел переговоры с фирмой *Schelter und Giesecke* о заказе тамильского шрифта и послал соответствующее предложение в Президиум Академии Наук.

Во время пребывания в Берлине А.М. Мервартом был прочитан доклад об индийском народном театре в *Theater wissenschaftliches Institut* при Берлинском Университете. На докладе присутствовали ряд профессоров Берлинского Университета, слушатели Института, директора берлинских театров и другие специалисты по театроведению» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 39–41].

Перспективы сотрудничества с мюнхенским Музеем народо-ведения серьезно обсуждались в МАЭ, как следует из письма А. Мерварта Л. Шерману 5 ноября 1927 г., хранящемуся в мюнхенском Музее пяти континентов.

«Многоуважаемый господин профессор!

Оно придет с опозданием, но все-таки оно придет, это письмо, которое давно уже не даёт мне покоя. Задержка объясняется тем, что я сначала хотел понять, как отнесутся к предложениям по обмену коллеги по музею и начальство, т. е. персонал второго отделения Академии. С этой целью я составил подробную

⁴¹ *Gramadevata* (санскрит.) — деревенское божество, покровитель деревни.

докладную записку, изложив в ней в основных чертах ход систематического обмена и собирательской работы, а также конкретные предложения по обмену, в отношении которых мы в свое время пришли с Вами к соглашению. В настоящий момент я, пожалуй, могу сказать, что мысль упала на плодородную почву и, в принципе, относительно наших идей не было высказано никаких сомнений. В ближайшие дни Вы, должно быть, получите официальное письмо нашей Академии по этому поводу.

Теперь к практическим вопросам. В ходе наших обсуждений Вы заявили о своей готовности поручить др. Кюстерсу собирать *in Dublo*⁴² некоторые коллекции из района, где он непосредственно работает, с тем, чтобы впоследствии предоставить данные коллекции в распоряжение нашего Музея, конечно, за соответствующие услуги. Я поднял этот вопрос как на заседании заведующих отделами, так и во время обсуждений с некоторыми заинтересованными господами, и сейчас излагаю Вам следующие результаты:

1) Нашему африканскому отделу из области сборов доктора Кюстерса нужны северные зулусские племена.

а) Все предметы, относящиеся к скотоводству и земледелию.

б) По возможности полная коллекция предметов домашнего обихода.

с) Предметы, используемые для обработки кожи.

д) Предметы культа, особенно относящиеся к магии.

е) Из одежды: мужская одежда. Оружие не нужно, т.к. в наших старых фондах его более чем достаточно.

2) Мы можем Вам предложить снабдить мюнхенский Музей коллекциями *in Dublo*, которые планируется собрать у ряда кочевнических восточно-иранских племен в течение этого года — частично уже зимой⁴³.

⁴² *in Dublo* — см. ссылку к документу от 24 сентября 1927 г.

⁴³ Исследования среди кочевых и полукочевых иранских племен, населявших пограничные с Афганистаном районы Туркмении (белуджей, джемшидов, хазарейцев и др.), проводились в 1927–1929 гг. участниками этнологической секции Среднеазиатской этнологической экспеди-

Заведующий отделом Средней и Передней Азии г-н Зарубин⁴⁴, сам шесть раз работавший в Восточном Иране и в настоящее время являющийся, пожалуй, самым лучшим знатоком языка и этнографии этого района, пообещал мне составить дублетные коллекции по следующим племенам: хазарейцы, джемишиды и белуджи. Насколько мне известно, коллекций из этого района у Вас нет. Коллекции эти представляют особенный интерес уже потому, что иллюстрируют стадии развития скотоводства. Я также Вас очень прошу написать мне любезно о Вашем решении по данным вопросам. На перспективу рассматриваются: алтайцы, остяки, коряки и др. сибирские племена, также туркмены и афганцы. Надеюсь, что идеи совместной работы нам удастся перевести с теоретического на практический уровень.

Благодарю Вас за приглашение на организационное собрание Общ[ества] др[узей] в[осточно]а[зиатского] и[скусства]⁴⁵, которое Вы мне прислали. Желаю Вам из нашего далека успехов во всем. Я был бы Вам очень признателен, если бы было возможно включить меня в список членов. Дайте мне знать, нужна ли Вам лите-

ции АН СССР (1926–1929). Фактическим руководителем этнологической секции был И.И. Зарубин. См.: [Прищепова 1995].

⁴⁴ Зарубин Иван Иванович (1887–1964) — ученый-иранист, основоположник научного памироведения. Сотрудничал с МАЭ с 1910 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 63. Л. 54], включен в штат в 1918 г., зав. отделом мусульманских народов Средней Азии МАЭ [Там же. Ед. хр. 73. Л. 84]. Летом 1914 г. совершил первую научную экспедицию на Памир (совместно с французским иранистом Робертом Готью) и собрал большую коллекцию.

⁴⁵ В оригинале “Ges. d. Fr. O. A. K. [Gesellschaft der Freunde Ostasiatischer Kunst]”. Очевидно имеется в виду Общество друзей азиатского искусства и культуры (Gesellschaft/Verein Freunde Asiatischer Kunst und Kultur) — см. письмо Л. Шермана от 14 ноября 1927 г. Это общество было создано в Мюнхене в 1927 г. по инициативе Л. Шермана. Одновременно оно являлось местным подразделением основанного в 1926 г. берлинского Общества восточноазиатского искусства (Gesellschaft für Ostasiatische Kunst).

ратура по восточноазиатскому искусству; может быть, мой членский взнос я смог бы оплатить таким образом? Если Вам еще интересна моя идея относительно лекций в мае или июне 1928 года, то сейчас самое время облечь ее в форму приглашения.

В завершение еще раз хочу выразить искреннейшую благодарность за Ваши любезность и гостеприимство, которые Вы оказали мне во время моего пребывания в Германии. Самое яркое впечатление — а это работа в Вашем Музее — станет темой моего доклада 8-го декабря. На нем, кажется, будут присутствовать практически все музейные работники Ленинграда. Сердечный привет Вашей семье, а также всем дамам и господам Вашего музея.

Остаюсь неизменно преданный Вам А. Мерварт».

14 ноября 1927 г. последовал ответ Л. Шермана.

«Дорогой коллега!

Начну с того, чем Вы закончили Ваше любезное письмо (с почтовым штемпелем от 11 ноября): к этим строкам для служебного пользования прилагаю приглашение, которое, вероятно, соответствует Вашим пожеланиям.

Я рад, что Вы довольны впечатлениями, полученными в Мюнхене. Совершенно с Вами согласен, что правильная организация экспедиций, которые начинаются из Ленинграда и Мюнхена, принесёт обоим музеям много пользы. Я готов немедленно проверить это на деле, известив должным образом нашего др. Кюстерса, так что Ваш Музей в соответствии с Вашими предложениями может ожидать систематического прироста отдела Африки, наш мюнхенский Институт — новые группы пограничных индо-иранских племен.

Наряду с обменом такого рода, на мой взгляд, также следовало бы совершенно спокойно заниматься обсуждением передачи отдельных, имеющихся в излишке предметов; вопрос возмещения наличными или т.н. натуралиями в каждом отдельном случае уладить будет нетрудно. По поводу последнего сразу же хочу осведомиться: у Вас, по всей вероятности, имеется излишек предметов по гилеям; не могли бы Вы сообщить мне, по возможности, незамедлительно, пусть даже очень кратко, что из

этого может быть передано в Мюнхен и как Вы оцениваете данный материал.

На Ваш вопрос, можете ли Вы быть зачислены в члены недавно основанного Общества друзей азиатского искусства и культуры [Verein "Freunde Asiatischer Kunst und Kultur"], отвечаю, что согласно Вашему заявлению Вы были сразу же приняты. Вы удивитесь, узнав, что за короткий срок количество членов составило более 210. Есть две категории: за годовой взнос в размере 10 марок, кроме лекций и экскурсий, получают выходящие примерно раз в два месяца "Сообщения" берлинского Общества восточноазиатского искусства», за взнос в 20 марок — помимо того ещё и богато иллюстрированные годовые подарочные публикации [Jahresgaben] этого общества. В вышеназванном числе — 71 член с увеличенным годовым взносом. Итак, напишите мне, в какую категорию Вас нужно включить. Ваше предложение приравнять к членскому взносу посылку русской литературы по восточноазиатскому искусству вполне приемлемо; только, будьте добры, укажите количество названий этих публикаций.

Надеюсь очень скоро вновь получить от Вас известия. С сердечным приветом от всех нас остаюсь

Преданный Вам Л. Шерман».

1 июня 1928 г. А.М. Мерварт написал Л. Шерману из Луги:

«Дорогой господин профессор!

Мою корреспонденцию преследует злой рок; иначе я не могу объяснить тот факт, что Вы не получили мое письмо от 5 апреля. Я писал Вам тогда, что из моей поездки в Германию, вероятно, ничего не получится, т.к. оказалось, что фонды, выделенные на командировки, не столь велики, как нам это представлялось в последние годы. У меня, правда, была тогда еще какая-то надежда, что, может быть, тот или иной коллега в последний момент откажется от своей поездки, поэтому я и не давал окончательного ответа. По получении Вашего письма я еще раз попытался предпринять некоторые шаги в этом направлении, но, к сожалению, должен сообщить Вам об отрица-

тельном результате. При всем том у меня было, по крайней мере, приятное чувство, а именно, сознание Вашего дружеского участия в моей работе и сочувствия к моей персоне. Обещанные мною доклады, к сожалению, должны быть отложены до другого, более подходящего случая. Однако при нынешнем положении дел трудно сказать, когда это произойдет. Этой зимой я очень много работал. Совместно с тремя коллегами мы сдали в печать книгу о восточном театре (индийском, индонезийском, китайском и японском), издание и редакция которой выпали на мою долю (примерно 12 печатных листов с иллюстрациями). Затем сдал в печать тамильскую грамматику (10 печатных листов), которая по системе своей и ряду выводов значительно отличается от существовавших до сих пор. В *Comptes Rendus*⁴⁶ Академии я опубликовал статью (на английском)⁴⁷ о дравидийской системе согласных. На днях вышлю ее Вам. Как только оба упомянутых опуса будут изданы, позволю себе представить их Вам. Они, конечно, написаны на русском языке, но ведь в Мюнхене сейчас много людей, понимающих русский. На днях заключил с государственным издательством договор о работе по истории Индии, в которой прежде всего должно быть показано политическое развитие в его взаимосвязи с экономическим и социальным. Этой работой я буду занят в ближайшие месяцы вплоть до начала февраля. Зимой среди прочего сделал доклад о мюнхенском музее на открытом ежегодном заседании Радловского общества⁴⁸. Доклад и, в первую очередь, предмет его вызвал оживленную дискуссию. Мы, т.е. моя жена и я, получили заказ от главного руководства научными учреждениями, в ведении которого находятся также музеи (за исключением академических), на публикацию книги о наших наблюдениях в западноевропейских музеях. Этим мы будем заниматься осенью. Я очень

⁴⁶ Отчеты (франц.).

⁴⁷ [Meerwarth 1928].

⁴⁸ Радловский кружок, созданный при МАЭ в 1922 г. в память о В.В. Радлове, объединял ведущих этнографов и востоковедов.

интересуюсь работой, которую взялся сделать для Вашего музея Рагхунатх Рао. Что-нибудь получилось из этого? Чем занимается д-р Кюстерс? Не могли бы мы осенью обменяться нашими идеями конкретнее? Еще раз, простите меня за то, что не смог сдержать свое обещание, и до следующего раза. Сердечный привет супруге, д-ру Дирру и коллегам из музея.

Ваш Д-р. А. Мерварт».

На это письмо Л. Шерман ответил 16 июля 1928 г.

«Дорогой коллега!

Почтовая сторона нашей корреспонденции и мне не совсем понятна. На только что пришедшем письме стоит штампель 10 и 11 июля, Вы же приводите дату 1.VI. (наверное, описка?). На всякий случай, это письмо я посылаю заказным в адрес Вашего Музея. Надеюсь, что таким образом оно точно дойдет по назначению. Письмо от 5-го апреля, о котором Вы упоминаете, мне вовсе не было вручено; последнее известие, полученное нами, датировано 6-м декабря 1927 г., именно из-за этого длительного перерыва я и позволил себе послать Вам письмо с напоминанием.

Между тем для меня является большим утешением узнать, что Ваша научная работа так быстро продвигается вперед. За обещанные посылки с литературой я буду Вам очень благодарен, даже если русская версия текста, с нашей эгоистической точки зрения, оставляет желать лучшего; не следовало бы Вам привести в качестве приложения хотя бы краткое изложение текста на французском или английском, как это часто делают в России и Венгрии?

Планируемые нами мюнхенские доклады, следовательно, придется перенести на более подходящее время. Тем временем я, вероятно, узнаю и о том, как проходит у Вас дискуссия по музейным вопросам; хотелось бы знать, в чем заключаются возражения против реформ в нашем Музее, о которых Вы сообщали. Все мы, конечно же, склонны слышать скорее благожелательные, нежели неодобрительные суждения; во всяком случае могу констатировать, что одобрителные отзывы о нашем новом выставлении, устные и письменные, заметно множатся.

Доктора Кюстерса я жду через три месяца. Его письма очень содержательны и достоверны. Вы спрашиваете, могут ли осенью наши переговоры по обмену стать более конкретными, — в ответ могу лишь задать встречный вопрос: выяснили ли Вы за это время положение дел у Вас! Вы знаете, какие дезидераты⁴⁹ я поставил во главу угла, и прежде всего мне хотелось бы иметь основания надеяться, что нам будут предоставлены либо музейные материалы, либо новые экспедиционные поступления по заявленным ранее сибирским народам и т.д. В услугах с нашей стороны нехватки не будет, все равно, или в наличных деньгах, т. е. в расходах на экспедиционные работы, или в форме передачи из наших музейных фондов. Именно потому, что в настоящее время количество поступающих нам весьма привлекательных предложений по обмену необычайно увеличивается, для меня было бы очень важно узнать от Вас, готовиться ли мне к переговорам с Россией и каким образом.

На сегодня все. Надеюсь, что наша переписка теперь вновь войдет в свою колею. С наилучшими пожеланиями от всех нас
Ваш Л. Шерман».

Пятого ноября 1928 г. к Л. Шерману обратился А.В. Шмидт⁵⁰, зав. отделом Африки в МАЭ.

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Некоторое время тому назад д-р А. Мерварт сообщил мне о том, что в Вашем музее ожидается поступление новых коллекций из Африки, часть которых будет использоваться для обмена с другими музеями.

Для меня как заведующего отделом Африки Музея антропологии и этнографии чрезвычайный интерес представляет любая возможность заполнения лакун в наших коллекциях. Поэтому позволю себе обратиться к Вам с огромной просьбой оказать мне

⁴⁹ Дезидерат (лат. desiderata — «желаемое») — предметы, необходимые для пополнения коллекции, библиотеки и т.п.

⁵⁰ Шмидт Алексей Викторович (1884–1935) — археолог, зав. отделом Африки в МАЭ, работал в МАЭ с 1924 по 1935 г.

любезность и уведомить меня о том, какие предметы из Вашего собрания Вы могли бы нам передать. Со своей стороны мы могли бы предложить Вам ряд предметов из Абиссинии и соседних нилотских и нилото-хамитских областей, собранных по большей части г-ном Леонтьевым в 1897 г.

Если Вы сочтете наши африканские коллекции малоинтересными, то тогда мы могли бы подобрать для Вас ряд предметов по сибирским народам, в частности из районов Алтая, реки Амур и, возможно, также из Центральной Азии.

Нам бы очень хотелось, уважаемый господин профессор, получить известие о Ваших дальнейших намерениях, а также о том, что могло бы быть желательным для Вас. С совершенным почтением

Преданный Вам А. Шмидт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 6. Л. 56].

К сожалению, обмен коллекциями между этнографическими музеями Мюнхена и Ленинграда не осуществился.

Вторую половину командировки супруги Мерварт провели врозь: Александр Михайлович задержался во Франции, а Людмила Александровна отправилась работать в Нидерландах.

В Германии она ознакомилась с состоянием музейно-экспозиционного дела в Берлине и Лейпциге [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 233, 236 об.]. Во Франции посетила парижские музеи Trocadéro и Guimet, а также музей Académie de la Val d'Isère (Академии Долины Изер) в Мустье. В Нидерландах тщательно изучила опыт музеев в Амстердаме, Роттердаме, Лейдене, а также Музея под открытым небом (Openlucht Museum) в Арнеме. Библиографию по малаистике и музееведению она составляла по материалам берлинских библиотек — Государственной и библиотеки при Museum für Völkerkunde, парижских — Bibliothèque Nationale (Национальная библиотека) и библиотеки ENLVO, а также библиотек Лейденского университета и Национального Музея народоведения.

О своих наблюдениях она докладывала 30 июня 1927 г. директору МАЭ академику Е.Ф. Карскому.

«Глубокоуважаемый Ефим Федорович,

Приехав в Париж, посылаю Вам отчет о своей деятельности в Германии. В Берлине можно было ознакомиться с новым выставлением этнографического музея; характерной особенностью его является резкое деление на выставочные коллекции, размещенные в самом Берлине (Königgrätzerstr, 120) и магазины, находящиеся в Dahlem'e, пригороде Берлина. Неудобства подобного разобщения заметны, конечно, не только нам, приезжим, но в еще большей мере страдают от него работники Берлинского Музея. Ведь от Музея в Магазин более часа езды по железной дороге! И Директор Отдела Дальнего Востока Müller⁵¹, и Stöpper⁵², зав. Отделом Индии и Индонезии, оба говорили мне, что работа научной обработки коллекций неизбежно остановилась после нового выставления. Выставочное помещение осталось прежнее — Museum für Völkerkunde, но выставлено 1/6–1/10 числа прежних экспонатов, остальное в магазине. Выставление в гораздо большей степени, чем у нас, открытое, но, с одной стороны, посещаемость этого музея во много раз ниже, чем у нас. (Музей открыт ежедневно, кроме вторников, но за год в нем перебивает народу в сотнях то, что у нас в тысячах. Это объясняется, прежде всего, отсутствием экскурсий.)

С другой стороны, и у них случаются уже покращи более мелких предметов. Отделы Индии и Индонезии собственно не выставлены ещё. Они будут выставляться вероятно через год в 3-м этаже. В бельэтаже выставлены статуи, барельефы и пред-

⁵¹ Мюллер Фридрих Вильгельм Карл (Friedrich Wilhelm Karl Müller, 1863–1930) — профессор, немецкий лингвист, востоковед. Сотрудник (1887–1928), директор Восточноазиатского отдела берлинского Museum für Völkerkunde. Участник первой немецкой экспедиции в Турфан (1901). С 1928 г. — член-корреспондент АН СССР.

⁵² Штённер Генрих (Dr. Heinrich Stöpper, 1872–1931) — индолог, директор Индийско-Азиатского отдела берлинского Museum für Völkerkunde. Материалы Турфанских экспедиций хранились в Индийском отделе музея народоведения, в 1926 г. манускрипты были переданы в Прусскую Академию наук.

меты исторической археологии Индии, Индо-Китая и Индонезии, Китая и Японии, которые Stöpper называет отделом религии этих стран. 2-й этаж занят великолепными коллекциями Америки, Океании и Африки, а в 3-м будут опять Индия, Индонезия, etc., т.е. их этнографические отделы. Это, конечно, нарушает цельность впечатления. Кроме того, для выставления выбраны сплошь самые нарядные вещи, и жизнь рядового туземца таким образом принимает очень великолепный и неправильный оттенок. Очень интересна система охранения предметов от порчи молью, насекомыми и т.д. Ею заведует во всех Отделах не хранитель, а специалист, профессор химии Radtkon со своими помощниками. От моли употребляется Globol⁵³, и они считают его совершенно верным средством. Что касается обмена, то хотя принципиально на него в Берлине и согласны, но беда в том, что каждый отдел совершенно самостоятелен и подчиняется непосредственно Центральному Управлению Музеями. Ни Директора, ни хотя бы Совета, как у нас, в Берлинском Музее нет. Если к этому прибавить, что между заведующими Отделами отношения не очень теплые, то получается картина неслаженности, отсутствия связи между отделами. Это чрезвычайно затрудняет обмен, ибо Отдел, скажем, Индии не захочет ничего давать в обмен на, к примеру, предметы сибирского быта; это для, не связанного с сибирским, индийского отдела значит только давать, ничего не получая в обмен. Одним словом, без директора Музей быть не должен.

Магазин еще совершенно не разобран, там работает Dr. Meinhardt, молодой малаист, и с ним я условилась, что если он к будущему лету, как он думает, закончит магазинирование и прежде всего учет имеющегося материала, то, может быть, можно будет выделить дублетные коллекции, которые мы всё же могли бы приобрести, если не в обмен, то покупкой. Магазинование производится в грандиозном здании, в стеклянных шкафах и так свободно, что часто могло бы сойти за выставление.

⁵³ "Globol" — немецкий инсектицид.

В Музее имеются редчайшие собрания сделанных Stönnner'ом отливов с барельефов Angkor Vat'a, индуистского древнего храма в Камбодже. Он предлагает нам копии многих из них и обещал выяснить точно цену.

Кроме Museum für Völkerkunde, о котором я писала до сих пор, я была в Берлине в Музее немецкой этнографии, *Sammlungen für die Deutsche Volkskunde*. Директор этого музея, Reg. Rat⁵⁴ Dr. Brunner⁵⁵, тоже согласен на обмен с нашим Музеем. Это может быть специально интересно для Дмитрия Константиновича Зеленина. Я с ним уже говорила об этой возможности расширения нашего европейского отдела из “набора русского материала для обмена”, как он его называет, в настоящий отдел Этнографии европейских народов. Такой отдел в нашем Музее мировой культуры, разумеется, очень необходим. Иначе получается у посетителя совершенно ложное впечатление, что в создании человеческой культуры участвовали негры, австралийцы, малайцы, индейцы, кто угодно, только не европейцы, не белые люди.

Так вот, Dr. Brunner предлагает коллекции одежды, ремесел (ткачество, горшечничество и т.д.), домашней утвари, волшебства (заговоры, заклинания), религиозные верования (вотивные приношения, образа), способов добывания и хранения огня (чрезвычайно интересная коллекция) и др. в обмен на коллекции этнографического характера немецких колоний в России. Подобные коллекции мы, конечно, могли бы собрать, и Дмитрий Константинович, разумеется, сам Вам лучшие моего скажет, как это сделать. Будет ли он собирать сам, через своих студентов, или ис-

⁵⁴ Reg. Rat (сокр.), Regierungsrat (нем.) — регирунгсрат (старший государственный советник). В Германии — государственный служащий в высшей федеральной или провинциальной администрации.

⁵⁵ Бруннер Карл (Karl Brunner, 1863–1938) — советник, хранитель Королевского собрания по немецкой этнографии (Die königliche Sammlung für deutsche Volkskunde zu Berlin) Отдела пре- и ранней истории (Abteilung Vor- und Frühgeschichte). В 1929 г. выделен в отдельный музей.

пользует Музей Немецкой Республики, т.е. проф. Дингеса⁵⁶, это уже ему виднее. Я позволю себе ещё только указать некоторые особенно интересные и, мне кажется, важные для нас коллекции этого Музея, как игрушки, обычаи и предметы, связанные со свадьбой, украшения, кустарные производства. Эти отделы представляют интерес не только для европейского отдела, но я вообще для типологии культуры. Между прочим, целый зал этого Музея посвящен моделям различных типов немецких жилищ.

Теперь несколько слов еще о Лейпцигском Этнографическом Музее⁵⁷. Как Вам пишет Александр Михайлович, он только строится или, вернее, перестраивается из старого иоаннитского госпиталя. Коллекции в ящиках, и видеть их не будет возможности. Этот Музей великолепно разрешил вопрос о магазинировании. Коллекции будут выставлены в длинных, невысоких залах с окнами с обеих сторон, как, например, в моем индонезийском зале. Во всю длину залы разделены идущей по середине перегородкой, причем левая сторона предназначается под магазины, а правая — под выставочные коллекции. Таким образом, 1) наличие публики в Музее не мешает работе в Магазины (как у нас), 2) магазины совершенно близко от своей выставки, 3) помещение, отведенное под магазин, достаточно велико, чтобы не напихивать магазинные шкафы предметами до отказа, а складывать коллекции в них так, чтобы можно было через стеклянную дверцу магазина обозреть всё в нем находящееся — идеальные условия магазина — рабочего собрания. Во главе этого Музея в настоящее время стоит Prof. Krause⁵⁸. Я с ним, а также с заведующим отделом Азии

⁵⁶ Дингес Георгий Генрихович (1891–1932) — профессор кафедры западноевропейских языков и литературы Саратовского университета (с 1923 г.). Основатель Центрального музея АССР немцев Поволжья в г. Энгельсе.

⁵⁷ Museum für Völkerkunde zu Leipzig (1869). В 1925–1929 гг. для него было построено новое здание музея Грасси на Johannisplatz, куда музей переехал в 1927 г.

⁵⁸ Краузе Фриц (Prof. Fritz Krause, 1881–1963) — директор (с 1927) Museum für Völkerkunde zu Leipzig.

*Dr. Erkes*⁵⁹ и с заведующим отделом Океании *Dr. Plischke*⁶⁰ <...> я познакомилась, и в отношении обмена мы с ними пришли к следующему заключению. В будущем году Музей этот будет, вероятно, уже выставлен. Выбирая предметы к выставлению, они будут иметь в виду желательность обмена с нами и чрезвычайно этим обменом дорожат. Они желают от нас коллекций по следующим отделам: Сибирский (кроме тунгусов, гияльков, орочей, лапландцев), Волжские финны, тюрки, татары, Индия и Молукки. Нам они предлагают коллекции по Австралии, Меланезии и Микронезии, по Яве, Суматре, по Африке (Сомали, *Galla*⁶¹, Немецкая Восточная Африка, Камерун, Того) и Лапландии и, наконец, чрезвычайно большие и прекрасно подобранные коллекции по этнографии европейских народностей (это опять относится к Дмитрию Константиновичу Зеленину), а именно по Тиролю (коллекция исключительной ценности), по южным славянам и по современной культуре Ирландии, главным образом, островов по Атлантическому побережью Ирландии. Эти коллекции являются результатом того убеждения, к которому пришли немецкие этнографы, в особенности на последнем съезде немецких географов в Карлсруэ в начале июня этого года, что необходимо для понимания истории культуры как Европы, так и всего остального мира, обратить серьезнейшее внимание на собирание европейской этнографии.

Я не пишу отдельно Совету Музея в надежде, что Вы прочитаете ему из этого отчета то, что сочтете интересным,

⁵⁹ Эркес Август Эдуард (August Eduard Erkes, 1891–1958) — немецкий синолог, этнолог, сотрудник (с 1913), директор (1921–1933, с 1945) Азиатского отдела лейпцигского Музея народоведения.

⁶⁰ Плишке Ханс Герман Иосиф (Hans Hermann Joseph Plischke, 1890–1972) — немецкий этнолог, директор (1934–1959) Institut für Völkerkunde, Göttingen. Работал в лейпцигском Музее народоведения с 1914 г. Профессор Лейпцигского университета, близок к *Notgemeinschaft der Deutscher Gelehrter*. Соученик по университету Б.Ф. Адлера [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 317].

⁶¹ Оромо (*Oromo*, амхар. — «бродячие искатели земли») — народ в Эфиопии и на севере Кении.

и очень прошу прочесть то, что я пишу об европейском отделе. Prof. Krause сам собирает его в Лейпциге и очень хочет работать в контакте с нами, что значит, собирать и для нас. И в Лейпциге, и в Берлине я побываю ещё раз до возвращения в Россию.

Теперь мне, конечно, надо было бы уже быть в Лейдене и работать как в Лейденском музее, так и с каким-нибудь малайцем, но, несмотря на письмо van Wijk'a⁶² о том, что моя виза будет меня ждать в Берлине, её в Берлине не оказалось. Я из Берлина через голландское консульство подняла хлопоты о визе, но не последовало никакого ответа до 24-го, тогда я, получив от голландского консула обещание переслать мне визу в Париж, сама приехала сюда же. Здесь визы всё ещё не было, и я опять начала хлопотать о ней в здешнем консульстве. Еще раз написала van Wijk'у, Juynboll'ю⁶³, Snouk'у Hurgronje⁶⁴ и теперь сижу в Париже, изучаю здесь музеи (Trocadéro, Guimet) и жду визы. Между прочим, Игнатий Юлианович Крачковский обещал мне написать обо мне Juynboll'ю, директору Лейденского музея, van Ronkel'ю⁶⁵, профессору Snouk'у Hurgronje, крупнейшему малайсту Голландии, но я не знаю, сделал ли он это.

Надеюсь всё-таки скоро уж написать Вам из Голландии, а пока прошу передать мой сердечный привет Софии Николаевне и всем друзьям и коллегам в Музее. Хорошо ли Вы устроились на даче? И нет ли у нас чего-нибудь нового в Музее?

⁶² ван Вейк Николас (Nikolaas van Wijk, 1880–1941) — голландский филолог-славист. Профессор Лейденского университета (1913).

⁶³ Ёйнболл Хендрик Герман (Hendrik Herman Juynboll, 1867–1945) — директор Rijksmuseum voor Volkenkunde (в 1909–1932 гг.) в Лейдене, специалист по древнеяванскому языку. В материалах Л.А. Мерварт — Юйнболл.

⁶⁴ Снук-Гюрхронье Христиан (Christiaan Snouck Hurgronje, 1857–1936) — нидерландский востоковед, исламовед, путешественник, профессор Лейденского университета.

⁶⁵ ван Ронкел Филиппус Самуэл (Dr. Philippus Samuel van Ronkel, 1870–1854) — профессор малайского языка в Лейденском университете (1921–1941).

Всего Вам доброго желает искренне преданная Вам Людмила Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 233–235].

На заседании Совета МАЭ 19 августа 1927 г. были заслушаны письма А.М. Мерварта из Берлина от 16 июня и из Парижа 20 июня, письмо Л.А. Мерварт из Парижа 30 июня [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 4].

В Нидерланды и их тропические колонии граждан СССР в 1920-е годы практически не пускали, и виза была получена Л.А. Мерварт с огромными трудностями, благодаря Николасу ван Вейку, «ученому слависту Нидерландского правительства по восточно-европейским делам» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т.13. Л. 299]. 29 июня 1927 г. из Парижа Л.А. Мерварт обратилась к директору лейденского Музея народоведения Х.Г. Ёйнболлу:

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Перед моим отъездом из России, в конце мая, господин академик И.Ю. Крачковский сообщил, что обратился к Вам с просьбой оказать мне любезное содействие в работе, которую по поручению Академии наук я должна выполнить в Голландии. Позвольте сначала напомнить Вам мое имя: г-жа Людмила Мерварт, хранитель индонезийского отдела Этнографического музея Российской Академии наук. К сожалению, мой приезд в Лейден задерживается вследствие отсутствия официальных дипломатических отношений между Нидерландами и Россией. Поэтому виза Вашего правительства может быть послана мне только в Германию или Францию. Г-н профессор van Wijk из Лейденского университета уже уведомил меня, что предпринял шаги в Министерстве иностранных дел, чтобы переслать мне визу в Берлин. Однако во время моего трехнедельного пребывания в Берлине визу я не получила, причем, генеральный консул Нидерландов сам сказал мне, что не может понять причину задержки.

Возможно, причина заключается в том, что г-н профессор van Wijk в начале июня уехал из Голландии для участия в конгрессе в Праге и потому в настоящий момент с ним как рекомендую-

щим лицом связаться невозможно. Возникшая таким образом задержка для меня чрезвычайно неприятна, т. к. моё время, разумеется, очень ограничено, а поставленные передо мной Академией задачи значительны. Я должна изучать Гос. Музей [Reichsmuseum] в Лейдене для того, чтобы представить план преобразования нашего Индонезийского отдела и одновременно совершенствовать мои знания в малайском языке.

Обращаюсь к Вам поэтому с сердечной просьбой помочь мне, как Вашей коллеге, в разрешении проблем с паспортом для въезда в Голландию. Для этого прошу Вас оказать любезность — пожелательно ответить на возможный запрос из Министерства иностранных дел в Гааге или, если возможно, обратиться с ходатайством от Вашего имени, чтобы ускорить получение разрешения мне на въезд. Я буду ждать это разрешение в Париже.

Кроме того, я была бы Вам очень признательна, если бы Вы нашли для меня малайца (или малайку) для занятий в Лейдене малайским языком, за соответствующее вознаграждение. Заранее сердечно благодарю. Остаюсь

Искренне преданная Вам Людмила Мерварт».

Л.А. Мерварт вновь написала директору Государственного этнографического музея д-ру Х. Г. Ёйнболлу 27 августа 1927 г. из Брухзала.

«Глубокоуважаемый господин Директор,

В письме от 2-го июля 1927 г. временно исполняющий обязанности Директора Государственного Этнографического Музея (фамилию этого господина, к сожалению, я не смогла разобрать) сообщил, что он обратился в Министерство иностранных дел, чтобы поспособствовать мне в получении въездной визы в Нидерланды. Он также предполагал найти кого-нибудь (малайца), кто мог бы помочь мне в изучении малайского языка. Надеюсь, очень скоро поблагодарить за эту любезность лично, т. к. думаю приехать в Лейден 31-го августа. В Лейдене я пробуду, вероятно, только 3–4 недели и была бы Вам очень признательна, если бы встреча с малайцем состоялась как можно скорее, например, уже 1-го сентября, чтобы, не теряя времени, приступить к работе.

Я чрезвычайно рада, что, наконец, смогу ознакомиться с богатыми коллекциями Государственного Этнографического Музея по Нидерландской Ост-Индии. Остаюсь с глубоким уважением

Л. Мерварт, Заведующая Индонезийским отделом Этнографического Музея Академии наук. Ленинград. СССР».

Лейденский Rijksmuseum voor Volkenkunde (Государственный музей народоведения) в 1927 г. размещался в трех зданиях в разных районах города. Л.А. Мерварт работала в зданиях по адресам Breestraat, 118 и Hoegewoerd, 104⁶⁶. Письма из архива позволяют проследить историю успешно осуществленного межмузейного обмена. Л.А. Мерварт сумела установить хорошие отношения и с крупнейшим нидерландским ученым Христианом Снуком-Гюрхронье («советником Нидерландского правительства по делам Нидерландской Индии»).

Директор музея д-р Х.Г. Ёйнболл 18 сентября 1927 г. дал специальный обед в честь Л.А. Мерварт. «Мои “разумные” взгляды, по словам голландских ученых, сделали чрезвычайно вероятным, что генерал-губернатор Голландской Индии, личный друг Spouik Hurgronje, разрешил бы мне въезд в Индонезию, буде АН меня командировала бы. Въезд в Индонезию вообще для граждан СССР почти невозможен. Генерал-губернатор отказывает в разрешении. Мне же было ясно, что для более серьезного и глубокого знакомства нашего с этой богатой и чрезвычайно важной областью требуется поехать туда и привезти оттуда не только сведения, но и иллюстрирующие жизнь населения коллекции, выставить их у нас и сделать доступными для широких масс, так же, как, например, иллюстрирована у нас, в МАЭ, Индия» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 244 об. — 245].

По возвращении в МАЭ, составляя план пятилетки по отделу Индонезии, Л.А. Мерварт включила туда заявку на экспедицию в Нидерландскую Индию на 1931–1932 гг.: «(последний год пребывания в должности этого генерал-губернатора). Ван Вейк сообщил перед отъездом из Голландии от имени правительства, что

⁶⁶ См.: [Rijks Ethnografisch Museum 1928: 8–9].

моим дальнейшим приездам в Голландию препятствий не будет» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 300].

Приведем текст отчета Л.А. Мерварт о командировке.

«Научный сотрудник 1-го разряда Л. А. Мерварт была командирована в Голландию, Францию и Германию сроком с 1 июня по 8 октября 1927 г.

Задания командировки были:

1) Организация систематического обмена коллекциями с рядом зарубежных музеев, прежде всего голландских.

2) Ознакомление с музейной техникой и экспозицией, преимущественно в новом Музее *Koloniaal Instituut* в Амстердаме.

3) Собираание библиографии по этнографии и языкознанию Индонезии.

4) Изучение малайского языка, особенно литературного, с малайским лектором, ввиду невозможности достать такового в Ленинграде.

Обмен коллекциями удалось вполне наладить с основным этнографическим Музеем в Голландии *Rijksethnographisch Museum* — в Лейдене. Там была отобрана для первого обмена коллекция по быту о-ва Явы. Этот остров в настоящее время выставляется в МАЭ. В обмен на эту коллекцию Государственный Этнографический Музей в Лейдене просит у МАЭ коллекцию по Сибири. *Rijksethnographisch Museum* предлагает МАЭ кроме того коллекции по Африке, Океании, Америке, Японии, Средней Азии и особенно большие коллекции по Индонезии и Новой Гвинее. Два другие голландские этнографические музея, находящиеся в Роттердаме и в Амстердаме, интересуются только голландскими колониями, поэтому с ними возможны обмены только лишь случайные, а не систематические, ибо МАЭ только случайно может иметь интересный для них обменный материал.

Museum für Völkerkunde в Берлине принципиально согласен и на обмен, и на продажу МАЭ своих дублетов. Но в настоящее время он занят учетом и выяснением состава своего замагазинированного материала. При перевыставлении этого музея в 1926 г. магазины были все перевезены в отдельное здание в Далеме, предме-

стве Берлина, и еще не приведены в порядок. Музей предполагает закончить учет к лету 1928 г. Доктор *Meinhardt*, производящий его, обещал одновременно с магазинированием делать отбор дублетов для обмена с МАЭ. Кроме того, *Museum für Völkerkunde* предлагает МАЭ отливки барельефов знаменитого храма *Angkor Vat* в Кохинхине, *Lautabteilung* Берлинской Государственной Библиотеки — наговоренные туземцами Индонезии пластинки — фонографические записи. И то и другое предлагается за плату.

В области музейной техники и экспозиции Л.А. Мерварт было обращено особое внимание на типологические выставки, как “Одежда и ее изготовление” в Роттердамском Этнографическом музее, “Жилища” в Амстердамском Колониальном музее и в берлинском Музее *Sammlungen zur Deutschen Volkskunde* и др. Изучались также новые: музейная мебель (Кёльнский *Museum für Ostasiatische Kunst*) и оборудование (особенно в *Koloniaal Instituut* в Амстердаме).

Проблема магазинирования коллекций, так остро стоящая в настоящее время перед МАЭ, получила различное разрешение в разных европейских музеях. С тремя типичными формами удалось ознакомиться в музеях Берлинском, Лейденском и Лейпцигском.

Интересна культура просветительного учреждения Колониального Института в Амстердаме, выражающаяся в его Информационном отделе, устройстве лекций, киносеансов, выставок, каникулярных курсов для преподавателей географии и т.п.

Собирание библиографии по этнографии и языкознанию Индонезии явилось заданием особо важным, ввиду совершенного отсутствия до недавнего времени Отдела Индонезии как в МАЭ, так и в библиотеках СССР. Собиранию ее был посвящен месяц работы в Берлине в Государственной Библиотеке и Библиотеке *Museum für Völkerkunde*, 5 недель в Париже в *Bibliothèque Nationale* и *École des Langues Orientales Vivantes*, а также месяц работы в университетской и музейной библиотеках Лейдена. Особенную помощь в этой работе Л.А. Мерварт оказали *Gabriel Ferrand*, секретарь *Société Asiatique* и редактор *Journal Asiatique* в Париже,

профессора: C.C. Snouk Hurgronje, Ph. v. Ronkel, A.W. Nieuwenhuis⁶⁷ и Dr. H.H. Juynboll в Лейдене.

Изучение малайского литературного языка с малайцем лектором оказалось возможным только в Голландии, так как ни в Берлине, ни в Париже не нашлось подходящего человека. В Лейдене, однако, удалось очень усиленно (по 6–7 часов ежедневно) заниматься этим языком с лектором малайского языка при Лейденском Университете Hadji Ismail Rodja Seri Muda, работавшим с Л.А. Мерварт.

Сверх своих основных заданий Л.А. Мерварт интересовалась еще постановкой и состоянием краеведческого дела в посещенных ею странах, для чего изучала музей *Sammlungen zur Deutschen Volkskunde* в Берлине, Дворец-Музей в Брухзале — в Бадене, Музей *Académie de la Val d'Isère* в Мустье во Франции и Музей на Открытом Воздухе в Арнгеме в Голландии. Краеведческие европейские музеи должны явиться естественными источниками для получения коллекций по европейской этнографии, когда наконец МАЭ начнет расширять и, может быть, развертывать свой Отдел Европейских Народностей, столь необходимый в Академическом Музее мировой культуры. Ввиду этого Л.А. Мерварт были выяснены возможности и получено принципиальное согласие на обмен с МАЭ музеев в Лейпциге, в Берлине, в Арнгеме, Брно и Люблянах. Переговоры с директорами последних двух, доктором Поспишилом и доктором Жупаничем, велись на Международном Конгрессе Антропологов в Амстердаме.

Будучи уже в Голландии, Л.А. Мерварт получила приглашение принять участие в работе Конгресса *Institut International d'Anthropologie*⁶⁸, имевшем место в Амстердаме 20–29 сентября

⁶⁷ Ньивенхёйс Антон Виллем (Anton Willem Nieuwenhuis, 1864–1953) — голландский врач, путешественник, исследователь о-ва Борнео. Профессор этнографии Лейденского университета (1904), редактор журнала “Internationales Archiv für Ethnographie”.

⁶⁸ Французский *Institut International d'Anthropologie* был основан в 1921 г., объединил антропологов и археологов. Главными задачами

1927 г. Конгресс имел 5 секций. Л.А. Мерварт работала в двух из них: секции этнографии и секции фольклора. В обеих секциях был ряд интересных докладов, посвященных Индонезии, голландской колонии в большей своей части, и поэтому особенно привлекающей всеобщее внимание на съезде, происходившем на голландской земле» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 43–45].

Отчеты А.М. и Л.А. Мерварт были заслушаны на Совещательном заседании МАЭ 21 октября 1927 г., на котором присутствовали научные сотрудники Е.Ф. Карский, Э.К. Пекарский, В.Г. Богораз, Д.К. Зеленин, В.М. Лемешевский-Любецкий, И.И. Майнов, А.В. Шмидт, Б.Н. Вишневский, А.Б. Пиотровский, С.М. Дудин; постановили передать отчеты в Отделение гуманитарных наук АН СССР [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 62]. На заседании ОГН АН СССР 26 октября 1927 г. академик В.В. Бартольд доложил представленные директором МАЭ отчеты А.М. и Л.А. Мерварт об их заграничной командировке в Германию, Францию, Голландию и об участии Л.А. Мерварт в Международном антропологическом конгрессе в Амстердаме [Там же. Ед. хр. 6. Л. 221]. Ее доклад «О работах секции фольклора и этнологии 3-й сессии Международного Антропологического Института» [Там же.. Ед. хр. 1. Л. 64] был заслушан в МАЭ 28 октября 1927 г.

Позже Л.А. Мерварт написала статью «Современное положение изучения голландской этнографии» (на 17 страницах) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 75]. Она подробно описала и сопоставила методы работы четырех этнографических музеев Нидерландов, коллекции которых ей были хорошо известны. Это Государственный музей народоведения в Лейдене, Колониальный музей в Амстердаме, Музей страноведения и народоведения в Роттердаме, Музей под открытым небом в Арнеме. Последний

ставил изучение антропологии в целом (современных человеческих обществ, сравнительной религии, фольклора и т.д.) и доисторической археологии.

музей, по современной классификации — «скансен» (по названию шведского музея под открытым небом), был посвящен преимущественно фольклору и народному искусству Нидерландов. В других же музеях имелись значительные коллекции из Нидерландской Индии, особо интересующие Л.А. Мерварт. В тот период малаистика как наука только зарождалась, собиралась ее информационная база.

В лучше всего изученном ею лейденском Музее народоведения Л.А. Мерварт удивило почти полное отсутствие посетителей в залах, но при этом она отмечает удобство размещения и хранения коллекций, идеальное именно для исследователей. Относительно индонезийских коллекций Л.А. Мерварт пишет: *«Если взять Лейденские музейные каталоги, то можно сразу же убедиться, что они являются как бы индексом, в который занесена по крайней мере наибольшая и наиважнейшая часть явлений индонезийской культуры»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 9]. Она особо отмечает разбросанность музейных собраний по Лейдену: *«Канцелярия Музея и его библиотека находятся в доме на улице Рапенбург, рядом с университетом. <...> В этом же доме выставлены отдел Китая, Японии, отдел Индонезийских древностей и отдел Африки, на чердаке хранятся дубликаты. <...> В другом доме на улице Бреестрат находятся отделы Северной Америки, Индонезии и отчасти Индии. <...> Магазины же [фондохранилища] к выставленным коллекциям находятся в состоянии получаса ходьбы в старом доме на узенькой улочке Хоховурд»* [Там же. Л. 9].

Статья Л.А. Мерварт до сих пор не потеряла актуальности, но уже как историческая, имеющая отношения к истории этнографических коллекций, восходящих к Королевскому кабинету редкостей. На его базе в 1837 г. был создан первый в Западной Европе специализированный Национальный этнографический музей. Напомним, что к тому времени в Санкт-Петербурге уже существовал специализированный Этнографический музей, выделенный из Петербургской Кунсткамеры в 1836 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. Ед. хр. 53. Л. 4–18]. *Museum Volkenkunde*

(Этнографический музей) в настоящее время сменил адрес и представляет собой своеобразный музейный городок на Steenstraat, 1, недалеко от Центрального вокзала Лейдена.

В 1927 г., 29 октября, А.М. Мерварт подал директору МАЭ Е.Ф. Карскому *«составленную Людмилой Александровной и мною докладную записку»*⁶⁹ *о возможности обмена и сотрудничества с некоторыми иностранными Музеями. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы нашли время ознакомиться с содержанием этой записки до нашего совещания во вторник, чтобы она могла бы Вам служить материалом при суждении о распределении научных кредитов на текущий год»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 244]. Супруги Мерварт обоснованно рассчитывали на продолжение с таким трудом налаженных между музеями СССР и Европы деловых отношений. Академик Е.Ф. Карский 9 ноября 1927 г. на заседании Отделения гуманитарных наук АН СССР *«доложил записку ученого хранителя А.М. Мерварта и научного сотрудника 1 разряда Л.А. Мерварт по вопросу об обмене некоторыми этнографическими коллекциями внеевропейских стран с музеями в Германии и Голландии и о принципиально согласованной с этими материалами собирательской деятельности. Положено: признать обмен, по указанным в записке условиям, желательным, в т.ч. и для приобретения коллекций, относящихся к европейским народам, и просить МАЭ по получении этих коллекций принять меры к возможно скорейшему выставлению их»* [Там же. Л. 252].

А.М. Мерварт 17 ноября 1927 г. уведомил Е.Ф. Карского о том, что получил приглашение прочесть в июне и июле 1928 г. ряд лекций по своей специальности от директора Востоковедче-

⁶⁹ Докладная записка «По вопросу об обмене этнографическими коллекциями с музеями в Германии и Голландии и согласованной с ними собирательской деятельности» с приложением к ней списка дублетов Лейденского музея, предлагаемых им для обмена с МАЭ (120 предметов с разных островов Малайского архипелага) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 9].

ского семинария в Берлине и профессора Берлинского университета Г. фон Глазенаппа, а от директора Мюнхенского этнографического музея профессора Л. Шермана — приглашение прочесть несколько лекций по дравидской этнографии. *«Одновременно я предполагаю использовать свое пребывание за границей для продолжения начатых мною в этом году переговоров с германскими музеями относительно обмена этнографическими коллекциями. Необходимо привлечь к этому делу богатые музеи в Гамбурге, Дрездене, Кёльне и Франкфурте»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 22].

Индолог Отто Макс Гельмут фон Глазенапп (Otto Max Helmut von Glasenapp) в Берлине в 1920–1928 гг. вел курсы чтения ведийских, классических и буддийских текстов на санскрите и пали. На Востоковедческом семинарии каждый семестр читались курсы публичных лекций, посвященных политическим, социальным и экономическим реалиям современной Индии, ее культуре, поэзии, истории индийских религий и т.д. Г. фон Глазенапп сам много путешествовал, стремясь увидеть собственными глазами уголки Земли, в которых обосновались индийские эмигранты. Он мог по достоинству оценить опыт А.М. Мерварта.

К письму Л. Шермана 14 ноября 1927 г. прилагалось также официальное приглашение А.М. Мерварту.

«Глубокоуважаемый коллега!

Здешний Музей народоведения, с новым выставлением которого Вы знакомы, намеревается, начиная с лета 1928 г., после того как к этому времени, вероятно, все музейные залы будут открыты для свободного посещения, организовать в большом зале заседаний цикл лекций для разъяснения широкой публике в доступной форме [mit gesunder Spezialisierung] образовательной ценности народоведения как науки.

Поэтому позволю себе осведомиться, готовы ли Вы приблизительно в июне 1928 г., основываясь на Ваших исследованиях народного театра, сделанных во время пребывания в Индии, прочесть три одночасовые лекции. Все дальнейшие подробности могут быть оговорены уже в отдельном соглашении; в первую оче-

редь для меня важны эти общие сведения, надеюсь, что Вы ответите мне принципиальным согласием. Жду также Ваших любезных предложений в отношении точного названия темы, которую Вы сочтете необходимым избрать. С наилучшими пожеланиями
Искренно преданный Вам Л. Шерман».

К приглашению в архиве мюнхенского музея приложены и черновые заметки, из помет на которых ясно, что визит А.М. Мерварта планировался на 11–16 июня 1928 г. В этот период он должен был сделать три доклада (каждый длительностью 60 минут) в музее с показом фотографий и слайдов (Lichtbildern) на тему «Индия: страна с людьми»: 1) географическо-этнографический очерк; 2) народные верования; 3) маски и танцы.

Директор МАЭ академик Е.Ф. Карский поддержал и przeprowadил 19 ноября 1927 г. в Президиум АН СССР заявление А.М. Мерварта с просьбой предоставить ему двухмесячную командировку в Берлин и Мюнхен на июнь и июль 1928 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 8. Л. 70], 22 ноября 1927 г. — заявление Л.А. Мерварт «с просьбой предоставить ей двухмесячную командировку в Голландию и Германию на апрель и май 1928 г. для отбора обменными коллекциями по этнографии Филиппинских о-вов в Лейденском музее, для участия в 1-м Международном съезде лингвистов в Гааге с 10–15 апреля 1928 г., согласно полученному ею приглашению, равно как и для ознакомления с новой системой магазинирования коллекций в Лейпцигском этнографическом музее» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 8. Л. 72]. Президиум АН СССР 23 ноября 1927 г. командировки разрешил, но «за отсутствием у Академии наук каких-либо остатков от кредита на заграничные командировки, без особого ассигнования» [Там же. Ед. хр. 6. Л. 272].

Как видно из его писем Г. фон Глазенаппу [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 23] и Л. Шерману от 6 декабря 1927 г., А.М. Мерварт был настроен оптимистически.

«Глубокоуважаемый господин тайный советник!

Позвольте выразить Вам мою искреннюю признательность за дружеское и почетное для меня предложение прочесть в Музее

народоведения несколько лекций по народному быту Южной Индии [Volksleben⁷⁰]. На основании Вашего приглашения я уже получил от Академии наук заграничный отпуск на июнь и июль. В первые две недели июня, примерно до 14-го числа, буду занят чтением лекций в Берлине, а с 15-го июня — полностью в Вашем распоряжении. Надеюсь, что никакие непредвиденные события не расстроят мои планы и я буду иметь удовольствие следующим летом приветствовать Вас в таком же хорошем расположении духа и добром здравии, как и в нынешнем году. Сердечный привет Вашей уважаемой супруге, коллегам в музее и Вам лично. Остаюсь

Искренне преданный Вам

А. Мерварт» [СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 24].

В поисках необходимых для поездки средств А.М. Мерварт обратился с письмами во многие общественные организации: 29 декабря 1927 г. — к Константину Николаевичу Державину, представителю основанного в 1925 г. Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (Мраморный дворец) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 26]. Вновь он просил 10 апреля 1928 г. академика Е.Ф. Карского походатайствовать перед Президиумом АН о назначении ему пособия в размере 500 руб. из остатков командировочных кредитов на этот год [Там же. Л. 33]. Но необходимой суммы найти не удалось.

Заметим, что заявки многих сотрудников МАЭ на командировки за рубеж в тот краткий период, когда советские ученые получили возможность выезда за границу, Президиумом АН СССР поддержаны не были: в 1926 г. было отказано в командировании С.А. Штернберг и Н.Г. Шпринцин на XXII Конгресс американистов в Риме; в 1927 г. — А.Б. Пиотровскому в Гамбург, Б.Н. Вишневскому в Германию, Австрию, Францию; в 1928 г. — Н.Г. Шпринцин в Германию и Францию; в 1929 г. — А.В. Шмидту в Финляндию, Швецию, Германию, Венгрию. Но были поддержаны заявления о командировке Е.Ф. Карского на Балканы

⁷⁰ Volksleben — букв. «жизнь народа» (нем.).

и Г.О. Монзелера в Китай в 1926 г., Д.А. Ольдерогге в Германию в 1927–1928 гг., В.Г. Богораза в Берлин и Париж в 1927 г., В.Г. Богораза в США и А.Е. Глускиной в Японию в 1928 г., Г.И. Петрова в Германию в 1928–1929 гг.

Валюты для Академии наук выделялось мало, покупать валюту на личные средства запрещалось, заграничные паспорта без командировочных удостоверений не выдавались. *«Согласно циркулярного распоряжения Особого Валютного Управления НКФ от 9 ноября 1928 г. выдача учреждениями командировочных удостоверений лицам, едушим за границу на собственный счет, хотя бы они и принимали на себя при этом выполнение тех или иных поручений учреждения, снабдившего их удостоверением, воспрещается, и что о всех обнаруженных случаях выдачи таких командировочных удостоверений надлежит немедленно доносить ОВС при НКФ для расследования и привлечения виновных к законной ответственности»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 350]. В частности, в случае с Н.Г. Шпринцин Президиум АН СССР на заседании 5 декабря 1928 г. в § 13 постановил, что *«командировка по формальным причинам не может быть дана. Непременный секретарь академик Ферсман»* [Там же. Л. 350 об.].

Вновь переписка А. Мерварта с Германией активизировалась летом 1928 г. Л. Шерман укорил его в письме 29 мая 1928 г.:

«Дорогой коллега!

Из наших бесед Вы знаете, что в отношении пунктуальности переписки с друзьями в России, если принимать во внимание их самих, я не предъявляю чрезмерных требований; однако, если бы я не осведомился о причине Вашего упорного молчания с начала декабря 1927 г., то касательно Вас это можно было бы истолковать как безразличие. Искушение узнать об этом велико, тем более что в последнем письме Вы делаете особый упор на то, что первые две недели в июне 1928 г. Вы будете заняты в Берлине, а с 15-го июня собираетесь посвятить себя Мюнхену, пообещав нам двух-трехчасовые лекции об индийском народном театре. Ну а то, что я хотел бы подробнее узнать о Ваших предложениях по обмену — для руководителя музея само собой разумеется.

Словом, настоятельно прошу Вас дать знать о себе; я также хочу заблаговременно привлечь внимание Мюнхенского Театрального общества к Вашим выступлениям, и все это требует времени.

Если увидите профессора Бартольда, прошу Вас передать ему сердечный привет и просьбу принять во внимание предложения, изложенные мною в письмах. С наилучшими пожеланиями от всех нас, в особенности от профессора Дирра и от меня

Ваш Л. Шерман».

Он даже приложил рекламный листок Münchner Theatergesellschaft e.v.⁷¹, где в программу мероприятий был включен анонимный “Vortrag über Südindische Volksspiele (zusammen mit der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst)” — доклад о южноиндийских народных представлениях, который планировалось провести совместно с Обществом восточноазиатского искусства.

Л.А. Мерварт вела переписку с профессорами Ферраном (Париж), Ёйнболлом (Лейден) по научным вопросам [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11 об.]. Сотрудник Берлинского музея народоведения Ганс Финдейзен в 1927–1928 гг. был командирован для изучения тунгусов (остяков), с ним велись переговоры об обмене коллекциями, но он к этому вопросу не возвращался [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 303 об.]. Продвигая проект обмена коллекциями, 14 декабря 1927 г. Л.А. Мерварт сообщала руководству лейденского Государственного музея народоведения:

«Глубокоуважаемый господин доктор,

Я получила Вашу открытку, в которой Вы уведомляете меня о том, что у Вас еще есть дублиаты из Филиппин. Ответила не сразу, ждала, пока хранитель отдела Сибири (новый коллега⁷²) мало-мальски войдет в курс дела, чтобы получить от него необ-

⁷¹ Мюнхенское Театральное общество располагалось по адресу: München, Königinstraße, 25.

⁷² С 1925 г. в отделе Северной Европы и Азии МАЭ работали И.И. Майнов, И.И. Козьминский, С.В. Иванов, Н.П. Дыренкова [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 12], имевшие богатый опыт полевой этнографической работы.

ходимые материалы для обмена. Дело было осложнено ещё и тем, что наше магазинирование совершенно плачевное. Та самая башня, в которой находятся сибирские фонды, неотапливаемая, так что внутри точно такая же температура, как и на улице, сейчас, например, 15–20 градусов ниже нуля.

Зима в этом году пришла 20-го октября, а новый хранитель приступил к работе лишь с начала октября. Все это я рассказываю Вам для того, чтобы Вы не думали, что наш Музей не очень живо интересуется обменом с Лейденом. Напротив! И я полагаю, что интересная коллекция из 22 номеров, которую мы Вам сейчас предлагаем, убедит Вас в этом. Само собой разумеется, эти вещи не все равноценны. Так, например, горшок под № 1 не дорогой цены, однако же приобрести его довольно трудно, поскольку каждая женщина делает [горшков] ровно столько, сколько ей самой нужно. Черепки и использованные горшки не хотят отдавать, потому что они нужны для новых горшков, так, наш Музей обладает только тремя горшками, один из них Вы теперь получите. Особенное Ваше внимание хотела бы обратить на следующие вещи: 1) Всё, что имеет отношение к почти исчезнувшему искусству приготовления кумыса, не только дорого, но и ценно (№ 2, 3, 4). Кумыс — это кислое кобылье молоко. 2) Очень интересно старинное якутское седло (№ 5), особенно потому, что позволяет глубже ознакомиться с прежними русско-якутскими отношениями. 3) Старомодная коса №15 и кремневое ружье № 10 давно заменены современными русскими, равно как и лук № 11.

Что касается описания предметов, то оно включает в себе не только перевод из наших написанных от руки каталогов, но и составленную специально для Вас подборку этнографических материалов. Эти материалы, насколько мне известно, еще нельзя найти в печати. Сведения — от одной старой якутки (67 лет), с которой я прорабатывала сами коллекции, госпожи Марии Ионовой⁷³.

⁷³ Младшая служащая МАЭ Мария Николаевна Слепцова-Андросова-Ионова (1864–1941), якутка, была замужем за народовольцем В.М. Ионовым. Работала в МАЭ в 1922–1930 гг., помогала Э.К. Пекар-

Ее деятельность на поприще якутского языка, фольклора и этнографии была отмечена здесь премией Географического общества, хотя говорит она и по сей день на очень ломаном русском. Я была необыкновенно счастлива, что мне удалось получить ее в качестве информанта.

Как Вы сами, конечно же, знаете, весьма сложно точно определить цену этнографического предмета. Так и мы не знаем, равноценна ли также, на Ваш взгляд, данная коллекция отобранной мною коллекции. Цифры не совпадают, т.к. у нас 22 номера, а у Вас 91, но зато среди 22 номеров есть некоторые, которые стоят «одной или нескольких лошадей». Невольно мне приходит на ум обмен доспехами Диомеда и Главка из “Илиады”.

Если же одна из двух коллекций окажется более ценной, то ведь это только начало контактов по обмену наших музеев и в следующий раз может стать так, что соотношение будет обратным. Мы же никогда не сможем точно определить цену этнографических предметов. Как бы то ни было, для Вас, как и для нас, разумеется, очень важно не обделить друг друга, поскольку любые отношения только тогда могут быть прочными, когда они удовлетворяют обе стороны.

Во всяком случае, надеюсь скоро получить от Вас известия. Что касается филиппинских дублетов, то надеюсь, что в апреле или в мае вновь буду в Лейдене и что эти дублеты, быть может, будут включены во вторую обменную коллекцию.

Это письмо Вы получите, вероятно, около Рождества, поэтому пользуюсь возможностью пожелать Вам, Вашей уважаемой супруге, юному историку искусств и милой фройляйн Нозее прекрасных праздников и счастливого Нового года. Привет также др. Rassers⁷⁴,

скому и С.А. Новгородову в работе по составлению «Словаря якутского языка» и переводу якутских текстов. Была командирована в состав Якутской экспедиции в 1925–1926 гг.

⁷⁴ Рассерс Виллем Хейберт (Willem Huibert Rassers, 1877–1973), консерватор, в 1937–1943 гг. — директор Rijksmuseum voor Volkenkunde. Специалист в области яванской культуры, яванского театра плоских кожаных кукол.

проф. Josselin de Jong⁷⁵, и не забудьте кошек [poossjes]! Всего наилучшего. Жду Вашего ответа

С глубоким уважением Л. Мерварт».

Директор Ёйнболл 6 февраля 1928 г. ответил Л.А. Мерварт.

«Глубокоуважаемая госпожа,

Потребовалось немало времени, прежде чем я ответил на Ваше письмо от 14 декабря. Это было частично из-за моей болезни, частично из-за того обстоятельства, что я колебался просить Правительство о разрешении на обмен. Разница между количеством предметов, которые Вы нам присылаете, и теми, которые Вы отобрали, слишком велика! Я охотно признаю, что якутские предметы очень важные и редкие, но, с другой стороны, наши дублиеты также ценны, среди них есть инструмент Bissu из Южного Целебеса, предмет с Андаманских и Никобарских о-вов, которые редки в нашем музее, и три дублета из Сималура, которые, [скажу] с уверенностью, невозможно найти ни в одном другом музее Европы. Следовательно, я надеюсь, что для возможного следующего обмена с нашим Музеем количество предметов, которые мы получим в обмен, будет в некотором роде сходно с теми, которые Вы отобрали здесь.

В прошлую пятницу я получил разрешение на обмен и теперь хотел бы спросить Вас, каким образом вещи было бы лучше транспортировать в Россию и какие формальности должны быть приняты во внимание?

Это может быть лучшим способом, если вы первыми отправите нам ваши вещи, так чтобы мы могли отправить свои тем же путем.

Дружеский привет от всех нас, с почтением (директор)».

⁷⁵ Йосселин де Йонг Йан Петрус Беньямин де (Jan Petrus Benjamin de Josselin de Jong, 1886–1964) — нидерландский этнолог и антрополог, основатель Лейденской школы структурной антропологии. В начале своей карьеры он был куратором Лейденского этнологического музея, специализировался в области американистики и индонезийской этнографии. Возглавлял в Лейденском университете кафедру общей этнологии (1922–1935).

К сожалению, в Лейденском музее не сохранилось начало письма Л.А. Мерварт, где она рекомендует обменную индонезийскую коллекцию *«отправить железной дорогой по следующему адресу: Этнографический Музей Академии наук, Ленинград СССР. Отдел Индонезии»*.

Вместе с тем я хотела бы обратиться к Вам с совершенно особенной просьбой о присылке мне (почтой) по возможности полного перечня отосланных Вами предметов. Поскольку большинство предметов, по всей вероятности, встречается в Ваших печатных каталогах, то достаточно будет сделать ссылку в каталоге на рассматриваемые номера. Это существенно облегчит Вашу работу. Мне бы хотелось, чтобы и у нас были такие каталоги, по крайней мере, по России и Азиатской ее части.

В этом году надеюсь получить для Лейдена совсем иначе составленную и довольно большую коллекцию из наших сибирских экспедиций. Дело в том, что мне перечислили некую сумму, которую я хочу отдать одному из наших молодых этнологов; все они сейчас как раз отправляются в дорогу, для того чтобы до таяния снегов уже быть на месте, а он за это приобретет для меня определенную коллекцию⁷⁶. Думаю, в этот раз наша посылка будет

⁷⁶ Л. А. Мерварт 22 мая 1928 г. просила «командировать мою помощницу научного сотрудника 2 разряда Л.Э. Каруновскую, за ее счет, в Ойратскую АО с 20 июня по 20 сентября 1928 г. для собирания коллекций по быту и культуре телеутов и алтайцев» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 373]. Л.Э. Каруновская летом 1924 г. уже выезжала на Алтай для исследования тюркских народов; с осени 1924 г. она работала в отделе Австралии и Океании [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 83] и в 1925 г. была включена в число временно приглашенных работников, не принадлежащих к числу служащих МАЭ, но исполняющих отдельные поручения в связи с перевыставлением музейных коллекций, по отделу Передней и Средней Азии [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 178]. Лидия Эдуардовна Каруновская (1893–1975) окончила Ленинградский географический институт, с 1923 г. работала в МАЭ, 9 октября 1925 г. введена в новые штаты МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 65].

заключать в себе довольно много номеров, вероятно, около 200–300 предметов. Эта посылка будет действительно интересна уже потому, что собирается по систематическому принципу.

К сожалению, в этом году я не смогу поехать в Голландию. Надеюсь, что смогу приехать на международный конгресс, но на данный момент из этого ничего не получилось. В том-то и дело, что всё выходит не так, как мы ожидаем.

Это означает, однако, что коллекции для следующего обмена сама я не смогу отобрать и поэтому мне придётся просить заняться отбором Вас, господин Директор, как только Вы получите фотографии [предметов] посылки, которую мы намереваемся Вам отправить. Это, вероятно, произойдет только осенью, когда возвратятся наши собиратели.

Кстати, Вы писали мне, что у Вас есть для нас филиппинские дублиеты. Это чрезвычайно интересует меня, потому что наши филиппинские собрания весьма бедны. Помимо этого нас особенно интересуют малые Зондские острова, в нашем Музее почти полностью отсутствующие. Если у Вас есть индонезийские, в частности, яванские музыкальные инструменты, то таковые также были бы очень желательны. Гамелана⁷⁷ у нас нет.

Понравилась ли Вашему сыну картинка, которую я послала ему, когда благодарила Вас за Ваш любезно присланный перевод? В этом пакете — совсем другая картинка, с изображением богатого монгола, она для фройляйн Нозее. Не будете ли Вы столь любезны, передать ей от меня картинку и наилучшие пожелания к Пасхе?

Желаю веселой Пасхи также коллегам в Музее, Вам и Вашим близким

Преданная Вам Л. Мерварт».

В бумагах Йосселин де Йонга в Лейденском этнографическом музее сохранился листок бумаги с акварельным рисунком

⁷⁷ Гамелан (от яван. *gamel* — «стучать, ударять») — традиционный оркестр и вид инструментального музицирования на о-вах Ява, Бали, Суматра. Состоял из ударных музыкальных инструментов, позже также струнных и духовых, всего от 10 до 25 музыкальных инструментов.

Л.А. Мерварт в японском стиле: японка в кимоно на фоне летнего пейзажа, за ее спиной врата-тории и здание храма. Внизу надпись: *«Счастливого Нового года, здоровья, мира, успехов Christinje⁷⁸ желает Вам, глубокоуважаемый господин профессор, и Вашим близким Преданная Вам Людмила Мерварт».*

В этот период ситуация в МАЭ изменилась. 14 августа 1927 г. скончался Л.Я. Штернберг, который был активным организатором межмузейного обмена. В 1925–1925 гг. ему удалось завершить начатый еще до Первой мировой войны процесс обмена этнографическими коллекциями со стоковымским Национальным музеем (Riksmuseet, Etnografiska Afdelning) [Бруниус, Соболева 2014]. В Стокгольм были отправлены нанайские предметы, собранные Амгунской экспедицией МАЭ (И.И. Козьминским и Н.К. Каргером). Но состав сотрудников МАЭ менялся, опытные полевики из отдела Сибири уходили на пенсию. Так, 27 августа 1929 г. Президиум АН СССР перевел зав. отделом Сибири И.И. Майнова ввиду временной нетрудоспособности на социальное обеспечение, ходатайствовал о назначении ему персональной пенсии, а на временную работу был приглашен В.Н. Васильев [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 79, 90].

Четвертого февраля 1928 г. Л.А. Мерварт вновь писала директору Лейденского музея.

«Глубокоуважаемый господин доктор!

В своем письме от начала января Вы сообщили мне, что доложили нидерландскому правительству об этнографическом обмене с Музеем этнографии Академии наук СССР. Как обстоят дела с ним? Сейчас я как раз занята экспозицией яванских собраний и очень жду некоторых дополнений к шкафам, которые должны поступить из Лейдена в составе Вашей обменной коллекции. Третий том Вашего каталога⁷⁹, указатель библиотеки Музея,

⁷⁸ Вероятно, уменьшительно-ласкательная форма имени девочки.

⁷⁹ Под руководством Х.Г. Ёйнболла были изданы 23 тома каталога индонезийских и филиппинских коллекций лейденского музея: Juup-

пришел, так что теперь у нас есть полный комплект всех, по сей день вышедших в свет 17 томов. Когда выйдет 18-й? Полагаю, Вы работали над ним именно осенью.

Наш сборник (музейная публикация), к сожалению, до сих пор еще не вышел из печати. С этого года мы делаем его в несколько большей степени ориентированным на наших иностранных коллег: в конце каждой статьи будет приведено резюме на немецком и французском языках. Это полезно, но делает и без того медленную работу нашей типографии еще более медленной.

Чем занимается юный историк искусств? Передайте, пожалуйста, самый сердечный привет ему, Вашей супруге, а также фройляйн Нозее и всем остальным любезным коллегам из Музея. Дайте вскоре знать о себе и о том, что происходит с нашим обменом.

С глубоким уважением

Преданная Вам Л. Мерварт».

В 1928 г., 29 марта, она уведомила руководство лейденского Музея народоведения об отправке якутских коллекций. Основную часть письма занимает детальное описание вещей, приводятся термины на якутском языке, необходимые этнографические пояснения.

«Глубокоуважаемый господин доктор!

Только что отправили Вам большой деревянный ящик с якутскими вещами. Я, правду сказать, получила Ваше письмо от 6 февраля уже 24 февраля, однако большую махину трудно сдвинуть с места, и, пока были выполнены все формальности, а коллекция окончательно прошла таможду, прошел целый месяц. В таких случаях у нас здесь говорят: "Конец — делу венец". В этом ящике, кроме уже описанных 22 предметов, есть еще 6 предметов, описание которых следует далее. Каждый предмет имеет большой номер, такой же, что приложен к данному письму. Номера относятся к тому самому описанию, которое я Вам уже послала в декабре (или это было в ноябре?), и его продолжению здесь.

Ярлычки приклеены обычным клеем, так что их легко удалить горячей водой.

Ну а теперь — описание <...>».

Л.А. Мерварт вновь пишет в Лейден 19 мая 1928 г.:

«Глубокоуважаемый господин доктор!

Деревья под моими окнами за ночь наконец-то оделись смолисто пахнущим зеленым пухом. По случаю весны илю Вам и Вашим близким сердечный привет. Скоро возьму отпуск и уеду на пару месяцев, но прежде мне бы еще хотелось привести в порядок мой яванский отдел, и для этого я жду коллекцию из Лейдена. Вы уже послали эту коллекцию и каким образом — морем или железной дорогой? Мы еще не получили никакого уведомления.

Сейчас одна из наших экспедиций в горах Алтая собирает у телеутов и алтайцев для Лейдена. Собиратель — ассистент нашего музея — работает среди этих народов уже третий год, владеет телеутским языком и также неплохо говорит на алтайском. Его предыдущие сборы всегда высоко ценились заведующим сибирским отделом Музея. В той местности⁸⁰ пока еще ничего не покупают, а только обменивают, так что экспедиция перед отъездом должна здесь закупать ткани, бусы, ножи и т.д. и везет с собой почти столько же багажа, сколько привозит по возвращении.

Как Вы видите, нам вовсе не нужно ехать в дальние края, чтобы обнаружить совершенно первобытные отношения. Экспедиция возвращается в конце сентября, так что надеюсь, что в октябре уже смогу Вам выслать фотографии собранных вещей.

Весной 1929 г. мы собираемся устроить выставку музыкальных инструментов Азии, поэтому было бы особенно желательно, чтобы Ваша следующая обменная коллекция содержала в себе как можно больше разных индонезийских музыкальных инструментов. Прежде всего у нас даже нет гамелана и вообще почти никаких яванских музыкальных инструментов.

Коллекция, посланная нами, дошла до Вас в хорошем состоянии? Большинство вещей прочные, опасаясь только за Köhüye,

⁸⁰ На Алтае.

глиняный горшок. Могу ли я Вас просить передать фройляйн Нозее вложенные 10 почтовых марок для её коллекции вместе с сердечным приветом от меня. Надеюсь вскоре получить известия от Вас и от неё. Куда Вы с супругой едете во время каникул? Напомню, что Вы собирались навестить нас.

Всегда к Вашим услугам Людмила Мерварт».

В Лейден были отправлены алтайские и якутские предметы из дублетных коллекций МАЭ. 125 индонезийских предметов с о-вов Ява, Мадуро, Банка, Суматра, Сimalур, Ментавей, Целебес, Халмахера, Сумба, Никобарских и Андаманских островов, присланные в ответ из Лейдена, зарегистрированы в МАЭ Л.А. Мерварт в 1928 г. (коллекции № 3738–3747).

Вновь Л.А. Мерварт пишет в Лейден 13 июня 1929 г.

«Глубокоуважаемый коллега!

Ваше письмо от 28 мая я получила три дня тому назад, не ответила сразу же только потому, что мой список [предметов] ойратской коллекции, собранной для Государственного Этнографического Музея, еще не был напечатан. Сегодня он как раз готов, равно как и фотографии предметов, и прилагается вместе с ними к моему письму. Хотя я обещала эту подборку доктору Juunboll уже в январе, раньше ее послать не могла, т.к. наш фотограф⁸¹ тяжело и долго болел, а когда он наконец вернулся в фотолабораторию (в начале апреля), то у него накопилось столько работы, что лишь неделю назад он смог предоставить мне фотографии, обещанные мною доктору Juunboll. Всего это 36 таблиц, заключающих в себе 78 номеров, которые относятся к 86 предметам. Как совершенно верно написал доктор Juunboll, контакты по обмену между лейденским и нашим музеем не закончились, а только начались. Поскольку для Вашего музея весьма затруднительно собирать у нас, равно как и для нашего музея — в Нидерландской

⁸¹ Дудин Самуил Мартынович (1863–1929) — русский этнограф, художник, фотограф и путешественник. Работал в МАЭ с 1893 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 56], в штате с 1911 г., заведовал фотографическим отделом.

Индии, то мы будем заниматься сбором здесь, согласно моей договоренности с доктором Juynboll, а Вы, надеюсь, будете собирать для нас. Доктор Juynboll также сообщил мне, что, имея в виду этот обмен, уже зимой он подготовил для нашего Музея интересное собрание по филиппинской этнографии. В качестве обменных коллекций меня интересуют только Нидерландская Ост-Индия (без Новой Гвинеи), Straits-Settlements⁸², британские [Северное] Борнео и Саравак, Португальский Тимор, Филиппины, Андаманские и Никобарские о-ва, т.е. страны, где представлены индонезийские языки и [племена] негрито этих стран. Нидерландская Новая Гвинея в культурном и языковом отношении принадлежит к Меланезии и поэтому заранее полностью мною исключается. Конечно, я рассчитываю получить из Лейдена прежде всего коллекции по Нидерландской Индонезии, как мы это обсуждали с др. Juynboll. Ведь у Вас есть все возможности приобретать вещи такого рода. В первую очередь я бы очень хотела получить этнографические предметы, [1)] имеющие отношение к религии 2) иллюстрирующие рабочие процессы (т. е. ремесленные инструменты, земледельческие орудия, орудия животноводства, охоты и рыболовства), также продукты, получаемые на разных стадиях ремесленного производства. Из предметов подобного рода у нас есть только серия образцов раскраски батика в виде 12 кусочков ткани, покрытых воском и краской на разных этапах батикования.

Осенью мы собираемся сделать выставку “К истории человеческой религии”. Индонезийская религия в нашем Музее представлена чрезвычайно скудно и, если бы др. Rassers смог бы составить для нас небольшую коллекцию либо из Ваших дублетов, либо из новых приобретений, я была бы ему очень признательна.

Мне написали осенью из фирмы Letaire-Devries, ‘s-Gravenhage, Sreepwienlaan 36, что они направили одного сотрудника в район Индийского архипелага для сбора этнографических предметов

⁸² Поселения у пролива (англ.) — британские владения на полуострове Малакка и соседних островах.

и охотно собирали бы интересующие нас вещи, никак не обязывая нас к покупке. В ответном письме я обозначила область наших интересов точно так же, как описала её Вам выше, и сообщила, что в данный момент мы ничего из собранного купить не можем.

Как Вы думаете, найдутся ли среди сборов этой или какой-либо другой фирмы предметы, которые могли бы пополнить интересующее меня обменное собрание?

Если Вы просмотрите список и снимки, которые я посылаю в приложении к нему, то, вероятно, заметите, что коллекция целиком составлена по определенному принципу. Ойраты или алтайцы — пастушеский народ, и весь их образ жизни указывает на это. Пища пастушеских народов двух видов: мясная и молочная.

Ойраты питаются молоком и молочными продуктами. Мясо употребляют в пищу редко — это мясо быков, козлов, баранов — и большей частью только при наличии излишка скота. Коров, овец, коз берегут как производителей продуктов. Особенно высоко ценятся кобылицы из-за высокого содержания жира в их молоке и потому, что из кобыльего молока изготавливают популярный опьяняющий напиток. Большинство жизненных потребностей такого народа обеспечивается скотоводством. Из рогов делают стенные крюки. Вережки — из конских волос, сосуды — из кожи или внутренностей. Всё свидетельствует об абсолютной важности стада для ойрата. А то, что стадо не может дать, он должен покупать где-нибудь на стороне. К примеру, ткани для одежды и бусы — китайские или русские. Гончарство у пастушеского народа встречается редко — деревянный сосуд разбивается не так легко. И таким образом ойрат использует дерево там, где он не может использовать кожу. Религия ойратов в этой коллекции не представлена. Я надеюсь осенью получить полный шаманский костюм, хотя получить его нелегко. Ойраты — шаманисты, но с недавних пор у них процветает тайная религия — бурханизм. Под влиянием бурханизма, с одной стороны, и антирелигиозного движения Советов, с другой стороны, некоторые шаманы в этом

году сложили с себя свои обязанности, один из них должен продать для меня свою “форменную” одежду. Ее тоже сможет получить Лейденский Государственный этнографический Музей для пополнения своей ойратской коллекции. Бурханизм — религия мистериий, которая держится в очень большой тайне. С большим трудом мы только начали собирать предметы, связанные с этой религией. Дублиеты мы пока еще не получили.

Литература об ойратах вообще все еще очень скудна, а то, что есть — преимущественно на русском языке. На немецком могу назвать Вам следующие работы:

W. Radloff. *Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Südsibiriens. I Theil. Die Dialekte des eigentlichen Altai.* St. Petersburg, 1886.

F.v. Andrian. *Ueber die Wetterzauber der Altaier,* München, 1893.

Winkler. *Die altaische Völker-und Sprachenwelt.* Osteuropa Institut in Breslau, Quellen und Studien. VI Abt. Sprachwiss. 1 Heft. 1921.

D. Zelenin. *Ein erotischer Ritus in den Opferungen der altaischen Türken.* Intern. Arch. f. Ethnogr. Bd. XXIX. H. IV–VI. 1928.

Итак, пожалуйста, просмотрите список и фотографии и сообщите мне, хотели бы Вы иметь данную коллекцию. Также, будьте добры, дайте мне знать, что Вы можете предоставить нам в качестве обменной коллекции, вместе с фотографиями и списком. Надеюсь, что этот обмен и в дальнейшем будет систематически продолжаться, и Ваш Музей будет собирать для нас в Индонезии. В этом году мы собираем для обмена на следующий год — у ороков и орочей в Северной Сибири.

Но об этом в следующий раз. И самое длинное письмо когда-нибудь заканчивается. Сердечный привет Вам, др. Rassers и всем тем коллегам в Лейдене, которые еще помнят меня и которых я ещё надеюсь вновь увидеть.

С искренним почтением Л. Мерварт».

На это и.о. директора⁸³ Й.П.Б. де Йосселин де Йонг ответил 25 июля 1929 г.

⁸³ Директор, д-р Ёйнболл, в это время находился на лечении в США.

«Многоуважаемая госпожа,

Огромное спасибо за Ваше подробное письмо от 14 июня 1929 г. и к тому же с приложенными фотографиями предметов, которые Этнографический музей в Ленинграде находит возможными для обмена. Мы заняты фотографированием нашей индонезийской коллекцией дублетов и надеемся вскоре отправить Вам список фотографий. Было бы, конечно, гораздо легче, если бы мы сами могли собирать в Нидерландских Индиях или если бы коллекционирование осуществлялось для Музея, но мы не имеем в своем распоряжении достаточных средств это сделать. Также мы не можем покупать много для Музея. Но у нас имеется богатая коллекция, так что я очень надеюсь, что мы сможем сделать надлежащее встречное предложение.

Д-р Рассерс также передает Вам дружеский привет, остаюсь искренне Ваш (подпись)».

Последнее письмо Йосселин де Йонга было отправлено 9 сентября 1929 г.

«Многоуважаемая г-жа Мерварт,

Настоящим [письмом] я посылаю ряд фотографий дублетов из нашей индонезийской коллекции вместе с сопроводительным списком.

Потребуется значительный срок, прежде чем наш список дублетов из Индонезии будет полностью завершен, но я предполагаю, что партия, которую я Вам посылаю в настоящее время, будет содержать достаточное количество вещей, которые могут быть полезны для Музея в Ленинграде. Если дело обстоит именно так, могу ли я затем просить Вас дать мне знать, которые из изображенных предметов были подходящими для Вас, чтобы получить их в обмен на коллекцию, которую Вы предложили.

Жду Вашего ответа, остаюсь искренне Ваш (подпись)».

Как видим, в письмах Л.А. Мерварт содержится оригинальная ценная информация об этнографических предметах МАЭ, которая выходит за пределы ее профессиональных обязанностей.

К сожалению, события стали разворачиваться таким образом, что реализовать договоренности вышеназванным музеям не удалось.

Но накопленный практический административный опыт позволил получить в 1928–1929 г. из США необходимые МАЭ коллекции, о чем сумели договориться В.Г. Богораз и Е.Ф. Карский. Реформа Академии наук СССР и последовавшие процессы оменовались значительной сменой персонала в академических учреждениях. Только в 1930–1932 гг. новый директор МАЭ Н.М. Маторин завершил обмен коллекциями с рядом этнографических музеев США, куда были отправлены якутские коллекции [Купина 2004]. История обмена этнографическими коллекциями в конце 1920-х — начале 1930-х годов до сих пор исследована недостаточно.

Полученные по обмену предметы заняли свое место на экспозиции МАЭ «Народы Индонезии». МАЭ пополнился также книгами по малаистике. Занятия с носителем малайского языка впоследствии оченьгодились Л.А. Мерварт, которая начала преподавать этот язык и заниматься литературным художественным переводом.

Глава 7

«Академическое дело».

Арест и реабилитация А.М. и Л.А. Мерварт

7.1. «Академическое дело» 1929–1930 гг.

Для Мервартов 1927 год был очень удачным. Но признаки приближающейся беды уже чувствовались. Перевод «Похождений преподобного горемыки», подготовленный А.М. Мервартом, был опубликован без его предисловия и комментариев [Злоключения]. В 1929 г. состоялось памятное совещание этнографов Москвы и Ленинграда, на котором звучали опасные тенденции, позднее возобладавшие в советской этнографической науке. В МАЭ и в московской Коммунистической академии наметилось противостояние молодых и агрессивных «ученых», стремившихся *«низложить своих буржуазных руководителей и разгромить негостеприимный академический мир»* [Слезкин 1993: 116], и старой профессуры. А.М. Мерварт как образец той самой «старой профессуры» был избран от МАЭ в качестве представителей старшего поколения вместе с Д.К. Зелениным для участия в работе этого исторического совещания [Алымов, Арзютов 2014: 34], но с докладом не выступал. Вероятно, жесткая полемика на конференции произвела на Александра Михайловича угнетающее впечатление. «Вегетарианские времена» подходили к концу.

Кульминацией негативных процессов в общественной жизни и в академической среде конца 1920-х — начала 1930-х годов стало так называемое «Академическое дело». «Академическим делом» был назван политический процесс, сфабрикованный «по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) Полномочным Представительством Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО). Жертвами его стала большая группа известных ученых, в том числе четыре академика — С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский — и пять членов-корреспондентов АН СССР» [Академическое дело 1993: V].

А.М. Мерварт был среди первых арестованных по этому делу. 23 октября 1929 г. был выписан ордер на арест ученого секретаря Археографической комиссии А.И. Андреева. Вскоре арестовали около 100 человек, затем их разделили на две группы, причем А.М. Мерварт попал в первую группу, или «ядро», куда вошли также С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, Н.В. Измайлов, М.К. Любавский, С.В. Рождественский, А.И. Андреев, Д.Н. Егоров, В.Н. Бенешевич, П.П. Аникиев, А.А. Петров, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, В.И. Пичета — гордость ленинградской науки — историки, филологи, краеведы. Их обвиняли в шпионаже. Тринадцать человек были объединены следствием в «группу А.М. Мерварта», им инкриминировался шпионаж в пользу Германии в составе якобы созданной им сети информаторов. Обвинялись в этом Т.А. Корвин-Круковская, А.Н. Криштофович, П.И. Полевой, Г.Г. Гульбин, Д.Н. Бенешевич, С.А. Лобанов, А.А. Зеленецкий, Н.М. Окинин, Т.И. Блумберг-Коган, П.П. Бабенчиков, М.О. Клэр, А.Г. Вульфийус, Л.А. Мерварт [Академическое дело 2015].

А.М. Мерварту и Л.А. Мерварт инкриминировали принадлежность к придуманному следствием «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России» [Академическое дело 1993: VI]. Ученых обвиняли в призывах к реставрации помещичье-капиталистического строя. Группу преподавателей и научных работников, включавшую профессора Ленинградского госу-

дарственного университета медицинских знаний Э.Б. Фурмана и пастора-проповедника А.Ф. Фришфельда, обличали в том, что они являлись с 1927 г. «платными информаторами» агента германской секретной службы А.М. Мерварта, «собиравшими сведения о политическом положении СССР и настроениях немецкого населения в Ленинграде, Поволжье и немецких колониях в Крыму» [Там же: IX–X]. В обвинениях в отношении А.М. Мерварта звучало выраставшее за пределы «Академического дела» дело о шпионаже и создании подпольной военной организации «Стальной шлем» [Там же: X].

Исследователи и издатели архивов «Академического дела» В.П. Захаров, М.П. Лепехин и Э.А. Фомина справедливо замечают, что «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России никогда не существовал. В Академии наук не было ни контрреволюционного заговора, ни военных организаций и складов оружия, ни тайного сговора с агентами иностранных разведок, ни конспиративных встреч с ними в Париже, Берлине или Библиотеке Ватикана. Все эти аксессуары сочинений детективного жанра, присутствующие в материалах процесса, — чистый вымысел его сценаристов. Реальна только трагедия незащитных представителей элиты отечественной науки, вовлеченных в этот страшный спектакль и ставших жертвами бесправия и надругательства» [Академическое дело 1993: XI]. Авторы предисловия к первому тому «Академического дела» добавляют, что «“Академическое дело” возникло как часть кампании репрессий, основанной на фальсифицированных обвинениях и направленной прежде всего против интеллигенции, особенно тех ее представителей, которых можно было обвинить в принадлежности к “бывшим”» [Там же: XII].

«Академическое дело» было не первым в череде репрессивных процессов против советской интеллигенции. В 1928 г. состоялся суд по так называемому «Шахтинскому делу», направленному против технической интеллигенции, обвиненной во вредительстве. В ноябре-декабре 1930 г. в Москве прошел судебный процесс по делу так называемой «Промпартии», приведший к осуж-

дению группы инженеров. Затем арестовали видных экономистов А.В. Чаянова и Н.Д. Кондратьева, обвиненных в создании вымышленной «Трудовой крестьянской партии». В октябре 1930 г. были арестованы многие бывшие кадровые офицеры царской армии, оказавшиеся на службе у советской власти. Среди арестованных, а позднее репрессированных был и А.Е. Снесарев — основатель и ректор Института востоковедения, коллега Мервартов, профессиональный индолог, знаток индийской народной жизни.

Исследователи «Академического дела» справедливо видят корни этого политического процесса в конфликте между Академией наук и советской властью. Академия наук в 1917 г. встретила большевистский переворот враждебно. В 1918 г. она была вынуждена признать новую власть, но ее кадровый состав новой власти не нравился. Даже в 1929 г. на 1158 человек, работавших в Академии наук СССР, было только 16 членов партии [Академическое дело 1993: XIII]. Уже в 1918 г. были предприняты попытки расформировать Академию наук и другие научные учреждения как «пережитки ложно-классической эпохи развития классового общества» [Там же]. В 1923 г. в Москве была создана альтернативная Коммунистическая академия, бывшая, однако, преимущественно академией общественных наук. Возглавил ее печально известный историк М.Н. Покровский, известный как автор «пятичленки» — трактовки марксистского учения, предполагавшей существование и смену одного другим пяти общественных строев — первобытно-общинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и, наконец, коммунистического. Кроме вражды власти и Академии наук существовала и неприязнь части ученого мира Москвы к Ленинграду, ученым академии. Как сетовал в 1923 г. вице-президент Академии наук В.А. Стеклов, «зависть к успехам Академии процветает в низших слоях так называемого “ученого” мира, особенно московского» [Там же: XVI]. Главными объектами ненависти Покровского и Комакадемии были ученые Музея антропологии и этнографии, Пушкинского Дома, Словарной комиссии Акаде-

мии наук, Постоянной историко-археографической комиссии Академии наук.

Несмотря на агрессивную политику Покровского, направленную на уничтожение Академии наук, в конце 1920-х годов в Политбюро ЦК ВКП(б) и правительстве СССР возобладала линия на «приручения» академии, а не ее уничтожения. Было решено пойти по пути огосударствления и большевизации Академии наук [Академическое дело 1993: XVI]. 19 декабря 1925 г. была создана комиссия Политбюро для связи с Академией наук и контроля за ее работой. 31 мая 1927 г. был утвержден новый Устав Академии наук СССР, ограничивавший ее самостоятельность, вводивший утверждение Совнаркомом академических планов работы, большую жесткость иерархии и подчиненности академических учреждений Президиуму Академии наук, предписывалось сотрудникам и институтам академии более заниматься прикладными, нежели фундаментальными, исследованиями.

В 1929 г. были выработаны новые принципы избрания в Академию наук, предполагавшие участие в выборах представителей союзных республик, что означало их большую подконтрольность Политбюро. Еще в предшествующем году в прессе (Ленинградская правда от 17 июня, 4, 12, 13, 17 октября 1928 г.) прошла очернительная кампания против старого состава академии, управленческий аппарат которой был якобы засорен «представителями дореволюционных привилегированных сословий, аристократических фамилий, сановных царских бюрократов» [Академическое дело 1993: XVI]. На Академию наук оказывалось и прямое давление. В марте 1928 г. управляющий делами Совета народных комиссаров Н.П. Горбунов в разговоре с непременным секретарем АН СССР С.Ф. Ольденбургом прямо заявил, что Москва «желает видеть избранными [большевиков] Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского, Баха, Деборина» [Перченков 1991: 175].

Давление на академию вызвало раскол в ее рядах. Некоторые академики, такие как И.П. Павлов, были категорически против вмешательства государства в дела академии. Другие, такие как

академик С.Ф. Платонов, были за уступки государству. По иронии судьбы именно по ним и прошла государственная машина при попытке «наказания» академии.

Уже в ноябре 1928 г. начались первые аресты в среде академии. Были арестованы органами ОГПУ член-корреспондент АН СССР В.Н. Бенешевич (близкий друг Мервартов), сотрудники Библиотеки Академии наук (БАН) А.А. Сиверс и В.Е. Вальденберг. Это было и способом государственного запугивания Академии наук, и, вероятно, первым шагом к сбору «компромата» на академиков в случае их неготовности уступить диктату государства.

На выборах в Академию наук, прошедших на общем собрании 12 января 1929 г., часть рекомендованных государством лиц, в частности Н.И. Бухарин, Г.М. Кржижановский, М.Н. Покровский, были избраны в состав академии, но трое других забаллотированы. Это явно не удовлетворяло коммунистическое руководство страны. 17 января прошло вторичное голосование, вылившееся в острую дискуссию. На собрание не явилось более половины из списочного состава академии. В Москве был поднят вопрос о закрытии Академии наук. При мощнейшем давлении со стороны властей и с нарушением процедуры выборов на экстраординарном общем собрании 13 февраля 1929 г. три ранее провалившихся коммуниста Деборин, Лукин и Фриче были выбраны, а по существу — назначены академиками [Академическое дело 1993: XXI]. Академия как институт не была уничтожена, но власть сохранила к ней враждебность и ясно выразила намерение изгнать из ее рядов строптивых свободолюбивых сторонников независимости. Введение в состав академии вульгарного марксиста Покровского грозило большими неприятностями для Академии наук, и они не замедлили случиться.

Под давлением так называемой комфракции — новоизбранных коммунистов-академиков — Археографическая комиссия и Музей книги были преобразованы в Историко-археографический институт и Институт книги, а возглавлявшие их академики С.Ф. Платонов и Н.П. Лихачев после полутора лет нахождения

под следствием по «Академическому делу» были отправлены в ссылку.

Но только академиками расправа с академическими учреждениями Ленинграда не ограничилась. 1 июля 1929 г. в Ленинграде начала работать правительственная комиссия во главе с членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской комиссии (Центральной контрольной комиссии) ВКП(б) Ю.П. Фигатнером, имевшая целью чистку государственного аппарата от «классово чуждых» элементов. Эта комиссия лишила работы многих сотрудников академических учреждений, обескровила научные институты. 15 июля 1929 г. была утверждена комиссия по «чистке Академии наук СССР». Сначала были уволены многие сотрудники Секретариата Академии наук. Далее очередь дошла до ее учреждений: комиссия Фигатнера «взялась за сотрудников БАН, Пушкинского Дома, Археографической комиссии. Всего в Академии было уволено с работы из 960 штатных сотрудников 128 человек, а из 830 сверхштатных — 520 человек» [Академическое дело 1993: XXVI].

Сотрудников академических учреждений обвиняли в чуждом классовом происхождении, сотрудников БАН и Пушкинского Дома — в хранении важных документов, таких как оригинал отречения от престола Николая II, документы партии эсеров и других, которые им хранить «не полагалось». В этом увидели политический заговор. В Ленинград были вызваны чекисты Я.Х. Петерс и Я.С. Агранов (последний был печально известен расправой над Н.С. Гумилевым и другими членами Таганцевского кружка). С.Ф. Ольденбург был обвинен в том, что «о существовании этих документов не было доведено до сведения правительственных органов». Был поставлен вопрос о его отставке [Академическое дело 1993: XXVIII].

Пятого ноября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обсудило ситуацию в Академии наук СССР и фактически инициировало начало большого политического процесса, дав указание на создание Особой следственной комиссии в составе Фигатнера, Крыленко, Петерса и Агранова. Были арестованы многие академики.

Однако первоначально намеченные к аресту С.Ф. Ольденбург и А.Е. Ферсман счастливо избежали ареста и следствия. Других же, попавших в списки, запущенная в действие карательная машина ОГПУ не пощадила [Академическое дело 2015].

Главным обвиняемым по «Академическому делу» стал С.Ф. Платонов, который под следственным давлением подал в отставку с поста академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и тем самым с поста члена Президиума АН СССР [Академическое дело 1993: XXXIII].

Как справедливо отмечают издатели материалов «Академического дела», «начавшиеся в октябре 1929 г. единичные аресты сотрудников Академии продолжались и приобрели после решения Политбюро от 5 ноября массовый характер, особенно в январе и феврале 1930 г. Таким образом, результаты работы комиссии Фигатнера сыграли роль детонатора процесса, который начался по указанию Политбюро, подлинного его дирижера, и опирался на набросок сценария, сочиненного в конце ноября — начале декабря 1929 г. Особой следственной комиссией (Фигатнер, Крыленко, Петерс, Агранов). Усилиями этих органов был создан тот плацдарм, опираясь на который, высокопоставленные сотрудники ПП ОГПУ в ЛВО сфабриковали обвинение в создании подпольной антисоветской контрреволюционной организации, ориентирующейся на иностранную интервенцию» [Академическое дело 1993: XXXIII–XXXIV].

Следователь Агранов использовал путанные показания и самооговор «бывшего академика» Е.В. Тарле для создания мифа о причастности академика и ряда других арестованных, включая А.М. Мерварта, к участию в деятельности организации «Стальной шлем». Находясь в ссылке в Алма-Ате, академик Тарле от своих показаний в 1932 г. отказался.

Обвинения по «делу Платонова», или «Академическому делу», строились вокруг якобы принадлежности Мервартов и других к «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России». В 1931 г. следствие по этому делу было завершено, 29 подсудимых были приговорены к расстрелу. В отношении

большинства заключенных, однако, расстрел был заменен заключением. 10 мая 1931 г. Коллегия ОГПУ пересмотрела решение «тройки» относительно приговоренных к расстрелу. Из 28 человек к высшей мере были приговорены шесть бывших офицеров, остальные получили длительные сроки заключения. Коллегией ОГПУ 8 августа 1931 г. С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, С.В. Рождественский, А.И. Андреев, Д.Н. Егоров, П.П. Аникиев, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, В.И. Пичета, А.Н. Криштофович, П.И. Полевой, Д.Н. Бенешевич, С.А. Лобанов, А.А. Зеленецкий, М.О. Клэр были осуждены на высылку в отдаленные места СССР сроком на пять лет. А.М. Мерварт, Л.А. Мерварт, Т.А. Корвин-Круковская были приговорены к «3-м годам исправительно-трудовых лагерей» [Академическое дело 1993: XLVIII].

Л.А. Мерварт рассказывала при пересмотре ее дела в 1958 г., что показания А.М. Мерварта были «с начала до конца вымышленными и сочиненными Мервартом под принуждением следователя», что, «боясь за судьбу своих близких людей», А.М. Мерварт «писал все то, что говорили ему следователи». Она же сама на следствии «называла себя шпионкой и изобличила в шпионаже Мерварта тоже под диктовку следователя» и под угрозой уничтожения не только ее самой, но и всех ее близких, «в том числе двух малолетних детей» [Академическое дело 1993: XXXVIII].

7.2. Арест А.М. и Л.А. Мерварт

Супруги Мерварт оказались одними из первых фигурантов «Академического дела», которое разворачивалось в 1929–1930 гг. Лучшей кандидатуры для главы фабрикуемого ОГПУ дела трудно было найти. А.М. Мерварт был немцем, бывшим германским подданным, бывал подолгу за границей, поддерживал с иностранцами контакты и в России. В 1925 г. он был представлен в фойе Мариинского театра германским послом Брокдорф-Ранцау (1925 г.) и Дирцину и жене последнего, а также его сестре. В июне 1928 г. с супругами Мерварт в Академии наук познакомился генеральный консул Германии в Ленинграде Цехлин,

три-четыре раза встречались с ним вице-консулы Гравенштейн и Штельцер [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 299 об.]. Знакомый Мерварта художник Николай Эрастович Радлов рисовал портрет Цехлина. В 1929 г. Цехлин посетил Мервартов в Детском Селе [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11 об.].

Летом 1928 г. в СССР приезжали из Берлина председатель немецкой научной ассоциации *Notgemeinschaft der Deutschen Gelehrten*¹ д-р Ф. Шмидт-Отт и секретарь доктор Йонас (Jonas). 9 сентября 1928 г., во вторник, в 11–12 часов утра д-р Шмидт-Отт посетил МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 119]. А.М. Мерварт показал делегации экспозиции музея и получил приглашение в консульство вместе с директором МАЭ академиком Е.Ф. Карским на обед в честь Шмидт-Отта. А.М. Мерварт сидел рядом с доктором Йонасом, они оказались членами одного и того же союза немецких студентов, между ними установилась крепкая связь, завязалась переписка в 1928–1929 гг. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 249]. После Гражданской войны доктор Йонас был в Сибири, где руководил эвакуацией германских военнопленных [Там же. Л. 304]. Одним из пунктов его научных интересов стала история пещерного города Эски-Кермен в Северо-Западном Крыму. Немецкие ученые проявляли интерес к этому памятнику как, возможно, к древней столице готов. А.М. Мерварт провел в Крыму в 1929 г. 21 день отпуска, ознакомился с раскопками в Эски-Кермене под руководством археолога Николая Ивановича Репникова [Там же. Т. 12. Л. 13 об.].

К тому времени А.М. Мерварт зарекомендовал себя как блестящий специалист и переводчик. Он и консул Цехлин беседовали в его кабинете в МАЭ о переводе на немецкий язык романа А.Н. Толстого «Петр Первый» из «Нового мира» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 8 об. — 9]. Переговоры об издании вел вице-консул Штельцер. Первую часть романа соглашались издать немецкие издательства *S. Fischer-Verlag* в Берлине и *Eugen*

¹ *Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft* — Чрезвычайная ассоциация немецкой науки.

Diederichs в Иене [Там же. Л. 9]. В. Шишков передал А.М. Мерварту первую часть рукописи «Перелетные птицы» для перевода на тех же условиях — выпуска одновременно на русском и немецком языках. А.М. Мерварт купил у В. Липатова пишущую машинку за 100 руб. [Там же. Т. 13. Л. 309 об.]. Он собирался заняться творческим переводом. Однако знание иностранных языков и иностранные контакты А.М. Мерварта были использованы против него.

А.М. Мерварт с началом Первой мировой войны отказался от личной переписки со своими родителями, чтобы в Индии не выявлять англичанам своего немецкого происхождения. Уезжая из Харбина, Мерварты оставили в Русско-Азиатском банке текущий счет на имя Л.А. Мерварт, распоряжение производить из поступающих на него сумм платежи в Шанхайскую сберегательно-выигрышную лотерею. Это продолжалось до 1927 г., когда лотерея лопнула, на счете Мервартов осталось 6 долларов. Банк закрылся [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 256–256 об.]. В ходе командировки в 1927 г. А.М. Мерварт открыл счет в Deutsche Bank в Брухзале, но эти деньги пропали при инфляции. В Брухзале проживали родители А.М. Мерварта и семья его сестры Елизаветы, которая была замужем за торговым служащим Э. Гоманом. В г. Кальденкирхен (на голландской границе) другая сестра Эмма была замужем за торговым служащим М. Гертелем [Там же. Т. 12. Л. 300–301]. Отец А.М. Мерварта тоже мог снимать деньги со счета. Поступали деньги нерегулярно, А.М. Мерварт не слишком дорожил ими. Его сестра построила дом, ее муж основал оптовый торговый дом [Там же. Т. 13. Л. 301 об.].

В Карлсруэ проживали двоюродный брат А.М. Мерварта Роберт Мерварт, преподаватель техникума Видеман, владелец часового магазина, друг его отца. Другой его двоюродный брат — Рудольф Мерварт, экономист, убежденный демократ — работал в германском Министерстве труда, был профессором Берлинского университета [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 19 об.].

Служба А.М. Мерварта в немецких фирмах на Дальнем Востоке тоже свидетельствовала не в его пользу. В справке Департа-

мента полиции от 26 октября 1915 г. фирма «Кунст и Альберс» характеризовалась как «неблагонадежная» организация, которая являлась «правильно организованным отделением германского Генштаба, покрывшего целой сетью хорошо обученных шпионов весь Приамурский военный округ», имела «очень большие сношения с торговыми домами Европейской России», и работали в ней более тысячи служащих [Греков 2000].

Первого октября 1929 г. ОГПУ Ленинградского военного округа вынесло постановление о производстве обыска и задержании Л.А. Мерварт, подозреваемой в том, что она занимается агитацией и пропагандой против советской власти. 2 октября 1929 г. был проведен обыск по адресу Тучкова наб., д. 2, кв. 9, изъяты личная переписка, записные книжки, фотоаппарат, касеты, книги [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 178]. Постановлением 3 октября 1929 г. обыск был проведен на даче, в квартире дома № 16, ул. Слуцкое шоссе, Детское Село [Там же. Л. 171]. Копии своих научных докладов и другие бумаги А.М. Мерварт хранил в кабинете в МАЭ, а не дома. После обыска 2 октября 1929 г. они были им сожжены [Там же. Л. 317].

Л.А. Мерварт была арестована 15 октября 1929 г., освобождена из-под стражи 26 ноября 1929 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 194], вновь арестована 2 июля 1930 г.

На момент ареста в ночь с 13 на 14 января 1930 г. А.М. Мерварту было 45 лет. На его иждивении числились жена — Мерварт Людмила Александровна, 40 лет, домохозяйка (как он писал в протоколах), и двое детей — Владимир, 8 лет, и Любовь, 10 лет. *«Имущественное положение: ничего нет»*. Научный работник АН, ученый хранитель МАЭ был беспартийным. *«Политические убеждения: социалист-республиканец. Единственная оговорка моего несогласия с Коммунистической партией — я не разделяю проводимый Ком. Партией революционный темп»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 174].

Арест Л.А. Мерварт, высылка Т.А. Корвин-Круковской, страх за судьбу детей и родственников повлияли на А.М. Мерварта. Он даже *«обсуждал вопрос обратного перехода в германское поддан-*

ство и получение постоянной работы в Германии» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 9]. Не выдержав тягот заключения, он признал все обвинения. Из материалов дела видно, что простого знакомства с А.М. Мервартом было достаточно для ареста, а обвинения имели нередко фантастический характер. Так, вернувшийся из экспедиции сотрудник МАЭ Г.Г. Гульбин был обвинен в разглашении плана работ хлопковой промышленности в Туркестане.

В обвинительном заключении по следственному делу № 5197 о контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» 1 января 1931 г. указано, что А.М. Мерварт, вступив по приглашению Тарле Е.В. в антисоветскую организацию, знал о ее целях, собирал сведения, являющиеся государственной тайной, передавал их германским шефам, а Л.А. Мерварт знала, помогала, лично собирала, привлекала других лиц (ст. 58-3, 5, 6, 11 УК) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 158]. Военная коллегия Верховного суда СССР 20 июля 1967 г. впоследствии (определение № 4 Н-2729/59) отметила, что «А.М. Мерварт 11 и 23 июля 1930 г. в письмах к жене склонял ее дать угодные следствию показания, за что им обещано немедленное освобождение (т. 19, л. 9, 258)», а «Л.А. Мерварт под угрозой давала показания, не соответствующие действительности (т. 18, л. 365–366)» [Там же. Л. 352].

К тому времени уже дважды арестовывалась и помощница А.М. Мерварта Т.А. Корвин-Круковская — за попытку нелегального пересечения границы и получение писем из-за границы [Корвин-Круковская 2003]. Т.А. Корвин-Круковская — правая рука А.М. Мерварта, работала с ним в его кабинете в МАЭ. О ней А.М. Мерварт отзывался так: «Т.А. Корвин-Круковская — мой самый близкий человек, по работе и по жизни, мой секретарь. Под мою диктовку писала отчеты» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 173].

Татьяна Александровна Корвин-Круковская (1900 г.р.), окончила в 1917 г. Демидовскую женскую гимназию. С 1918 по 1920 г.

служила в Отделе управления Петросовета, в течение 1921 г. работала счетоводом в Пехотной школе. После давала частные уроки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 197] и в продолжение двух лет занималась у проф. Ф.И. Щербатского санскритским языком и индийской литературой с выдающимся успехом [Там же. Л. 199]. Польская аристократка, *«она жила в кругу бывших Гагариных, Оболенских»*. После революции она потеряла возможность получить образование, имела на руках деклассированного отца, семья испытывала нужду [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 305 об.]. С января 1925 г. работала в МАЭ в качестве добровольного сотрудника по юбилейной выставке. А.М. Мерварт писал, что она *«принимала деятельнейшее участие в разборке, регистрации и выставлении коллекций, как старых, так и привезенных мною из экспедиции. При выполнении этой работы она проявила не только исключительное прилежание и работоспособность, но также и интерес и такие познания, что включение ее в штат постоянных научных сотрудников Музея безусловно является большим приобретением, как для Отдела Индии, так и для всего музея в целом»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 198]. Именно она перепечатала текст путеводителя по отделу Индии. По рекомендации Ф.И. Щербатского была допущена к занятиям по индийскому отделу. А.М. Мерварт ходатайствовал перед Правлением Ленинградского института живых восточных языков о ее допуске в качестве «сторонней слушательницы» к посещению лекций по страноведению Индии и бенгальскому языку [Там же. Л. 60]. 1 октября 1925 г. она вошла в штат МАЭ по единоголосному избранию Совета музея, утвержденному Президиумом АН, в качестве научного сотрудника 2-го разряда и была причислена к индийскому отделу [Там же. Ед. хр. 8. Л. 65–69]. За самоотверженную работу она была удостоена благодарности Отделения гуманитарных наук АН СССР. *«Она хорошо владеет тремя иностранными языками — немецким, английским и французским. Кроме того, она специально изучила бенгальский язык и санскрит, каковые познания она уже сумела использовать в своих*

печатных трудах. В течение пяти лет музейной работы, которой она отдавалась с большим рвением и усердием, она приобрела основательный музейный опыт, который она углубила чтением литературы и слушанием лекций по музейным вопросам. Очень полезным оказывалось в ее музейной работе и то, что она в совершенстве умела писать на русской и иностранной машинке, а также умение изготовлять картодиаграммы, чертежи и др. графические работы» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 11. Л. 122]. Проживала по адресу В.О., 11 л., д. 22, кв. 5 [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 9].

Брат Т.А. Корвин-Круковской инженер Юлий Юльевич Лоренцен работал в немецкой концессионной фирме [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 113], Мария Юльевна Лоренцен была приятельницей невестки Л.А. Мерварт Зинаиды Евгеньевны Лобановой [Там же. Л. 343], супруги ее брата Владимира. Все эти контакты были использованы ОГПУ против Мервартов и других фигурантов «Академического дела».

В показаниях 16 июня 1930 г. Т.А. Корвин-Круковская заявляла, что не сочувствует советской власти, «но и Германия мне неприятна. Я не могу примириться с мыслью, что близкий и дорогой мне человек будет шпион. Убеждала его в том, что ему нет никакой надобности в этом, что он ведет интересную и полезную для общества работу, которая может дать ему удовлетворение. Уйти от него я не могла. <...> Александр Михайлович предлагал мне плату 150 руб. в месяц, но я считала позорным брать деньги за работу. Я делала для Александра Михайловича то, за что невозможно брать плату. Александр Михайлович меня в этом убедил. Он всегда находил излишней “дворянскую щепетильность” в отношении денег и считал, что к денежным вопросам надо относиться проще» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 142].

Т.А. Корвин-Круковская правила корректуру Полного собрания сочинений А.Н. Толстого (Ленотгиз) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 309 об.]. Она научилась печатать на «Хэммонде» и новой пишущей машинке, которую А.М. Мерварт

в 1929 г. купил у Виля Липатова, но на немецкой машинке печатать не умела. В МАЭ имелась одна машинка с латинским шрифтом, но *«она постоянно требовалась в канцелярии, приходилось писать на ней урывками»* [Там же. Т. 17. Л. 142].

Т.А. Корвин-Круковская была арестована 1 мая, освобождена 12 июля 1929 г. Снята с работы решением комиссии Фигатнера 20 августа 1929 г. Административная высылка в Нижний Новгород, Старо-Красноармейская ул. 17, кв. 17, машинистка Кожсиндиката (ст. 58, п. 6 УК) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 158]. 1 апреля 1930 г. она была вновь арестована и привезена в Ленинград [Корвин-Круковская 2003], направлена в ИТЛ на три года [Там же. Л. 161].

Григорий Григорьевич Гульбин (1890 г.р.) в 1911 г. окончил Санкт-Петербургскую гимназию Императорского Человеческого общества, в 1916 г. — Петербургский университет (с 1912 г.) по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду. В 1912–1921 гг. состоял на военной службе, в 1921–1925 гг. работал на факультете восточных языков [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 7. Л. 7]. 1 октября 1925 г. избран в научные сотрудники МАЭ 2-го разряда [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 65–69]. Весной 1928 г. помощник зав. отделом Средней Азии МАЭ Г.Г. Гульбин вернулся из экспедиции в Среднюю Азию *«удрученным, больным (психостения), раздражительным, угнетенным»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 248]. Арестован 15 апреля 1930 г., обвинен по ст. 58-10, ч. 2, отправлен в ИТЛ на пять лет.

Александр Александрович Зеленецкий, сотрудник Геолого-разведочного института черных металлов, в июле-октябре 1926 г. занимался в МАЭ как временный практикант [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 9. Л. 45]. В 1927 г. работал волонтером в отделе Индии в МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7. Л. 12], хотел в практиканты к А.М. Мерварту, но это ему не удалось, он ушел в Геолком [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 299]. Арестован 26 июня 1930 г., выслан на Урал на пять лет.

Постановлением об устранении с занимаемой должности по делу № 1803 18 февраля 1930 г. по статье 58-6 УК в порядке ст. 142 УПК *«на время нахождения под следствием А.М. Мерварт использован на работе в Академии наук быть не может»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 29]. Так А.М. Мерварт был уволен из МАЭ.

Содержавшиеся в ДПЗ арестованные по делу были приговорены: А.М. Мерварт (арестован 13 января 1930 г.) — в ИТЛ на 5 лет, Л.А. Мерварт (арестована 8 июля 1930 г.) — в ИТЛ на 5 лет, Д.Н. Бенешевич (арестован 15 апреля 1930 г.) выслан в Казахстан на 5 лет, С.А. Лобанов (арестован 29 января 1930 г.) выслан в Казахстан на 5 лет, Т.И. Блумберг (арестована 14 апреля 1930 г.) — в ИТЛ на 3 года. Срок считался со времени ареста [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 161].

А.М. Мерварт не отличался крепким здоровьем. Так, в Колombo *«он простудился, и у него сделался припадок невралгии. Это с ним уже было три года тому назад в Петербурге, и он тогда пролежал почти два месяца»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 197]. В конце 1929 г. А.М. Мерварт сильно болел. 28 октября 1929 г. он сообщал в Правление экскурсионно-лекторской базы Политпросвета тов. Чудакову: *«Я серьезно заболел. У меня образовалась флегмона (гнойное воспаление) правой ноги, вследствие чего я с 19 сего месяца лежу в постели. До вчерашнего дня у меня температура подымалась до 39°. Теперь после двух операций мне стало легче, но все же врачи строго запрещают мне вставать с постели, пока нога окончательно не заживет. Это не может быть раньше 5 или 6-го ноября»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 55]. Из Управления делами АН СССР 28 октября 1929 г. в МАЭ поступил запрос предоставить в УД-АН больничный листок А.М. Мерварт для Страхкассы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 86].

После ареста А.М. Мерварта 13/14 января 1930 г. Л.А. Мерварт обратилась к следователю СО СОУ ОГПУ при ЛВО А.Р. Стромину с просьбой передать мужу в 1-й корпус ДПЗ теплые вещи (чулки, белье, шапку), продукты питания (сушеные фрукты, жиры, сахар,

огурцы), указывая, что ее муж был серьезно болен (гипертрофия сердца, повышенное кровяное давление (до 200 мм), головокружения, обмороки, склероз почек) и нуждается в систематических прогулках [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 198].

А.М. Мерварт скончался 23 мая 1932 г. в Усть-Печорских исправительно-трудовых лагерях [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 18. Л. 10].

Процесс реабилитации фигурантов «Академического дела» начался уже в 1930-е годы и проводился в несколько этапов. В отношении А.М. Мерварта, признавшего все обвинения, он затянулся на несколько десятилетий.

Определение № Н-3277/ы 28 октября 1954 г. Военного трибунала Московского военного округа относительно Постановления коллегии ОГПУ 8 августа 1931 г. гласило, что Л.А. Мерварт, П.И. Полевой, С.А. Лобанов, А.А. Зеленецкий, Т.И. Блумберг-Коган и другие репрессированы без доказательства вины. Они признали себя виновными, но впоследствии отказались от показаний. Дело прекращено по ст. 204 п. «б» УЧК РСФСР [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 287]. Постановление от 8 августа 1931 г. в их отношении отменить, дело прекратить за недоказанностью обвинения [Там же. Л. 288].

Супруги Мерварт, составляя свои показания, подчеркивали, что их контакты по возвращении в Ленинград в 1924 г. были весьма ограничены, поскольку *«из старых довоенных знакомых очень мало кто остался»* и круг общения определялся их профессиональными контактами (*«сосредоточен, главным образом, среди академиков, сотрудников АН и Университета»*) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 296]. Л.А. Мерварт была очень занята в Академии наук, ограничивала круг своих друзей и возобновила только немногие знакомства *«доиндийской поры»*. *«С Ниной Сергеевной Платоновой была в добрых отношениях еще на Высших женских курсах, познакомила с ней и ее отцом А. Мерварта. <...> Людмилу Фаддеевну Бенешевич знала еще Зелинской. Познакомила с ней и В.Н. Бенешевичем, мужем, А. Мерварта»* [Там же. Т. 17. Л. 214]. После ареста В.Н. Бенешевича А.М. Мер-

варт перестал бывать у Л.Ф. Бенешевич, но Л.А. Мерварт продолжала навещать ее до своего ареста в октябре 1928 г. *«В 1930 г. была только раз в январе, до ареста А.М. Потом боялась навлечь на нее подозрения ГПУ: не знала, в чем дело его ареста»* [Там же. Л. 241]. У Бенешевичей Мерварты встречались с Е.В. Тарле², но приглашали его к себе нечасто, так как они много курили, а Л.А. Мерварт не выносила запах табачного дыма [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 241].

Комиссия по проверке аппарата АН СССР под председательством Фигатнера на заседании 10 ноября 1929 г. № Л 815 постановила: Мерварт Л.А. снять с работы в АН по 1-й категории [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 14]. Приказом АН СССР от 13 ноября 1929 г. (протокол заседания Президиума АН СССР 14 ноября 1929 г. § 1) на основании постановления Комиссии по проверке аппарата Академии наук СССР состоялось увольнение от службы в Академии наук СССР, но Комиссия не возражала против использования их по специальности в Академии наук [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 92]. Однако с 13 ноября 1929 г. Л.А. Мерварт была уволена из МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 14 об. — 15].

Директор и секретарь Совета МАЭ 14 ноября 1929 г. направили письмо в Президиум АН СССР: *«Научный сотрудник 1 разряда МАЭ Л.А. Мерварт была Государственной Комиссией по проверке аппарата Академии наук уволена по 1-й категории. Причиной увольнения послужило, очевидно, то обстоятельство, что она в настоящее время арестована и находится под следствием ГПУ. Принимая во внимание, что Л.А. Мерварт является единственным специалистом по малаистике и малайской этнографии в СССР и что найти для нее замену представляется невозможным, Совет МАЭ просит Президиум АН ходатайствовать перед надлежащими органами ГПУ об ускорении следствия, которое, как Совет надеется, выявит невиновность Людмилы*

² Тарле Евгений Викторович (1874–1955) — российский и советский историк, академик АН СССР (1927).

Александровны и этим самым даст нужному и незаменимому работнику возможность вернуться к своей научной деятельности» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 5. Л. 81]. На заседании Президиума АН СССР 14 ноября 1929 г. § 46 положено было считать исполнение этой просьбы *«в настоящее время затруднительным»* (подписал и.о. неперменного секретаря академик Комаров [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 92]). Управление Делами АН СССР (№ Л-86а) 8 февраля 1930 г. уведомляло МАЭ и местный комитет АН, что этнограф МАЭ Л.А. Мерварт увольняется от службы в Академии наук как находящаяся под арестом свыше двух месяцев на основании рекомендации вице-президента АН академика В.Л. Комарова [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 7. Л. 52].

Директор и секретарь Совета МАЭ обратились 29 ноября 1929 г. к председателю Правительственной комиссии по проверке аппарата Академии наук с запросом (№ 3370) по поводу того, что *«научный сотрудник 1 разряда зав. Отделом Индонезии Л.А. Мерварт, исключенная вследствие проверки аппарата Академии наук, обратилась в МАЭ с просьбой разрешить ей бесплатно работать в Отделе Индонезии. Не встречая к тому со стороны Музея никаких препятствий, прошу Ваших указаний по этому поводу»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 11. Л. 124].

Бывший ответственный секретарь Комиссии по проверке аппарата Академии наук Ю.В. Садовский в справке 16 мая 1934 г. указывал, что *«Л.А. Мерварт уволена из АН СССР по 1-й категории вследствие того, что она была арестована и осуждена по ст. 58 п. 10 УК Комиссией ОГПУ. Материалами, порочащими по известно-служебной деятельности Л.А. Мерварт, правительственная Комиссия по проверке аппарата Академии наук не располагала, и поэтому в 1-м туре работ Комиссии Л.А. Мерварт чистку прошла без всяких замечаний. Т.о., увольнение по 1-й категории произошло механически и естественно отменяется одновременно с реабилитацией Л.А. Мерварт по линии ОГПУ. Случаи отмены постановлений Комиссии по чистке после реабилитации уволенных по линии следственных органов были доволь-*

но часты и, если не ошибаюсь, вызвали общее постановление Центральной Комиссии по чистке, регулирующее этот вопрос» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 14 об.].

Сила воли и характер Л.А. Мерварт вновь проявились в этой ситуации. Генеральный консул Германии Цехлин через профессора Э.Б. Фурмана предлагал дипломатическую защиту А.М. Мерварту и материальную помощь, но Л.А. Мерварт отказалась. Доктор Э.Б. Фурман лечил детей германского генерального консула д-ра Цехлина и детей Мервартов, заинтересовался их рассказами об Индии. У него Мерварты бывали зимой 1924–1925 гг. вплоть до января 1930 г. Через него А.М. Мерварт попал в *Deutscher Verein*³ А.Г. Вульфиуса, с которым они были знакомы до отъезда в Индию. А.М. Мерварт *«прочел лекцию с туманными картинками для усиления средств Ферейна, передал пожертвование»*, работал в немецком педагогическом техникуме [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 294–295]. Э.Б. Фурман впоследствии был выслан по делу врачей на 10 лет [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 13 об.].

Девятого февраля 1930 г. Л.А. Мерварт написала письмо председателю Политического Красного Креста Е.П. Пешковой. Этой организации, основанной первой женой Максима Горького Е.П. Пешковой, жесткую, но, видимо, точную характеристику дала позднее обращавшаяся в нее за помощью Н.Я. Мандельштам: *«Жены арестованных — численное превосходство даже после 37 года всегда оставалось в тюрьмах за мужчинами — проторили дорогу в Политический Красный Крест, к Пешковой. <...> Влияния Красный Крест не имел никакого. Через него можно было изредка переслать в лагерь посылку или узнать об уже вынесенном приговоре и о совершившейся казни. В 37-м году эту странную организацию ликвидировали, отрезав эту последнюю связь тюрьмы с внешним миром»* [Мандельштам 1999: 30].

³ Букв. «Немецкое общество» — одно из множества любительских неформальных союзов, традиционно создаваемых немцами в городе.

Л.А. Мерварт писала:

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

Разрешите обратиться к Вам, как председательнице Политического Красного Креста, за советом и помощью. Мое имя Людмила Александровна Мерварт. Я окончила здешний университет, была командирована вместе с моим мужем Александром Михайловичем Мервартом Академией Наук в Индию и на остров Цейлон для изучения этнографии тамошних племен и сбора коллекций по ней. Там мы провели свыше 4-х лет. На обратном пути провели несколько времени на Малакке.

По возвращении в Ленинград в 1924 г. организовали в Музее Этнографии и Антропологии Академии Наук из привезенных нами коллекций индийский отдел, которым мой муж и заведует до настоящего времени.

Мне же Академия Наук поручила организовать отдел Индонезии и Малайский в том же музее. Это мною было выполнено и в настоящее время я являюсь единственной в нашем Союзе специалисткой по малайской этнографии, языку и литературе. С 1924 года я состояла заведующей отделом Индонезии в названном музее. В августе 1929 г. я прошла чистку аппарата Академии (проверочная комиссия под председательством тов. Фигатнера), не возбудив у членов комиссии никаких сомнений относительно моей пригодности к исполнению возложенных на меня обязанностей. 2-го октября я была арестована по ордеру СО ОГПУ при ЛВО. Мне было предъявлено обвинение по ст. 58, раздел 11 (принадлежность к нелегальной антисоветской организации). В чем тут было дело, я и сейчас не знаю, и здешний представитель Красного Креста В. Гартман сообщил мне, что никакого дела и нет. Во всяком случае 26 ноября 1929 года, т.е. 8 недель спустя, я была освобождена и должна была бы вернуться к исполнению своих обязанностей. Однако возобновившая около 20-го октября свою деятельность проверочная комиссия нашла, как вы знаете, в Библиотеке, в Пушкинском Доме и в Археографической Комиссии Академии различные документы, не долженствовавшие там находиться. В связи с этим многие

работники этих учреждений были арестованы, и затем проверочная комиссия сняла с работы по 1-й категории (т.е. с максимальным ограничением возможности службы и заработка) оптом всех работников Академии, находившихся в этот момент — 10-го ноября — под арестом.

В числе таких, уволенных по 1-й категории, оказалась и я. Когда 27-го ноября я явилась в Академию, мне было сообщено всеми членами работавшей еще проверочной комиссии, что я попала под увольнение лишь случайно и должна быть восстановлена в должности, как только кончится следствие ГПУ по моему делу, если оно меня реабилитирует.

Мне было предложено тов. Фигатнером подать в комиссию заявление с просьбой об отмене постановления о моем увольнении. На основании этого моего заявления комиссия постановила и запротоколировала, что вопрос о моем увольнении считается решенным окончательно впредь до окончания следствия ГПУ. Тов. Садовский, секретарь комиссии, разъяснил мне, что таким образом я получаю право поднять вопрос о своем восстановлении в должности и после истечения трехнедельного срока со дня вручения мне справки о снятии меня с работы.

Вы знаете, что ГПУ не только не выдает письменных справок об окончании следствия или о реабилитации подследственных, но даже и возвращение подписки о невыезде часто задерживает на годы или даже вообще не производит.

Ввиду этого я только 13-го января 1930 г смогла узнать, и то лишь благодаря усилиям Гартмана, что дела обо мне нет, и что поэтому можно начать хлопоты о восстановлении меня в должности. Однако в ночь с 13 на 14 января был арестован по ордеру ГПУ мой муж Александр Михайлович Мерварт, и из-за этого Гартман не советует мне начинать хлопоты о себе, чтобы не получить окончательного отказа.

Мужу предъявлено обвинение по ст. 58 разд. 11, т.е. также в принадлежности к нелегальной антисоветской организации. Особоуполномоченный ГПУ сообщил мне, что мой муж привлечен по делу академика Платонова. Это совершенно непонятно, ибо

мой муж не служил нигде в тех учреждениях Академии, где служил ак. Платонов или где были найдены документы, которых не должно было быть. Муж был заведующим отделом Индии в Музее Этнографии Академии Наук и, разумеется, ни в каких анти-советских организациях не состоял.

Изо всего изложенного вытекают и все мои просьбы к Вам, глубокоуважаемая Екатерина Павловна:

1) Нельзя ли узнать, в чем заключается “дело академика Платонова”.

2) Как к нему привлечен мой муж, Александр Михайлович Мерварт?

3) Когда оно будет закончено? Ибо у моего мужа склероз аорты и почек, и я очень боюсь за его здоровье. Он содержится в 1-м корпусе ДПЗ, т.е. без передач и т.д.

4) Имеет ли мне смысл сейчас поднимать хлопоты о моем восстановлении в должности? Как уволенная по 1-ой категории, я лишена всякой возможности заработка, а у меня двое маленьких детей, 8-ми и 10-ти лет.

Нечего и говорить, что жили мы с мужем и детками исключительно на его и мою заработную плату и никаких сбережений не имеем. Поэтому, хотя с одной стороны, как раз пока арестован мой муж, мне особенно безнадежно хлопотать о своем восстановлении на работу, с другой стороны, именно сейчас мне особенно необходимо иметь возможность зарабатывать, чтобы содержать семью. Я уж и не говорю сейчас о том, как мне горько быть оторванной от научной работы, от своего любимого, мною созданного дела.

Для восстановления мне надо послать заявление с копией протокольного постановления комиссии по чистке Академии наук в Центральную комиссию по чистке советского аппарата в Москве. До сих пор все такие заявления лиц, снятых с работы в Академии, Москвой отклонялись, по-видимому, даже без рассмотрения по существу. Я очень боюсь, что такая же судьба постигнет и мое заявление, при этом отказ Центральной комиссии безапелляционен, и я не хочу рисковать его получить.

Можете ли Вы содействовать мне с тем, чтобы комиссия непременно рассматривала мое заявление по существу, на основании того, что я изложила выше? Нужно ли мне для этого приехать в Москву или это можно сделать и без меня? Следует ли мне подать это заявление вообще теперь, или Вы считаете, что это несвоевременно? Не могут ли какие бы то ни было мои хлопоты о восстановлении теперь дурно отразиться на судьбе моего мужа?

Простите, что я затрудняю Вас столькими вопросами. Вы так многим из нас, страдающих, помогли и помогаете, что это дает каждой из нас смелость беспокоить Вас,

С искренней благодарностью, Людмила Мерварт» [ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 520. Л. 412–416].

Е.П. Пешкова к 1929 г. уже потеряла всякое влияние на московские власти, и письмо Л.А. Мерварт осталось без ответа.

В своих показаниях Л.М. Мерварт искренне писала, что сведения о революции в России были в Индии непонятны, сбивчивы, нарочно неясны. «Здесь она была совершенной неожиданностью. К сожалению, сведений о войне мы имеем очень мало. В газеты проникает лишь немного и оно, конечно, главным образом касается английских успехов на западном поле действий. Однако из того, что доходит сюда, все же ясно, что Россия спасает положение. Как я рада! Ясно еще и другое: за Японскую победу русский штаб выучился держать в тайне все, кроме уже добытых успехов. Газеты, разумеется, ворчат. До чего тяжело в это время сидеть здесь! Мы стараемся учиться сколько можем, но делать что бы то ни было очень трудно. Известий из дома Германа никаких, но мужья обеих его сестер (один офицер запаса, другой запасной и притом моторист) должны были оба быть призваны в самом начале войны. У одного трое детей, у другого новорожденная дочка» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 10]. Русских, а затем и советских газет Мерварты не видели. Индийские газеты сообщали, например, что власть в России взяли в свои руки дети, ученики военных школ, что кадеты во главе с мальчиком Милюковым проявляют неожиданно государствен-

ную зрелость. В 1918 г. Л.А. Мерварт не представляла себе размеров и характера революции, но думала, что для страны наступило время освобождения и потому расцвета, что она найдет широкое поле работы и строительства. Владивосток оказался в руках чехов, был полон беженцев, рассказывавших об ужасах Гражданской войны, голода, обнищания. Л.А. Мерварт не поняла революции, того, *«что коммунистическая часть рабочего класса захватила власть, чтобы создать наилучшие условия жизни для себя в ущерб всем остальным, в том числе крестьянству. Не поверила в возможность осуществления такого захвата навсегда»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 231–232]. Но было ясно, что семье придется остаться во Владивостоке до конца Гражданской войны.

Л.А. Мерварт писала, что *«монархизм нам чужд и противен»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 233]. Она указывала, что, *«готовясь в Индию, я жадно глотала о ней всё, что успела. Готовясь к Индонезии и экспедиции туда — всё, что могла достать здесь и за границей в 1927 г. О своей стране — ничего до 1927 г.»* Перед отъездом из Харбина она купила книгу профессора Гурвича о советском государственном строе, но за пять недель путешествия так ее и не прочла: помешали новые впечатления, болезнь А.М. Мерварта, заботы о детях, жара [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 236].

Но она всегда находила время и средства помогать другим. В Ленинграде Л.А. Мерварт не могла согласиться с тем, что ее друг В.Н. Бенешевич *«ходит не в живую, а в так называемую Тихоновскую церковь (может быть, Воскресенья на крови); она меня раздражает, я там не бываю»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 237].

В Ленинграде Л.А. Мерварт разыскал священник Спасо-Преображенского собора на ул. Рылеева М.В. Тихомиров, *«мой бывший гимназический законоучитель, духовник; он же венчал меня с А. Мервартом. Я отказалась быть членом 20-ки этого собора — ничего не понимаю. В хозяйственных делах от меня пользы мало. <...> М.В. Тихомиров что-то сделал, его отрешили от места*

(что он сошел с ума), сняли сан. Через год он ко мне пришел, бедствовал, был в штатском, развелся с женой, женился второй раз в ЗАГСе, имел младенца. Дала ему денег, слушать не стала. В процессе с В.Н. [Бенешевичем] — хорошо держался. Давала М.В. рубля 3, до весны 1927 г. заходил ко мне раз в месяц. Потом исчез» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 237, 239].

Находясь в командировке в странах Европы, Л.А. Мерварт, естественно, встречалась там с родственниками и эмигрантами из России.

Отец Л.А. Мерварт — терапевт Александр Михайлович Левин (1861–1932) — происходил из мещан-евреев, родился в Санкт-Петербурге, учился в средней школе на средства родителей в младших курсах, потом стал преподавать (давать уроки). По окончании гимназии в 1879 г. поступил на медицинский факультет университета св. Владимира в Киеве, откуда в 1883 г. перешел в Военно-медицинскую академию (учился на стипендию, за счет казны). Был оставлен при академии на три года и поступил ординатором в клинику профессора В.А. Манасеина. Весной 1888 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины, а в конце того же года приобрел звание приват-доцента Военно-медицинской академии по клинике внутренних болезней. Следующие два года провел за границей, преимущественно в Германии. По возвращении в Санкт-Петербург работал в Обуховской больнице сначала в качестве ординатора, а затем (с 1896 г.) в качестве заведующего отделением внутренних болезней. В 1899 г. занял кафедру диагностики внутренних болезней с соответствующей клиникой в Женском медицинском институте. С 1892 г. состоял членом-сотрудником Института экспериментальной медицины и в качестве такового был в 1897 г. командирован в Индию для изучения чумы и затем неоднократно посылался в разные местности Азиатской и Европейской России для борьбы со вспышками чумы [Энциклопедический словарь 1906: 65]. Получил звание профессора медицины. Как научный работник получил дворянство, чин действительного статского советника. Работал до 1916 г. в Ленинграде в разных вузах, в 1916 г. уехал в Баку для

организации Института усовершенствования врачей. В 1926 г. вернулся в Ленинград. В последние годы жизни работал в Институте усовершенствования врачей и в больнице [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 9–10], консультантом больницы им. Коняшина. В 1930 г. проживал в Ленинграде по адресу ул. Рылеева, д. 20 [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 183], недвижимого имущества не имел. Скончался в 1932 г. в Ленинграде [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 4].

У А.М. Левина было два брата и две сестры. Братья умерли до Первой мировой войны. Одна сестра, Софья Михайловна Шлейзингер (Левина), была певицей в Мариинском театре, вышла замуж за немца Шлейзингера и давно уехала за границу [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 10]. Другая сестра, Шишмарева Елизавета Михайловна, преподавала уроки пения. До революции ее муж работал чиновником в Министерстве иностранных дел, умер до 1914 г. После революции 1917 г. она уехала за границу в Германию к сестре [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 10 об.]. В 1929 г. они обе проживали в Берлине, не работали, жили на средства пожизненной пенсии Софьи Михайловны [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11]. Л.А. Мерварт посетила своих теток в Берлине в 1927 г.

Мачеха, Мария Семеновна Архангельская-Левина (1882–1964), ассистент *Ленинградского педиатрического медицинского института*. В 1943 г. получила почетное звание Заслуженный врач РСФСР, автор нескольких публикаций — методических пособий к практическим занятиям по общей хирургии.

Брат мачехи, Александр Самойлович Изгоев-Ланде⁴, белоэмигрант, выслан из СССР в 1922 г. после ликвидации Вольного философского общества. Был членом редакции белоэмигрантской газеты «Руль», председателем Общества помощи жертвам революции [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 89]. Его

⁴ Ланде Арон Соломонович (литературный псевдоним — Изгоев Александр Самойлович) (1872–1935) — российский юрист, философ, публицист.

дочь Софья Александровна Ланде-Изгоева училась в Медицинском институте, жила на Рождественской ул. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 12 об.].

Братья Л.А. Мерварт Владимир и Сергей Левины по разрешению отца переменили фамилии на Лобановы в 1915–1916 гг. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 19 об.].

Владимир Александрович Лобанов, 1891–1893 г.р. (в 1930 г. ему было примерно 38 лет), работал в промышленной кооперации бухгалтером [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 4]. Уехал в Баку с женой, где, безработный, научился шить обувь. Невестка, Лобанова Зинаида Евгеньевна, 38 лет (в 1930 г.), ассистент Политехнического института в Баку. Проживали в Баку, ул. Корганова, тупик № 2, д. 5 [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13]. Затем вернулись в Ленинград.

Сергей Александрович Лобанов (1903 г.р.) — студент-электрохимик Политехнического института, жил одно время у Мервартов, которые оказывали ему денежную поддержку как младшему в семье [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 217 об.]. Работал инженером в Шлиссельбурге на Химическом заводе им. Морозова [Там же. Т. 12. Л. 56]. Был репрессирован в январе 1930 г., после пяти лет вольной высылки в Казахстан уехал в Горский.

Родная сестра Л.А. Мерварт Надежда Александровна Афонина проживала за границей. Муж сестры, Иван Родионович Афонин, инженер-путеец, работал по постройке железной дороги в Баку инженером, после революции сперва уехал в Персию, в 1927 г. не вернулся из командировки, остался в Европе [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 299]. Сестра из Персии уехала к мужу. Л.А. Мерварт встречалась с ним в Голландии, он хотел строить железную дорогу к устью Енисея [Там же. Л. 218 об.]. И.Р. Афонин умер в 1929–1930 г. в Германии. Переписка с сестрой прекратилась [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 12].

Двоюродная сестра Татьяна Осиповна Блюмберг-Коган, стенографистка и переписчица в Выборгском райкоме Коммунистической партии [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 248].

Испытывала материальные трудности, содержала мать и сестру с мужем [Там же. Т. 12. Л. 212]. Была репрессирована, выслана на три года в ИТЛ, затем попала в Алма-Ату [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11].

Двоюродная сестра Нина Осиповна Коган была арестована 27 декабря 1934 г., за что, Л.А. Мерварт не знала (*«по делу художников?»*) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11].

Двоюродные братья Л.А. Мерварт И.Л. Левин и Б.Л. Левин-Ртищев уехали в 1906 г. в Москву, потом — в Париж. Б.Л. Левин-Ртищев работал бухгалтером в Торгпредстве [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 299 об.].

Двоюродная сестра Л.А. Мерварт Ольга Львовна Семадени с мужем раньше жила в Киеве, затем они содержали пансион в Париже (Hotel du Pavillon, 6 rue Verneuil). С ними жили братья Борис и Иван [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 300 об. — 301].

В Берлине в 1927 г. г-жа Гессен, супруга редактора газеты «Речь», председателя Общества помощи жертвам революции, дала Л.А. Мерварт 400 немецких марок *«для раздачи людям, пострадавшим от Советской власти»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 218 об.]. В Ленинграде на вечеринке окончивших Высшие женские курсы, в память О.Н. Нечаевой, Л.А. Мерварт встретила Л.И. Жижиленко — *«крупную кадетскую деятельницу»*, и передала ей из этой суммы 85 руб. (в рублевом эквиваленте) для распределения. Но Гессен не понимала ситуации в СССР, а Л.И. Жижиленко хотела покоя и безопасности, так что деньги Л.А. Мерварт пришлось распределить самой. В 1928 г. прошел процесс по делу «Братства преподобного Серафима Саровского». Был арестован преподаватель И.М. Андреевский, на квартире которого собиралась верующая молодежь. Его жена Т.Р. Андреевская должна была *«вскоре родить, есть маленький ребенок. Узнала адрес, поехала, оставила ей конверт со 100 руб. без надписи»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 246]. Л.А. Мерварт лично передавала деньги женам и других арестованных на их квартирах: после высылки библиотекаря АН А.П. Обновленского его жене Л.А. Мер-

варт принесла 85 руб., Л.М. Кириленко — 80 руб. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 89].

В 1928 г. семья инженера П.И. Полевого переехала в Геолком в Ленинград. *«Я была очень мало знакома с ним и его женой на Дальнем Востоке. Помогла им устроиться»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 219 об.]. Эта помощь также была расценена как факт не в пользу Мервартов.

В своих показаниях Л.А. Мерварт признала *«правильность репрессий»*, но заявила следователю, что обвинены они с мужем были неправильно — *«не шпионаж, но неучастие в мероприятиях Советской власти (в демонстрациях)»*, так как она была *«антисоветски настроена»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 13 об.]. *«Великая стройка нуждается в материале, нуждается в работниках, а у меня есть и специальные знания, и энергия, и работоспособность. Тем более что я могла бы быть вождем и сама сделала себя негодной и в рядовые»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 249–250]. С 1928 г., по ее словам, она начала ежедневно читать Плеханова, Маркса, Ленина, *«Ленинградскую правду»* вместо *«Вечерней Красной газеты»*.

После ареста 15 октября 1929 г. Л.А. Мерварт пожаловалась следователю А.Р. Стромину, что *«уже две недели без книг»* (1 корпус, камера 255), и просила разрешить ей пользоваться книгами библиотеки Дома предварительного заключения, также приобретать газеты, передать ей из дома учебник малайского языка Maxwell *“Manual of Malay Grammar”*, карандаш, точилку, бумагу [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 249–250].

Вновь Л.А. Мерварт была арестована 2 июля 1930 г. во время разговора со следователем А.Р. Строминим в его кабинете в здании ПП ОГПУ в ЛВО (ул. Дзержинского, д. 4–6). Постановлением по делу № 1803 8 июля 1930 г. она обвинялась по ст. 58-4, 58-6, 58-11. Был произведен обыск по ул. Рылеева, д. 20, кв. 14 [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 199, 202].

Читка газет и книг, ежедневная прогулка 30 минут были разрешены Л.А. Мерварт (1 корпус, камера 260) 3 июля 1930 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 205]. В ответ на заявле-

ние от 20–21 ноября 1930 г. было разрешено принести для нее учебники испанского и португальского языков [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 14. Л. 54].

Находясь в заключении, Л.А. Мерварт написала подробные воспоминания о работе экспедиции на Цейлоне и в Индии, о пребывании на Дальнем Востоке. В них приводятся некоторые подробности путешествия, которые не вошли в ее научные публикации, рассказано об условиях быта и работы ученых. Эти материалы раскрывают особенности жизни и этнографической работы в Южной Азии, атмосферу научной жизни Ленинграда, в которую включились Мерварты. Также она составила записки о максимальном использовании нефтяных запасов СССР, о производстве шелка «эри», вырабатываемого на хлопчатобумажных фабриках Индии, и о возможностях торговли с Индией, которые демонстрируют глубокое знание этнографических реалий.

Постановлением ОГПУ от 8 августа 1931 г. супруги Мерварт были осуждены НКВД по ст. 58, заключены в ИТЛ г. Ухты на пять лет. А.М. Мерварт скончался 23 мая 1932 г. в Усть-Печорских исправительно-трудовых лагерях. Л.М. Мерварт находилась в лагере до 7 декабря 1932 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11]. Освобождена 4 января 1933 г. в Москве, куда была вызвана в декабре 1932 г. из Ухто-Печорского лагеря (г. Чибью). *«Еще раньше, 8 сентября 1932 г., в Чибью была освобождена и переведена в Колонизованные⁵ сотрудники НКВД. О порядке освобождения мне тогда в Москве следователь Т. Штукатуров сказал, что меня освобождают по пересмотру*

⁵ Категории довольствующихся Ухтпечлага: заключенные, колонизированные, спецпоселенцы и вольнонаемные. Вольнопоселенец, или колонизованный, — с конца 1920-х годов и до 1937 г. — заключенный, которому за ударный труд было разрешено проживать до истечения срока вне зоны лагеря, вместе с семьей. Эта привилегия распространялась на отбывших более половины срока и систематически перевыполнявших нормы. Они были обязаны работать на предприятиях лагеря. Им платили 50–60 % нормальной зарплаты [www.memorial.krsk.ru/Articles/Rossi/v.htm].

дела» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 413]. Постановлением ОГПУ от 20 января 1933 г. Л.А. Мерварт была досрочно освобождена [Там же. Л. 432].

7.3. Реабилитация Л.А. Мерварт. Деятельность в 1933–1965 гг.

В январе 1933 г. Л.А. Мерварт вернулась в Ленинград и работала сначала на заводе им. Радищева [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 2]. Затем поступила на работу в Музей истории религии АН, где работала до 9 марта 1935 г. [Там же. Л. 10]. 4 сентября 1933 г. Директор МАЭ В.Г. Богораз-Тан и ученый секретарь В.Л. Баканов просили неперменного секретаря АН СССР «о зачислении научного сотрудника I разряда Мерварт Людмилы Александровны с предоставлением Музею дополнительной вакантной единицы, согласно договоренности с Вами, т.к. в распоряжении Музея нет средств для оплаты нового работника» [Там же. Л. 3]. Президиум АН СССР на заседании от 16 ноября 1933 г. постановил утвердить должность научного сотрудника 1-го разряда с окладом 200 руб. в месяц и утвердить в этой должности научного сотрудника 1-го разряда (по отделу восточных религий и интернационального антирелигиозного движения) Л.А. Мерварт с 15 ноября 1933 г. [Там же. Л. 5].

Директор МАЭ В.Г. Богораз подписал отзыв для представления в секцию научных работников: *«Научный сотрудник МИР АН СССР Л.А. Мерварт, востоковед, один из немногих в Союзе специалистов по Индонезии и индийской этнографии, работающих над материалом не только литературным и музейным, но собранным лично на местах. Тов. Мерварт имеет ряд ценных работ, является зарубежным членом Королевского Института Нидерландской Индии (Голландия), участвовала в Международном Конгрессе Антропологии и Этнографии в Амстердаме в 1927 г. по персональному приглашению. В настоящее время ведет ответственную работу по отделу Восточных религий в Музее и разрабатывает вопрос о народном буддизме на о. Цейлон по материалам своей экспедиции в Индию и на Цейлоне от Академии наук.*

Тов. Мерварт владеет следующими языками кроме русского: английский, немецкий, французский, голландский, малайский [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 7]. В анкете 1933 г. она указала также шведский язык [Там же. Л. 2]. В характеристике, выданной в Московском нефтяном институте им. академика И.М. Губкина (1940 г.) указано, что она «*знает более 10 языков*» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 428].

До 18 августа 1934 г. Л.А. Мерварт проживала по старому адресу родителей — Ленинград, Рылеева 20-14, с 18 августа 1934 г. по 18 апреля 1935 г. — ул. Подрезова 2-51. С 18 апреля по 20 марта 1935 г. временно поселилась вместе с детьми (дочь Мерварт Любовь Александровна, 1919 г.р., ученица 3-й средней школы; сын Мерварт Владимир Александрович, 1921 г.р., ученик 7-го класса 10-й школы) у тетки Бецкевич Марии Осиповны, 1896 г. р., пенсионерки, по адресу ул. Марата, 42-3.

После убийства С.М. Кирова Л.А. Мерварт была вновь арестована 3 марта 1935 г., 4 марта 1935 г. по месту ее жительства произведен обыск, но через два дня она была освобождена.

Л.А. Мерварт тогда отказалась от ложных показаний, так как шпионской работы не вела, никаких сведений не передавала, в организации не состояла, про организацию не знала [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 12 об. — 13].

Курсант ЦТК НКВД А. Борель, рассмотрев 4 марта 1935 г. следственный материал на Л.А. Мерварт, судившуюся Тройкой ОГПУ в 1930 г., предложил «*сослать Л.А. Мерварт с детьми в Тургай на 5 лет*» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 15–16].

Забегая вперед, укажем, что впоследствии и это обвинение было снято. «*Арестованная 3 марта 1935 г. Постановлением Особого Совецания при НКВД СССР от 7 марта 1935 г. как социально опасный элемент Л.А. Мерварт вместе с семьей в числе 1 чел. (Бацевич Мария Осиповна) подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов”*» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 18].

Из Музея истории религии АН Л.А. Мерварт уволилась 9 марта 1935 г. по собственному желанию (*«ввиду срочной необходимости мне выехать из Ленинграда»*) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 10]. Согласно справке управдома, гражданка Л.А. Мерварт была из дома в марте 1935 г. в город Оренбург и со дня отъезда в доме не появлялась [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 17].

Вместо Оренбурга Л.М. Мерварт отправилась в Москву и устроилась там на работу в Совет по изучению производительных сил (далее — СОПС) АН СССР. С 21 марта по май 1935 г. она жила в Москве в общежитии Дома ученых (Скатерный пер., д. 4), в мае-июне — по адресу Сретенский бул., д. 6. С 20 марта 1935 г. работала в СОПС при АН СССР экономистом, научным сотрудником 1-го разряда, с 9 июня 1936 г. заведовала техническим архивом (Москва, Старо-Монетный пер., д. 33, в июне-июле — Садовая-Спасская) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 15 об. — 17], редактировала бюллетень МОПРа [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 423].

К тому времени Л.А. Мерварт опубликовала ряд работ в изданиях Академии наук, “Academia”, Географического общества, издательства П.П. Сойкина, а также сдала в печать несколько статей в «Театральную энциклопедию» («Малайский театр», «Бхавабхути» и др.). Эти материалы об индонезийском театре вышли в свет в 1961 г. («Бексан» и «Ваянг» [Мерварт Л.А. 1961 а, б]) и в 1963 г. («Даланг» [Мерварт Л.А. 1963]), «Индонезийский театр и драматургия» — с дополнениями Л.М. Дёмина [Мерварт, Дёмин 1963], а вот заметка «Бхавабхути» в «Театральной энциклопедии» принадлежит уже перу индолога В.Г. Эрмана. В Москве она напечатала статью в «Вестнике Академии наук» [Мерварт Л.А. 1935], сдала две статьи в «Большую советскую энциклопедию» («Индийский театр» [Мерварт Л.А. 1935], «Яванский язык») [Бухерт 2017: 55]. Однако в 65 т. первого издания «Большой советской энциклопедии» (1931) на 321 странице статья «Яванский язык» подписана инициалами «А.Б.».

В мае 1936 г. тов. Мерварт *«за ее научные труды Президиумом АН присуждена научная степень кандидата общественных наук»*

[Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 424] по разделу этнографии. Это было подтверждено позже: «*Решением Президиума АН СССР от 15 мая 1936 г. гражданке Мерварт Людмиле Александровне присуждена ученая степень кандидата филологических наук — диплом кандидата наук МКД № 11589. Москва, 11 октября 1949 г.*» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 28].

В связи с упразднением должности Л.А. Мерварт освобождена от должности в СОПС с 21 апреля 1937 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 16 об. — 17]. Летом 1937 г. Оргкомитет XVII Международного геологического конгресса привлек ее к работе «как на самом конгрессе, так и в экскурсиях до и после конгресса» [Бухерт 2017: 55].

Одновременно Л.А. Мерварт подрабатывала в Институте истории АН СССР [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 413]. Она составила справку и предложила проект реорганизации в Москве научно-исследовательской работы в области востоковедения, надеясь поступить в планируемый к созданию сектор истории колониальных и зависимых стран [Бухерт 2017]. С 9 февраля по 1 июля 1938 г. Л.А. Мерварт работала в Институте истории АН СССР в должности старшего научного сотрудника сектора новой истории (Волхонка, д. 14), освобождена от работы по сокращению кадров [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 424], проживала в общежитии АН (Малый Харитоньевский пер., д. 4) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 16 об. — 17].

Первого сентября 1938 г. принята на должность старшего преподавателя английского языка в Московский нефтяной институт им. академика И.М. Губкина (Большая Калужская, д. 14) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 428], проживала в общежитии АН (Большой Черкасский пер., д. 2/10), 26 марта 1942 г. освобождена от работы ввиду реорганизации института [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 18 об. — 19]. С 16 октября по 26 ноября 1942 г. работала в механических мастерских контролером, освобождена от работы ввиду реорганизации мастерских [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 425].

Л.А. Мерварт с марта 1942 г. по май 1943 г. работала для английского издания журнала «Интернациональная литература» (Москва, Кузнецкий мост, д. 12) в качестве переводчицы на английский язык [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 426].

Зачислена на должность старшего научного сотрудника Института этнографии с 1 апреля 1943 г., отчислена в связи с окончанием срока временной службы 16 июля 1944 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 19 об. — 20]. Л.А. Мерварт работала в Московской группе Института этнографии АН СССР внештатным сотрудником группы карт народов [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 429]. Как отмечал зам. директора ИЭ АН СССР М.Г. Левин, *«являясь крупным специалистом по этнографии Индии и Цейлона, тов. Мерварт одновременно работает по этнографической статистике и картографии, выполняет ряд научных заданий Института. Тов. Мерварт активно участвует в общественной работе (шефская работа в госпитале, профорг группы карт) и является энергичным и дисциплинированным работником»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 430].

В 1944 г., 30 сентября, Л.А. Мерварт зачислена на должность старшего научно-контрольного редактора в Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 10 октября 1945 г. утверждена в должности заведующей редакцией восточных словарей, 1 февраля 1956 г. освобождена от работы в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей ввиду перехода на другую работу [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 19 об. — 21]. 6 апреля 1948 г. за активную и общественную трудовую деятельность в ГИИНС награждена медалью «В память 800-летия Москвы» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 23].

В 1945 г., 15 октября, Л.А. Мерварт зачислена в Военный институт иностранных языков на должность преподавателя, 1 декабря 1946 г. — преподаватель на 0,5 ставки, 22 апреля 1947 г. — старший преподаватель кафедры индийских языков на 0,5 ставки, 17 июля 1948 г. уволена в связи с сокращением педагогической

нагрузки [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 20 об. — 21]. В Военном институте она подготовила несколько пособий по малайскому языку [Мерварт Л.А. 1947; 1950] и литературе [Мерварт Л.А. 1951]. «16 октября 1949 г. Решением ВАК от 16 сентября 1949 (приказ № 34) гражданка Мерварт Людмила Александровна утверждена в ученое звание доцента по кафедре иностранных языков» (аттестат доцента МДЦ № 11709, Москва) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 31].

Первого сентября 1954 г. Л.А. Мерварт зачислена и.о. заведующего кафедрой языков стран Юго-Восточной Азии в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР, с 1 сентября 1955 г. — доцент кафедры японского языка на 0,5 ставки, 26 августа 1956 г. утверждена доцентом кафедры японского языка. Преподаватель Л.А. Мерварт подготовила большое число специалистов-востоковедов, издала ряд пособий по индонезийскому языку, литературе и письменности [Мерварт Л.А. 1954–1955]. 1 сентября 1958 г. Людмила Александровна Мерварт, доцент кафедры японского, корейского и индонезийского языков, освобождена от работы в МГИМО в связи с уходом на пенсию по возрасту согласно поданному заявлению [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 20 об. — 21, 24 об. — 25, 34].

В последние годы жизни Л.А. Мерварт занималась преимущественно переводческой деятельностью, опубликовала переводы художественной малайско-индонезийской классики на русский язык⁶.

Л.А. Мерварт была избрана членом-корреспондентом Королевского института языковедения, страноведения и этнографии (Нидерланды), почетным членом Международного института антропологии (Франция).

Сын Владимир (1922 г. р.) 16 октября 1942 г. вступил в народное ополчение Краснопресненского района Москвы, погиб в бою

⁶ См.: [Сказки и легенды Южного Сулавеси 1958; Сказание о Сери Раме 1961; Неверман 1961; Кало Г. Бидасари 1967].

26 февраля 1942 г. [Бухерт 2017: 54]. Дочь Людмила (1920 г.р.) поселилась в Подмосковье.

Еще 30 апреля 1939 г. Л.А. Мерварт обратилась в Комиссию по делам частных амнистий при ЦИК с просьбой о снятии судимости, предоставив положительные характеристики с мест работы. 16 сентября 1944 г. Особое совещание при Наркомате внутренних дел СССР постановило ей в этом отказать [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 437, 444].

В 1956 г., 17 февраля, Л.А. Мерварт (проживавшая в Москве, ул. Чкалова, д. 486, кв. 5) обратилась с заявлением к Главному военному прокурору Советской Армии относительно реабилитации своего мужа А.М. Мерварта, скончавшегося 23 мая 1932 г. в Усть-Печорских исправительно-трудовых лагерях, 19 марта 1956 г. — в ЦК КПСС относительно реабилитации своего брата С.А. Лобанова, 30 марта 1956 г. — о реабилитации обоих родственников — мужа и брата [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 18. Л. 363].

Заместитель председателя Военного трибунала Московского военного округа 31 октября 1957 г. № Н-3272/ОС, Москва, Арбат, 37, сообщил Л.А. Мерварт, что ее дело *«пересмотрено Военным трибуналом Московского Военного округа 28 октября 1957 г. Постановление от 8 августа 1931 г. в отношении Мерварт Людмилы Александровны отменено и дело о ней прекращено»* [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 35].

Поскольку Л.А. Мерварт, С.А. Лобанов, А.А. Зеленецкий заявили, что их показания даны в 1930 г. под психологическим давлением следователя, отказались от показаний, были изобличены только показаниями А.М. Мерварта, то материалов для их обвинения недостаточно. Судимость с них была снята по п. «б» ст. 204 УПК РСФСР [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 18. Л. 363].

А.М. Мерварт же в 1931 г. признал себя виновным в участии в контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», в подготовке плана интервенции и разведывательной деятельности,

в том, что он член «Военного союза», призванного создать отряды «Стального шлема» — частной организации, руководимой германскими офицерами, и вообще агент германской секретной службы с 1913 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 7, 121, 132]. Его реабилитация состоялась вместе с основной группой главных фигурантов «Академического дела». Относительно А.М. Мерварта, Г.Г. Гульбина, Т.А. Корвин-Круковской и других [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 336] Военная коллегия Верховного суда СССР Определением № 4 Н-2729/59 20 июля 1967 г. решила: *«Постановление Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. отменить, и дело по ним прекратить за отсутствием события преступления* [Там же. Л. 356].

Л.А. Мерварт скончалась в Москве 9 сентября 1965 г.

Л.А. Мерварт внесла значительный вклад не только в российскую, но и в мировую индологию, стала одним из зачинателей российской малаистики. Она основала школу преподавания малайского и индонезийского языка в нашей стране [Алиева 2008; 2010]. Благодаря ее усилиям в фокус внимания отечественных специалистов попал опыт зарубежного музееведения, фонды МАЭ пополнились ценными индонезийскими коллекциями. Также был осуществлен обмен этнографическими коллекциями между МАЭ и лейденским Государственным этнографическим музеем, и сибирские коллекции стали доступны вниманию публики в Нидерландах.

В 1930 г. преемственность российской индологической школы в МАЭ прервалась. Личный состав отдела Индии МАЭ в 1930-е годы неоднократно менялся. Тем не менее экскурсии, лекции, доклады, учебники, публикации А.М. и Л.А. Мерварт 1920-х годов не забылись, их учили новые поколения петербургских индологов и малаистов.

Количество и качество собранных А.М. и Л.А. Мерварт материалов позволяют считать их одной из базисных составляющих отечественной этнографической индологии и малаистики, а также этнографического музееведения.

Заключение

Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. — значительное событие в российской науке (исторической, индологической, даже политической). Благодаря собранному ею материалам мир Индии и других стран Южной Азии стал приближен, жив и осязаем для посетителей МАЭ даже в те десятилетия, когда не было дипломатических отношений между нашими странами, когда предельно ограничились непосредственные контакты между нашими народами. Материалы экспедиции дали возможность развития индологических дисциплин в нашем обществе.

Это событие представляет собой и яркий эпизод в эволюции мирового индоведения. Мерварты свою работу строили как согласованную с мировыми задачами этнографического изучения Индии и сопредельных стран. Они стремились раскрыть и изучить те стороны этой культуры, которые были еще мало исследованы европейской наукой в целом. И тут же спешили делиться свежими находками (например, работа о малабарском театре *катхакали*).

Они вырабатывали свои методы и принципы научного изучения, полевой работы и коллекционных сборов, которые в их время только еще нащупывались и формировались в практике западных ученых. У них был свой опыт, и он бесценен как для истории, так и для современной научной практики.

На рубеже XIX–XX вв. в этой области было еще много дилетантизма. Поэтому их наработки оказались весьма современны и насущны. Многие из того, что они применили в своей работе, впоследствии мы обнаруживаем как устоявшиеся приемы и догмы в мировой этнографической науке.

Своей жизнью и трудом они дают высокий человеческий образец подлинной целеустремленности, трудолюбия, самоотверженности в служении избранному делу, незаурядный талант исследователей, во всех сторонах своей деятельности проявляя глубоко гуманистическое мировоззрение.

Памяти А.М. и Л.А. Мерварт

За Мервартами — в путь! Трудна дорога!
Прекрасна Индия, а на пути — шипы.
Рай — Керала, но вот змея шипит.
А так, конечно, это собственный штат Бога.

Калькутта — ад: ворье, жулье, лохмотья,
Но чист язык, и мудр ее поэт.
На Чоуринги — торг, но здесь же — свет —
Путь к знанию, музей. До них охоч я.

Мадрас — Ченнаи весел и открыт.
Здесь — Пантеон, здесь — теософов кущи.
Перипатетиком по ним — и снова в кучу
Людей, москитов, скутеры, Магритт.

Изобразил бы Дамой Многоглавой
Страну с ее седой и новой славой.

И.Ю. Котин

Источники и литература

Архивные источники

АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 44.

АВПРИ. Ф. 238. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 84.

АВПРИ. Ф. 238. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89.

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5.

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12.

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13.

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 14.

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17.

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 18.

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 520. С. 412–416. URL: [http://pkk.memo.ru/](http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000672.pdf)

[letters_pdf/000672.pdf](http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000672.pdf)

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Ед. хр. 150.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1906. Ед. хр. 153.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 159.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1916. Ед. хр. 163.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1917. Ед. хр. 164.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 165.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1921. Ед. хр. 169.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1922. Ед. хр. 170.

- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1923. Ед. хр. 172.
СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173.
СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1925. Ед. хр. 174.
СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1926. Ед. хр. 175
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 17.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 14.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 44.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 46.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 51.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 57.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 62.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 63.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 72.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 75.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1922. Ед. хр. 4.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1922. Ед. хр. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 3.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 4.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 6.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 7.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5.

- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 6.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 9.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 9.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 10.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 11.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 15.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 7.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 15.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1931. Ед. хр. 18.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 61.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 62.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 63.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 64.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 65.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 66.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 67.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 68.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 69.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 70.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 71.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 72.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 73.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 74.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 75.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 76.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 334.
СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24.

- СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1898. Ед. хр. 4.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1912. Ед. хр. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1916. Ед. хр. 8.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1921. Ед. хр. 17.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 74.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 14.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1918. Ед. хр. 17.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1923. Ед. хр. 19.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1924. Ед. хр. 25.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 5354.
СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 279.
СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 545.
СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 465.
СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 466.
СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 467.
СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 468.
СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 469.

Библиография

Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова / Отв. ред. В.П. Леонов. СПб.: Библиотека РАН, 1993. 296 с.

Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Ч. 1–3: Обвинение. Приговор. Реабилитация / Сост. М.П. Лепехин; отв. ред. В.П. Леонов. СПб.: Библиотека РАН, 2015. XXV, 1642 с.

Алиева Н.Ф. Л.А. Мерварт (1888–1965) — зачинатель индонезийской филологии в СССР // Слово об учителях: московские востоковеды 30–60-х годов. М.: Наука, 1988. С. 139–146.

Алиева Н.Ф. Людмила Александровна Мерварт. К 120-летию со дня рождения (1888–1965) // Малайско-индонезийские исследования. К 40-летию Общества Нусантара и 30-летию серии Малайско-индонезийских исследований. Вып. XVIII. М.: Ключ-С, 2008. С. 13–28.

Алиева Н.Ф. О вкладе российских лингвистов в австронезийское языкознание // Бюллетень 17. Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008». М.: Общество востоковедов, 2010. С. 27–53.

Альбедиль М.Ф. Индийские музыкальные инструменты (по материалам коллекции 2980) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 51–76. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Альбедиль М.Ф., Васильков Я.В. Виды индийских аскетов (по материалам коллекции 2993 в собрании МАЭ) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 11–50. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Альбедиль М.Ф., Кисляков В.Н., Ревуненкова Е.В. Индия. Индонезия: путеводитель. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 94 с.

Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за 7 дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е гг. // От классиков к марксизму: стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII).

Андреев А.Р., Бережков В. Оккультисты Лубянки. М.: Издатель Быстров, 2006. 113 с.

Бруниус С., Соболева Е.С. Сибирские коллекции в Стокгольмском этнографическом музее: к истории российско-шведского сотрудничества // Сибирский сборник — 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 474–483.

Булгаков Ф.И. Герасим Степанович Лебедев: русский путешественник-музыкант в Индии в конце XVIII века // Исторический вестник. 1880. Т. 3. С. 515–524.

Бухерт В. Г. «Необходимо укрепить изучение зарубежного Востока». Л.А. Мерварт — сотрудница Института истории АН СССР. 1938 г. // Восточный архив. 2017. № 2 (36). С. 53–60.

Ванина Е. Чума в Бомбее: свидетельства индийского учителя и русских врачей // Смерть в Махаращре. Воображение. Восприятие. Воплощение. М.: Наталис, 2012. С. 411–438.

Васильков Я.В. Книга Хаята Мамуда о Лебедеве — ответный дар России от Бенгалии // Мамут Х. Герасим Степанович Лебедев. Ярославль: Академия 76, 2012. С. 3–28.

Васильков Я.В. О «штиглицевских» коллекциях МАЭ РАН и об их собирателе // Кунсткамера: коллекции и их хранители. Памяти Зои Леонидовны Пугач / Отв. ред. В.Н. Семенова. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 92–101. (Сборник МАЭ. Т. LXII).

Вигасин А.А. Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М.: Восточная литература, 2003. С. 375–398.

Всеволодов И., Никифоров А. Настоящая радуга. Рассказы о русских путешественниках в Бирме. М.: Наука, 1973. 173 с.

Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/research/grekov/index.html> (дата обращения: 16.03.2018).

Государственный Большой драматический театр им. М. Горького 1919–1939. Л.: Изд-во ГБДТ, 1939. 236 с.

Записки Неофилологического общества при С.-Петербургском университете. СПб., 1914. Вып. VII.

Злоключения преподобного Горемыки и его пяти учеников / Пер. и примеч. А.М. Мерварта // Вестник иностранной литературы. 1928. № 12. С. 45–66.

Императорская Академия наук 1889–1914. Т. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1. Пг.: тип. Российской Академии наук, 1917. 609 с.

Кало Г. Бидасари. Индонезийские сказки / Предисл. и примеч. Л.А. Мерварт. М.: Наука, 1967. 78 с.

Кисляков В.Н. Индонезийские коллекции МАЭ из Лейденского музея // Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия: народы, культура, история: Маклаевские чтения (1998–2000): Крат. содерж. докл. / Отв. ред. А.М. Решетов. СПб.: МАЭ РАН, 2001. С. 150–156.

Корвин-Круковская Т.А. // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подг. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина.

СПб.: Петербургское востоковедение. 2003. 496 с. URL: <http://memory.pvost.org/pages/korvin.html> (дата обращения: 16.03.2018).

Корвин-Круковская Т.А. К истории магических и колдовских приемов в Индии // Сборник МАЭ. 1929. Т. VIII. С. 196–214.

Котин И.Ю. Европейский контекст коллекции индийского оружия МАЭ РАН // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2014а. С. 98–116. (Сборник МАЭ. Т. LVIII).

Котин И.Ю. Пространство и время в Национальном музее Коломбо // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014б. С. 221–227.

Котин И.Ю. По следам Мервартов: Коломбо и Галле в 1914 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 15. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 280–290.

Котин И.Ю. А.М. Мерварт — создатель и хранитель индийского отдела МАЭ // Кунсткамера: коллекции и хранители. Памяти Зои Леонидовны Пугач. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 102–113. (Сборник МАЭ. Т. LXII).

Котин И.Ю. А.М. Мерварт как биограф Г.С. Лебедева // Верхневолжский филологический сборник. Вып. 4. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2017. С. 19–27.

Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Стратегия пополнения этнографических коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в начале XX в. (экспедиция Мервартов в Южную Азию) // Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики: мат-лы XII Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: СПГУТД, 2013. С. 326–332.

Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. А.М. Мерварт и индология: программы и проекты 1920-х годов // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. XIV: Преподобный Сергей Радонежский в жизни и творчестве Рерихов. Проблемы и перспективы сохранения Рериховского наследия. СПб.: СПбГМИСР, 2015. С. 277–304.

Котин И.Ю., Соболева Е.С. Украшения-монеты и «украшения-деньги» у народов Южной Азии (по коллекциям А.М. и Л.А. Мерварт) // Богатство и престиж в традиционной культуре: мат-лы XIII Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2014. С. 256–260.

Котин И.Ю., Соболева Е.С. Индийское оружие из коллекции А.М. и Л.А. Мервартов // *Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии* / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 189–198. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Котин И.Ю., Соболева Е.С. О перспективах изучения этнической орнаментики в регионе Южной Азии по коллекциям А.М. и Л.А. Мервартов // *Орнаментика в артефактах традиционных культур: мат-лы XV междунар. Санкт-Петербургских этнографических чтений*. СПб.: ИПЦ СПГУДТ, 2016. С. 306–311.

Котин И.Ю., Соболева Е.С. По следам Мервартов: индийский маршрут // *Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 16: Памяти наших коллег-полевиков* / Под ред. Е.Г. Федоровой. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 317–328.

Краснодембская Н.Г. Русские исследователи на Цейлоне // *Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 12–13.

Краснодембская Н.Г. Расписная сингальская керамика в собраниях МАЭ // *Сборник МАЭ. Т. XXV*. Л.: Наука, 1969. С. 195–212.

Краснодембская Н.Г. Цейлонская коллекция МАЭ (экспедиция Академии наук 1914–1918 гг.) // *Культура народов Зарубежной Азии* / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Л.: Наука, 1973. С. 158–171. (Сборник МАЭ. Т. XXIX).

Краснодембская Н.Г. Рисунки сингальского культа «бали» // *Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра* / Отв. ред. А.М. Решетов. Л.: Наука, 1980. С. 135–143. (Сборник МАЭ. Т. XXXV).

Краснодембская Н.Г. Традиционное мировоззрение сингалов (обряды и верования). М.: Наука, 1982. 213 с.

Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М.: Наука, 1983. 108 с.

Краснодембская Н.Г. Труженики и романтики этнографической науки // *Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 11*. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 315–325.

Краснодембская Н.Г. Петербург — Индия: об этнографической экспедиции музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) 1914 года // *Санкт-Петербург — Индия. История и Современность*. СПб.: Европейский Дом, 2009. С. 241–249.

Краснодембская Н.Г. Бестужевка Л.А. Мерварт и ее роль в российской индологии (история женщины и ученого) // Частное и общественное: гендерный аспект: мат-лы IV междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклай РАН, 20–22 октября 2011 г., Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 542–545.

Краснодембская Н.Г. Л. Я. Штернберг и индийская экспедиция МАЭ // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 32–65.

Краснодембская Н.Г. В Национальном музее Шри-Ланки (сентябрь 2013 г.) // Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики: мат-лы XII Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: СПГУТД, 2013. С. 78–81.

Краснодембская Н.Г. Плетение у сингалов (предварительное исследование по материалам коллекций МАЭ и полевым наблюдениям) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 123–141. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Краснодембская Н.Г. Об опыте полевой работы в сингальской среде. Часть I. Из уроков Людмилы Мерварт. Начало XX в. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 16: Памяти наших коллег-полеводов / Под ред. Е. Г. Федоровой. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 337–355.

Краснодембская Н.Г., Калинина И.В. О технологии изготовления сингальской керамики (по коллекциям МАЭ и полевым источникам) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 77–99. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Краснодембская Н.Г., Кисляков В.Н., Соболева Е.С. М.С. Андреев как пионер формирования методики научно-собирательской деятельности МАЭ (по материалам восточных коллекций МАЭ РАН и архива РАН) // Полевые этнографические исследования: мат-лы VIII Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 335–340.

Краснодембская Н.Г., Котин И.Ю., Соболева Е.С. Малабарский театр катхакали в материалах экспедиции Музея антропологии и этнографии 1914–1918 гг. // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии

и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: Тез. докл. / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. С. 140–141.

Краснодембская Н.Г., Меренкова О.Н. Шри Ланка: изделия из черепахового панциря в прошлом и настоящем (по материалам коллекции А.М. и Л.А. Мервартов) // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 115–128.

Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Мечта об Императорском зале: неизвестные идеи устройства МАЭ РАН (конец XIX — начало XX века) // Россия — Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: мат-лы XV Царскосельской науч. конф.: в 2 ч. СПб.: ГМЗ «Царское Село», 2009. Ч. 1. С. 257–266.

Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Становление индологического направления научных исследований МАЭ в эпоху Радлова и Штернберга (по архивным материалам) // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 203–232.

Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. МАЭ в судьбе востоковеда М.С. Андреева — исследователя Центральной Азии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков, ред.-сост. Т.И. Юсупова. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 196–204.

Кроллау Н., Котин И. Индийские коллекции в британских музеях. Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing, 2013. 311 с.

Кудрявцев М.К. Фрагмент дворца из г. Насик (Индия) // Сборник МАЭ. Т. XIV. М.; Л.: Наука, 1953. С. 140–146.

Купина Ю.А. Утраты или приобретения? (История коллекционных обменов МАЭ РАН с американскими музеями) // Курьер Петровской Кунсткамеры. 2004. Вып. 10–11. С. 52–85.

Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль: Академия развития, 2009. 128 с.

Лебедева А.А., Соболева Е.С. Водный транспорт на Цейлоне в начале XX века (по коллекциям МАЭ) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 100–122. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Левин А.М. Отчет о командировке в Индию в 1897 г. для изучения чумной эпидемии доцента Военно-Медицинской Академии, старшего врача Обуховской больницы А.М. Левина. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1897. 45 с.

Левина-Мерварт Л.А. К вопросу о роли немецких грамматиков XV–XVI вв. и их школ в образовании немецкого литературного языка // Записки Неофилологического общества при Императорском Петроградском университете. Вып. VIII. Сборник в честь проф. Ф.А. Брауна. Пг.: [б/и], 1916. С. 128–140.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александрия, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культур. 472 с.

Люстерник Е.Я. Научная экспедиция А.М. и Л.А. Мервартов в Индию в 1914–1918 гг. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. IV. Л.: ЛГУ, 1975. С. 58–63.

Мамут Х. Герасим Степанович Лебедев. Ярославль: Академия 76, 2012. 447 с.

Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. 552 с.

Маретина С.А. «Рамаяна» в бенгальском кукольном театре // Сборник МАЭ. Т. XXI. Л.: Наука, 1963. С. 252–266.

Мерварт А.М. Роль музеев в культуре современной Индии // Научный работник. 1926. № 2. С. 84–96.

Мерварт А.М. Достижения и проблемы индийской этнографии // Этнография. 1927а. Т. 3, № 1. С. 123–156.

Мерварт А.М. Музейное дело в Индии // Известия ГАИМК. М.; Л.: Соцэкгиз, 1927б. Т. 5. С. 139–156.

Мерварт А.М. Отдел Индии: краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1927в. 96 с., [1] вклад. л. карт.: ил., план. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_04/guide_1927/ (дата обращения: 16.03.2018).

Мерварт А.М. Сюжет Сакунталы в малабарской народной драме // Восточные записки. Л.: Ленинградский институт живых восточных языков, 1927. Т. 1. С. 117–130.

Мерварт А.М. Элемент народного творчества в классической драме древней Индии // Сборник МАЭ. Т. VII. Л.: Наука, 1928. С. 267–282.

Мерварт А.М. Индийский народный театр // Восточный театр / Под. ред. А.М. Мерварта. Л.: Academia, 1929а. С. 16–111.

Мерварт А.М. Грамматика тамильского разговорного языка. Л.: Ленинградский Восточный институт им. А.С. Енукидзе, 1929б. 228 с. (второе издание — 1932 г.).

Мерварт А.М., Мерварт Л.А. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л.: Изд-во Академии Наук СССР. 1927. 24 с.

Мерварт А.М., Мерварт Л.А. В глуши Цейлона. (Путевые заметки участников экспедиции Академии наук в Индию и на Цейлон в 1914–1918 гг.). Л.: Изд-во П.П. Сойкина, 1929. 68 с.

Мерварт А.М., Мерварт Л.А. В глуши Цейлона (путевые заметки участников экспедиции Академии наук в Индию и на Цейлон в 1914–1918 гг.) // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 11. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 326–351; Вып. 12. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 333–376.

Мерварт Л.А. Обрядовые уборы кашмирских брахманов // Сборник МАЭ. Л., 1927а. Т. VI. С. 165–209.

Мерварт Л.А. Техника сказывания сказок у сингальцев // Сказочная комиссия в 1926 г. Л.: Изд-во Государственного Русского географического общества, 1927б. С. 50–59.

Мерварт Л.А. Малайский театр // Восточный театр / Под ред. А.М. Мерварта. Л.: Academia, 1929а. С. 112–195.

Мерварт Л.А. Сказания о Паттини-деви // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VII. Л.: Наука, 1929б. С. 242–266.

Мерварт Л. Арктические экспедиции 1934 г. за рубежом // Вестник Академии наук. 1935. № 12. С. 65–68.

Мерварт Л.А. Индийский театр // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 28: Империалистическая война — Интерполяция. М.: ОГИЗ РСФСР, 1937. С. 150–151.

Мерварт Л.А. Учебник малайского языка. М.: Воен. ин-т иностр. языков, 1947 (стеклограф).

Мерварт Л.А. Учебное пособие по малайскому языку для 1-го курса: уроки 1–11. М.: МИВ, 1950 (стеклограф).

Мерварт Л.А. Образцы малайской литературы. Ч.1: Классическая литература. М.: МИВ, 1951 (стеклограф).

Мерварт Л.А. Учебник индонезийского языка: 1 курс, уроки 1–11. М.: МГИМО, 1954–1955 (стеклограф).

Мерварт Л.А. Бексан // Театральная энциклопедия. Т. I: А — Глобус. М.: Советская энциклопедия, 1961. С. 488–489.

Мерварт Л.А. Ваянг // Театральная энциклопедия. Т. I: А — Глобус. М.: Советская энциклопедия, 1961. С. 871–872.

Мерварт Л.А. Даланг // Театральная энциклопедия. Т. II: Гловацкий — Кетуракис. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 279–280.

Мерварт Л.А. Как бестужевки впервые сдавали государственные экзамены // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские)

курсы (1878–1918). Сборник статей. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. С. 244–247.

Мерварт Л.А. Сказание о Санг Боме: пер. с малайск. М.: Наука, 1973. 310 с.

Мерварт Л.А., Демин Л.М. Индонезийский театр и драматургия // Театральная энциклопедия. Т. II: Гловацкий – Кетуракис. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 878–882.

Минаев И.П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского: в 2 ч. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1878. Ч. 1. [4], VI, 284, [1] с. Ч. 2. [4], 240, II, [2] с.

Мозоль Е.В. Книжная коллекция Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мервартов в библиотеке МАЭ // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 95–100.

Мозоль Е.В. Ботаническая коллекция лекарственных трав из Индии № 4689 // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 360–371.

Можейко И. Королева кобр // Вокруг света. 1966. № 1. С. 65–69.

Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управления В.В. Радлова 1894–1906 // Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 года). СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1907. С. 27–109.

Неверман Г. Голос буйвола: малайские (индонез.) нар. песни / Пер. с нем. А. Жовтиса и Г. Пермякова; под ред. и с предисл. Л. Мерварт. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 310 с.

Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого за 1915 год. Пг.: [б/и], 1916. 26 с.

Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого за 1916 год. Пг.: [б/и], 1917. 35 с.

Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого за 1917 год. Пг.: [б/и], 1918. 23 с.

Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 163–234.

Прищепова В.А. К этнографии народов Средней Азии и Казахстана: Материалы Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1926–1929 гг. (по архивным данным) // Этническая и этносоциальная

история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 186–249.

Просветов И.В. «Крестный отец» Штирлица. М.: Вече, 2015. 320 с.

Русские на Цейлоне в XIX — начале XX в.: сборник архивных документов и материалов / Сост., автор предисл. и примеч. Т.Н. Загородникова. М.: ИВ РАН, 2010. 283 с.

Русско-индийские отношения в XIX в.: сборник архивных документов и материалов / Отв. ред. Т.Н. Загородникова, П.М. Шаститко. М.: Восточная литература, 1997. 374 с.

Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.: сборник архивных документов и материалов / Отв. ред. Т.Н. Загородникова, П.М. Шаститко. М.: Восточная литература, 1999. 527 с.

Сказание о Сери Раме. Индонезийская Рамаяна / Пер. с индонез., предисл. и примеч. Л.А. Мерварт. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 305 с.

Сказки и легенды Южного Сулавеси / Пер. А. Теселкина и В. Шершеневича; отв. ред. и автор предисл. Л.А. Мерварт. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 97 с.

Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне. 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.

Снесарев А.Е. Этнографическая Индия. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1981. 279 с.

Соболева Е.С. Датские колониальные предприятия в Азии (XVII–XIX вв.) // Скандинавские чтения 2002 г.: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 230–235.

Соболева Е.С. Попечительный Совет МАЭ в 1909–1914 гг.: роль Ф.Ю. Шотлендера в созидании музея // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 225–231.

Соболева Е.С. Братья Ганс и Герман Мейеры как созидатели Музея антропологии и этнографии в конце XIX — начале XX веков // Россия и Германия. 2011. № 1. С. 48–53.

Соболева Е.С. Эмануил Людвигович Нобель — член Попечительского Совета Музея антропологии и этнографии // Скандинавские чтения 2010 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 635–646.

Соболева Е.С. Иосиф Иосифович Леман — попечитель академического Музея антропологии и этнографии // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. Вып. 7. СПб.: МАЭ РАН, 2013а. С. 168–180.

Соболева Е.С. А.П. фон дер Остен-Дризен — попечитель МАЭ в начале XX века // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. СПб.: МАЭ РАН, 2013б. Вып. 8. С. 216–225.

Соболева Е.С. А. Грюнведель и становление индологии в Берлинском музее народоведения в начале XX века // Тринадцатая международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. XIII: История изучения Азии. Новые открытия. От Серебряного века русской культуры к современности / Отв. ред. А.А. Бондаренко, В.Л. Мельников. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2014а. С. 77–87.

Соболева Е.С. К истории сотрудничества этнографических музеев Санкт-Петербурга и Австралии в начале XX века // Санкт-Петербург — Австралия. СПб.: Европейский Дом, 2014б. С. 280–302. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).

Соболева Е.С. Коллекции из Великобритании в МАЭ (конец XIX — начало XX вв.) // Санкт-Петербург — Великобритания XVIII–XXI вв. СПб.: Европейский Дом, 2014в. С. 323–330.

Соболева Е.С. Культура Южной Азии в музеях начале XX века (по письмам Г.Х. Мерварта) // Тринадцатая международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. XIII: История изучения Азии. Новые открытия. От Серебряного века русской культуры к современности. / Отв. ред. А.А. Бондаренко, В.Л. Мельников. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2014г. С. 244–251.

Соболева Е.С. Основные направления работы МАЭ с фотоматериалами в конце XIX — начале XX века // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. СПб., 2014д. С. 257–286. (Сборник МАЭ. Т. LIX)

Соболева Е.С. Пространство и время в Национальном музее Галле (Шри Ланка) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014е. С. 103–108.

Соболева Е.С. Формирование традиций преподавания индологии в вузах Санкт-Петербурга. XX век // Межкультурный диалог в современном мире: мал-ты междунар. науч.-практ. конф. в Санкт-Петербургском государственном университете 12 мая 2014 г. СПб.: СПбГУ, 2014ж. С. 12–19.

Соболева Е.С. Индийское оружие в собрании Федора Ягора // Кюнеровский сборник. Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований: этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение 2013–2015 гг. Вып. 8. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 535–541.

Соболева Е.С. Программы по востоковедению в работе Рабоче-Крестьянского Радиоуниверситета в 1920-е годы // Петербургский Рериховский сборник. Вып. X. СПб.: СПбГМИРС, 2017. С. 148–161.

Соболева Е.С., Краснодембская Н.Г., Котин И.Ю. Торговые традиции в Южной Азии и практическая этнография глазами Л.А. Мерварт // Торговля в этнокультурном измерении: мат-лы XIV междунар. Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. ред. В.М. Грусман, Е.Е. Герасименко. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. С. 29–34.

Театр народов Востока: путеводитель по выставке, устроенной в большом конференц-зале Академии 26 марта — 9 апреля 1927 г. Л.: АН СССР, 1927. 18 с.

Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя-наследника цесаревича Николая Александровича: 1890–1892 гг. Лейпциг, 1893. Т. 1–2.

Чаттерджи Б. Саиб пришел. Роман / пер. с бенгал. яз. Т.А. Корвин-Круковской. Б/м, 1928. 253 с. (Библиотека всемирной литературы).

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Дополнительные тома. Т. II (3): Кошбух — Прустик. СПб.: тип. Акц. общ-ва Брокгауз-Ефрон, 1906. 491 с.

Янковская Е.П. К типологии индийских вееров (по материалам коллекций МАЭ и РЭМ) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии / Отв. ред. М. А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 142–169. (Сборник МАЭ. Т. LXI).

Anthropological Gallery. Indian Museum, Calcutta. A Short Guide. Calcutta: Indian Museum, 1959. 63 p.

Archer M., Powell Ch., Skelton R. Treasures from India. The Clive Collection at Powis Castle. L.: The Herbert Press and National Trust, 1987. 144 p.

Desmond R. The India Museum 1801–1879. — London: Her Majesty's Stationary Office, 1982. 215 p.

Deux siècles d'histoire de l'École des langues orientales. Paris: Editions Hervas, 1995. 478 p.

Meerwarth A.M. The Dramas of Bhasa: A Literary Study // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS). 1917a. Vol. XIII, № 5. P. 261–280.

Meerwarth A.M. A Guide to the Collection of Musical Instruments Exhibited in the Ethnographic Gallery of the Indian Museum, Calcutta. Published by the Director, Zoological Survey of India, Calcutta. Calcutta: Superintendent Government Printing, 1917b. 34 p.

Meerwarth A.M. The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam: Ethnographic Gallery Guide. Book 2. Calcutta: Superintendent of Government Printing, India, 1919. 51 p., VI pl.

Meerwarth A.M. The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam. With a new introduction by Dr. N.N. Acharyya. Pan Bazar; Gauhati: Spectrum Publications, 1980. 51 p., VI pl.

Meerwarth A.M. Les Kathakalis du Malabar // *Journal Asiatique*. 1926. Vol. 4. P. 198–284.

Meerwarth A.M. The History of the Intervocalic Stops in the Dravidian Languages // Доклады Академии наук СССР: Серия В. 1928. №. 7. P. 142–149.

Meerwarth H. Outlines of Sinhalese Folklore // *Ceylon Antiquary and Literary Register*. Vol. I, pt. 1. 1915. P. 4–7.

Meerwarth-Levina L. The Hindu Goddess Pattini in the Buddhist Popular Beliefs of Ceylon // *Ceylon Antiquary and Literary Register*. 1916–1917. Vol. I, pt. 1. P. 29–37.

Parker H. Village Folk-Tales of Ceylon. London: Luzac & Co., Publishers to the India Office. 1910. Vol. 1. 381 p.; 1914. Vol. 2. 438 p.; 1914. Vol. 3. 450 p.

Review by: H. Ling Roth: A Guide to the Collection of Musical Instruments Exhibited in the Indian Museum, Calcutta. By A.M. Meerwarth // *Man*. 1919. Vol. 19, Jan. P. 14.

Risley H.H., Crooke W. The People of India. Calcutta; Simla: Thacker, Spink & co.; London: W. Thacker & co, 1915. 676 p.

Pogadaev V. L.A. Mervart (1888–1965) // *Jurnal Dewan Bahasa* 1996. Vol. 40, № 3. Kuala Lumpur: DBP. P.

Rijks Ethnografisch Museum te Leiden. Verslag van den Directeum over het Jaar 1928. 's-Gravenhage: Algemeene Landsdrukkerij, 1928. 10 S. (Ministerie van Onderwijs et Wetenschappen).

Russel R.V., Lāl Rai Bahadur Hira. The tribes and castes of the Central Provinces of India. Vols. 1–4. L.: Macmillan and Co., 1916.

Weigelt U. Lucian Scherman (1864–1946) und das Münchner Museum für Völkerkunde. München: Verlag des Staatlichen Museums für Völkerkunde, 2003. 232 S.

Список сокращений

- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
- АН — Академия наук
- Архив УФСБ по СПб. и ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
- БАН — Библиотека Академии наук
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
- ВХУТЕИН — Высший художественно-технический институт
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГДУ — Государственный Дальневосточный университет
- ГИИНС — Государственное издательство иностранных и национальных словарей
- Главнаука — Главное управление научных учреждений
- ГПУ — Главное политическое управление
- ДВУ — Дальневосточный университет
- ДНП — Департамент народного просвещения
- ДПЗ — Дом предварительного заключения

- ИАН — Императорская Академия наук
ИЖВЯЗ — Институт живых восточных языков
ИТЛ — Исправительно-трудовой лагерь
ИФО — Историко-филологическое отделение
ИЭ — Институт этнографии
ЛВО — Ленинградский военный округ
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛООНО — Ленинградский областной отдел народного образования
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГИМО — Московский государственный институт международных отношений
МИД — Министерство иностранных дел
МИР — Музей истории религии Академии наук СССР
МНП — Министерство народного просвещения
МОПР — Международная организация помощи борцам революции
НарКомПрос — Народный комиссариат просвещения
НИИ — научно-исследовательский институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВТ — Наркомвнешторг, Народный комиссариат внешней торговли
НКИД — Наркоминдел, Народный комиссариат иностранных дел
НКПС — Наркомпуть, Народный комиссариат путей сообщения
НКФ — Наркомфин, Народный комиссариат финансов
ОВС — Особое Валютное Совещание при НКФ
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОИНФ — Отделение исторических наук и филологии
ПП — Полномочное представительство

- РАН — Российская академия наук
- РГИА — Российский государственный исторический архив
- РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- СНК — Совет народных комиссаров
- СО — Секретный отдел
- СОПС — Совет по изучению производительных сил
- СОУ — Секретно-оперативное управление
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- ТЮЗ — Театр юных зрителей
- УД — Управление делами
- УК — Уголовный кодекс
- УПК — Уголовно-процессуальный кодекс
- ЦК — Центральный комитет
- ЦК КПБУ — Центральный комитет Коммунистической партии большевиков Украины
- ЦТК — Центральные транспортные курсы при ТО (Транспортном отделе)
- Чаеуправление — Государственный чайный, кофейный и цикорный трест
- ENLVO — École Nationale des Langues Vivantes Orientales

Приложение

**Академическая переписка (1914–1924 гг.)
по экспедиции МАЭ
на Цейлон и в Индию 1914–1918 гг.**

Письмо Мервартов В.В. Радлову (на черно-белой открытке «Новороссийск. Серебряковская улица, № 13») 18.04.1914.

Его Высокопревосходительству Василию Васильевичу Радлову. Санкт-Петербург, Вас. Остр., 7-ая линия, д. 2.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич,

Шлем Вам теплый летний привет из Новороссийска, куда наш пароход зашел за грузом «по дороге» в Константинополь. Пока всё идет хорошо. Пароход большой и хороший. Пассажиров немного. По дороге сюда мы шли мимо южного берега Крыма. Как это красиво! Здесь пароход должен стоять пять суток. Всего самого хорошего Вам и Вашим. Л. Мерварт-Левина и Г.Х. Мерварт.

[СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 2–2 об.]

Письмо Мервартов В.В. Радлову (на цветной открытке Salut de Constantinople. Le Grand Bazar) 04.1914.

Россия, Его Превосходительству Василию Васильевичу Радлову. Санкт-Петербург, В.О., 7 л., д. 2.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич,

Вот первое знакомство с Востоком. Уехали с большим опозданием. Поэтому только сегодня в К<онстантинополе>. Прошу Вас, передайте, пожалуйста, наш сердечный привет всем сослуживцам от искренне уважающих Вас Г. и Л. Мерварт.

[СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 1–1 об.]

Письмо Л.А. Левиной-Мерварт В.В. Радлову (на бланке с ил. Grand Orient Hotel, Colombo, Ceylon). 3.06.1914.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Завтра уходит первая почта в Европу с тех пор, как мы здесь. С нею идут и первые известия о нашем путешествии. До Коломбо мы доехали вполне благополучно, не страдавши даже от морской болезни. Расплатившись на пароходе, мы сошли на землю с 539 англ. фунтами в кармане. Из 7700 руб., полученных нами на экспедицию, истрачено на снаряжение 2028 руб. 74 коп., а на дорогу Петербург — Коломбо 574 руб. 50 коп. Остаток и составляет 539 фунт.

В цифру расходов на снаряжение экспедиции входят 934 руб. 90 коп. на фотографические принадлежности (в т.ч. 450 руб. первый взнос за кинематограф), 140 руб. за седла и обучение верховой езде, 120 руб. за бинокли, запасные очки и т.д., 42 руб. стоимость аккредитива и 791 руб. 84 коп. за наше оборудование, книги, краски и др. расходы.

В расходы на дорогу я включила и 15 фунтов, истраченные в Порт-Саиде на пополнение снаряжения вещами, покупать которые в Петербурге стоило бы дороже.

Сюда мы приехали 16/29-го мая, и за эти 5 дней, что мы здесь, благодаря заботливой любезности здешнего нашего консула Б.П. Кадомцева и предупредительности, с какой директор и особенно остальные служащие музея идут навстречу всем нашим желаниям, дело начинает идти на лад. Утро с 8 ч. до 12 ч. мы проводим в Музее, тут два хранителя (один сингалец, другой тамиль) освобождены директором на время нашего пребывания здесь от всяких обязанностей и прикомандированы к нам. Один из них нашел нам учителя тамильского языка, у которого Герман Христианович ежедневно берет уроки. Я же в это время изучаю сингальский язык. Кроме того, один из этих хранителей, г. Jayasinha, познакомил Германа Христиановича с здешним главным буддийским жрецом, который занимается с ним ежедневно Pāli. Ввиду этого Герм<ан> Хр<истианович> думает остаться в Коломбо месяца на два. Я же, когда покончу с музеем, думаю уехать в Kandy.

Одновременно с окончанием этого изучения я думаю покончить уже и все нужные и возможные здесь покупки. После полудня я хожу по базарам, улицам, etc. с боу'ем (директор Музея Mr. Pearson достал очень толкового сингальца), и я показываю ему, какие вещи он должен потом купить. Вечером он их приносит, и таким образом мы платим едва ли много дороже местных цен. Музей же указал нам человека, которому заказываем модели. Многие вещи придется собирать в Kandy и в деревнях в горах. Очень важно было бы получить костюмы и уборы кандийских вождей и их женщин. Вчера, в день рождения английского короля, мы были на рауте у губернатора и могли рассмотреть их очень подробно. Купить их едва ли представляется возможным, да и стоили бы они не одну тысячу рупий, но консул говорит, что за медаль они бы, вероятно, охотно пожертвовали бы их Музею и, может быть, не только их.

Вообще, если бы только возможно было бы иметь здесь несколько медалей, жетонов или иных наградных знаков за спешествование процветанию Музея, то они могли бы сыграть большую роль. Мне помнится, что этот проект уже обсуждался у Вас в ноябре вместе с Prof. Grünwedel'ем и был признан исполнимым при том условии, чтобы нагрудный знак этот не имел бы изображения государственного герба.

Кроме того, у нас есть еще одна просьба. Здесь мы узнали, что Андреев везет Музею коллекцию в тридцати ящиках, — так не найдет ли кто-нибудь в Музее времени сообщить нам о составе этой коллекции, чтобы мы не приобрели дубликатов.

Вот, кажется, и всё самое главное. О впечатлениях же наших нарочно ничего не пишу, а то никогда не кончу.

Герм<ан> Хр<истианович> (он сейчас в монастыре у буддистов) и я шлем Вам, глубокоуважаемый Василий Васильевич, Вашим и всем в Музее пожелания всего самого хорошего.

Искренне преданная Вам Людмила Левина-Мерварт

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 174–175 об., 200–201 об.]. Опубликовано: [Русские на Цейлоне 2010: 232–234, № 91; Русско-индийские отношения 1997: 396–397, № 295].

Письмо Л.А. Левиной-Мерварт В.В. Радлову (на бланке с ил. *Grand Orient Hotel, Colombo, Ceylon*). 12/25.06.1914, четверг

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Пишу Вам из Коломбо, где живу теперь одна. Герману Христиановичу пришлось уехать в Кенди. Он простудился, и у него сделался припадок невралгии. Это с ним уже было три года тому назад в Петербурге, и он тогда пролежал почти два месяца. Теперь я надеюсь, что припадок был захвачен в самом начале и что если в Кенди будет менее сыро, чем здесь, то он оправится через неделю или две. Муссон теперь в полном разгаре, идут отчаянные дожди, воздух весь пропитан влагой, т.ч. руки всё время мокрые, платье сырое. Кенди лежит сравнительно высоко в горах и поэтому значительнее суше.

В скором времени прибудет сюда судно Добровольного Флота по дороге в Одессу и возьмет первую Цейлонскую коллекцию. В нее входит собрание театральных масок, регистрация которых была мною сделана пока очень суммарно. Дело в том, что пьесы народного репертуара — бурлески, напоминающие ателланы¹, — сколько мне известно, не существуют в переводе.

В сингальских же оригиналах я еще пока разобраться не могла. То, что я собрала пока, представляет, по-видимому, любопытный материал юмористически-нравоучительного характера. Прежде всего, конечно, придется всё это перевести. Это относится также и к песням демонических танцев: они также не существуют в переводе. Здешний музей имеет несколько манускриптов таких церемоний, и мы думаем заказать копии тех из них, которые нельзя получить иначе.

Деньги у нас пока есть, но так как это письмо дойдет до Вас почти что через месяц от сегодняшнего дня, то мы попросили бы Вас перевести нам вторую половину пожертвования Игнатьева (это,

¹ Ателлана (от лат. *fabula atellana*) — букв. «басни из Ателлы» (совр. город Аверса в Кампанье). Созданные во II в. н. э. короткие фарсовые представления в духе буффонады, в которых действовали четыре стереотипных и гротескных персонажа (маски народной итальянской комедии).

кажется, шесть тыс. руб.) уже не почтою, а по телеграфу, чтобы не пришлось не вовремя прекратить покупки и упустить что-нибудь интересное. Пока что мы будем собирать тем же темпом, как и до сих пор, рассчитывая на получение следующей суммы около 12/25 июля.

Работы здесь столько, что нам по всей вероятности придется пробыть на острове еще до половины сентября. Притом же здесь Герман Христианович может хорошо изучать южный буддизм, что особенно важно ввиду важности для России буддизма северного.

Да, я забыла еще одну деловую подробность. Для того чтобы возможно меньше потерять на переводе, придется, если это возможно по телеграфу, посылать сюда деньги всегда английским золотом (English pounds in gold).

А теперь, глубокоуважаемый Василий Васильевич, за Германа Христиановича и за себя, искренне желаю Вам, Вашим и всем в Музее всего самого хорошего.

Преданная Вам Людмила Левина-Мерварт

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 197–199 об.] Опубликовано: [Русские на Цейлоне 2010: 234–235, № 91; Русско-индийские отношения 1997: 398, № 296].

Письмо Г.Х. и Л.А. Мерварт В.В. Радлову (на бланке с ил. Grand Oriental Hotel Colombo, Ceylon). 14–1.07.1914.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

К крайнему нашему огорчению сегодня из письма Бернгарда Эдуардовича [Петри] узнали, что Вы были больны. Надеюсь, что Вы теперь уже поправились и за лето совсем отдохнете. Работа здесь идет довольно удачно. Мы завели знакомство с одним здешним очень богатым помещиком сингальского происхождения Mr. Rajaraksee, который имеет большие кокосовые плантации.

Он обещал нам полную коллекцию всех продуктов кокосовой пальмы (дерево, лист, ореховая скорлупа и т.д.), которая в жизни жителей острова играет такую огромную роль. Эта коллекция будет, насколько я мог убедиться по выставленной в здешнем Музее коллекции, очень интересная и поучительная. Rajaraksee сказал, что считает за большую честь подарить эту коллекцию нашему

Музею. Так как эти предметы почти все будут специально сделаны и некоторые придется ему выписать и разыскать, то он только через три месяца сможет отослать коллекцию.

Этот господин, вероятно, и для других целей окажется полезным. Во всяком случае, было бы хорошо по получении коллекции, которая будет довольно ценная, послать ему официальную благодарность Музею с печатью и Вашей подписью. Это ему будет очень приятно и подбодрит его, может быть, к другим подобным подвигам. Он Mudgaliyar, т.е. князь и начальник округа, и имеет как таковой большое влияние.

Занимаюсь усиленно Буддизмом и Пали, надеюсь получить здесь довольно хорошее представление о южном Буддизме. Повезло мне с учителем.

Он признан первым авторитетом по палийскому языку и Буддизму на острове. Очень образованный, знающий человек, с которым очень приятно заниматься. Мы для начала читаем Dhammapadam с комментарием, занятия ведутся то на пали, то на санскрите. Так как он по-английски довольно плохо знает, приходится пользоваться этими языками. Это, конечно, только приятно. Знакомство с этим священником мне и для других целей весьма полезно. Во-первых, через него нам открыт доступ ко всем монастырям, монахам, монастырским книгохранилищам и к народу.

Роль Bhikkhu здесь громадная, и его слово — закон. Мы 11-го с ним поехали в Point de Galle, в главный город южных провинций. Была там очень интересная церемония посвящения подаренной монастырю земли, на которой будет построен дом для исповеди. Мой учитель поехал туда в качестве епископа. Он в своей речи между прочим указал собравшемуся народу на большую честь, выразившуюся в том, что европейские "pandita" удостоили их празднество своим посещением. Отношения этих людей были потом самые любезные и почтительные. Они для нас устроили танцы, угостили фруктами и т.д. Учитель, его имя «Nyanisara», познакомил нас с одним из самых важных людей на острове Mr. Gunaratne [–] Obermudgaliyar южных провинций; ученым в Европе его имя известно.

Он секретарь Pāli-text Society, перевел много текстов из Пали на английский язык, он ученик Rhys Davids'a. Мы с ним провели несколько очень интересных часов на его "bungalow". Он нам для Музея подарил интересную деревянную статуэтку Будды и образец скульптуры из Anurādhapura. У него маленькая слабость, которая в данном случае нам может быть только приятной. Он очень дорожит тем обстоятельством, что его книги и его имя известны в Европе. Свою последнюю книгу — "The Anguttara Nikāya of the Sutta Pitake (ēka duka and tika Nipāta) translated from the Pāli text by E. R. J. Gooneratne". Galle, Ceylon, 1913 — он сам издает и спросил меня, нельзя ли найти в России людей, интересующихся этим переводом.

Я ему обещал о его книге написать своим знакомым. Он сам уверяет, что он не ради прибыли этот делает и если бы Вы, Карл Германович, директор Университетской библиотеки, и Федор Ипполитович обратились к нему с парой любезных строчек и выписали бы эту книгу (она в самом деле не дурная), то он вышлет её бесплатно, и кроме того мы получим таким дешевым способом человека, который в качестве корреспондента нам сможет оказать бесценные услуги. Было бы очень хорошо, если бы это маленькое желание было исполнено. Я пока ему обещал, что на двух предметах, которые он нам подарил, будет отмечено его имя, и он был весьма польщен. Вообще, если к этим здешним господам относиться любезно и приветливо, то они все готовы сделать. И что такая любезность вызывает дерзость и назойливость, это относится к тем глупым сказкам, которыми англичане хотят оправдать свою систему.

В одном из служащих здешнего музея Mr. Jayasinha мы нашли очень полезного помощника. Он между прочим разыскал нам большой набор сингальских масок, отчасти для демонических танцев, отчасти для театральных представлений. И не только маски, но и костюмы, какие они у крестьян употребляются. Мне Grünwedel и Schermann сказали, что настоящие маски найти почти невозможно, и что нам, вероятно, придется их заказывать.

Нам удалось все маски с костюмами (48 масок) купить за 189 руб. (300 рупее). Среди них есть прямо художественные вещи. В скором будущем надеемся получить весь цикл Sunjan-Jakka

и маски разных болезней (в нашей коллекции только несколько), и тогда наш Музей будет иметь коллекцию цейлонских масок вдвое или втрое больше, например, Берлинского музея.

В здешнем музее имеется очень мало рукописей по части демонических танцев на языке Elu (старосингальском). Я закажу для нас копии тех рукописей, которые еще не напечатаны (часть переведена в *Journal of the Ceylon Branch R.A.S.*²), и таким путем получится масса этнографического материала. Людмила Александровна занимается сингальским языком (я пока ограничусь Пали и тамильским), который для знающего санскрит совсем легкий язык, и она вероятно через несколько недель будет в состоянии разобраться в этих заклинаниях.

Самый трудный вопрос здесь — модели. Мы хотим получить, во-первых, маленькие модели разных типов, во-вторых, несколько больших моделей, чтобы показать одежду. Здесь меня все уверяли, что во всем Коломбо, даже на всем острове имеется один человек, который в состоянии нам сделать модели. Мы видели его произведения в музеях, они нам совсем не понравились, но всё-таки решили к нему обратиться.

Но этот человек назначил такие баснословные цены (например, за голову, ноги и руки буддийского монаха 250 rupees = 160 рублей), что пришлось от него отказаться. Мы потом с Директором Музея Mr. Pearson'ом решили обратиться в Мадрас к Mr. Henderson, директору тамошнего музея, чтобы тот нам нашел человека, который бы приехал сюда, сделал бы все нужные нам модели в музее и если бы подошёл, остался бы на службе Музея.

Но теперь, кажется, мы нашли здесь человека подходящего, гончара из Kandy, который работает на храмы. Мы ему дали пробный заказ, и если его работа нас устроит, то мы ему поручим сделать модели. Это тем более приятно, что его мастерская в Kandy, где мы будем жить довольно продолжительно.

27-го (14го) июня уйдет отсюда пароход Добровольного Флота. Мы думаем с ним послать первую коллекцию. Она будет, и это

² *Journal of the Ceylon Branch of the Royal Asiatic Society.*

иначе не может быть, довольно пестра, но начало сделано и теперь легче будет отдельные области постепенно дополнять.

Если коллекция, которую обещал мне Rajapaksee, будет такой, как мы с ним сговорились, то она будет единственная в Европе по богатству и поучительности. Он сказал: “it will beat everything of that kind”³.

Здоровье наше, пока, слава Богу, хорошее. Климат, конечно, дает себя чувствовать, и к вечеру страшно устаем. Но мы себе представляли все гораздо хуже. Муссон пока очень слаб, так что дождей совсем мало. Ещё раз желаю Вам, глубокоуважаемый Василий Васильевич, крепкого здоровья; передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Льву Яковлевичу и всем дорогим сослуживцам.

Искренне уважающие Вас, Г. Мерварт и Людмила Мерварт

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 225–232 об.]. Опубликовано: [Русские на Цейлоне 2010: 235–238, № 91; Русско-индийские отношения 1997: 399–401, № 297].

Письмо Л.А. Мерварт В.В. Радлову (на цветной открытке).
05.08.1914 — via P[ort] Said

Dear Mr. Radloff, We shall sit still in Kandy studying ethnography, Buddhism and the vernacular as long as the war will last but we will wait with the collections as we don't know if the Academy can send us money after the war. Yours very respectfully L. Meerwarth

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 279].

Письмо Л.А. Мерварт Л.Я. Штернбергу (на цветной открытке) 05.08.1914 — via P[ort] Said

Dear Mr. Sternberg, We are all right and shall remain in Kandy studying Buddhism, the vernaculars and ethnography as long as the war will last but we will abstain of making purchases because we know nothing about supply of money we can get from the Academy now. Your sincerely Meerwarths

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 280].

³ Букв. «она превзойдет все подобные» (англ.).

Письмо Л.А. Левиной-Мерварт В.В. Радлову (на бланке с ил. Mount Lavinia Hotel, Ceylon). 1/14.09.1914

Дорогие мои,

Получите ли Вы это письмо, нет ли — не знаю. В Россию отсюда почта не идет, но через неделю или около того из Коломбо пойдет один пароход Добровольного Флота, он попытается проехать в Одессу или во Владивосток. Мамино письмо от 14 июля я получила вчера — оно шло через Гонконг. Очевидно, тогда о войне еще и не думали. Здесь она была совершенной неожиданностью. К сожалению, сведений о войне мы имеем очень мало. В газеты проникает лишь немного и оно, конечно, главным образом касается английских успехов на западном поле действий. Однако из того, что доходит сюда, всё же ясно, что Россия спасает положение. Как я рада! Ясно еще и другое: за Японскую победу русский штаб выучился держать в тайне всё, кроме уже добытых успехов. Газеты, разумеется, ворчат. До чего тяжело в это время сидеть здесь! Мы стараемся учиться сколько можем, но делать что бы то ни было очень трудно. Известий из дома Германа никаких, но мужья обеих его сестер (один офицер запаса, другой запасной и притом моторист) должны были оба быть призваны в самом начале войны. У одного трое детей, у другого новорожденная дочка. Кого из моих родных эта война задела? Где Володя, Надя, Люся? Вообще, ради Бога попытайтесь дать нам весточку о себе и о положении дел. Писать придется, вероятно, на Владивосток. Адрес наш тот же, здешний консул. С этой «почтой» мы посылаем еще несколько писем и всех просим протелефонировать о получении их Вам на случай Вы этого письма не получите. «А Вы, пожалуйста, позвоните Петри (Б.Э. или Е.Л.⁴), чтобы в Музее знали, что мы живы и работаем сколько можем. Только теперь мы не собираем, потому что не знаем, когда придут следующие суммы из Музея и придут ли вообще. Конечно, теперь

⁴ Петри Евгения Львовна (1858–1923) — сотрудник по вольному найму (с 1895), младший этнограф МАЭ (с 1912), зав. отделами Индонезии, Океании и Африки. Мать Бернгарда Эдуардовича Петри.

для собирания самое благоприятное время. Здесь страшное разорение, потому что почти прекратился вывоз чая, каучука, корицы и т.д. Кроме того, нет и не будет иностранных путешественников, и поэтому можно было бы купить много и дешево. Но..? Остается только учиться. Если опять долго не будет известий, не беспокойтесь. Мы здоровы. Но мы очень волнуемся. Ради Бога, пишите. Шурочка всех Вас целует. Кого нельзя поцеловать, тем шлем поклоны. Я тоже Всех крепко обнимаю и целую. Ваша Мила

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 10].

Письмо Л.Я. Штернберга Г.Х. Мерварту 01.09.1914

Дорогой Герман Христианович,

Вы, разумеется, давно знаете про войну. Война, конечно, не особенно благоприятное обстоятельство для музейного дела уже по тому одному, что на прилив пожертвований трудно рассчитывать. Поэтому важно использовать нынешнюю командировку как можно продуктивнее. С этой точки зрения важно прежде всего как можно больше удлинить срок пребывания в Индии, не только потому, что это облегчает тяжесть накладных расходов по поездке и снаряжению, но потому, что теперь в период войны Вы избегаете конкуренции туристов и при общем денежном застое можно делать сбор гораздо дешевле обыкновенного. Следуйте, при нынешних трудных обстоятельствах, мудрому принципу политической экономии — с наименьшими жертвами достичь наибольших результатов.

Ваше письмо и денежные отчеты получены, и читал с большим интересом, и буду надеяться, что и в Индии Вам удастся завязать такие же прочные связи, как на Цейлоне. — Слава Богу, Василий Васильевич [Радлов] отлично поправился и снова такой же жизнерадостный и энергичный, как был. В Музее все по-старому. Со всех сторон прибывают коллекции, уже и не знаем, куда их класть. Ваши коллекции рекомендуем пока не посылать, а отдать на хранение либо в посольство или консулам, либо в надежный частный склад. В ближайшем заседании Вы будете представлены сверхштатным этнографом Музея, т. к. Министерство утвердило две новые должности сверхштатных этнографов,

т. ч. теперь Вы инкорпорированы в постоянный штат Музея. Этим летом в санатории Либекса часто вспоминали вас и были очень благодарны в рекомендации санатория.

За сим желаю Вам и Людмиле Александровне здоровья и бодрости и вообще всего лучшего. Все в Музее шлют привет.

Л. Штернберг

P.S. Еще хотел бы прибавить пару слов. Пусть война и ее служители не очень пусть Вас смущают. Приспособиться к обстоятельствам в смете экономирования, конечно, придется, но не впадайте в пессимизм: если понадобится пожертвовать в будущем году счет, мы постараемся выслать кое-что и из штатных сумм, т.ч. собирайте и собирайте! Пусть это будет Вашим девизом!

И еще раз всего лучшего! Не будем с Вами выпрашивать о мировой жизни, ибо сами понимаем, что переходный период. Л.Ш. [приписано от руки неразборчиво]

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 445–446].

Письмо Л.Я. Штернберга Г.Х. Мерварту. Translation 1.09.1914
Dear Г.Х.!

You, naturally, know already — the war. The war is not a very favourable circumstance for museum-business, chiefly, because it is difficult to count with offerings. Therefore it is necessary to utilize your appointment as productively as possible. From this point of view it is more important to lengthen as much as possible the term of your staying in India, not only because this relieves the weight of the expenses of traveling and equipping, but also, because during the war you avoid the concurrency of the tourists and at this time of want of money one can collect much cheaper than usual. Follow in the present difficult times the wise principle of the political economy — to reach the highest results with less sacrifice.

We get your letter and money-accounts, which we read with great interest. Let us hope that you will be able to make such good connections as at Ceylon. Thanks to heaven, Mr. Radloff has quite recovered and is as energetic and lively as before. At the Museum everything is all right. Collections are from everywhere, and we don't know, where to put them. We advise you not to send your collections at this moment, but

to put them at the Consulate or at a secure private store-house. At the next meeting you will be presented as superstate ethnographer of the Museum, because the Ministry has confirmed two new places of superstate ethnographers, as that you are now incorporated in the constant staff of the Museum.

This Summer we often spoke of you in the sanatory of Dr. Luebeck and we were very grateful to you for your recommendation. I wish you and your wife health and alertness and all the best. All in the Museum send their compliments. Yours very truly L. St[ernberg].

P.S. I want to add a few words. Don't trouble yourself too much by the war. Naturally you have to adapt yourself to the circumstances in the sense of economizing, but don't become a pessimist: if you will need next year additional sums, we shall try our best to send you some money from our state sums, go continue to collect. My best wishes! II don't talk to you about the war, because you understand what one has to endure now!

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 20–21].

Письмо Л.Я. Штернберга Мервартам 05/18.09.1914

Dear Friends!

Your card of the 5/08 has given us much trouble. As we see from it you have not received the money transferred to you by telegraph 12 days before the war. From my detailed letter sent these days you could have seen that we hope that even now you have more favorable conditions to make collections on Ceylon, as on the continent more abundantly and more cheaply. We hope that now the money is in your hands and you will continue to collect as before.

Yours very sincerely L. Sternberg

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 452].

Письмо Л.Я. Штернберга Мервартам 27.12.[1914] — 9.01.[1915]

Dear Г.Х. and Л.А.!

Since September we did not get any news from you. Naturally, it is not your fault. Evidently you also did not get one of our letters written in Russian. First of all I have to inform you, that we did not get your

collection. The steamship "Woronesh" has unloaded all his cargo at Alexandria, but the chief thing is that in the bill of lading sent to the office of the Voluntary fleet in Petrograd this cargo is not mentioned at all. What does that mean? It is necessary to inquire at the agent of the Voluntary fleet. In the next year you can count on our assistance with the sum of 5000 or 6000 roubles therefore continue to buy collections. Remember that the collecting is your chief aim, telegraph us at the telegraphic address: Petromus. Herewith I sent you a translation of our last letter.

Wishing you alertness, health and success, I am Yours very truly
[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 19].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 6.02.1915 Madura

Informed our letters and received writing regularly collecting always five cases sent twenty five Colombo wire money Consulate Colombo = Meerwarth

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70. Л. 5].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 15.03.1915 Kodaikanal

Money received = Meerwarth

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70. Л. 15].

Письмо Л.Я. Штернберга Мервартам 21.05.1915

Dear friends,

V.V. [Radloff] got your letter just before he left Petrograd and therefore he had no time to answer you personally, but asked me to tell you, that is very pleased with your letter and the character of your work. Being very interested in collecting as much as possible he is convinced that you will agree with this point of view and on his side will do his best to help you in the money matter. He will endeavor to give you the possibility to continue the collecting during the next year.

V.V. [Radloff] is, thanks to heaven, in good health and works as much as usually. In our Museum nothing has changed. The only news are that Mr. Oldenburg has returned from the East and Mr. Shirokogoroff has left for a two years expedition. We began a new edition of an

Annuary of our Museum. Today we are working the last time in this season in the Museum.

All send their best regards and wish you to be successful in your work.

Yours truly L. Sternberg

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 132].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 31.09.1915

Collected over sixty cases money urgently wanted cable consul Colombo = Meerwarths

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70. Л. 117].

Телеграмма Мервартам из МАЭ 12.11.1915

Colombo Russian Consulate Meerwarth — Cabel now two thousands January five collect = Radloff

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 203].

Письмо Г.Х. Мерварта В.В. Радлову 7.12.1915 из Эрнаукулама (The State Guesthouse, Ernakulam (Cochin))

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Мы только что получили 2000 рублей от Вас и обещание, что в январе будет еще 5000. Это очень хорошо, так как теперь дело собирания идет недурно, и коллекции растут быстро и планомерно. Мы провели на восточном берегу Южной Индии всего семь месяцев. Из них мы жили 2 месяца в Kodaikanal и Shembaganur, так как жара стала невыносимой. 2 ½ месяца мы жили в Madura у хороших знакомых. Это было, во-первых, дешевле, так как стол и комната стоили нам ничего или очень мало (один месяц, в отсутствие хозяев нам пришлось вести хозяйство на свой счет); во-вторых, Madura — древнейший центр тамильской цивилизации, и я там научился довольно основательно тамильскому языку и перевел тамильскую поэму 5-го столетия по Р.Х. Она — единственная буддийская поэма на дравидийском языке, которая дошла до нас и кроме весьма любопытных сведений из области буддизма содержит богатый материал этнографического свойства. Кроме того, она литературный памятник большой красоты. Она называется

Manimeghalei⁵. Известные тамилологи Vinson⁶ и Pope⁷ дали довольно сокращенный обзор этой поэмы на французском и английском языке. Этот русский перевод будет первый полный перевод на европейском языке. Я надеюсь, что я смогу Вам послать готовый перевод с введением и объяснениями через три месяца.

Собрали мы в Мадуре материал для изучения дравидийских культов Mariammal, Karuppuswami's Аууанар, т.е. фигуры, сделанные во исполнение обета и т.д. Я заказал там же и смотрел за работой модели колесницы, как они употребляются для процессии (стоят 550 rup.). Части такой колесницы имеются у нас в музее. Людмила Александровна с помощью одной брахманской подруги купила целый набор медной посуды, употребляющейся в брахманском хозяйстве. Мы начали весьма интересную коллекцию (пока у нас 80 штук) так наз. Tali. Это украшение, которое во время венчания повязывается женихом (иногда другим членом семейства) на шею невесты. Это самый безошибочный знак касты и во многих случаях единственный. Мы думаем со временем получить полную коллекцию этих Tali. Они обыкновенно сделаны из золота, но мы заказываем или из серебра, или из меди и дадим позолотить их в Петрограде. У нас также собрана полная коллекция типичных драгоценностей разных каст на восточном и западном берегу Южной Индии (медь позолоченная) (около 110). Со временем мы думаем дополнить эту коллекцию для всей Индии. Кроме этого у нас имеются следующие коллекции:

1. Модели важнейших дравидийских храмов, сделанные из древесины (Piths) (5).

⁵ Manimeghalei, «Повесть о Манимехалей». Русский перевод А.М. Пятигорского см. в: [Повесть о заколдованных шакалах 1963].

⁶ Винсон Ж. (Julien Vinson, 1843–1926), французский тамилст и переводчик, автор учебника тамильского языка “Manuel de la langue tamoule (grammaire, textes, vocabulaire)” (Imprimerie nationale, E. Leroux, éditeur, 1903).

⁷ Поуп Г.У. (George Uglow Pope, 1820–1908), английский миссионер, специалист в области тамильского языка и литературы, автор многочисленных переводов тамильской классики на английский язык.

2. Бисерная работа женщин касты Chetty.
3. Танжорская металлическая инкрустация (swami work) (около 10).
4. Южноиндийские бронзы разной величины (от аршина и ниже) (са. 30–40).
5. Миниатюры на слоновой кости.
6. Рисунки на слюде.
7. Южноиндийская (специально мадурская) деревянная резьба.
8. Деревянные, глиняные и бисерные игрушки.
9. Модели способов орошения и сельскохозяйственных инструментов (восточный берег и племя Chenchu⁸) (са. 40–50).
10. Коллекция изделий из слоновой кости (са. 45) (работа траванкорская и панджабская).
11. Полная коллекция гончарного производства восточного берега (са. 50–60).
12. Доисторическая коллекция (са. 250 предметов). Раскопки дольменов Южной Индии.
13. Типичные ткани, вышивки и т.д. Южной Индии и Панджаба (са. 30).
14. Коллекция т.н. Bidiri work (металлические произведения города Bidar в Haiderabad) (са. 40).
15. Полный набор музыкальных инструментов (са. 20).
16. Инструменты и украшения разных племен Cochin'a.
17. Предметы, употребляющиеся при Puja (богослужению).
18. Коллекция душистых и других гирлянд.
19. -«- местных, народных лекарств восточного берега.
20. Циновки и плетения.
21. Набор факирских инструментов.

Кроме того, целый ряд небольших коллекций. Одна беда: внешняя жизнь Индуса, в особенности на восточном берегу,

⁸ Chenchu — охотники и собиратели, говорят на дравидском языке. Ченчу относятся к так называемым зарегистрированным племенам Индии, проживают в штатах Андхра Прадеш, Карнатака и др.

очень бедна в смысле обстановки, утвари. Если он беден, то кроме циновки и пары глиняных горшков ничего не имеет. Если он состоятелен, то он наполняет свой дом дешевой европейщиной, самым рыночным товаром. Платье: кусок материи, завернутый известным способом вокруг бедер. На западном берегу преобладает белый цвет, на восточном пестрые краски.

Коллекции предметов, конечно, далеко не полные. Мы стараемся собирать везде типичное, и это более или менее удастся. Но, понятно, что местные музеи давно уже сняли сливки с нашего молока, и это совершенно справедливо. Но чтобы посещающим и изучающим наш музей дать возможность иметь как можно больше материала, мы везде фотографируем самые главные коллекции местных музеев и, где это возможно, частные коллекции. Таким образом, у изучающего, скажем, южноиндийские бронзы, перед глазами наша коллекция — далеко не бедная, — дающая полное представление о материале, работе и т.д., и все выдающиеся экземпляры этого искусства, находящиеся в Мадрасском, Коломбском, Пудукоттском, Тричурском и прочих музеях, так же как и в частных коллекциях. Кроме того, эти негативы являются *Vorarbeit*⁹ для целого ряда монографий. Пока у нас таких «предметных» негативов са. 600. Большинство из них 18×24; они содержат около 3000 предметов следующих категорий:

изделия из слоновой кости,
деревянная резьба,
золотые и серебряные предметы искусства,
драгоценности,
бронзы и прочие металлические изделия,
индийские картины-миниатюры,
предметы гончарного искусства,
оружие,
каменная резьба,
изделия из разных других материалов (рог, черепаший щит, кожа, шелк и т. д.).

⁹ *Vorarbeit* (нем.) — подготовительная работа.

Оказалось в большинстве случаев, что никто до сих пор не снимал этих предметов, так что я думаю, что наш музей будет иметь единственную в Европе коллекцию фотографического материала. Мы думаем продолжать эту работу во всей Индии и, я надеюсь, получим в конце концов довольно полную коллекцию отчасти настоящих предметов, отчасти фотографий, дополняющих друг друга. У нас пока фотографий свыше 2000, отчасти они сняты нами, отчасти как отпечатки с чужих негативов.

По примеру мадрасского музея я заказал у фотографа 40 транспарантных фотографий, изображающих важнейшие племена Южной Индии. Они вышли очень хорошо и будут показательны. Книг по разным областям у нас свыше ста. Отчасти они подарки от разных правительств (цейлонского, мадрасского, пудукоттского, кочинского). Чтобы иметь деньги на все это, нам пришлось, конечно, уменьшить как можно больше расходы на жизнь. Это нам удалось таким образом. 3 месяца мы гостили у одного англичанина в Шембагануре и Мадуре, в Пуддукотай, Кочине, и теперь в Траванкоре мы устроились как гости государства. Это обстоятельство, что мы за стол и комнату платили только в течение пяти месяцев, сделало возможным, что 6000 рублей нам хватило на жизнь и коллекции от середины марта до сих пор.

Простите, глубокоуважаемый Василий Васильевич, что я здесь прерываю письмо. Но нас ждет пароход, на котором мы попадем в Тривандрум. Оттуда я напишу продолжение моего доклада. Надеюсь, что Вы и все милые друзья в музее здоровы. Мы, слава Богу, мало страдаем от климата и чувствуем себя бодрыми и свежими. Кончилась бы только эта война. Всем от нас сердечный привет.

С искренним уважением Г.Х. Мерварт

[СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 3–6]. Опубликовано: [Русско-индийские отношения 1999: 402–405, № 299].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 28.01.1916

All money spent cable immediately = Meerwarth

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 21].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 28.01.1916

We found money explain letter = Meerwarth

[СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 22].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 7.03.1916 № 58

Colombo Russian Consulate Meerwarth — Address letters foreign office through Consulate = Radloff

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 265].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 15.03.1916

Colombo Russian Consulate Meerwarth — Continue money guaranted = Radloff

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 274].

Письмо Л.Я. Штернберга Мервартам 22.03.1916

Многоуважаемые коллеги,

Мы получили Ваше письмо от 6.02 н.г., на этот раз оно шло аккуратно. Прежде всего хочу вам сказать пару слов по денежному вопросу. Недоразумение с деньгами вышло потому, что Кредитная Канцелярия вместо того, чтобы переслать по телеграфу, как мы просили, прислала нам спустя месяц чек для перевода Вам по почте. Вот тогда только и заставили Кредитную Канцелярию перевести вам деньги по телеграфу. Что касается дальнейших средств, если понадобится, то постараемся их раздобыть, для того чтобы Вы могли использовать свое пребывание в Индии производительно для целей Музея. Я Вам телеграфировал, чтобы корреспонденцию направляли в МИД для Музея, для того, чтобы не было проволочек и цензурой, где без сомнения много разных писем до сих пор лежит. Но посылайте всю Вашу корреспонденцию через Консульство, хотя и те письма, которые Вы посылали через Консульство непосредственно нам, тоже цензурой не задерживались и переводились нам беспрепятственно. Командировочные листы, как вы просили, Вам высылаются.

С удовольствием читал подробности Ваших успешных сборов. По первому вопросу считаю нормальным высказать свои

соображения. Я полагаю, что предметы, выделанные под влиянием школ, представленные как предметы, изготовленные в School of Arts, или вовсе не надо собирать или собирать в ограниченном количестве. Вы пишете, что надеетесь собрать на севере так называемую кустарную Индию, которая могла бы иметь значение не этнографическое, а педагогическое для наших художников.

Я думаю, что такой целью Вам задаваться не следует, ибо мы преследуем не утилитарные, а исключительно научные цели. Конечно, поскольку постольку кустарные работы отражают быт туземный и рисуют местную культуру, постольку они представляют объект этнографии. Трудно, разумеется, отсюда судить точно, что вы подразумеваете под кустарной Индией, но если взять русский масштаб, скажем, изделия Павловских кустарей, всякие замочки, ножички, цепочки и т.д., то точно так же как мы их не станем собирать в России, то то же надо сказать и об Индии. Тем менее следует собирать предметы, которые выделяются под непосредственным влиянием европейцев. Но, повторяю, те кустарные изделия, которые представляют отражение чисто туземной культуры, например, как в России всякого рода примитивные детские игрушки (игрушка, изображающая двух медведей, работающих на наковальне, и т.п.), керамика местная, украшения народные, или народные базарные изображения божеств, народная иконопись и тому подобные вещи представляют, конечно, этнографическую ценность. Разумеется, общей перспективы в этом отношении трудно давать издалека, но, надеюсь, что моя мысль Вам понятна. Очень одобряю собирание моделей, представляющих типы, конечно, если эти типы и в антропологическом, и в этнографическом отношении вполне удовлетворительны. Для такой большой страны, как Индия, изготовление таких моделей является особенно целесообразным. Крайне важно между прочим для такой страны, как Индия, зафиксировать различную цветность населения, начиная с севера, отмечая это по антропологическим таблицам Брока, Лушана, или, по крайней мере, по английским queries или, например, по Code de couleur? Это имело бы огромное значение.

Чувствую это я при преподавании этнографии. Не знаю, собираете ли Вы модели архитектурных типов, а это очень бы следовало. Особенно важны различные типы пагод, от наиболее примитивных до наиболее развитых. При этом очень важно зафиксировать туземные названия для различных пагод. Этот вопрос между прочим меня специально интересует, т.к. я занят происхождением этого вида архитектуры. Вы, конечно, собираете всё, что относится к рождению, браку, смерти и всяким вообще семейным и племенным торжествам. Во всяком случае, я позволю себе напомнить Вам о важности объектов этих церемоний, в частности, очень интересны амулеты для рожениц и для новорожденных, а также разные типы колыбелей. Напоминаю о собирании и различных предметов фамильного культа, и вообще обратите особое внимание на культ сельский. Интересно, сохранились ли в Индии обычаи делать разные фигуры во время жатвы: фигуры из льна, травы, или одевание различных масок во время жатвенных праздников, а может быть делаются и какие-нибудь изображения при посеве. У скотоводов интересны их молочные сосуды, в особенности, которые имеют религиозное значение, равно как самые способы обработки молока. Если черепа животных играют какую-либо роль в культе того или иного народа, то привезите таковые. Кстати, не сохранилось ли среди хотя бы детских игрушек так называемых *bullroars*, по-русски, гуделка; духовая трубка или метательная дощечка для дротика и стрелы, и в частности разного вида игр, как азартных, так и неазартных. В индийских храмах жрецы часто употребляют игральные книги для гаданий, я где-то читал описание их.

Их желательно было бы приобрести, потому что эти индийские игры распространены далеко за пределами Индии, у сибирских народов, между прочим. Хорошо было бы, если у Вас имеются копии списков приобретенных Вами предметов, выслать нам их, чтобы мы имели представление обо всем собранном Вами. Между прочим, с вещами, которые хранились в Александрии, мы хотя и имели много хлопот и им угрожала продажа от аукциона,

но всё благополучно устроилось, благодаря Управлению Добровольного Флота и консульским агентам.

Вы, конечно, знаете, что еще ремонт нового здания Музея и не начинался, потому что новое здание Библиотеки занято под лазарет и самая библиотека осталась еще пока в старом здании, так что пока Ваша миссия в Индии собирать и собирать, переходя из одного района в другой. Потому имейте в виду, что чем дольше Вы будете собирать в Индии, тем это будет приятнее и полезнее для Музея. Заботьтесь только, чтобы все собранное Вами было сохранено до лучшего времени, когда можно будет наконец начать перевозить это в Европу.

У нас в Музее, слава богу, всё благополучно. Слава богу, Василий Васильевич в полном добром здравии, работает по-прежнему и так горячо интересуется судьбами Музея. Вернулись из экспедиции студенты из Южной Америки, привезли кое-какие коллекции и, главное, многому научились. Широкогоровы работают в Маньчжурии, и кажется, довольно удачно. Издательская деятельность Музея расширяется, мы теперь выпускаем коллективные сборники. Кстати, pošлю Вам свою работу о близнецах, как раз касается вопроса об индусских ашвинах¹⁰. Выходят новые путеводители. Открылись здесь высшие географические курсы с программой особого географического факультета. Этнография там читается 3 года. В следующем томе нашего Сборника думаю дать извлечения из Ваших писем. Я думаю, что против этого Вы ничего иметь не будете, так как в этих письмах заключается много интересного. Вообще Ваши письма радуют тем, что в них виден энтузиазм к делу. Кстати, пришла мне в голову такого рода мысль. Когда поедете на север Индии, не лучше ли начать эту работу с самого крайнего севера, с предгорьев Гималаев, более примитивных, а потом спуститься к более цивилизованным, для того чтобы на всякий случай иметь более интересные предметы, тем более что крайний север Индии еще недостаточно изучен, а уже о собраниях и говорить нечего. На Вашем месте, мне кажется,

¹⁰ Ашвини Кумары — божественные близнецы-всадники в «Ригведе».

я бы именно так и поступил. Это дало бы Вам и большое удовлетворение в смысле разнообразия, возможности окунуться в более первобытную жизнь и в менее известную. Между прочим на севере Индии Вы бы нашли интереснейший материал по примитивным формам брака. Еще один вопрос мне приходит на ум. Я когда-то читал, что в Бирме обычай во время погребений возить покойников на таких сооружениях, которые очень напоминают пагоды, высокие, со шпилем, и кроме того устраиваются какие-то особые высокие столбы, на которые навешиваются жертвоприношения и которые потом увозятся в храм. Мне интересно было бы выяснить, имеет ли аналоговый обычай место и в Индии, откуда, по-видимому, он пришел вместе с брахманизмом вообще. [Не у скот. ли, или у Коз-ов?]

Вы пишете о возвращении экспедиции Штейна. Штейн работал одновременно с Ольденбургом в Турции, так что о его работах Вам, конечно, уже известно. Вот и все, что, собственно, могу припомнить, для того, чтобы Вам сообщить. Каких-нибудь сенсационных новостей сообщить не могу, ибо я сам мало сенсационного знаю. У нас же в Музее все идет без сенсаций, также собираемся по-прежнему за чайным столом почти в том же составе. Только Клавдий Васильевич¹¹ уехал на фронт, поступил на службу в Земский Союз на время военных действий. Работает у нас на Памире Зарубин, и очень успешно. Сара Аркадьевна¹² закончила работу о тлинкитах и музейных коллекциях. О событиях в жизни Бернгарда Эдуардовича, я надеюсь, он Вам сам сообщит как Ваш близкий приятель.

Затем желаю Вам всяких успехов, бодрости, здоровья и жизнерадостности, остальное приложится. Будем же терпеливо сле-

¹¹ Щенников Клавдий Васильевич — археолог, работал по регистрации коллекций МАЭ (с 1908), зав. отделом изображений [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 387 об.].

¹² Ратнер-Штернберг Сарра Аркадьевна (1870–1942) работала в МАЭ приватно (с 1910), с 1916 г. — штатный работник. Зав. отделом Северной Америки (1917, с 1934). Супруга Л.Я. Штернберга.

дить за Вашими успехами и ожидать, когда, наконец, война кончится и снова вернемся к музейной работе.

Ваш Л. Штернберг

P.S. Посылаю Вам свою книгу о близнецах. Не собирали ли Вы Индийские поверья о них?

P.S. Собираете ли Вы предметы колдовства? Кстати, не остались ли в Индии колдуны типа шамана? Я лично очень интересуюсь легендами о древе жизни; не соберете ли Вы таковые главным образом среди сельского населения, был бы Вам очень признателен. Очень был бы Вам также благодарен, если соберете разные народные и литературные данные об отношении к орлу, о культе его и миф его. Уверен, что в народе еще до сих пор живет этот культ орла или сокола жив. Для меня до сих пор темка насчет термина орла; дело в том, что одни санскритисты переводят этот термин орел, а другие сокол, что вернее. Еще, конечно, Вы спросите насчет орудий охоты, особенно о луках-самострелах (sparing-bow) по части употребления у таких племен, как Гонд, Сонтал и бихарцев? Были ли Вы у этих народов?

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 281–286].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 23.02.1916

Delhi. Collections proceeding money immediately wanted = [Meerwarth]

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 9].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 15.04.1916

Money telegrams received when how much next money answer send renewed documents immediately = Meerwarth

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 57].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 27.05.1916

Meerwarth Colombo Russian Consulate — September fifethousand more = Radloff

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 343].

Письмо Л.Я. Шернберга Мервартам — через Н.П. Юдина
3/16.06.1916

Дорогие коллеги!

Я Вам писал подробно и многократно телеграфировал. Вы жалуетесь, что Вас забывают и не поддерживают письмами. Я Вас должен приятно разочаровать в Вашем заблуждении. Мы даже слишком много думаем о Вас, всегда ломаем голову о деньгах и сочувственно следим за Вашей работой. Наоборот, Вы слишком мало верите в нас и падаете духом, т.к. Генрих Христианович даже взял службу. Словом, впредь не будьте такими Фомами неверующими. Показывал Ваши письма С.Ф. Ольденбургу и Ф.И. Щербатскому. Они между прочим того мнения, что непроизводительно переводить те рукописи, о которых Генрих Христианович писал. Сергей Федорович тоже того мнения, что если Вы еще не закончили в Южной Индии (а там кончать довольно трудно), то лучше бы задержаться. Впрочем, и Ф.И. Щербатской несколько иного мнения. С нетерпением ждем копии наших списков предметов, которые нам нужны и для ориентировки относительно характера сборов и для представления Академии и Попечительному Совету (в интересах воздействия в отношении средств на дальнейшее).

У нас в Музее все благополучно. Василий Васильевич, слава Богу, чувствует себя хорошо; остальные все по-прежнему. Только Петри с женою уехали в Иркутск к родителям жены и воспользуются, чтобы экскурсировать по Байкалу для археологических разведок. Открытые листы давным-давно высланы. По получении от Вас ответного письма на мое последнее длинное послание, я напишу подробнее. Сейчас спешу на дачу. Привет от всех.

Л. Штернберг.

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 348–349].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 26.07.1916 Shrinar Kashmir
Send money first September new style urgently wanted = Meerwarths.

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 77].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 21.10.1916 Delhi

Hundred thirty cares money immediately wanted = Meerwarth
[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 190].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 2.02.1917 Delhi

Hundred fifty cases money urgently wanted = Meerwarth
[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 16].

Телеграмма В. В. Радлова Мервартам в Maidens Hotel Delhi
14.02.1917

I win second remittance five propose would be but due time = Radloff
[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 482].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 16.02.1917

Asked money twice without reply send immediately state when
next remittances otherwise work seriously hampered = Meerwarth
[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 32].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 27.02.1917

Money not ready wire immediately coiler consulate Calcutta when
and how dispatched everything expended = Meerwarth
[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. р. 71. Л. 33].

Телеграмма В.В. Радлова Мервартам 4.03.1917

Russian Consulate Calcutta — Third February we sent five thousand
Colombo = Director Radloff
[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 490].

Телеграмма В.В. Радлова Мервартам 17.05.1917

Meerwarth — Russian Consulate Colombo
Transfer five thousand = Radloff
[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 8].

Телеграмма русского генерального консула в Калькутте в МАЭ
29.09.1917 Calcutta

Meerwarths penniless please send money immediately wire =
Russian Consul
[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 49].

Письмо В.В. Радлова лорду Дональду Джеймсу Маккею Рею, президенту Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, 13/26.01.1918.

Lord D. J. Reay, President of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London — W, 6 Great Stanhope, St.

Mylord,

As an honorary member of the Royal Asiatic Society I have the honour to address you in behalf of Mr. Meerwarth and his wife, assistants of the Indian Section of the Museum of Anthropology and Ethnography, who have been sent by the Academy of Sciences and the Ethnographical Museum in Spring 1914 to India to study the language, religions and habits of the native population and to get ethnographical collections. The former temporary government assigned 20.000 Roubles to wind up the expedition and to effect the return of Mr. and Mrs. Meerwarth together with 200 cases of ethnographical material.

Under the present circumstances, which I hardly need to explain to you in detail, we have no possibility to get and to send the money to the explorers in question. Could you not find some means to secure for them temporarily some scientific or other employ in India in some Museum or other scientific institution. Mr. and Mrs. Meerwarth are very able scholars and good workers and well versed in the English language. The best way out of the difficulty would be to assign them on account of our Museum the necessary money for continuing their work till more favourable times. We shall do our best in repay all expenses as quickly as possible and shall be sincerely thankful for the saving of the stranded explorers.

I am, Mylord, Yours truly (подпись)

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 64].

Письмо В.В. Радлова лорду Дональду Джеймсу Маккею Рею, президенту Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии (на бланке Academie Russe des Sciences, Musée d'Anthropologie et l'Ethnographie Pierre le Grand). 5/23.04.1918

Lord D. J. Reay, President of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London — W, 6 Great Stanhope, St.

Mylord,

On January 27th I had the honour to send you a letter which I fear failed to reach you. Herewith I am sending you a copy of my former letter and hope you'll kindly answer it.

I am, My Lord, Yours truly

V.V. Radloff

Director of the Museum

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 79].

Телеграмма Мервартов в МАЭ 24.07.1918

Money promised june not arrived urgently wanted enquire = Meerwarth

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 72. Л. 30].

Письмо Мервартов в МАЭ 22.02.1920 Владивосток

В Музей этнографии и антропологии Российской Академии
Наук, Петроград

Многоуважаемые коллеги,

Это письмо идет оказией из Владивостока, где мы застряли после возвращения из командировки в Индию. Вернулись мы 26-го июля 1918 г. Коллекции (200 ящиков) пришлось оставить в разных музеях Индии (Калькутта, Мадрас и Коломбо), пока 11 ящиков добыли оттуда. Принимаем меры для доставки коллекций в Россию. Желательно было бы знать, куда прикажете их везти, в Одессу, Петроград или Владивосток. Коллекции ценные и среди них много материала, который легко портится от жары и влаги. Кто из дорогих коллег жив? О кончине Василия Васильевича мы здесь узнали, и были очень опечалены, хотя при возрасте его можно было быть готовым к его смерти и в любой день. Работает ли Музей и Академия? Мы здесь пока используем время и вместе с другими молодыми научными деятелями, в числе которых и наш С.М. Широкогоров, создали Историко-Филологический факультет. До сих пор это было частное высшее учебное заведение, хотя оно пользовалось поддержкой разных правительств, возникавших и исчезающих

в Сибири и на Дальнем Востоке. Теперь есть надежда на создание здесь Дальневосточного Университета, в который наш факультет имеет [намерение] войти. Этот университет будет по всей вероятности Правительственным университетом. Я предполагаю пока продолжать свою деятельность преподавателя этого университета, хотя бы в качестве временно прикомандированного, до того времени, когда опять возможно будет возобновить работу в Музее. Когда это будет, то лучше всего было бы дать нам командировку и средства для доставления морским путем наших коллекций в Россию. Мы тогда поедем отсюда в Индию, погрузим коллекции и поедем в Россию. Как только восстановится привычное сообщение между Петроградом и Владивостоком, прошу Вас убедительно написать нам о судьбе Музея Академии и коллег и дать нам директивы, как поступить с коллекциями и возвращением. Пока сердечный привет от Ваших сотрудников

А. Мерварт, Людмила Мерварт

Историко-Филологический факультет во Владивостоке,
Зд. Восточного Института

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 52].

Письмо Л.А. Мерварт в МАЭ 19.06.1920 Владивосток, Комаровская 23, кв. 1.

Дорогие коллеги,

В последний + 1-й раз пишу Вам все то же, пользуясь каждой оказией, и авось хоть это письмо дойдет до вас.

После многих переселений в конце июля 1918 г. мы прибыли во Владивосток по пути в Россию, сдавши на хранение в Индии (музеи Мадраса, Калькутты и склад чайной фирмы Бубкин, Кузнецов и т.д., в Коломбо) 200 ящиков коллекций, которые не могли взять с собой за отсутствием средств.

Проехать отсюда дальше в то время не представлялось возможности, и вот вместе с небольшой группой ученых отчасти беженцев, отчасти профессоров здешнего Восточного Института, мы открыли здесь частный Историко-Филологический факуль-

тет. В организации его принимал участие и прибывший сюда из Пекина С.М. Широкогоров, который теперь бежал в Японию вместе с женой.

Факультет этот просуществовав два года в качестве частного учреждения в апреле 1920 текущего года преобразован в Государственный Дальневосточный Университет вместе с преобразованным Восточным Институтом, 3-ий факультет Юридический. Сейчас мы приняли должности доцентов, но разумеется, лишь в ожидании возможности вернуться в Индию забрать коллекции и доставить их в Музей. Об этом подробнее пишет Александр Михайлович.

А я пока еще только пожелаю Вам всем всего доброго и Музею, и Академии. Привет также Э.Э.¹³

Ваша Людмила Мерварт

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 54].

Письмо А.М. Мерварта в МАЭ 20.06.1920 Владивосток

Дорогие коллеги,

Еще раз пытаюсь послать Вам несколько слов о себе в надежде, что хоть что-нибудь до Вас дойдет. Это письмо пойдет с проф. Грибовицким, который едет отсюда пароходом в Ригу и оттуда в Петроград. Он Вам, вероятно, разъяснит о том, что мы здесь делаем, об основании Дальневосточного Университета и о нашей роли в этом деле.

Так что мне не придется об этом распространяться. Предполагается здесь учреждение новой кафедры, которая меня лично очень интересует, а именно, кафедры Индии. Там будет читаться кроме санскрита и индийской литературы и этнография, религии, социальный и правовой строй, история Индии, а также этнологическая сторона современной Индии. Предполагается изучение современных индийских языков, как арийских, так и дравидийских. Советом Университета этот проект одобрен, и теперь требуется санкция правительства. Может быть, удастся

¹³ Вероятно, Эсперу Эсперовичу Ухтомскому. В 1918 г. г. его китайские коллекции из Царского Села были перевезены в МАЭ.

через здешний новый университет добиться средств, чтобы хоть на время доставить коллекции, собранные нами в Индии, сюда. Но это очень гадательно, и в то же время нежелательно, потому что, тратя деньги на доставку коллекций во Владивосток, университет приобретет некоторое, хотя бы моральное право на пользование этими коллекциями и упоминания. Если это временно, то против этого ничего нельзя иметь, но такое временное расположение имеет легко тенденцию стать постоянным. Я потому еще раз советую и убедительно прошу снабдить нас через соответствующие инстанции необходимыми деньгами и документами для доставки коллекций в Петроград. Нечего говорить, что абсолютно необходимо принять самые срочные меры для спасения драгоценного научного материала, на собирание которого была истрачена сравнительно большая сумма. Сейчас эти коллекции буквально погибают. Если только возможно, я бы просил Вас хлопотать нам бесплатный проезд Владивосток — Одесса или в Петроград и выслать по депеше 600 фунтов стерлингов. Это самый минимум, который потребуется. Могу здесь сообщить, что Комиссариат по Иностранным Делах, узнав о моем существовании здесь, послал через Уполномоченного Советского Правительства телеграмму, где мне предлагается немедленно, т.е. при первой возможности выехать в Москву. Я бы думал, что это можно было бы использовать. Если снести с Ком[иссаром] по Ин[остранным] Дел[ам] и предложить ему, чтобы они снабдили меня через Академию наук необходимыми средствами валют для возвращения в Россию меня, Людмилу Александровну и нашего ребенка, морем через Индию (ведь через Сибирь с ребенком сейчас все равно не поехать) с тем, чтобы мы имели по дороге возможность заехать в Калькутту, Мадрас и Коломбо и забрать коллекции, то и Академия была бы удовлетворена, и если мои услуги понадобятся в Москве — для чего, я пока не знаю и связываться не хочу — то из Петрограда было бы легче поехать туда. Я со своей стороны постараюсь телеграммой воздействовать в этом направлении на Ком. Ин. Дел через здешнего уполномоченного. Во всяком случае так или иначе нужно будет спасти коллекции.

Мы готовим подробный отчет, который, однако, думаем лично представить. Через «оказию» такие вещи посылать неудобно и рискованно. Очень хотелось бы и от Вас кое-что узнать. Но сейчас так сложились обстоятельства, что мы, живя в одной стране, как бы находимся на разных звездах.

Желаю всем всего хорошего и с нетерпением жду возвращения в дорогой Музей.

Ваш А. Мерварт

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1920. Ед. хр. 2. Л. 56].

Краткий отчет об экспедиции в Индию и на остров Цейлон в 1914–1918 гг. А.М. и Л.А. Мерварт

Отчет сей представляется теперь ввиду приезда А.М. и Л.А. Мерварт в Ленинград в августе 1924 г.

Экспедиция имела целью собирание этнографических данных по Индии и Цейлону, а также этнографических коллекций для пополнения индийского отдела МАЭ РАН. Экспедиция продолжалась с 1914 г. по 1918 г., т.е. четыре года и средства на нее в сумме 40.000 руб. были даны Академией наук.

Экспедиция выехала в конце марта 1914 г. (командировочные документы от 27 марта 1914 г.), в мае прибыла на остров Цейлон. 25 июля была отправлена ею в Академию первая коллекция по быту, религии и искусству Цейлона в количестве 1000 номеров, стоимостью в 200 фунтов стерлингов. Эта коллекция была оставлена на хранение в агентстве Добровольного Флота в Александрии, ввиду начавшейся 30 июля 1914 г. войны с Германией. В Ленинград она до сих пор не прибыла.

С началом войны сильно сократился приток средств из Академии и дальнейшее собирание пошло более медленным темпом. Собраны, однако, большие коллекции по домашнему быту, по кустарным производствам и народной религии на Цейлоне, всего 25 ящиков экспонатов. Кроме того, А.М. Мерварт специально изучал буддизм, работая в буддийских монастырях, изучал язык пали и тамильский. Л.А. Мерварт изучила сингальский язык и поселилась в сингальской деревне в туземной семье, изучая ее

быт. Затем обследовала вопросы народного буддизма, применительно самой глухой области Цейлона Sabaragamuwa. Кроме коллекций предметов, экспедицией привезено около 400 фотографий позитивов и около 300 негативов, причем засняты среди прочего, все экспонаты музея в Коломбо, особенно недоступные по своей цене коллекции резной слоновой и мамонтовой кости. Из других фотографий хочется отметить фрески пещерных храмов Dambulla, Aluvihare и др.

В 1915 г. экспедиция перебралась на материк Индии, работала в Мадрасском президентстве, в Мадрасе, Мадуре, Тричинополи, Танжоре, Пальнийских и Голубых горах, Коимбаторе, в княжестве Пудокоте и в княжестве Рампад, в Британском Малабаре, в Каликуте, в княжестве Траванкоре и в Кочине, в Анамалайских горах, в королевстве Майсоре, в дистриктах Бангалорском, Три-вандрум, Ернакулам, Коттаям, Квилон, Пирмед и др. в Южной Индии, везде собирая предметы быта, культа, промышленности и искусства, а также фотографируя все местные музеи и частные собрания, в особенности вещей недоступных по цене — как драгоценности, резьба по слоновой кости, сандаловому дереву и мозаика, — или не разрешаемых к вывозу, как предметы археологические и произведения искусства. Собрано было 90 ящиков коллекций, которые были оставлены на хранение в Мадрасском музее и высланы в 1924 г. в Ленинград, перепакованными в 55 ящиков, ввиду нападения на коллекции белых муравьев. Кроме собирания коллекций А.М. Мерварт изучал тамильскую литературу, перевел доселе непереведенный ни на один европейский язык тамильский классический эпос Манимекалей, изучал дравидийский театр и др. Л.А. Мерварт специально изучала домашний быт тамиллов, для чего изучила разговорный тамильский язык, а затем работала в области быта и народной религии малабарцев, познакомившись для этого с малаяли (местный дравидийский язык) и обследовала племя т. н. христиан Св. Фомы в Траванкоре и Кочине.

В 1915 г. экспедиция оставила Южную Индию и отправилась в Калькутту, где работала в Музее для ознакомления с местными

коллекциями, затем по долине Ганга проехала в Кашмир. В Кашмире было сделано несколько экспедиций в Гималаи и по долине Jhelum'a через Лагор, Лукнов, Амритсар, Агру, Мутру, Сарнат, Дели и ряд сельских дистриктов экспедиция вернулась в Бенгалию, где опять остановилась в местечке Серампур для более детального изучения, посетила Пури и Куттак в Ориссе. Затем по долине Брахмапутры направилась в Ассам. Там были намечены очень интересные и крупные собрания, которые удалось осуществить лишь в очень небольшой мере ввиду отсутствия средств. Всего в Калькуттском музее было сложено свыше 80 ящиков коллекций, собранных экспедицией в Северной Индии и в Ассаме. Из них 12 впоследствии были доставлены во Владивосток, и в Академия уже обратилась к ректору Дальне-Восточного Университета, где они хранятся, с просьбой об их высылке в Ленинград. Остальные ящики были доставлены сюда в 1924 г. В Северной Индии также как и в других местах экспедицией были засняты в пополнение вещественных коллекций все местные музеи. Языком экспедиции в этот период её работы был индустани и в Ассаме каси (один из Mon-Khmer'ских языков). Кроме собирания, А.М. Мерварт специально работал по индийскому театру, перевел 13 драм, недавно найденных и приписываемых Бхясе, драматургу до Калидасовского периода. Создал и выставил в Калькуттском музее отдел музыкальных инструментов, отдел первобытных племен Индии и др. Л.А. Мерварт изучала народный быт, особенно магометанский, вопросы материальной культуры, народные промыслы.

В 1918 г. экспедиция покинула Индию, не имея уже продолжительное время никакой связи с Академией наук, и прибыла во Владивосток, где была вынуждена остановиться и принимала участие в основании и деятельности Государственного Дальне-Восточного Университета. 3-го августа 1924 г. узнав, что собранные ею коллекции прибыли в Ленинград, экспедиция вернулась в Академию Наук и начала обрабатывать свои материалы.

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 149–151].

Igor Yu. Kotin, Nina G. Krasnodembskaya, Elena S. Soboleva.

Expedition of the MAE to Ceylon and to India in 1914–1918. History. Collections. Scientific heritage. — St. Petersburg: MAE RAS, 2018. — 668 p.; il.

The book reveals the history of Russian ethnographic expedition to Ceylon (present-day Sri Lanka) and India in 1914–1918. The expedition was organized by the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences. Gustav Herrmann Christian (Alexander Mikhailovich since 1916) Meerwarth and his wife Ludmila Alexandrovna Levina-Meerwarth spent four years in South Asia where they studied local cultures and languages, classical literatures in Sanskrit, Sinhalese and Tamil as well as Malayalam, Hindi and Urdu. They described local social customs and studied Lankan and Indian ethnography. They got acquainted and became friends with many local scholars, famous and influential persons. This allowed the Meerwarths to collect a huge diversified ethnographic collection despite the World War I, when their links with Russia were mostly cut, correspondence and financing became occasional. In the turmoil the Meerwarths did not lose their loyalty to Russia and to the MAE. Upon completion of the expedition in 1918 they made fantastic efforts to return home with a part of their collections and to keep the rest ready in the Museums of Colombo, Madras and Calcutta to be sent to Russia later. Although they returned to the Russian city of Vladivostok in 1918, the Civil War in Russia did not allow their return to Petrograd till August 3rd, 1924. From 1924 to 1930 the Meerwarths did a great work of organizing the permanent exposition on India (South Asia) in the Museum of Anthropology and Ethnography in Leningrad. In 1927 they used the chance to study South Asian collections of Ethnographic Museums in Germany, France and the Netherlands, and succeeded in organizing the exchange of collections between the MAE and Rijksmuseum voor Volkenkunde (Leiden). They were invited to give lectures at various Institutes, developed the basis for teaching Oriental languages in Russian Universities (A.M. Meerwarth — the Tamil, Sanscrit, etc., L.A. Meerwarth — the Malay). The archival materials of which most are published for the first time help to trace the biography of the Meerwarths and to analyze their contribution to the study of Ceylon and India, as well as Ludmila Meerwarth's contribution to Malay (Indonesian) studies.

TABLE OF CONTENTS

Introduction	5
Chapter 1. Organization of the first MAE ethnographic expedition to Ceylon and to India	15
1.1. Predecessors. The first South Asian collections in the MAE ...	15
1.2. Museum of Anthropology and Ethnography as a center for expeditionary research.....	26
1.3. G.H.Ch. Meerwarth and L.A. Meerwarth: early biography	40
1.4. Preparations for the MAE expedition	50
Chapter 2. Expedition to Ceylon and to India: 1914–1918	67
2.1. Expedition to Ceylon: 1914–1915	67
2.2. The expedition routes of the Meerwarths in India: 1915–1918.....	85
2.3. Features of ethnographic work in South Asia	120
2.4. Financing of the expedition in 1914–1918.....	132
Chapter 3. A.M. and L.A. Meerwarth in 1918–1924.....	149
3.1. In the Far East.....	149
3.2. Return to Petrograd	158
3.3. Transportation of collections to the MAE	166
3.4. Creation of the exposition and department of India in the MAE	191

Chapter 4. Results of ethnographic collecting in the field	199
4.1. The composition of the South Asian collections of the MAE, brought by the Meerwarths	199
4.2. Lessons of ethnographic work of L.A. Meerwarth	216
Chapter 5. Scientific legacy, research, teaching, museum work and educational activity of A.M. and L.A. Meerwarth in the MAE in 1924–1930	233
Chapter 6. Scientific trip to Europe in 1927. L.A. Meerwarth and her role in the exchange of ethnographic collections between ethnographic museums	291
Chapter 7. “Academic Trial”. Arrest and later rehabilitation of A.M. Meerwarth (post-humous) and L.A. Meerwarth	367
7.1. The “Academic Trial” of 1929–1930	367
7.2. The arrest of A.M. Meerwarth and L.A. Meerwarth	375
7.3. Rehabilitation of L.A. Meerwarth. Activities in 1933–1965	399
Conclusions	407
Sources and Literature	409
List of Abbreviations	426
Appendix. Academic correspondence (1914–1924) on the expedition of the MAE to Ceylon and to India in 1914–1918	429

ABOUT THE AUTHORS

Igor Yu. Kotin is a historian, ethnographer, author of a number of monographs and articles on the history and ethnography of India and the Indian Diaspora, Prof. (Doctor of Historical Sciences), Senior Research Fellow in the Department of South and South-West Asia, MAE RAS. Professor of St. Petersburg State University.

Nina G. Krasnodembskaya is a well-known Indologist and Lankologist, a specialist in languages, ethnology and culture of the peoples of South Asia, as well as the history of the South Asian collections of the MAE, field ethnographer, Leading Research Fellow in the Department of South and South-West Asia, MAE RAS. Prof. (Doctor of Historical Sciences), Candidate of Philology.

Elena S. Soboleva is a historian, ethnographer, museologist. She is actively working on the publication of collections and archival materials on the history of the MAE, traditional cultures of the peoples of South and South-East Asia. Senior Research Fellow in the Department of South and South-West Asia, MAE RAS. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of St. Petersburg State University.

Научное издание

**Н.Г. Краснодембская,
И.Ю. Котин, Е.С. Соболева**

**ЭКСПЕДИЦИЯ МАЭ
НА ЦЕЙЛОН И В ИНДИЮ
В 1914–1918 гг.
История. Коллекции. Научное наследие**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

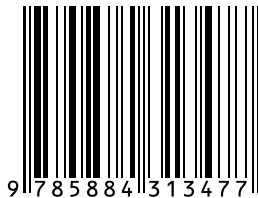
Редактор *М.В. Банкович*
Корректор *Л.Г. Амбросенко*
Компьютерный макет *Н. И. Пашковской*

Подписано в печать 04.04.2018.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 30.
Тираж 150 экз. Заказ № .

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано

ISBN 978-5-88431-347-7



9 785884 313477